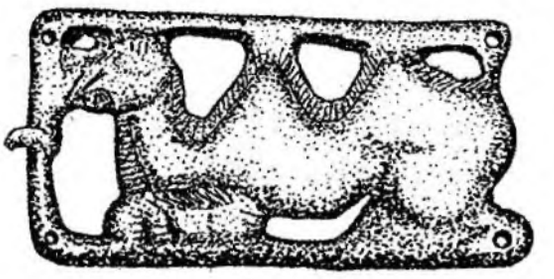


УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

1 1998

Уфимский археологический вестник: Сб. науч. статей. Выпуск 1. Уфа: НМ РБ, 1998. - ... с., илл.

Редколлегия: И. М. Акбулатов (отв. ред.), Р. Б. Исмагилов, А. Х. Пшеничнюк, В. К. Федоров.

Печатается по решению Ученых советов
Института истории, языка и литературы УНЦ РАН и
Национального музея Республики Башкортостан

«Уфимский археологический вестник» представляет собой новое продолжающееся научное издание, тематика которого не будет ограничиваться только вопросами археологии Южного Урала, а охватит весь спектр проблем археологии Евразии и сопредельных территорий от эпохи палеолита до средневековья. Первый выпуск «УАВ», подготовленный совместными усилиями Национального музея Республики Башкортостан и Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, сформирован по тематическому принципу – в нем представлены научные статьи и публикации по проблемам раннекочевнической археологии Евразии. В первом разделе рассматриваются вопросы этногенеза (Р. Исмагил), погребального обряда (Л. Т. Яблонский), отдельные категории погребального инвентаря (С. В. Богданов, В. Н. Васильев) ранних кочевников. Второй раздел «Вестника» вводит в научный оборот целый ряд новых материалов, как погребальных (публикации Б. Б. Агеева, И. М. Акбулатова, А. А. Бисембаева, В. Н. Васильева, А. А. Вильданова, С. Ю. Гуцалова, Р. А. Мигранова, Ф. А. Сунгатова, В. К. Федорова), так и поселенческих (публикация Н. С. Савельева) памятников степного РЖВ. Раздел «Естественно-научные исследования и археология» представляет результаты специальных исследований различных артефактов минерального (В. М. Горожанин, И. М. Минеева) и органического (А. Р. Ишбирдин) происхождения, обнаруженных при археологических раскопках. Завершает сборник статья Н. А. Мажитова, посвященная памяти Байтимира Батырхановича Агеева, первая посмертная публикация которого вошла в 1-й выпуск «УАВ».

© Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 1998
© Национальный музей Республики Башкортостан, 1998

Р. Исмагил
(Уфа, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН)

БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКИЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ*.

Ставшая известной еще в предвоенные годы бегазы-дандыбаевская культура (далее – БДК) Центрального Казахстана (Рыков П. С., 1935), несмотря на масштабы полевых исследований последних лет, продолжает оставаться культурой-загадкой. До сих пор нет полной ясности относительно ее территориальных границ и хронологических рамок существования, генезиса и этнической принадлежности. Особенно остро стоит вопрос об истоках дандыбая, что в немалой степени можно считать причиной неудовлетворительного состояния всего круга проблем с ним связанных.

Основной территорией распространения БДК является область казахстанского мелкосопочника к С от оз. Балхаш (Маргулан А. Х., 1979). В то же время близкие к бегазинским яркие памятники обнаружены далеко от Сары-Арки – в Южном Приаралье (некрополь Северного Тагискена (Толстов С. П. и др., 1963; Толстов С. П., Итина М. А., 1966, с. 151, сл.) и в верховьях Иртыша (могильник Измайловка (Ермолаева А. С., 1987, с. 84-94). Недавно в литературе появились первые данные о наличии поселенческих памятников с многочисленной бегазинской керамикой в Кулундинской степи на Западном Алтае (поселения Бурла 3, Кайгородка 3, Новольинка (Удодов В. С., 1988, с. 107-110). Керамика с нарядной орнаментацией типа бегазинской зафиксирована также в Семиречье (Карабаспакова К. М., 1987, с. 90, сл.), на поселениях Северного (Саргары, Новоникольское (Зданович Г. Б., 1983, с. 78)), Западного** и Восточного Казахстана (Черников С. С., 1960, с. 98, сл.).

На всей этой обширной территории бегазинские памятники не составляют сплошного монокультурного массива, в более или менее значительном количестве скапливаясь лишь в Сары-Арке и спорадически встречаясь за ее пределами. Ареал их распространения, в целом, относится к степной зоне, но это определение, безусловно, нуждается в уточнении. Область казахстанского мелкосопочника представляет собой холмистую, богатую разнотравьем и кустарником степь с многочисленными увалами гранитного происхождения, такими, как, например, Каркаралинские, Кентские и Улытауские горы. Некоторые из этих горных массивов являются настоящими лесными оазисами, хорошо обводненными и с сочными луговыми пастбищами. Степной характер имеет растительность Кулунды, но и здесь имеются более или менее облесенные участки-колки. Памятники Прииртышья находятся в лесостепной зоне. Пожалуй, только Тагискен приурочен к совершенно безлесной, полупустынной местности. В целом, можно отметить, что памятники БДК, нигде или почти нигде не составляя сплошного массива, рассредоточены по обширной территории центральной части степного пояса, обнаруживая, тем не менее, очевидное тяготение либо к окраинным, лесостепным и предгорным его участкам, либо к особым ландшафтным нишам в глубине степи.

Чистых бегазинских поселенческих памятников до сих пор не обнаружено. Так, например, на одном из крупнейших поселений Центрального Казахстана – Кентском – бегазинская керамика залегает в одном слое с многочисленной валиковой, а также с межовской и гончарной среднеазиатской типа Намазга VI (Варфоломеев В. В., 1987, с. 56, сл.). Валиковая и бегазинская посуда встречается совместно также в одних и тех же погребениях Измайловского могильника в Восточном Казахстане (Ермолаева А. С., 1987, с. 64-94) и в большинстве некрополей Центрального Казахстана (Маргулан А. Х. и др., 1966, с. 69-154), хотя и в разных пропорциях. На поселенческих памятниках равнинного Алтая эти две группы керамики находятся в одних слоях вместе с гончарной посудой среднеазиатского происхождения (Удодов В. С., 1998, с. 56).

В то же время в Сары-Арке имеются чистые алексеевско-саргаринские могильники (Айдарлы, Актопрак, Дермен, Донгал, Кзылкент и Киттан) (Маргулан А. Х., 1966, и др., с. 183-186; Варфоломеев В. В., 1987, с. 56), свидетельствующие об известной культурной обособленности саргаринцев от бегазинцев.

Эпоха финальной бронзы в Центральном Казахстане (XIII–VIII вв. до н.э.) знаменуется постепенным переходом населения к скотоводству отгонному, а затем и к кочевому. Тем не менее, на рубеже II–I тыс. до н. э. число алексеевско-саргаринских поселений здесь еще достаточно велико (известно более 40 памятников; Варфоломеев В. В., 1988, с. 84, прим. 1). Их население занималось скотоводством и земледелием, причем в составе стада, судя по ситуации в Северном Казахстане с аналогичными природно-климатическими условиями, в хозяйственной жизни все более значительное место начинает занимать лошадь (Зданович С. Я., 1981, с. 44-56).

На заключительных стадиях бронзового века в степной и лесостепной Евразии на смену эпохе относительно спокойного и постепенного развития куль-

---

* Статья написана в 1991 г.

** Сосуд с дюны Сагиз 1 (разведки Ж. К. Таймагамбетова, 1990 г.).

тур приходит эпоха бурных потрясений, стабильность заменяется динамизмом. В конце II тыс. до н.э. на всем протяжении степей завершился процесс сложения новых культур, которые археологами объединяются в понятие общности культур валиковой керамики (далее – КВК) (Черных Е. Н., 1983, с. 81-99). По мнению большинства исследователей, основу новой общности составили культуры предшествующей эпохи, входившие в срубно-андроновскую общность. Очевидно, это действительно так. Вместе с тем, весь комплекс данных настойчиво сигнализирует о какой-то очень крупной подвижке западного населения далеко на восток, вплоть до предгорий Алтая. В этом плане заслуживает внимания мнение Е. Н. Черных о формировании главного диагностического признака посуды КВК – валика – в среде фракийского населения карпато-дунайских культур Пшеничево-Бабадаг, Кослоджэнь, Ноа (Черных Е. Н., 1983, с. 96-97). Особенно же важно то обстоятельство, что на востоке, в том числе и в Центральном Казахстане, появляется не только типичная сабатиновская керамика с характерным валиком, но и многие формы западного, сабатиновско-белозерского металла и др.

Вся хозяйственная жизнь Евразии во второй половине II тыс. до н.э. проходит под знаком усиливающегося процесса усыхания степей, максимум которого приходится на рубеж II–I тыс. (Гумилев Л. Н., 1967, с. 53-65; Марков Г. Е., 1973, с. 101-113; Ромашко В. А., 1986, с. 120-136). Весьма показателен, например, тот факт, что число памятников в степном Причерноморье в белозерское время (XII–X вв. до н.э.) в десять раз (!) ниже по сравнению с сабатиновским временем (XIV–XII вв.) (Березанская С. С. и др., 1986, с. 158). К рубежу тысячелетий здесь прекращают свое существование последние поселения (не считая кобяковских памятников в устье Дона) (Шарафутдинова Э. С., 1980), что, возможно, было вызвано пиком усыхания, совпавшим именно с этим временем.

Собственно бегазинская керамика типологически – и по форме, и по орнаментации – очень четко отличается от валиковой алексеевско-саргаринской. Переходных форм между ними практически не существует. Наибольшее сходство с бегазинским в пределах Евразии обнаруживает карасукский керамический комплекс, к которому он, вероятно, и восходит (Грязнов М. П., 1952; Черных Е. Н., 1983, с. 96). Недавно структурный анализ глиняной посуды Измайловского могильника провела Т. М. Тепловодская (1988, с. 134-137). Ей удалось установить, что все три типа керамики из этого памятника (карасукско-бегазинская, саргаринско-алексеевская и кувшины), при идентичности сырья, отличаются друг от друга составом теста. Если формовочная масса бегазинской керамики состояла из глины и гранитной (гранитно-гнейсовой) дресвы, то саргаринско-алексеевская включала, помимо названной, также глиняную массу с шамотным и органическим отощителями. Автором исследования отмечается, что идентичные с измайловскими показатели характерны и для валиковой посуды с поселения Атасу в Центральном Казахстане. Указанные отличия отнесены ею на счет разницы технологических (и, добавим, культурных) традиций, что хорошо коррелируется с изложенными выше фактами того же рода.

Лучше понять характер и направление процессов, проходивших в эпоху финальной бронзы в казахстанских степях, позволяют данные, относящиеся к иной территории и эпохе, а именно к скифской культуре раннего железного века Причерноморья.

Собственно скифская культура, как культура определенной группы восточно-иранских кочевников и как транскультурный феномен (термин заимствования мною из работы Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых (1989)) сформировалась в начале I тыс. до н.э. в Центральной Азии. Не позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э., судя по материалам погр. 3 Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье (Исмагилов Р. Б., 1988а, с. 29, сл.), ее носители появляются в Европе. После завершения серии переднеазиатских походов исторические судьбы скифов оказываются окончательно связанными с европейским континентом. В отечественной науке возобладало мнение, что скифская культура (в узком смысле слова) была распространена исключительно в южнорусских степях. Этот вывод противоречит, на мой взгляд, всему комплексу источников, как письменных, так и археологических. Согласно Геродоту, скифы владели в пределах Европы отнюдь не только Кавказом и Северным Причерноморьем. К югу от устья Истра (Дуная) им принадлежала территория, носившая название «древней Скифии» (Геродот, IV ,99), локализацию которой, на мой взгляд, уточняет находка двух очень архаических погребений в курганах у сел Енджа и Белоградец (северо-восточная Болгария) (Исмагилов Р. Б., 1988б, с. 31-32)*. У того же Геродота в качестве «скифских рек» назван целый ряд притоков Истра, протекающих, как известно, на территории Средней Европы (Геродот, IV, 48). Этот комплекс данных античных авторов находился в полном соответствии с чрезвычайно значительным числом скифских и скифоидных погребений с характерным инвентарем и случайных находок из различных районов Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехо-Словакии, Германии и Польши (Rostowzew M., 1931; Parducz M., 1973, S. 37-63).

К этой проблеме непосредственное отношение имеет и долгие годы продолжавшийся в советской историографии спор о границах так называемого «скифского квадрата». Яблоком раздора здесь является вопрос о том, включать или не включать в пределы Скифии синхронные ей лесостепные культуры Украины и России. Законный характер сомнений

---

* В настоящее время автор считает памятники так называемого гумаровского типа Восточной Европы (Гумарово, Енджа, Белоградец и т.д.) киммерийскими, а не раннескифскими.

вызван парадоксальной ситуацией, сложившийся в связи с почти полным отсутствием скифских материалов периода архаики в собственно степных районах и, напротив большим их количеством в лесостепных памятниках бассейнов рек Сулы, Тясмина, Ворсклы, Северского Донца, Сейма. При этом увеличение числа памятников в степи в конце VI–V вв. до н.э. (для этого периода известно около 80 погребений (Мурзин В. Ю., 1984)) и особенно в V–IV вв. (когда в Надпорожье появляется масса курганных могильников), рассматривается обычно как чисто эволюционный процесс внутреннего развития одной и той же культуры и этноса.

Однако в последнее десятилетие все чаще стали раздаваться голоса тех скифологов, кто ставит под сомнение гомогенный характер степной скифской культуры (Погребова М. Н., Раевский Д. С., б.г., с. 1-3; Раевский Д. С., 1988, с. 1-3; Алексеев А. Ю., 1989, с. 85-87). Эти сомнения нашли поддержку у некоторых археологов-античников. Ю. А. Виноградов и К. К. Марченко, впервые обобщившие весь огромный материал по истории взаимоотношений населения сельских поселений античных городов-государств Северного и Северо-западного Причерноморья с местными кочевыми и оседлыми варварами, пришли в серии изданных ими работ к целому ряду чрезвычайно важных и плодотворных выводов (Marchenko K., Vinogradov Y., 1989, P. 803-813; Vinogradov J. A., Marčenko K. K., 1989, S. 539-549). Среди них особое значение имеет установление четкой и надежной периодизации греко-варварских отношений в VIII–III вв. до н.э. Исследователями отмечен различный характер этого взаимодействия на втором (650-475 гг. до н.э.) и третьем(475-430 гг. до н.э.) этапах, красноречиво названных ими, соответственно, как «развитие триединой (т. е. античной, степной и лесостепной подсистем – Р. И.) системы» и «новые кочевники». Причины подобной метаморфозы следует искать в принадлежности варваров второго и третьего этапов к различным культурам скифского круга, которые условно можно назвать «центрально-азиатской» и «алтайской» волнами. Что касается памятников четвертого, по периодизации Ю. В. Виноградова и К. К. Марченко, этапа (430-300 гг. до н.э.), то мною недавно было высказано предположение о нескифской вообще их принадлежности. Многочисленные степные курганы, концентрирующиеся вокруг знаменитых «царских» захоронений якобы «классической скифской культуры», следует считать сарматскими, а в их первой волне видеть собственно сарматов царских (саев) (Исмагилов Р. Б., в печати), известных, впрочем, уже Геродоту в качестве «царских скифов» (Геродот, IV, 20, 56). Несомненное восточное происхождение главнейших особенностей этой новой для Причерноморья культуры, особенно катакомбно-подобных типов могил, позволяет видеть в ее носителях выходцев из среды саков Семиречья и Хорезма, в меньшей степени – дахов (даев) Восточного Закаспия и Южного Приуралья. Вероятно, с этой волной можно связывать и появление в районе днепровских порогов, на р. Конке, и нового гидро- этно- топонима «Герры» (Геродот, IV, 19, 20, 47, 56, 71), очень близкого по звучанию к среднеазиатским восточноиранским (?) названиям типа «Харайва», «Герат», «Герируд», «Хорезм». В народе герров, как я считаю, можно видеть зависимое от сарматов, местное по происхождению ремесленное население Каменного городища на Днепре.

Перечисленные выше выводы, важные уже сами по себе, позволяют в совершенно новом свете рассмотреть этнополитическую ситуацию в Северном Причерноморье в предшествующее, собственно скифское, время. Прежде всего, мы, очевидно, должны навсегда похоронить надежду обнаружить в более или менее значительном количестве памятники собственно скифской культуры периода архаики и степи. Ее черты могли проявляться (и действительно проявляются) только в зоне памятников оседлого населения лесостепной полосы Украины и России в виде отдельных скифских захоронений или целых воинских (дружинных) некрополей (Ильинская В. А., 1968, с. 177, сл.) и, конечно же, повсюду встречающихся вещей так называемой скифской триады. С той же пространственной моделью взаимодействия пришлых скифов с зависимым оседлым местным населением, очевидно, мы имеем дело и в Передней Азией, срединной Европе, Волго-Камье (ахмыловско-ананьинская культура), Северном Кавказе и Закавказье (кобанская, ходжалы-кедабекская (?) и меотская культуры), т.е. везде, где есть значительные проявления скифской культуры в иноэтнической и инокультурной среде. Совсем не исключено, что политическое взаимодействие кочевников-скифов и покоренных ими оседлых или полуоседлых скотоводов и земледельцев способствовало формированию и таких культур, теперь уже азиатского региона, как тагарская и др. Модель пространственного взаимодействия скифов с зависимыми от них племенами сложилась как результат примитивной формы политического устройства, основанного на завоевании одного этноса другим и способности осуществлять внеэкономическое принуждение первой части населения второй только из положения постоянного непосредственного контакта между ними.

Но вернемся в казахстанские степи. Из немногочисленных работ, посвященных происхождению БДК, заслуживает определенного внимания статья В. А. Кореняко (1990, с. 28-40), который сделал основной упор на социологические интерпретации имеющихся фактов.

Следует признать по большей части справедливой сделанную им критику работ предшественников и согласиться с его доводами в пользу действительного существования среди бегазинских погребальных сооружений двух групп, связанных с захоронениями «богатых» (циклопические сооружения типов I–V, по классификации В. А. Кореняко) и «бедных» (упрощенные сооружения типов VI–VIII)

членов общества, хотя, несомненно, реально градация общества была более сложной. Очевидно, прав В. А. Кореняко, говоря и о существовании «саргаринско-бегазинской общности», правда, оставив задачу вскрытия механизма этой общности за пределами своей работы. Он не смог, как мне кажется, определить место бегазинского феномена в структуре названного культурного симбиоза, сознательно ограничив свою задачу констатацией в казавшемся однородно-элитарным бегазинском континууме ярких признаков социального ранжирования.

Более перспективным и злободневным на данном этапе исследования представляется установление типологического параллелизма бегазинского феномена с каким-либо иным, лучше изученным, например, скифским. На мой взгляд, их объединяет следующее.

1. Преобладание погребальных памятников над поселенческими;

2. Ярко выраженный военизированный характер;

3. Элитарный характер (монументальность и сложность погребальных сооружений, богатство заупокойного инвентаря, высокий социальный статус значительной части погребенных);

4. Преимущественно дискретный характер проявления при одновременном существовании особых зон концентрации памятников (огромные многочисленные «дружинные» кладбища скифов в Посулье и большое количество бегазинских некрополей в южной части Сары-Арки);

5. Тяготение к лесостепным и предгорным участкам на периферии степной зоны или к ландшафтным нишам в глубине степи, занятым оседлым инокультурным населением и чересполосное или совместное с ним проживание;

6. Транскультурный характер образования, отсюда – значительная вариабельность и эклектичность погребального обряда и особенно материальной культуры, большинство форм которой заимствовано у оседлых соседей, т. е. высокая целевая предрасположенность к «культурной мимикрии» в некоторых сферах жизнеобеспечения; наличие множества локальных вариантов культуры.

Резюмируя, остается сделать вывод, что бегазинский феномен мог быть, скорее всего, первым известным нам кочевым объединением на территории Казахстана, типологически однородным с синхронным ему киммерийским (черногоровским) и более поздним скифским объединениями раннеклассового типа на юге Восточной Европы. Экономической основой его функционирования являлось кочевое скотоводство; политической – обеспеченная за счет военного превосходства эксплуатация обложенного данью и подверженного грабежам иноэтничного оседлого и полуоседлого населения Центрального, Северного, Восточного, отчасти, Южного и Западного (?) Казахстана, Семиречья и равнинного Алтая. Этническое ядро БДК составляли, вероятно, выходцы из восточных районов Евразии, в культурном отношении близкие к карасукскому населению. Причину гибели союза, просуществовавшего около двух–трех столетий(X–VIII вв. до н.э.), следует, очевидно, видеть, в поглотившем его и , вероятно, частично увлекшем, на запад, скифском нашествии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Ю. А., 1989. Великая Скифия или две Скифии? // Скифия и Боспор. Археологич. Материалы к конференции памяти акад. М. И. Ростовцева. Новочеркасск.

Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. И., Шарафутдинова И. Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Варфоломеев В. В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Грязнов М. П., 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. XVI.

Гумилев Л. Н., 1967. Роль климатических колебаний в истории номадов степной зоны Евразии // История СССР. М.

Ермолаева А. С., 1987. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.

Зданович Г. Б., 1983. Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зданович С. Я., 1981. Новые материалы к истории скотоводства в Зауралье и Северном Казахстане в эпоху финальной бронзы // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.

Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Исмагилов Р. Б., 1988а. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29.

Исмагилов Р. Б., 1988б. Локализация «Древней Скифии» Геродота // Тез. Докл. Участников обл. Семинара руководителей кружков юных археологов и организация археологических экспедиций с участием школьников. Донецк.

Исмагилов Р. Б., в печати. Об этнокультурной принадлежности памятников V–III вв. до н.э. степного Причерноморья.

Карабаспакова К. М., 1987. К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-восточного Семиречья и их связь с памятниками Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Кореняко В. А., 1990. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. №2.

Маргулан А. Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Маргулан А. Х. и др., 1966. Древняя Культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Марков Г. Е., 1973. Некоторые проблемы возникновения ранних этапов кочевничества в Азии. М.

Мурзин В. Ю., 1984. Скифская Архаика Северного Причерноморья. Киев.

Погребова М. Н., Раевский Д. С., б.г. К изучению проблемы происхождения скифов и формирование скифской культуры (отд. оттиск).

Раевский Д. С., 1988. Киммерийцы и скифы у Геродота: этноисторическая реальность или умозрительная конструкция? // Тезисы Артамоновских чтений. Л.

Ромашко В. А., 1986. Природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения пограничья Степи и Лесостепи Левобережной Украины на рубеже II–I тыс. до н.э. // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Рыков П. С., 1935. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // ИГАИМК. Вып. 110.

Тепловодская Т. М., 1988. Структурный анализ керамики Измайловского могильника // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и – бронзового веков Южной Сибири. Тез. докл. и сообщ. Барнаул.

Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.

Толстов С. П., Итина М. А., 1966. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА. №2.

Удодов В. С., 1988. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез. докл. и сообщ. Барнаул.

Черников С. С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. №88.

Черных Е. Н., 1983. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.

Шарафутдинова Э. С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. Вып. В1-11.

Marchenko K., Vinogradov Y., 1989. The Scythian period in northern Black Sea region (750-250 BC) // Antiquity, 63.

Parducz M., 1931. Probleme der Scythenzeit im Karpatbecken // AAH.

Rostowzew M., 1931. Skythien und der Bosporus. Berlin.

Vinogradov J. A., Marčenko K. K., 1989. Das nördliche Schwarzmeergebiet in der skythischen Epoche (Periodisierung der Geschichte) // Klio, 71.

Л. Т. Яблонский
(Москва, Институт археологии РАН)

МНОГОАКТНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ПОДЗЕМНЫХ СКЛЕПАХ ПРИСАРЫКАМЫШЬЯ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА

Впервые многоактное захоронение в большой яме с дромосом и деревянным перекрытием шатрового типа было подробно описано М. И. Ростовцевым, который характерным набором инвентаря датировал его ранней стадией прохоровской культуры (1918, с. 8,10). Погребение было раскопано им на территории современной Оренбургской обл.

Позже целая серия подобных сооружений была исследована К. Ф. Смирновым. Наиболее ранние из них (например, к-и у хутора Барышниково) автор раскопок датировал V в. до н. э. (1966, с. 37). Группа близких по конструкции сооружений была раскопана М. Г. Мошковой в Орском р-не Оренбургской обл. Под насыпью к. 20 оказалась могильная яма размерами 7,5 х 5,5 м. В центре ее располагалась яма от опорного столба, поддерживающего конструкцию перекрытия. Еще несколько столбовых ям было зафиксировано вдоль бортов камеры. С южной стороны к склепу примыкал вход – дромос. По-видимому, склеп имел шатровое перекрытие (1972, с. 37). В дальнейшем раскопки, проведенные на территории Оренбургской обл., позволили выявить принципиально сходные сооружения в курганной группе Мечет-Сай и других (Смирнов К. Ф., 1975, с. 47; Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1972, с. 291). Оказалось, что почти аналогичные конструкции были распространены и в Южном Зауралье, на территории современной Челябинской обл., причем нижняя дата для некоторых из них опускалась до 2-й пол. VI в. до н. э. (Хабдулина М. К., 1976, с. 33-34). Шатровое сооружение в к-не Темир авторы раскопок датировали V – началом IV в. до н.э. Такие признаки погребений, как дромос и южная ориентировка захороненных, рассматривались в качестве характерных именно для Южного Приуралья и присущих савроматской и раннесарматской культурам (Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., 1987, с. 47-64; Очир-Горяева М. А., 1988, с. 7). Формирование близкого обряда на территории к востоку от Урала также относят к V-IV вв. до н.э. (Васильев В. И., Могильников В. А., 1981, с. 59). Есть основания полагать, что после IV в. до н. э. коллективные погребения в ямах с дромосами в Приуралье уже не встречаются (Мошкова М. Г., 1963, с. 18). Этот тезис нашел новое подтверждение в недавней сводке соответствующих археологических материалов (Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988, с. 143).

Но с IV в. до н. э. аналогичные сооружения появляются на Дону (Либеров П. Д., 1965; Игнатов В. Н. и др., 1979, с. 148-149; Смирнов К. Ф., 1982, с. 125-130) и прежде всего, в районе дельты (Максименко В. Е., 1983, с. 54). С III в. до н.э. они фиксируются и западнее. В. Е. Максименко аргументировано связывал истоки этого специфического погребального обряда с населением савроматского времени Заволжья и Приуралья (там же, с. 64,127). Таким образом, создается впечатление о том, что корни рассматриваемого здесь погребального обряда надо искать именно в Приуральском регионе.

В связи с этим, специального внимания заслуживают близкие по особенностям конструкции погребальные камеры, исследованные на территории современного левобережья низовий Амударьи (Ташаузская обл. Туркменской ССР). Речь идет о целой группе асинхронных памятников, раскопанных здесь Хорезмской экспедицией ИЭ АН СССР.

Материалы из раскопок коллективных погребений из могильника Тумек-Кичиджик были полностью опубликованы (Лоховиц В. А., 1979, с. 139-141). Многоактные захоронения совершались в неглубоких подквадратных ямах, имеющих вход с северной стороны. Вход обозначали плитами известняка. В каждой камере было захоронено от 10 до 20-25 человек. Кости ранее захороненных при последующих захоронениях сдвигались. Исключением служит лишь одно из четырех раскопанных сооружение, в котором удалось зафиксировать северную, южную и восточную ориентировку погребенных. Рядом со склепами были обнаружены захоронения в ямах с подбоями и катакомбами, причем, все они, по мнению автора раскопок, должны быть датированы в пределах I в. до н.э. – II в. н.э. (там же, с. 146).

Остальные сооружения с дромосами, известные на территории Присарыкамышской дельты, были исследованы автором этой статьи. Шесть из них раскопаны в могильнике **Сакар-чага I**, где было раскопано также свыше 40 подкурганных захоронений в ямах с подбоями (Яблонский Л. Т., 1982, с. 482-483; он же, 1986, с. 190-197).

Сооружение 11 (рис. 1). Камера неправильной подпрямоугольной формы, была ориентирована меридионально. С юга к юго-восточному углу ямы подходил вход – дромос. Размеры камеры 365 х 225, глубина 138 см*. Дромос имеет длину 185, ширину в устье 110 при глубине 58 см. На дне были обнаружены пять скелетов; все в вытянутом положении, на спине, головой на Ю. Три из них принадлежали мужчинам, один – женщине и один – ребенку. При одном из мужских захоронений были найдены железный нож и кости овцы – передняя нога с лопаткой и часть задней ноги.

Сооружение 18 (рис. 2). Дромос не прослежен. Погребальная камера четырехугольная, размеры 450 х 385, глубина 89 см. Длинной осью она была ориентирована меридионально. В яме содержались остан-

* Здесь и далее указана глубина от уровня погребенной почвы.

ки не менее чем 29 индивидуумов. Среди них 15 мужчин, 10 женщин и 4 ребенка. Некоторые скелеты находились в анатомическом порядке, кости большинства были смещены, но некоторые из частей скелетов лежали в сочленениях. Среди человеческих костей, залегающих в четыре слоя, находили кости овцы (чаще всего – передней конечности с лопаткой), а также предметы сопровождающего инвентаря. На дне камеры четыре скелета лежали в анатомическом порядке. Все четверо погребенных были захоронены одновременно и уложены рядом на спину, в вытянутом положении, головой на С.

Сооружение 25. Могильная яма прямоугольной формы с размерами 370 х 225, глубиной 139 см. Длинной осью она была ориентирована меридионально, а с юга к ее юго-восточному углу подходил вход – дромос длиной 120 и шириной в устье 100 см. В пределах дромоса были обнаружены крупные известняковые плиты, которыми периодически перекрывали вход в камеру. Внутри ее были расчищены остатки шести человеческих скелетов. Три из них были найдены в полностью разрушенном состоянии под южной стенкой камеры. Остальные погребенные были уложены на спину, в вытянутом положении, два – головой на Ю, а один – на З. На полу был найден круговой красноглиняный сосуд.

Сооружение 27 (рис. 3). Погребальная камера по форме приближается к прямоугольнику с размерами 330 х 250, глубина 150 см. Она была ориентирована меридионально с небольшим отклонением. С юга ближе к юго-восточному углу, к камере примыкал вход – дромос, выполненный в виде канавки с наклонным в сторону ямы дном. Длина дромоса 165, ширина в устье 80 см. Вдоль бортов ямы на поверхности погребенной почвы была прослежена выкладка из обломков известняковых плит. Плиты больших размеров были обнаружены в пределах дромоса и использовались для перекрытия входа в камеру. В яме были зафиксированы остатки не менее чем 26 скелетов. Один из них, принадлежавший ребенку, был найден у края ямы, под завалом известняка. Ребенок был уложен на спину, головой на Ю. В других случаях, там, где это возможно было установить, скелеты лежали черепами на З или на С. В восточной стенке ямы, ближе к ее юго-восточному углу, была обнаружена подбойная ниша глубиной 40 и длиной 105 см. Дно подбоя располагалось на 29 см. выше пола камеры. Внутри подбоя было обнаружено беспорядочное скопление костей детского скелета. Среди человеческих скелетов встречались кости овцы, отдельные предметы сопровождающего инвентаря, принадлежность которых к тому или иному погребенному, как правило, не устанавливается.

Сооружение 39 (рис. 4, 5). Камера прямоугольная, размерами 375 х 225, глубиной 157 см. Длинная ось камеры была ориентирована меридионально. К южной стенке камеры примыкал дромос трапециевидной в плане формы, длиной 200 и шириной 100 см. Дно его полого спускалось в направлении камеры, в которой было захоронено не менее 10 человек. Почти все скелеты были разрушены, но некоторые их части лежали в анатомических сочленениях.

В восточной стенке ямы была обнаружена подбойная ниша глубиной 40 см. В ней был найден скелет ребенка, лежащий в анатомическом порядке, вытянут на спине, головой на С. В анатомическом порядке лежали еще два скелета на полу камеры. Один из погребенных был уложен на спину, головой на Ю, с вытянутыми руками и слегка поджатыми ногами (колени были направлены к З). Другой – на спине, в вытянутом положении, головой на В. В камере была найдена круговая красноглиняная миска.

Сооружение 44 (рис. 6, 7). Погребальная камера по форме приближается к прямоугольнику с размерами 540 х 420, глубиной 97 см. Длинная ось ямы ориентирована широтно. С ЮЗ к камере примыкал дромос длиной 170 и шириной 145 см, спускающийся в камеру двумя ступеньками. На глубине 35 см по периметру камеры прослеживались уступы-заплечики шириной 10-40 см. В центральной части на дне зафиксирована столбовая яма диаметром 46 и глубиной 45 см, рядом – скопление обломков известняка (остатки забутовки вокруг опорного столба перекрытия). Еще одно небольшое углубление диаметром 8 см было выявлено в полу камеры у южной ее стенки.

В западной стенке камеры были обнаружены четыре подбойные ниши длиной от 30 до 85 и глубиной от 7 до 35 см. Уровень дна ниш на 20-25 см превышал уровень пола основной камеры. Высота потолков подбоев – 10-35 см. В одной из ниш был найден скелет ребенка, в другой – мелкие угольки (остатки костра). Остальные ниши были пусты, но, возможно, и они содержали скелеты детей, которые не сохранились.

Лишь некоторые скелеты, найденные в пределах основной камеры (на полу и в ее заполнении), лежали в анатомическом порядке. Один из них принадлежал молодой женщине, уложенной на спину, в вытянутом положении, головой на В. Другой погребенный (мужчина) был положен на спину, головой на Ю, в «позе всадника». Еще один погребенный был уложен на спину, головой на С, левая кисть располагалась в области живота. Общее количество найденных в камере человеческих костей не соответствует числу скелетов. Надо полагать, что часть скелетов была выброшена из ямы. В заполнении камеры были найдены круговые и лепные сосуды, глиняные пряслица, бусы.

Все описанные сооружения демонстрируют более или менее единообразный погребальный обряд, основные характеристики которого представляются следующими.

Захоронения совершались в больших прямоугольных ямах, длинной осью ориентированных, как правило, меридионально. В погребальную камеру вел вход–дромос, имевший наклонное ровное или ступенчатое дно и примыкавший к камере с южной стороны, чаще всего – ближе к ее юго-восточному углу. Вход в погребальную камеру периодически закладывали плитами известняка. Иногда плитами

отмечали начало дромоса на дневной поверхности. По периметру камеры лежали иногда обломки известняка, которые, скорее всего, имели отношение к конструкции перекрытия. В сооружении 44 плиты отсутствовали, но по периметру камеры был сделан земляной заплечик. Однажды в центре камеры была зафиксирована яма от опорного столба, что наряду с другими элементами конструкции, дает возможность предположительно реконструировать деревянное перекрытие в виде шалаша, возвышающееся над заглубленной частью склепа.

Во всех камерах захоронения совершались последовательно. При этом количество погребенных в разных сооружениях варьирует от четырех до тридцати человек. В камерах, содержавших большое количество погребенных, новые захоронения сопровождались разрушением предыдущих. Сдвигались как полуразложившиеся останки людей, так и предметы сопровождающего инвентаря. В ряде случаев на дне камер фиксировалась подсыпка из стерильной супеси, мелкие скопления угольков. В каждом сооружении захоранивали взрослых обоих полов и детей всех возрастов.

В стенках некоторых камер фиксировались подбойные ниши, всегда небольших размеров, видимо, детские. Они располагались, как правило, в привходовой части камеры. Можно предполагать, что людям, хоронившим в сооружениях, был известен подбойный обряд захоронения, но использовали его только при погребении детей, да и то не всех. Возможно, что данный коллектив постепенно переходил к использованию подбойного способа захоронения.

Стойкой для данной группы погребальной традицией надо считать обычай укладывать в могилу заупокойную пищу, представленную, в частности, кусками овечьей туши, чаще всего – передней ногой с лопаткой и частью грудинки.

Наличие дромосов и перекрытий предполагает длительность функционирования каждого склепа. Вместе с тем, характер заполнения камер, отсутствие следов погрызов от зубов хищников на костях скелетов, делает вероятным предположение, что каждое захоронение присыпали. Так, например, сооружение 27 оказалось заполненным до уровня погребенной почвы.

Скелеты, сохранившиеся в анатомическом порядке (очевидно, относительно наиболее поздние по времени захоронения), дают возможность судить о том, что чаще всего хоронили на спине, в вытянутом положении. При этом к ориентировке головы погребенного определенных требований не предъявлялось.

Наличие в камерах анатомически сочлененных костей скелетов свидетельствует о кратковременности промежутков между подзахоронениями. С другой стороны, некоторые кости скелетов, сдвинутые к стенкам камер, лежали в виде компактного скопления отдельных костей, что может говорить о длительном периоде функционирования склепа.

Погребальный инвентарь сравнительно беден и маловыразителен (рис. 8). Широкую хронологию дают спиралевидные серьги из бронзовой проволоки (рис. 8, 1,4-7). На Памире древнейшие из них известны в захоронениях V-II и IV-III вв. до н.э. (Литвинский Б. А., 1976, с. 60). На поселениях и в могильниках правобережного Хорезма их датируют V-IV вв. до н.э. (Воробьева М. Г., 1973, с. 143; Гудкова А. В., Манылов Ю. П., 1981, с. 164). То же относится и к бронзовым подвескам с расширяющимися концами (рис. 8, 2,3). Помимо Хорезма, они известны только в склепах Узбоя, где датируются обычно последними веками до н.э. и первыми веками н.э. (Юсупов Х., 1986, с. 54). Широкую дату в пределах 2-й пол. I тыс. до н.э. – первых вв. н. э. дают и остальные предметы сопровождающего инвентаря: железные ножи (рис. 8, 16,17), пряслица, сделанные из стенок круговых сосудов (рис. 8, 13-15), бусы (рис. 8, 11,12), бронзовый перстень с шишечкой на щитке (рис. 8, 9). Бронзовые серьги из спаянных между собой полуколечек (рис. 8, 8) не имеют аналогий в Средней Азии.

Очевидно, что в этих условиях, при определении даты сооружений первостепенное значение приобретает характерный керамический комплекс (рис. 9), часть которого находит близкие аналогии в стратифицированных поселениях Хорезма. В сооружениях могильника Сакар-чага I помимо лепной круглодонной керамики (рис. 9, 5-7) представлено четыре вида круговой:

1) Хум со слабо отогнутым венчиком и слегка выпуклым дном, отделенным валиком (рис. 9, 9). Имеет аналогии в слоях Кюзели-гыра (Воробьева М. Г., 1958, с. 332-333; она же, 1959, с. 69-71) и в Дингильдже (Воробьева М. Г., 1973, с. 120-121, рис.38, 5), где сходные формы стратиграфически датированы V в. до н.э.

2) Фрагмент крупного кругового сосуда (рис.9, 8). Тесто красновато-коричневого цвета, с примесью толченого гипса.

3) Красноангобированные миски или чаши (рис.9, 2,3,4). Близкие им по форме сосуды в больших количествах находили в слоях Дингильдже. Они соответствуют типу 14 по классификации М. Г. Воробьевой (1973, с. 129, рис.38, 43-45,47,48,50-53).

4) Красноангобированный кубок, представленный единственным экземпляром из сооружения 18 (рис.9, 1).

Надо признать, что в целом комплекс круговой керамики из Сакар-чага имеет аналогии с керамикой из верхних слоев Кюзели-гыра и Дингильдже и сочетает в себе особенности сосудов архаического и раннекангюйского периодов истории Хорезма. Это предполагает в качестве нижней даты сакарчагинских сооружений 2-ю пол. V в. до н.э. Вместе с тем, другие находки, в том числе бусы, заставляют расширить возможные хронологические рамки функционирования сакарчагинских склепов до III в. до н.э. Такая дата (V-III вв. до н.э.) не исключает возможности сосуществования во времени наиболее поздних захоронений в склепах с наиболее ранними подбойными захоронениями того же могильника,

основное количество которых датируется в пределах IV-II вв. до н.э. (Яблонский Л. Т., 1986, с. 193).

На той же возвышенности Сакар-чага были раскопаны и другие коллективные многоактные захоронения в больших ямах с дромосами. Большой интерес вызывает ***сооружение 33*** в могильнике ***Сакар-чага 6*** (рис. 10). Под насыпью была обнаружена погребальная камера подквадратной в плане формы со стороной 400, глубиной 100 см. К южной стенке камеры примыкал дромос длиной 2,7 и шириной 1,3 м. Предвходовая часть дромоса представляла в плане сегмент с размерами 4,5 х 2,3 м. Дромос наклонно спускался к камере тремя ступеньками. В устье дромоса залегала плотно сложенная кладка из рваных плит известняка. Восточная стенка дромоса была снесена грабительской траншеей, вырытой параллельно дромосу, в обход каменной закладки. На дне камеры были зафиксированы следы столбовой конструкции перекрытия – две столбовые ямы в центральной части (диаметром 25 и 30 при глубине 5 и 12 см). Кроме того, в южном углу камеры были выявлены следы от установки кольев – 7 углублений в известняковом дне диаметром 5-7 см. Камера была ограблена, и кости приблизительно 40 захороненных в ней людей сброшены в СВ угол помещения. Некоторые из костей находились в анатомических сочленениях. Среди них были найдены кости овцы, коровы и рыбы. Здесь же лежали немногочисленные предметы, оставшиеся после ограбления: фрагменты лепных и круговых сосудов, бронзовый перстень с шишечкой на щитке, бронзовые проволочные спиралевидные серьги в 1,5 оборота диаметром 12 мм, три стеклянные бочковидные бусины синего цвета с перетяжками по краям, дисковидное пряслице из стенки кругового сосуда.

В погребальной камере было захоронено не менее 38 человек, из которых: 15 (35,5%) – мужчины, 10 (26,3%) – женщины, и 13 (34,2%) – дети, умершие в возрасте до 15 лет.

Датирование сооружения затруднено бедностью и невыразительностью инвентаря. Наиболее вероятная дата его функционирования – последние века до н.э. и первые века н.э., что позволяет предполагать синхронность данного сооружения с коллективными погребениями могильника Тумек-Кичиджик.

Одно весьма своеобразное ***сооружение 47*** было раскопано в том же могильнике **Сакар-чага 6**. Погребальная камера этого сооружения была перекрыта насыпью, окруженной рвом. Она имела правильную, прямоугольную в плане форму с размерами 525 х 425 при глубине 78 см. (рис. 11). Вблизи ЮЗ угла камеры открывался вход-дромос, который четырьмя ступеньками поднимался в направлении рва. Устье дромоса на входе в камеру было плотно заложено плитами из рваного известняка.

Внутри погребальной камеры прослеживалась конструкция перекрытия. К ней имела отношение канавка шириной 15-20 и глубиной 8-15 см, пробитая в известняковом дне камеры, вдоль всего периметра ее стен. По углам имелись углубления для опорных столбов диаметром 25-52 и глубиной 14-16 см. Еще пара столбов стояла посередине юго-западной и северо-восточной стен. В центре помещения была обнаружена столбовая яма диаметром 65 и глубиной 8 см. На дне каждого углубления для столба лежал подтесанный обломок известняковой плиты, который имитировал базис колонны, поскольку, в данном случае, эти подставки под столбы не имели функционального значения: столбовые ямы были выбиты в плотном слое известняка. Вокруг центральной ямы лежали обломки известняка, которые крепили основание столба. Две столбовые ямы небольших размеров располагались в полу камеры возле устья дромоса. Это позволяет предполагать, что часть входа также была перекрыта.

Рядом с центральной столбовой ямой, на полу камеры были найдены обломки лепного сосуда с закопченной снаружи и изнутри поверхностью. Внутри сосуда содержались угольки. Эта ситуация напоминает зафиксированный в письменных источниках обычай индо-иранцев, связанный с особым почитанием центрального опорного столба в жилых постройках. Дромосные склепы могильника Сакар-чага 1 своей планировкой и конструкцией похожи на полуземлянки, но выполнены они были достаточно примитивно. В данном же случае налицо особая тщательность планировки сооружения и исполнения отдельных элементов конструкции сооружения. И все же конструктивные особенности сооружения живо напоминают склепы могильников Сакар-чага 1 и Сакар-чага 6 (сооружение 33).

Существенное отличие склепа 47 от остальных состоит в том, что его погребальная камера содержала не остатки трупоположений, а около двух десятков разнотипных сосудов, служивших в качестве костехранилищ – все сосуды были заполнены предварительно очищенными костями человеческих скелетов. В рамках этой статьи я не имею возможности провести детальный типологический и хронологический анализ оссуариев – это задача специального исследования. Здесь лишь укажу, что по ряду признаков оссуарии из сооружения 47 должны датироваться в пределах II-III вв. н.э.

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют, как будто, о том, что обряд многоактных захоронений в склепах с дромосами существовал на территории левобережного Хорезма в течение длительного промежутка времени – на протяжении всей 2-й пол. I тыс. до н.э. и в первые века н.э. В основе своей он сохранился здесь и в период массового перехода хорезмских скотоводов к обряду захоронения предварительно очищенных костей, обнаруживая устойчивость традиции.

Сходные, по существу, погребальные обычаи фиксируются в смежных с левобережным Хорезмом регионах и, прежде всего, на Узбое, где были вскрыты многочисленные наземные, правда, склепы из известняка, содержавшие многоактные захоронения, сопровождавшиеся разрушением предыдущих. Уз-

бойские склепы представляют два хронологических периода – IV-II вв. до н.э. и II в. до н. э. – II в.н.э. (Юсупов Х., 1973; он же, 1975; он же, 19, он же, 1986). Сходство узбойских сооружений с присарыкамышскими несомненно. Оно проявляется как в самой сути погребального обряда, так и в наборе сопровождающего инвентаря. Основное отличие состоит в использовании на Узбое наземных конструкций. Кроме того, в отличие от узбойских, в хорезмских склепах ни разу не были найдены предметы вооружения.

Поиск ближайших аналогий в Приаралье приводит в дельту Сырдарьи, где было раскопано коллективное погребение Баланды 4 (Толстов С. П., 1962, с. 179-180). Прямоугольная погребальная камера была ориентирована меридионально. Судя по опубликованному чертежу, к ЮВ углу подходил дромос. В камеру было последовательно совершено семь захоронений в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ. Один из погребенных лежал в «позе всадника». Наконечниками стрел погребение было датировано IV-II вв. до н.э. (там же, с. 180).

Сравнительно недавно камеры с многоактными погребениями были обнаружены вблизи южных чинков Устюрта. Эти погребальные комплексы были определены как савромато-сарматские и датированы V-IV вв. до н.э. (Ягодин В. Н., 1987, с. 133; он же, 1988, с. 504).

С учетом накопленных за последние годы новых археологических материалов гипотеза о специфически приуральском варианте погребального обряда с дромосами нуждается в корректировке. В Приаралье этот обряд имел столь же древние корни.

Конечно же, нельзя говорить об абсолютных аналогиях в проявлении этого обряда в Приуралье и в Приаралье. Ни в одном из приуральских сооружений не было зафиксировано 20-30 скелетов. Кроме того, в отличие от бедных инвентарем приаральских захоронений, приуральские выгодно отличаются в этом плане своим богатством (Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988, с. 143). И все же определенный параллелизм в формировании основных черт погребального обряда скотоводческого населения обоих регионов представляется достаточно определенным. Это явление отмечалось и раньше, оно лежит в основе гипотезы о том, что коллективные захоронения с дромосами Южного Приуралья возникли при непосредственном участии пришельцев с юга (Железчиков Б. Ф., 1988, с. 61; Пшеничнюк А. Х., 1982, с. 76). Этот вопрос, впрочем, еще нуждается в специальной разработке. Существует и «западная» (маловероятная, на мой взгляд) версия возникновения этого обряда в Приуралье и Зауралье (Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988, с. 145). На современном уровне наших знаний, больше, очевидно, оснований предполагать, что этот обряд формировался одновременно в различных районах Урало-Аральского региона, но в процессе его окончательного оформления и дальнейшего развития в каждом из этих районов сказывалась конкретная социально политическая ситуация.

Это утверждение можно кратко проиллюстрировать следующим. Как известно, левобережье нижнего течения Амударьи во 2-й пол. I тыс. до н.э. являлось скотоводческой периферией Хорезмского государства. Уже само по себе это обстоятельство самым непосредственным образом повлияло на историческую судьбу присарыкамышских скотоводов. Массовый характер захоронений в одной погребальной камере со всей очевидностью отражает малоподвижность местных скотоводческих коллективов, хотя нельзя исключить и полной оседлости некоторых из них при пастушеской основе способа хозяйствования. В этом контексте достаточно многозначительным представляется факт отсутствия в присарыкамышских склепах предметов вооружения, ярко выраженных признаков социальной дифференциации в коллективах. Очевидно, именно Хорезмское государство осуществляло функции по обеспечению защиты населения от военной угрозы, в то время как большая часть рядового населения занималась лишь созданием основных благ, вооружаясь в случае крайней необходимости. Это имело место и в других земледельческих оазисах Средней Азии и Казахстана (Агеева Е. И., 1961, с. 36). Скотоводы Хорезма находились в зависимости не от собственной аристократии, которая в условиях государственности либо утратила свое политическое значение, либо потеряла реальную связь с бывшими сородичами, а находились в зависимости от государственно-административных структур. Эти и другие особенности определили, в конечном счете, специфику материальной и духовной культуры скотоводов, постоянно проживающих на территории Присарыкамышской дельты Амударьи, что нашло отражение и в оформлении их погребального обряда. И хотя приуральские и приаральские скотоводы имели, по всей видимости, общую этнокультурную основу, исторические судьбы их, постоянно переплетаясь на протяжении всего скифо-сарматского периода, складывались достаточно своеобразно. Некоторые элементы этого своеобразия несут и данные погребального обряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеева Е. И., 1961. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // ТИИАЭ АН Каз.ССР. Т. 12.

Васильев В. Н., Могильников В. А., 1981. Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири эпохи железа // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Воробьева М. Г., 1958. Керамика с городища Кюзелигыр // ТХАЭЭ. Т. II.

Воробьева М. Г., 1959. Керамика Хорезма античного времени // ТХАЭЭ. Т IV.

Воробьева М. Г., 1973. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме. МХЭ. Вып. 9.

Гудкова А. В., Маныпов Ю. П., 1981. Могильник у городища Базар-кала // Культура и искусство древнего Хорезма. М.

Железчиков Б. Ф., 1988. Степи Восточной Евразии в VI-II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез.докл.конф. Азов.

Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., 1987. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Игнатов В. Н., Колесник В. П., Мамонтов В. И., 1979. Раскопки курганов в Волгоградском междуречье // АО-1978. М.

Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31.

Литвинский Б. А., 1976. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (в древности и средние века). М.

Лоховиц В. А., 1979. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ. Т. XI).

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-н/Д.

Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника // МИА. №153.

Очир-Горяева М. А., 1988. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI-IV вв. до н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л.

Пшеничнюк А. Х., 1982. Археологические поиски // В научном поиске. Уфа.

Ростовцев М. И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. №37.

Смирнов К. Ф. 1966. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области // КСИИМК. Вып. 107.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф., 1982. «Амазонка» IV в. до н.э. на Дону // СА. №1.

Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1972. Орские курганы // АО-1971. М.

Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Толстов С. П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Хабдулина М. К., 1976. Памятники раннего железного века северо-казахстанского Приишимья и их Урало-Сибирские параллели // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа (препринты докл. и сообщ.). Уфа.

Юсупов Х., 1973. Курганные памятники вдоль верхнего Узбоя // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент.

Юсупов Х., 1975. Исследование курганных памятников вдоль Верхнего Узбоя весной 1973 г. // УСА. Вып. 3.

Юсупов Х., Новые археологические материалы с Верхнего Узбоя // КД. Вып. 8.

Юсупов Х., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.

Яблонский Л. Т., 1982. Исследование могильника Сакар-чага 1 // АО-1981.

Яблонский Л. Т., 1986. Погребальный обряд могильника Сакар-чага 1 // Полевые исследования Института этнографии 1982 года. М.

Ягодин В. Н., 1987. Кочевники на северо-западных границах Хорезма // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата.

Ягодин В. Н., 1988. Исследования на плато Устюрт // АО-1986.

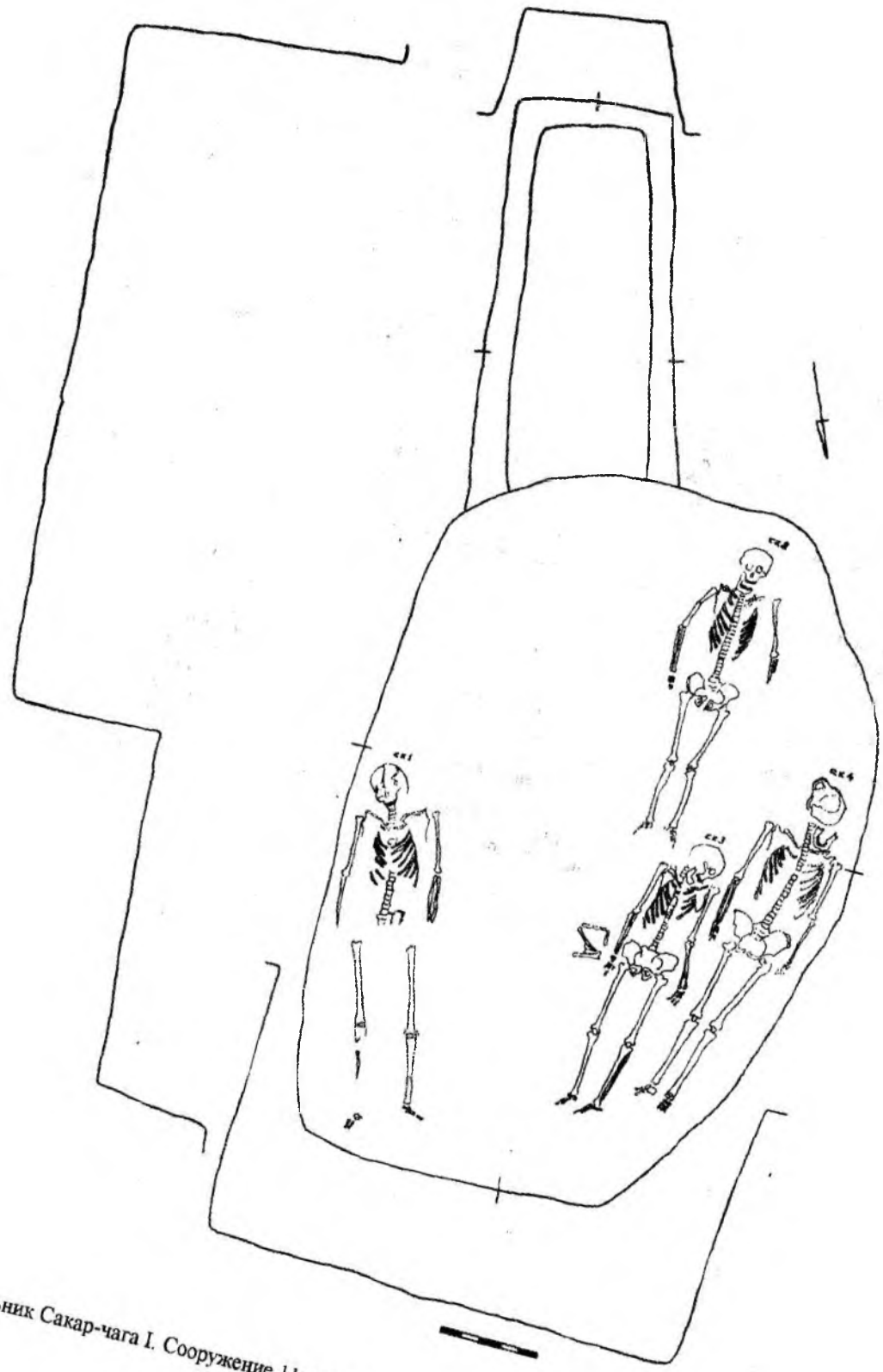


Рис. 1. Могильник Сакар-чага I. Сооружение 11: план и разрезы погребальной камеры.

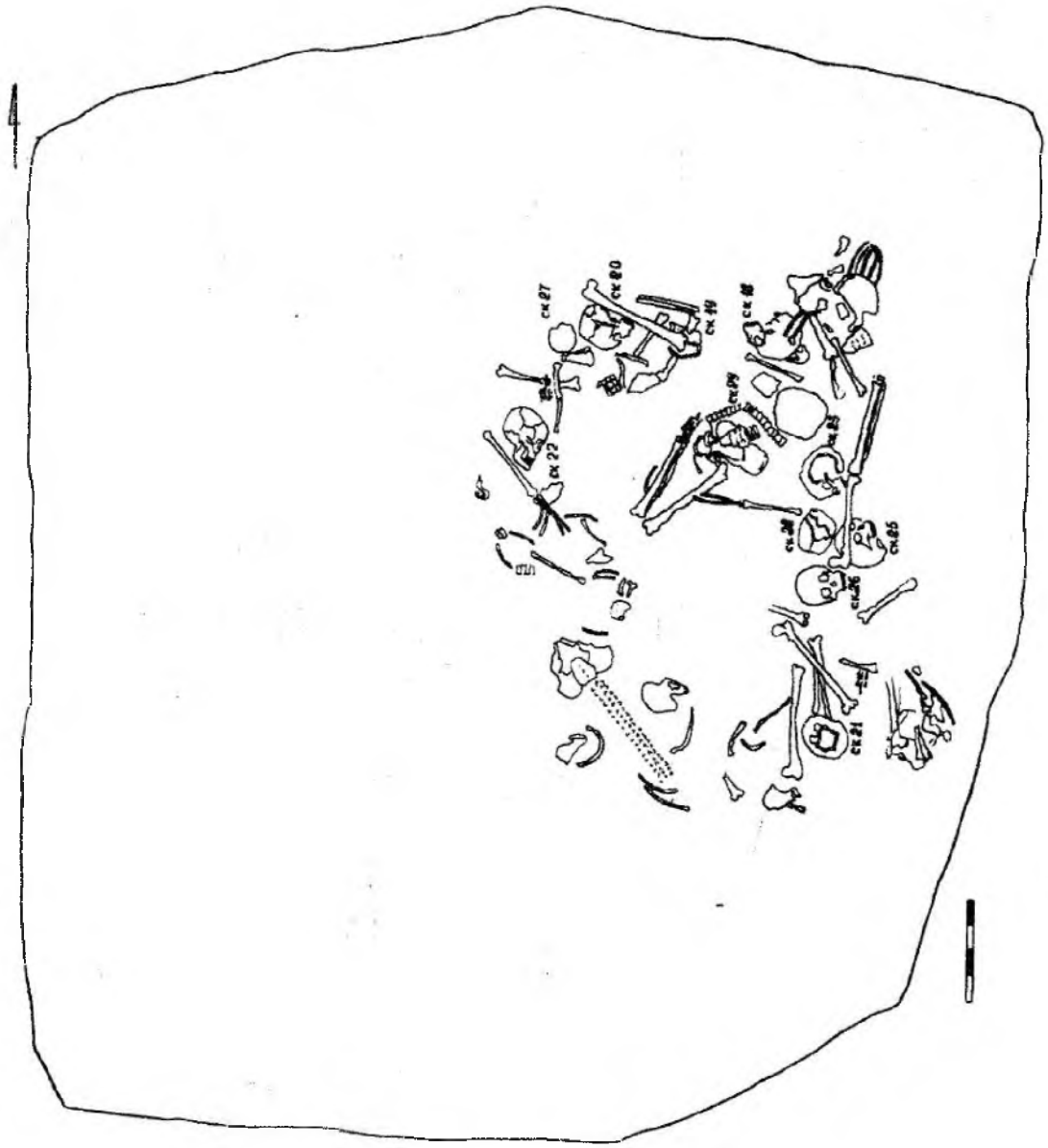


Рис. 2. Могильник Сакар-чага I. Сооружение 18: план второго уровня расчистки.

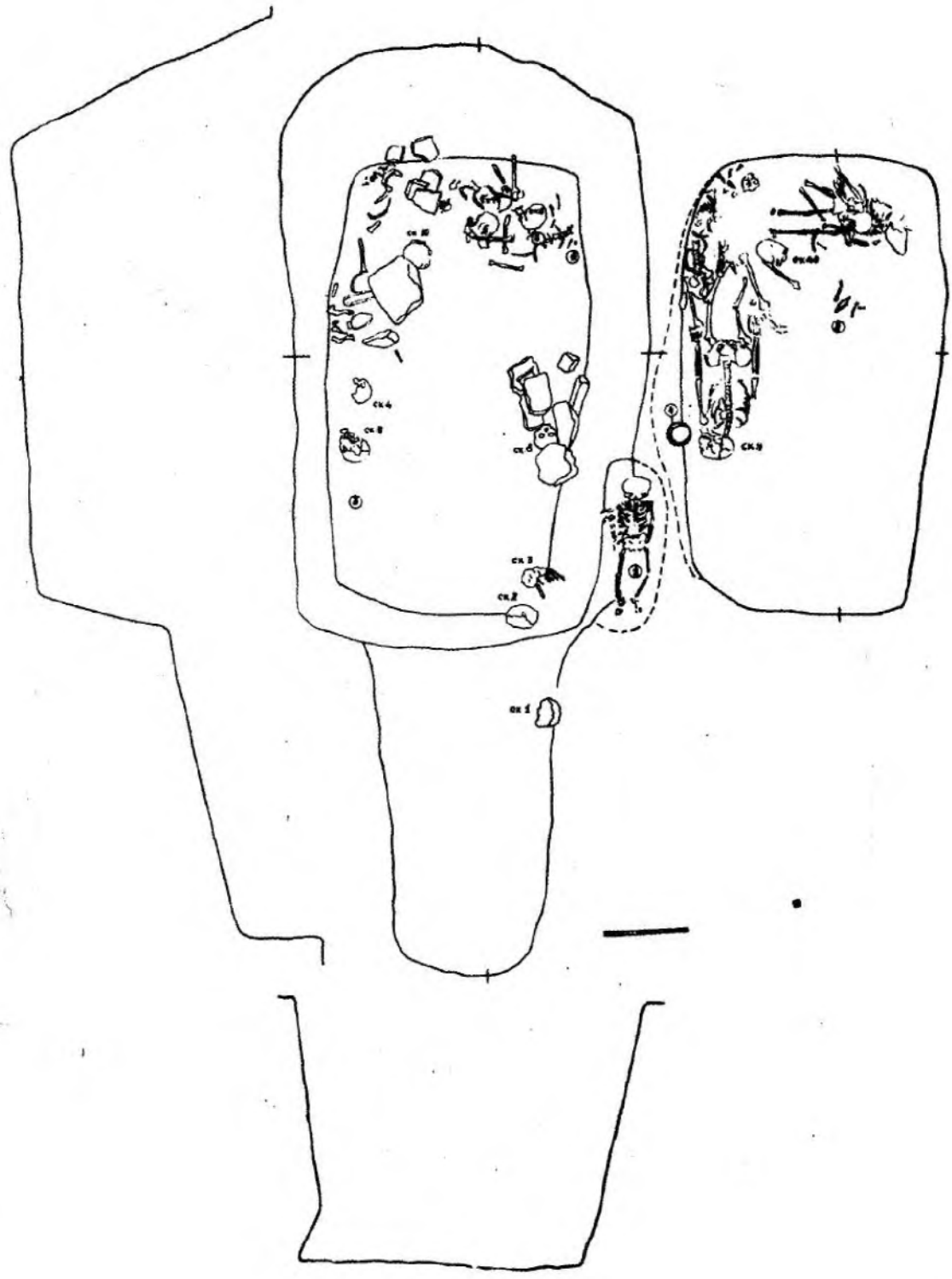


Рис. 3. Могильник Сакар-чага I. Сооружение 27: планы и разрезы погребальной камеры (первый и второй уровни расчистки)

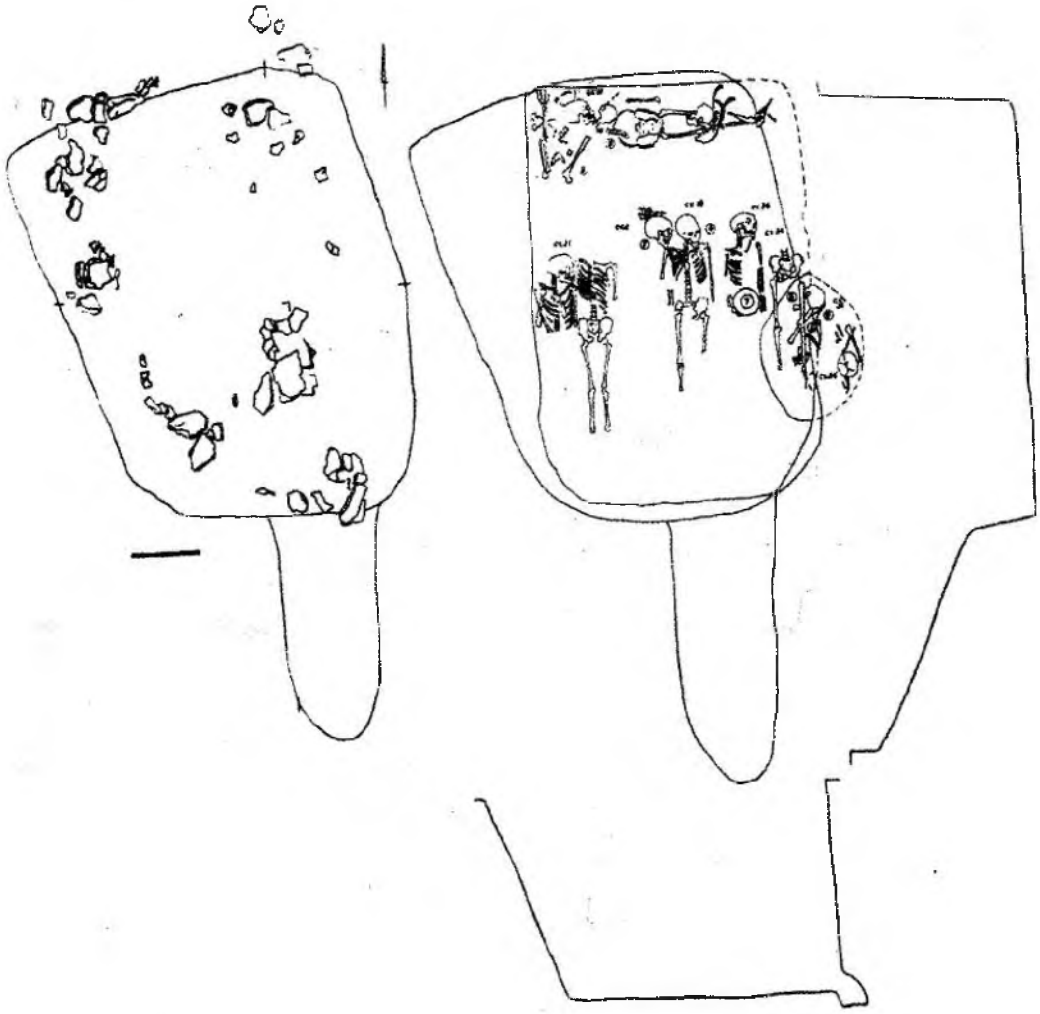


Рис. 4. Могильник Сакар-чага I. Сооружение 39. Планы и разрезы погребальной камеры (первый и второй уровни расчистки)

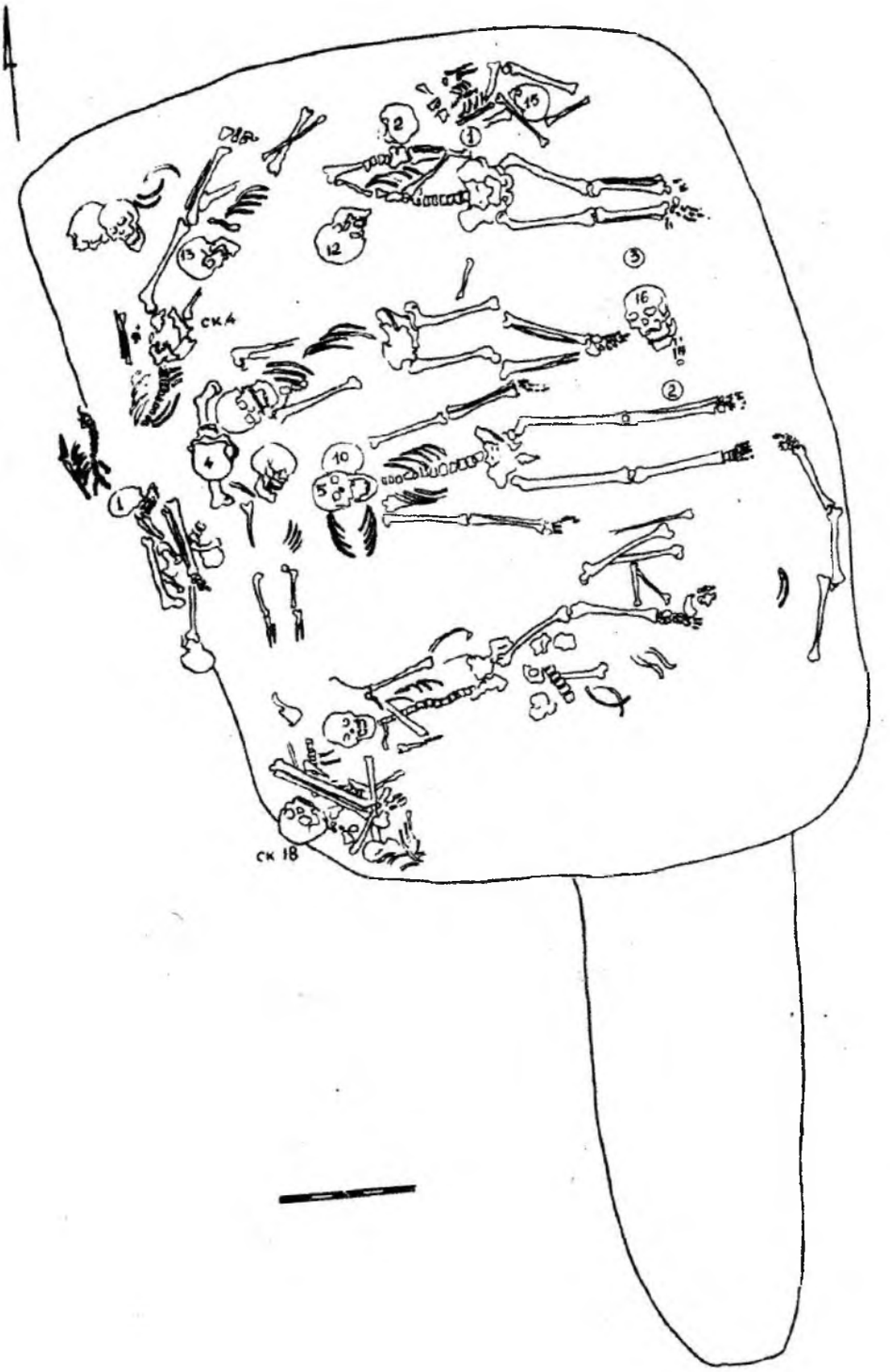


Рис. 5. Могильник Сакар-чага I. Сооружение 39. План погребальной камеры (третий уровень расчистк

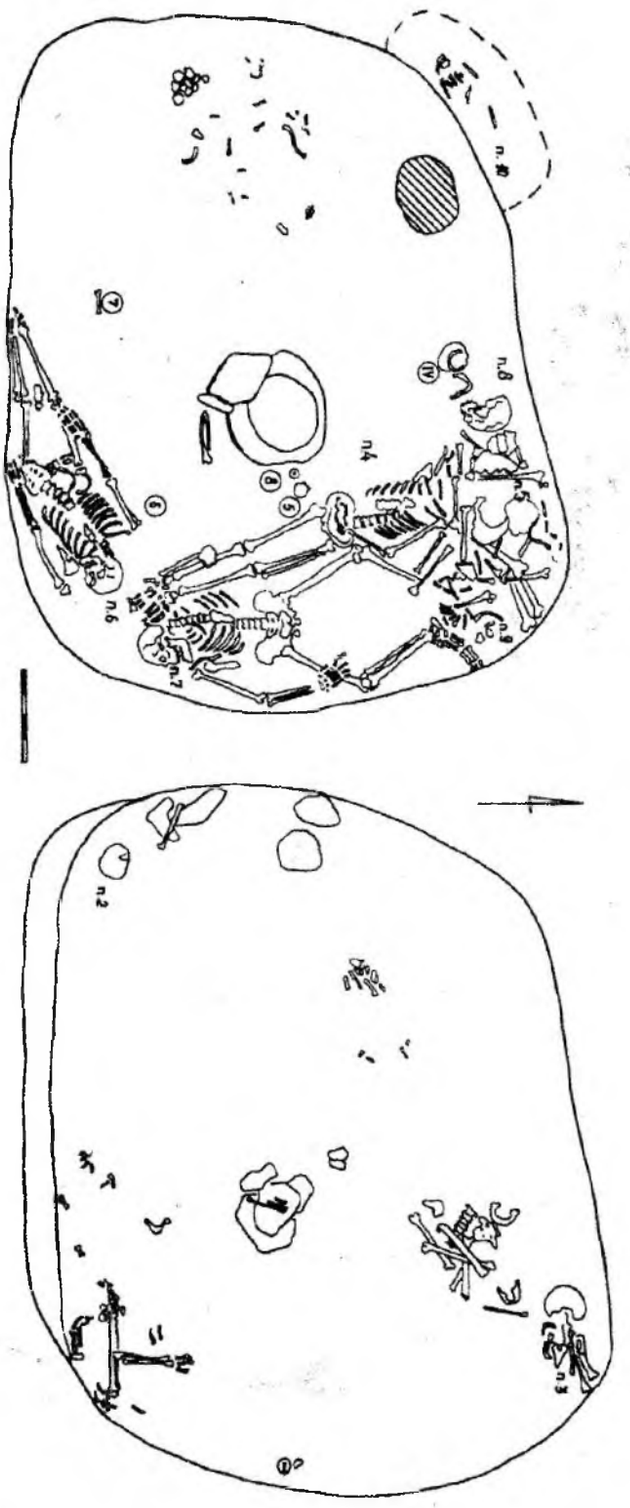


Рис. 6. Могильник Сакар-чага 1. Сооружение 44. Планы погребальной камеры (сверху - второй, внизу - первый уровни расчистки)

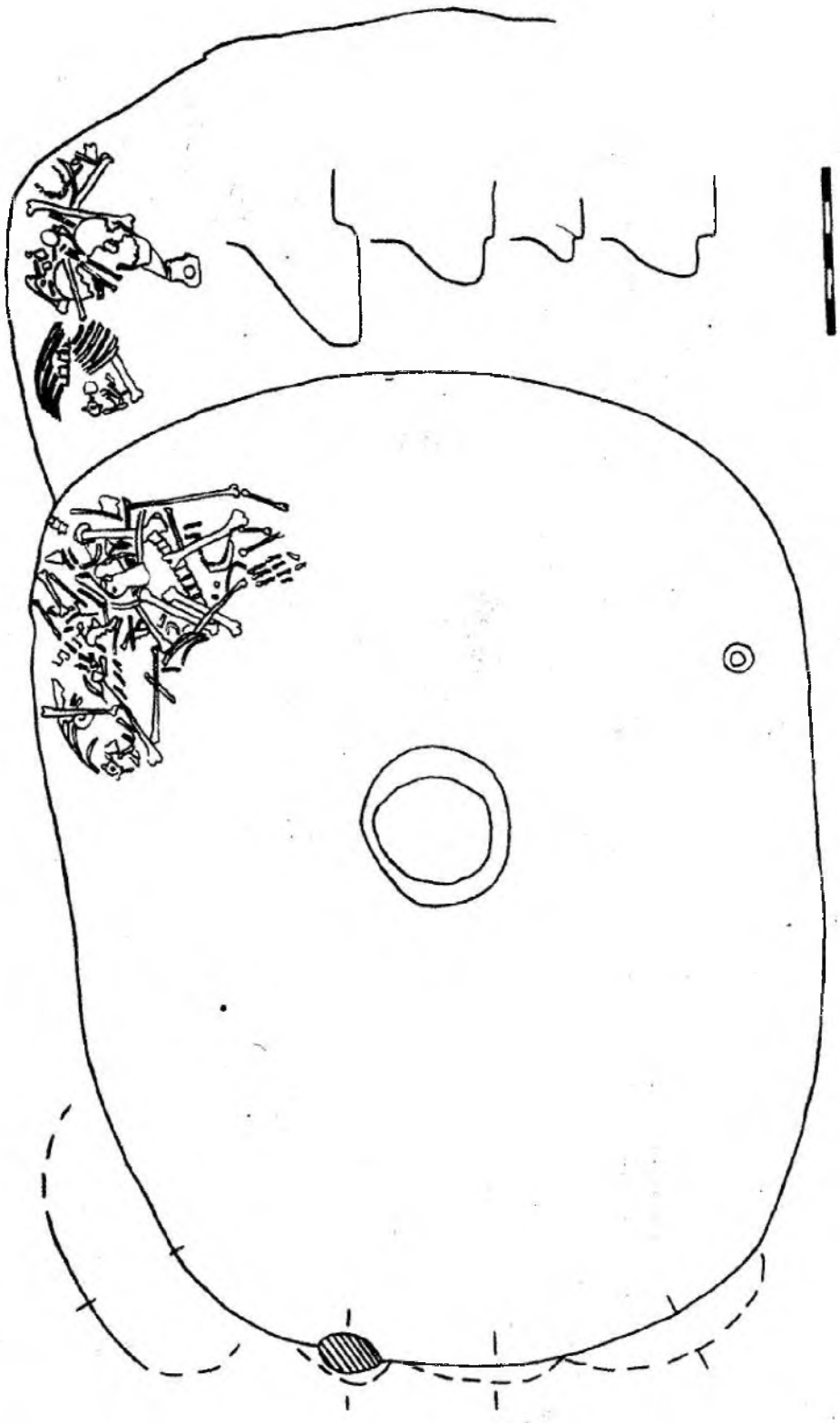


Рис. 7. Могильник Сакар-чага I. Сооружение 44. План погребальной камеры и разрезы через подбойные ниши (третий уровень расчистки).

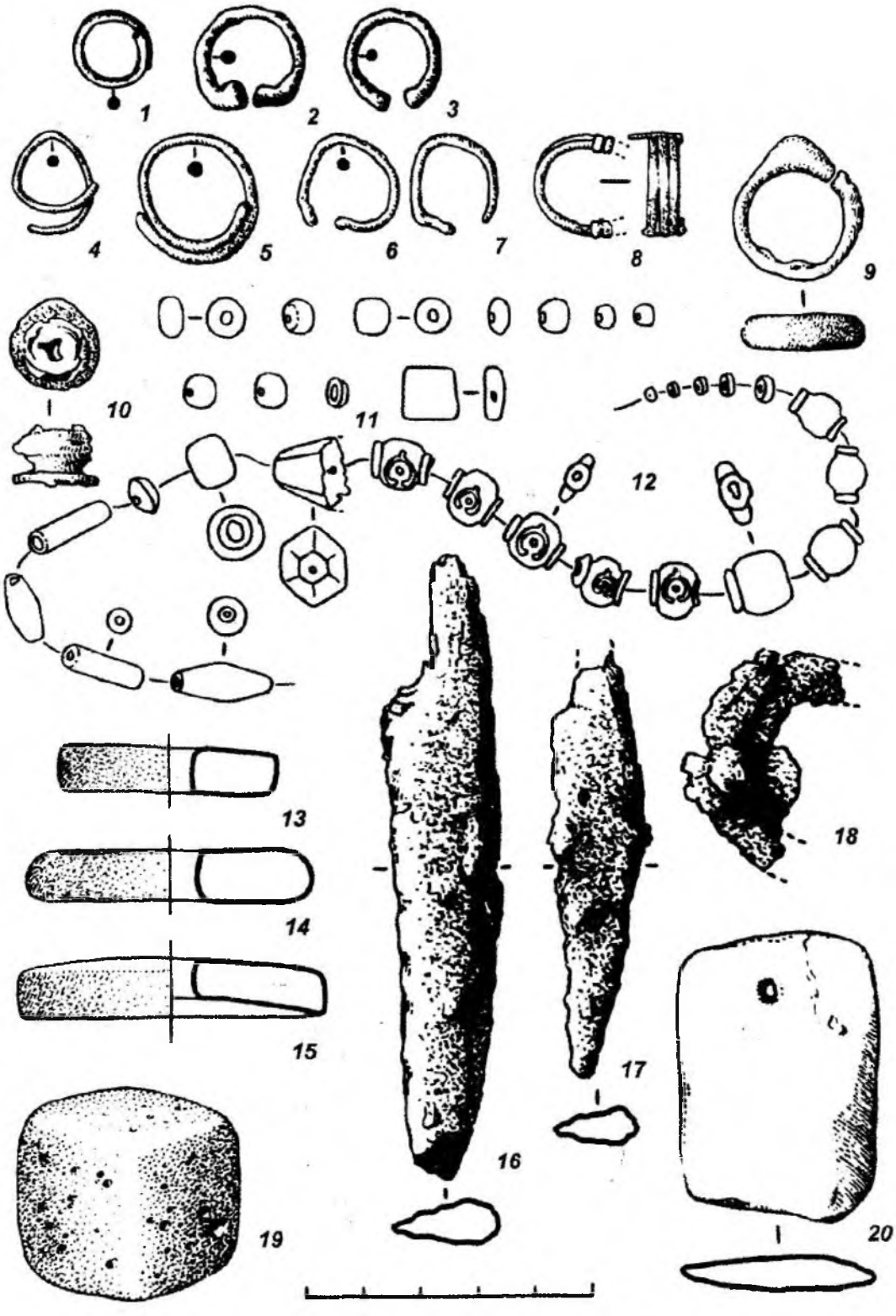


Рис. 8. Могильник Сакар-чага I. Инвентарь из склепов. 1-10 - бронза; 11-12 - стекло, камень; 13-15 - глина; 16-18 - железо; 19 - шлак; 20 - камень.

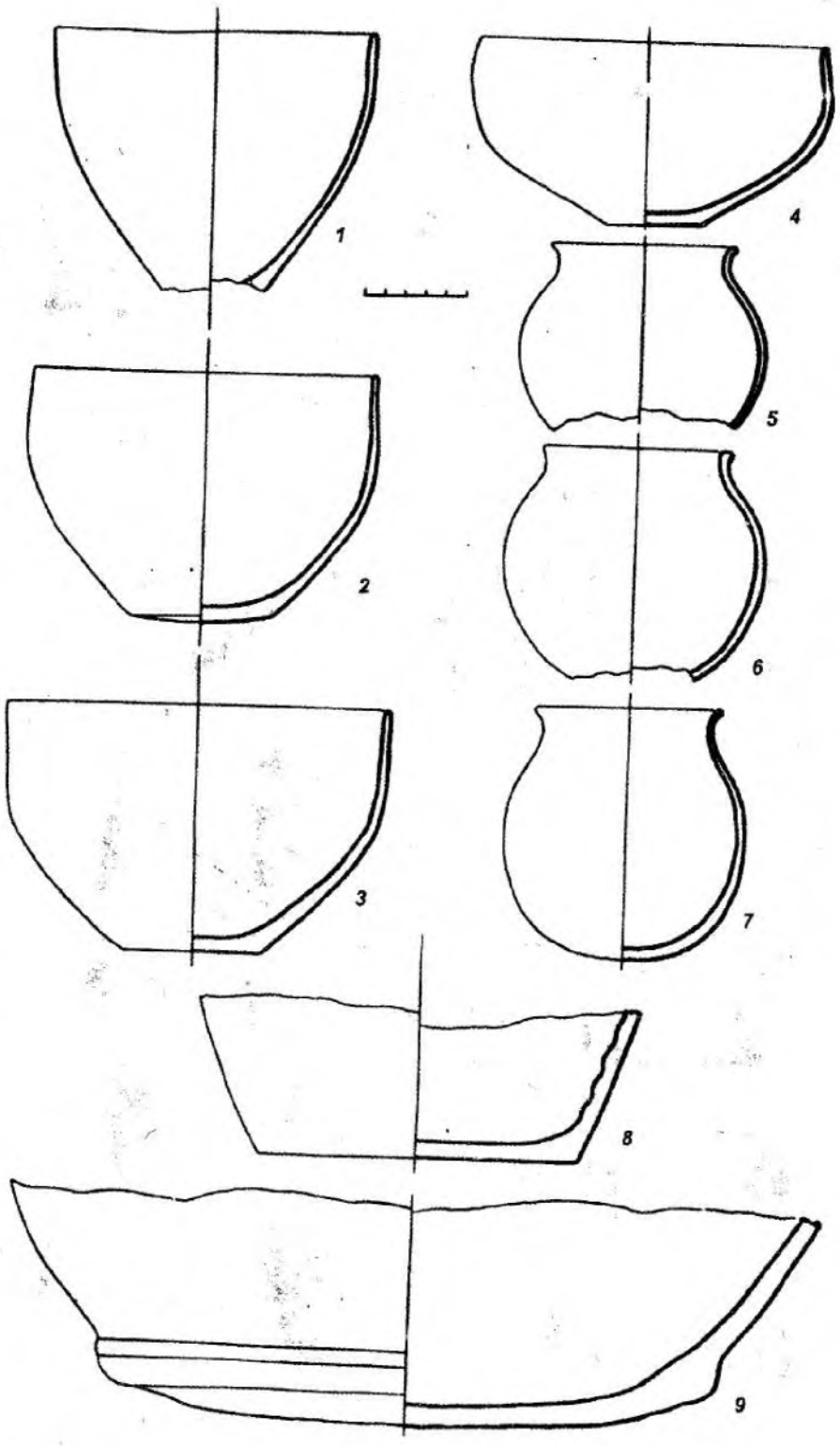


Рис. 9. Могильник Сакар-чага I. Керамика из склепов:
1-3, 7, 8 - сооружение 18; 4- сооружение 27; 5, 6, 9 - сооружение 44.
1-4, 8,9 - круговая; 5-7 - лепная.

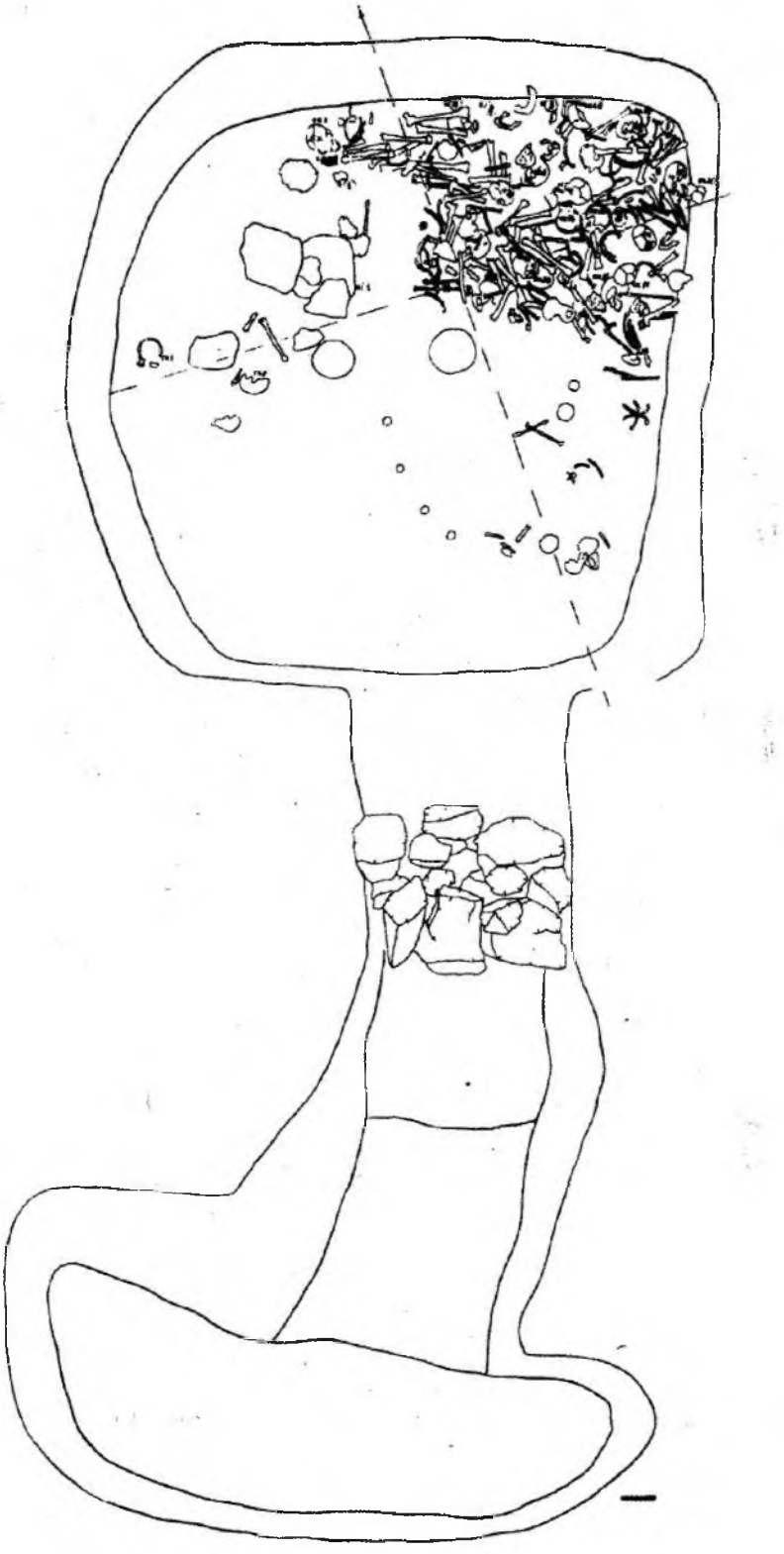


Рис. 10. Могильник Сакар-чага 6. Сооружение 33. План погребальной камеры.

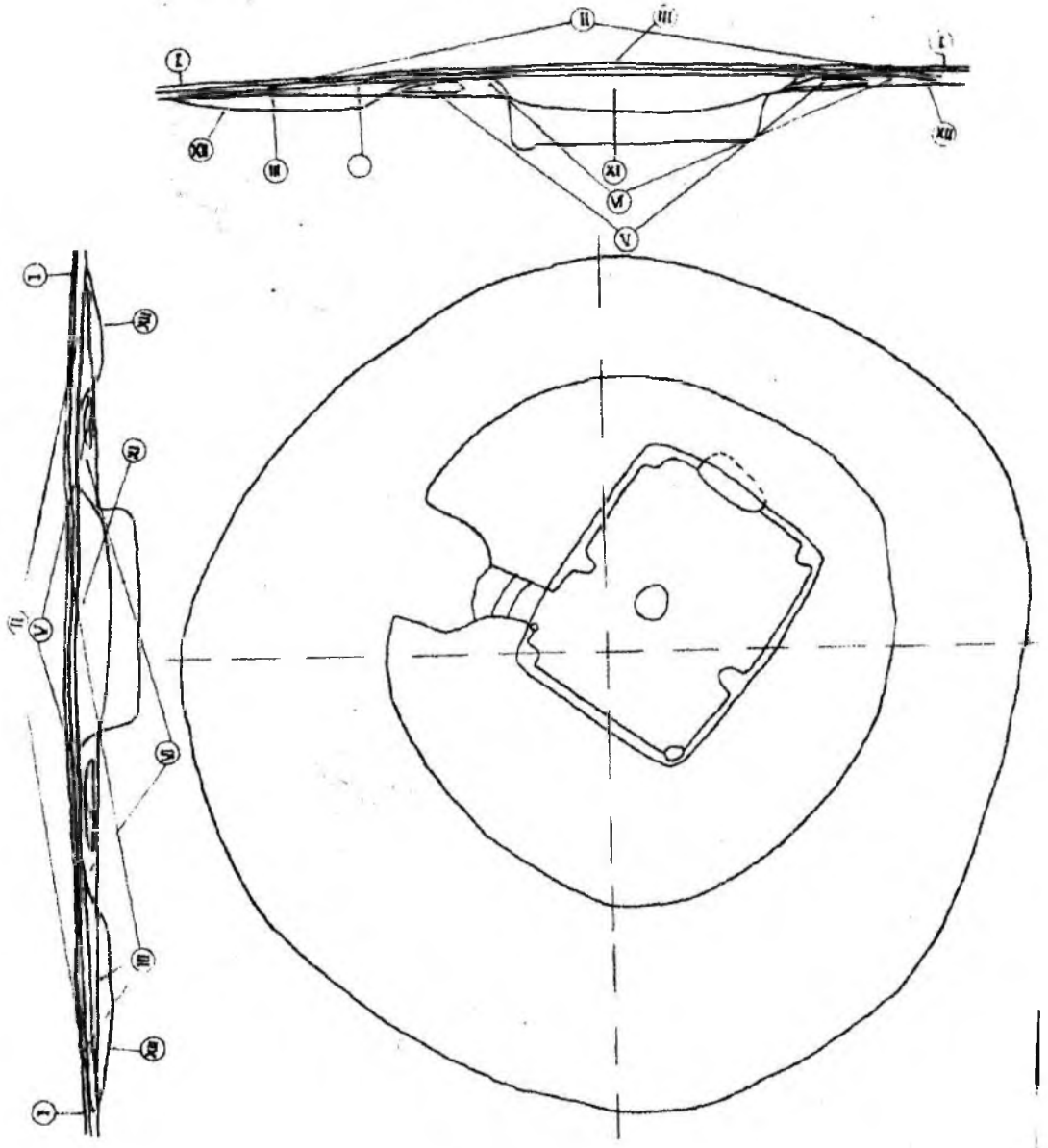


Рис. 11. Могильник Сакар-чага 6. Сооружение 47. План и разрезы сооружения
(I - поверхность насыпи; II - коричневая супесь; III - серая слоистая супесь; V - измельченный известняк; VI - коричневая супесь с известняком; XI - серая супесь с известняком; XII - материк).

В. Н. Васильев
(Уфа, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН)

К ВОПРОСУ О САРМАТСКИХ КАМЕННЫХ ЖЕРТВЕННИКАХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

К числу предметов неизвестного назначения, нередко встречающихся в древностях Южного Урала VI-IV вв. до н.э., относятся каменные столики, традиционно считающиеся переносными жертвенниками или алтариками.

Мнение о том, что эти переносные каменные столики не имели утилитарного назначения и каким-то образом были связаны с религиозными воззрениями степняков было высказано еще в конце XIX – начале XX вв. (Алабин В. П., 1895, с. 9; Попов А. В., 1911, с. 65, 70).

Точку зрения о том, что рассматриваемые предметы являются переносными алтариками, впервые предложил Б. Н. Граков еще в 1929 г. (Grakov B. N., 1929, s. 180), основываясь на их совместной встречаемости с красящими веществами, и зооморфной декорировке собственно самих блюд. Восемь лет спустя, в 1937 г. мнение о возможной сакральности рассматриваемых изделий высказал А. М. Тальгрен (Tallgren A. M., 1937, s. 47-68).

Наиболее глубокое исследование, посвященное данной проблеме, принадлежит К. Ф. Смирнову в одном из параграфов его известной монографии, где автор предложил типологию и хронологию каменных блюд, коснулся вопроса их орнаментики и происхождения (Смирнов К. Ф., 1964, с. 162-170). По морфологическим особенностям жертвенники были разделены на две группы: на ножках и без ножек. Внутри каждой группы К. Ф. Смирнов выделил типы, разделяющиеся по оформлению верхней части и ножек. По мнению исследователя, каменные алтарики использовались в различных целях: растирания красок, возжигания священного огня, воскурения ароматических веществ. Происхождение жертвенников без ножек у кочевников Южного Урала, К. Ф. Смирнов предположительно связывал с местными племенами эпохи бронзы, одновременно полагая, что жертвенники на ножках были заимствованы из ахеменидского Ирана.

Кроме того, по мнению исследователя, каменные жертвенники Южного Урала составляют локальную особенность самаро-уральской группы кочевников, отличающую ее от номадов Волго-Донского бассейна. Правда, по данным Б. Ф. Железчикова количественное различие этой категории инвентаря постепенно сокращается (на 1986 г. около 20 экземпляров на Дону и Нижней Волге против семи в 1964 г.; Железчиков Б. Ф., 1986, с. 61).

В 1977 г. М. К. Кадырбаев ввел в научный оборот 13 культовых столиков из Актюбинской области, являющейся до той поры своеобразной археологической «целиной», хотя мнение о том, что эта территория входила в ареал расселения «савроматов» никогда ни кем не оспаривалась (Кадырбаев М. К., 1977, с. 204-212). По мнению автора статьи, «в среде скотоводческих племен Южного Приуралья и Северного Прикаспия, ... оформилась самостоятельная школа камнерезного искусства...». Одним из характерных элементов этой школы, с точки зрения М. К. Кадырбаева, является сочетание плоскорельефной резьбы и скульптуры (Кадырбаев М. К., 1977, с. 211).

Однако, несмотря на, казалось бы, высокую степень изученности этой проблемы, здесь все же имеется ряд вопросов, требующих повторного исследования, связанного, прежде всего с недостаточной количественной и качественной репрезентативностью источниковой базы, которая имелась в распоряжении К. Ф. Смирнова.

Так, из 45 экземпляров алтариков используемых в его работе, 7 происходят с территории Поволжья и Волго-Донского междуречья (Комаровка, Даниловка, Краснодворский, район г. Куйбышева, Самарский уезд, Крестовое городище, Три Брата), 3 – из Средней Азии, 3 – с территории распространения горохово-саргатской культуры (Катайское, Ильтяково, Елесина яма), и 1 – с Табынского городища на правобережье средней Белой.

Из 31 экземпляра, относящегося непосредственно к степной зоне Южного Урала, 8 находок попадают в категорию случайных или беспаспортных (из раскопок Н. К. Минко, 1906 г., Аландское, Маячная гора – 2 экз., Камардиновка, Неценский, Покровская церковь, Уш-Кюн). Кроме того, из этого числа 2 жертвенника дошли до нас во фрагментированном состоянии и не несут достаточной информации (Увак, к. 4, п. 1; Бис-Оба, к. 8).

Из оставшихся (21 столик) только 11 происходят из полноценных археологических комплексов. Документированность же остальных экземпляров, с дореволюционным прошлым, вызывает сомнения.

Таким образом, следует признать, что в силу объективных причин К. Ф. Смирнов был лишен целого пласта информации, связанного с погребальным обрядом. Именно этот фактор, а также значительно возросшее за последние годы количество каменных жертвенников, позволяют вновь обратиться к рассматриваемой проблеме.

Для начала необходимо классифицировать имеющиеся в нашем распоряжении алтарики. В основу типологии положен морфологический принцип, предложенный в монографии К. Ф. Смирнова, где группа определяется наличием или отсутствием ножек, а тип – формой столика или блюда.

Группа I. Жертвенники без ножек (плоские). В погребальных комплексах Южного Урала выявлено 22 экземпляра относящиеся к трем типам. По своей форме рассматриваемые алтарики делятся на три типа.

Тип I. ***Ладьевидные жертвенники.***

Представлен одним экземпляром, найденным в к. 1 Верхнекардаиловского VIII могильника (Иванов В. А., 1992). Алтарик изготовлен из песчаника кремового цвета, тщательно отшлифован и имеет вид аккуратной лодочки. По массивному бронзовому зеркалу с вертикальным бортиком и петлей в центре изделие, датируемое не позднее VI в. до н.э., может быть отнесено к кругу древностей сакского типа.

Тип II. ***Корытообразные жертвенники подпрямоугольной или овальной форм.***

В комплексах региона изделия данного типа представлены 14-ю экземплярами. Внутри типа может быть выделено три подтипа.

Подтип 1. Восемь из них (Новый Кумак, к. 5 (Смирнов К. Ф., 1977, с. 10); Мечет-Сай, к. 2 (Смирнов К. Ф., 1964, с. 314); Пятимары I, к. 8 (Смирнов К. Ф., 1965, с. 319) Альмухаметово, кк. 10 и 17 (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 169,171); Покровка I, к. 1 (Заседателева С. Н., 1987, с. 19), II Новоорский, к. 2 (Заседателева С. Н., 1982, с. 11); Варна, к. 2 (Боталов С. Г., Таиров А. Д., 1996, с. 119)) сделаны довольно грубо и представляют собой небольшие углубления выдолбленные в камне. Следует полагать, что к этой же серии жертвенников относится и экземпляр из к. 1 у пос. Сосновский (Смирнов К. Ф., 1964, с. 32, 295).

Подтип 2. Два других и очень похожих (II Верхнекардаиловка, к. 3 (Васильев В. Н., Федоров В. К., 1995, с. 157, 165); Яковлевка, к. 2 (Федоров В. К., Васильев В. Н., 1995, с. 241)) изготовлены более тщательно из речных голышей. У них углублена не только рабочая поверхность, но также и оборотная сторона.

Подтип 3. Четыре оставшихся алтарика из кк.18 и 19 Ново-Кумакского могильника и к. 10 группы Мечет-Сай отличаются большим мастерством изготовления (Смирнов К. Ф., 1977, с. 23-24; Смирнов К. Ф., 1964, с. 367). Один из них украшен по бортику ребром, другой – резными гирляндами, а третий снабжен волнообразной линией по бортику.

Жертвенники типа II датируются бронзовыми зеркалами с закраиной, бородавчатыми бусами и раковинами Gryphaea, относящиеся к V в. до н.э. Не вполне ясна ситуация с алтариком из Сосновского, который К. Ф. Смирнов датировал VIII в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1964, с. 32). С ним не согласен Б. Ф. Железчиков. По его мнению рассматриваемый образец, как и некоторые другие вещи, определенные К. Ф. Смирновым в качестве «переходных», гораздо моложе (Железчиков Б. Ф., 1986, с. 55).

Тип III. ***Круглые плоские жертвенники (блюда).***

Нам известно семь экземпляров рассматриваемого типа. Часть из них дошла до нас во фрагментированном состоянии (1 Аландское, к. 1; Прохоровка, к. 4 (Смирнов К. Ф., 1964, с. 367; Ростовцев М. И., 1918, с. 18); Новый Кумак, к. 20 (Смирнов К. Ф., 1977, с. 29); часть – археологически целы (Бердинская гора, к. 4 (Смирнов К. Ф., 1964, с. 333, 367), Новый Кумак, к. 24 (Смирнов К. Ф., 1977, с. 34), Линевский одиночный к., погр. 4 (Мещеряков Д. В., 1996, с. 48) и Филипповка, к. 24 (Пшеничнюк А. Х., 1990).

Все жертвенники типа III (за исключением экземпляра из Филипповки) орнаментированы. Элементы орнамента: тройной зигзаг, арка, «пламевидный» и резной завиток, заполненный «рыбкой». Наряднее всех выглядит алтарик из группы Бердинская гора. Его дно украшено выпуклым крестом, а бока по периметру – двойными и тройными углами и завитками.

Наиболее ранним является обломок блюда из I-го Аландского, который, К. Ф. Смирновым, датируется серединой или второй половиной V в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1964, с. 56). Все остальные жертвенники в хронологическом плане более компактны. Так, экземпляры из Нового Кумака и Бердинской горы относятся к IV в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1977, с. 30,34; Смирнов К. Ф., 1964, с. 58). Этим же временем, судя по обряду и инвентарю датируются материалы из Филипповки и Линевки, а для Прохоровки принята традиционная дата – IV-III вв. до н.э. (Мошкова М. Г., 1963, с. 18).

Тип IV. ***Плоские жертвенники с несколькими «рабочими» ячейками.***

Представлен единственным экземпляром из погр.1 к. 9 Новоорского I могильника (Заседателева С. Н., 1984, с. 8-10). Рассматриваемое изделие представляет собой грубую плитку с тремя ячейками со следами красок. Аналогии нам не известны. Погребальный инвентарь комплекса невыразителен. Лепной сосудик украшенный арочным орнаментом, раковина Gryphaea вкупе с широтной ориентировкой скелета позволяют датировать экземпляр ориентировочно V в. до н.э.

Рассматривая савроматские жертвенники, К. Ф. Смирнов коснулся особого типа плоских каменных блюд с рыльцем в виде головы барана. Однако, как показали более чем тридцатилетние полевые исследования на Южном Урале, такие алтари не были характерны для ранних кочевников рассматриваемого региона. Кроме двух старых находок (Нецекский и Камардиновка), новых поступлений, хотя бы и случайных, не имеется. Основной ареал распространения подобных жертвенников – Зауральская лесостепь, где они встречаются достаточно часто.

По мнению В. А. Могильникова, алтари с рыльцем барана связаны с гороховской культурой и на основании одной находки в саргатском комплексе могут быть датированы IV-III вв. до н.э. (1992, с. 290). Н. П. Матвеева относит их к более раннему, баитовскому времени (1986, с. 89). Вполне вероятно, что последняя точка зрения ближе к истине. Подобные жертвенники, безусловно, восходят к иранским прототипам эпохи бронзы. Так, каменное блюдо середины II тыс. до н.э. из Элама (Сузы), практически не отличается от зауральских образцов (Погребова М. Н., 1977, с. 89). Вопрос о том, каким образом эти каменные изделия оказались в ареале

расселения гороховских племен, требует специального исследования.

Рассматривая вопрос о происхождении каменных жертвенников без ножек, К. Ф. Смирнов предположительно связывал их с ранними ритуальными глиняными блюдами андроновской культуры Зауралья (1964, с. 168). Действительно, блюда федоровского времени из собственно Федоровки, к. 73 Кинзерского могильника, кк.1 и 2 могильника Сухомесово, к. 7 могильника Смолино могут рассматриваться в качестве исходных форм для эволюции плоских алтариков эпохи раннего железа (Сальников К. В., 1967, с. 257, 301, 305, 312). Однако, для доказательства подобного утверждения К. Ф. Смирнову, по его же словам, не хватало промежуточного звена в виде аналогичного материала эпохи поздней бронзы.

Было бы логично искать это звено на более южных территориях, куда, как известно, продвинулась часть федоровских племен, и где культуры финальной бронзы смыкаются с миром ранних кочевников. Вполне вероятно именно там проходили начальные этапы сарматского культурогенеза. В качестве примера можно привести материал из могильника Айшрак, относящегося вероятно к последней трети II тыс. до н.э. Так, «зернотерки» из курганов-оградок 6 и 12 ничем не отличаются от алтариков рассматриваемого типа эпохи раннего железа (Маргулан А. Х. и др., 1966, с. 276). Заманчиво видеть в качестве переходного эволюционного звена от эпохи бронзы к железу и глиняный жертвенник из мавзолея 6 могильника Северный Тагискен, датируемый временем не позднее VIII в. до н.э. (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997, с. 42).

Непосредственное же развитие овальные и подпрямоугольные плоские жертвенники номадов Южного Урала получили от сакских образцов типа найденных в Уйгараке (кк. 45,29), Тумек-кичиджике (к. 21), Сакар-чаге (к. 6) и Южном Тагискене, (кк. 26,28.44,45,49). Первый из обнаруженных в Уйгараке по бронзовым стремячковидным удилам и напускным псалиям датируется О. А. Вишневской VII-VI вв. до н. э., второй ею же отнесен ко времени не позднее VI в. до н.э. (1973, с. 122). Б. И. Вайнберг полагает, что в целом куюсайский могильник (в том числе и алтарик) может быть датирован VII-VI вв. до н.э. (1979, с. 44, табл.XXVa). Концом VIII-VII вв. до н.. э. датируется Сакар-чагинский комплекс (Яблонский Л. Т., 1991, с. 88). Сакские кк. 26,28,44,45 Южного Тагискена были отнесены исследователями к VII – первой половине VI в. до н.э., а к. 49 – от середины VI – до начала V в. до н.э. (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997, с. 70).

Подобные же песчаниковые экземпляры овальной или подпрямоугольной формы известны в некоторых «закрытых» комплексах могильника Карамурун I (кк. 9 и 10) и группы Тасмола I (к. 22). Отнесение их к первому этапу тасмолы – VII-VI вв. до н.э. – предложенное М. К. Кадырбаевым, кажется, еще никем не было оспорено (Маргулан А. Х. и др., 1966, с. 318). Более ранние формы, аналогичные экземплярам типа II, имеются в древностях степного Приишимья, являющихся локальным вариантом тасмолинской культуры (Улубай, к. 7 и Алыпкаш, к. 11), и датируются VIII-VII вв. до н.э. (Хабдулина М. К., 1994, с.60).

Прототипом круглых жертвенных блюд Южного Урала, может служить каменный жертвенник круглой формы из того же Центрального Казахстана. Это – экземпляр из к. 2 группы Тасмола V, который по бронзовым стремячковидным удилам и другим вещам может быть датирован временем не позднее VI в. до н.э., или скорее всего VII-VI вв. до н.э. (Маргулан А. Х. и др., 1966, с. 322).

Аналогии жертвенникам типа II имеются у савроматов Волго-Донского междуречья (Смирнов К. Ф., 1964, с. 297), как уже говорилось выше, у саков Приаралья, особенно Центрального Казахстана и степного Приишимья.

Алтарики, похожие на экземпляр из VIII Верхнекардаиловки, но имеющие ножки, так же представлены в Приаралье, Центральном и Северном Казахстане. Жертвенники типа III имеют довольно многочисленные аналогии и в древностях саргатской культуры, в основном, однако, более позднего времени (Полосьмак Н. В., 1987).

Группа II. Каменные жертвенники с ножками.

По морфологическим особенностям нами выделено три основных типа алтариков – с ладьевидной, прямоугольной и круглой формой столиков. Типы, в свою очередь, разделены на подтипы по количеству ножек. Наличие или отсутствие орнамента не является типообразующим признаком.

Тип I. ***Ладьевидные каменные жертвенники.***

На исследуемой территории нам известно три экземпляра. Все они происходят из закрытых комплексов – хут. Крыловский (Граков Б. Н., 1947, с. 108) Любимовка, урочище Лапасина (раскопки 1927 г.) (Смирнов К. Ф., 1964, с. 308) и Целинный, к. 2 (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 34-35). Однако степень информативности двух первых весьма сомнительна, поэтому они не будут использованы в данной работе.

Тип II. ***Прямоугольные или подпрямоугольные (овальные) жертвенники.***

Из степной зоны Южного Урала нам известно 16 экземпляров, в том числе 15 из «закрытых» комплексов.

Подтип 1. ***Прямоугольные или подпрямоугольные жертвенники на двух ножках.*** Представлен 6 экземплярами. Археологический контекст пяти столиков из к. 9 могильника Новый Кумак (Мошкова М. Г., 1962, с. 212-214), к. 5 погр. 2 II Новоорского могильника (Заседателева С. Н., 1986, с. 10), к. 3 могильника Тара-Бутак (Смирнов К. Ф., 1974, с. 42-43), к. 5 погр. 2 могильника Гумарово (Исмагилов Р. Б., 1979, с. 9-10) и Петропавловского к-на (Сунгатов Ф. А., Мигранов Р. А., в наст. сб.) выявляется достаточно четко. Несколько отрывочны сведения об экземпляре из к-на урочища Жалгыз-Оба, найденном вместе с железными акинаками.

М. К. Кадырбаев пишет что «...Это сравнительно небольшой каменный столик прямоугольной формы не имеет аналогий в известных мне савроматских материалах. Его выделяют две высокие брусковидные ножки и волнообразный орнамент по верхней части прямого бортика. Орнамент образован сочетанием плоского рельефа в верхней части бортика с выбранным (подрезанным) фоном внизу.» (1977, с. 207).

Подтип 2. ***Прямоугольные и подпрямоугольные каменные жертвенники на четырех ножках.*** Нам известно 12 экземпляров. Обстоятельства находок двух из них либо туманны, либо вовсе не известны: Аландское (Смирнов К. Ф., 1964, с. 162) и Преображенка (Елга) (Граков Б. Н., 1947, с. 108). Подробное описание комплекса кургана могильника Кумис-Сай, в котором найден третий экземпляр, отсутствует. Известно, что жертвенник найден вместе с предметами вооружения, сбруи и «...многими другими изделиями...» (Кадырбаев М. К., 1977, с. 206-207). Степень информативности других девяти комплексов с алтариками рассматриваемого типа гораздо выше. Это могильники Бесоба, к. 4 (Кадырбаев М. К., 1984, с. 86-89); Переволочан, к. 8 (Пшеничнюк А. Х., 1995, с. 75); Четыре Мара, к. 5 (Заседателева С. Н., 1986, с. 13-20); Гирьяльский, к. 2 (Васильев В. Н., 1984, с. 31-34); Увак, к. 7 (Смирнов К. Ф., 1974, с. 66); Березовка Челябинской области (Хабдулина М. К., Малютина Т. С., 1982, с. 73-78); Тара-Бутак, к. 2, погр. 3 (Смирнов К. Ф., 1974, с. 40-42); Гумарово, к. 3 (Исмагилов Р. Б., 1979, с. 6-7); «Горбатый мост», к. 5 (Граков Б. Н., 1947, с. 107).

Тип III. ***Каменные жертвенники с круглым столиком.***

Подтип 1. ***Жертвенники с круглыми столиками на одной ножке.*** Представлен только одним экземпляром из к. 5 могильника Пятимары II. При осмотре грабительского раскопа на этом кургане было найдено круглое каменное блюдо с одной отбитой ножкой, бронзовое зеркало, обломок самшитового гребня, 17 бронзовых уздечных бляшек (Смирнов К. Ф., 1974, с. 10).

Подтип 2. ***Жертвенники с круглыми столиками на двух ножках.*** В комплексах кочевников Южного Урала нам известен один экземпляр из погр. 1 к. 11 Новоорского I могильника (Заседателева С. Н., 1987, с. 3-6).

Подтип 3. ***Жертвенники с круглым столиком на трех ножках.*** В погребениях степной зоны Южного Урала известно 17 экземпляров. Это наиболее представительная серия рассматриваемой категории кочевнического инвентаря. Жертвенники указанного типа найдены в могильниках Бесоба, к. 3 (Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1977, с. 80); Переволочан, к. 8 (Пшеничнюк А. Х., 1995 с. 75); Альмухаметово, к. 8 (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 44); Сибай II, к. 13 (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 56-57); Новоорский II, к. 4 (Заседателева С. Н., 1983, с. 5-10) и Новоорский I, к. 3 (Заседателева С. Н., 1980, с. 19); Чкаловского, к. 6 (Воронова С. А., Порохова О. И., 1992, с. 237); Аландское III, к. 3-4 (Мошкова М. Г., 1972, с. 58-59); Обручевка, к. 2 (два экземпляра) (Гаврилюк А. Г., Таиров А. Г., 1993, с. 53-57); Биш-Уба I, к. 1 (Агеев Б. Б., Сунгатов Ф. А., Вильданов А. А. В наст. сб.).

Пять других жертвенников происходят из памятников раскопанных в конце XIX – начале XX вв. Это кк. у хут. Крыловский, пос. Черниговский (Граков Б. Н., 1947, с. 108), пос. Благословенский (урочище Бис-Оба), погребение на Маячной горе, поселок Черняки (Смирнов К. Ф., 1964, с. 46, 47, 57). Непрофессиональный характер раскопок и уровень достоверности информации об этих памятниках рождают некоторые трудности в деле научного использования этих находок. Не вполне ясна и ситуация с алтариком из к. у хут. Веселый (Ак-Булак), раскопанного в 1935 г. И. А. Зарецким: есть основания полагать, что жертвенник происходит не из этого кургана (Смирнов К. Ф., 1964, с. 58).

К сожалению, так же мало информации об обряде и инвентаре можно найти в публикации М. К. Кадырбаева, где фигурируют четыре экземпляра рассматриваемого типа (по два из урочища Кумис-Сай и из урочища Курайли) (1977, с. 208-209).

Подтип 4. ***Круглые столики на четырех ножках.*** Нам известно 5 экземпляров.

Среди них алтарики из погр. 3 к. 4 Чкаловского могильника (Воронова С. А., Порохова О. И., 1992, с. 233), к. 5 могильника Новый Кумак (Смирнов К. Ф., 1977, с. 10). Три других изделия, к сожалению, представляют интерес лишь в типологическом плане. Один был найден в кургане около хут. Крыловский, разрытом крестьянами в конце прошлого века. Другой был передан механизаторами М. К. Кадырбаеву из района могильника Кумис-Сай. Третий алтарик рассматриваемого типа происходит из урочища Курайли. Опубликованная информация об условиях их находок крайне скупа.

Кроме того, в нашем распоряжении имеются несколько обломков алтариков, которые в силу фрагментированности невозможно включить в какой-либо подтип. Однако вполне достоверно можно утверждать, что все они имели круглую форму столиков. Это два экземпляра из могильников Кумис-Сай, Аландское I, к. 1 (Смирнов К. Ф., 1977, с. 30), Бесоба, кк. 1 и 12 (Кадырбаев М. К., 1977, с. 43,51), и Сибай I, к. 2 (Васильев В. Н., Заднепровский Ю. А., 1995).

Хронологические рамки бытования алтариков второй группы более узки по сравнению с первой. Так, жертвенники первого типа (ладьевидные) датируются по сакским аналогиям в могильнике Уйгарак ранним или развитым VI в. до н.. э. (Вишневская О. А., 1973, с. 122). Жертвенники с ножками второго и третьего типов могут быть отнесены к концу VI – V вв. до н.э. С ними коррелируют, прежде всего, акинаки соответствующих типов, зеркала с закраиной, бородавчатые бусы, клювовидные распределители ремней со щитком и без него, бронзовые

наконечники стрел со сводчатыми головками, т.е. вещи, которые не встречаются с раннепрохоровским инвентарем. Об этом же времени говорят и некоторые черты погребального обряда – захоронения на уровне древнего горизонта, широтные ориентировки костяков, и т.д., которые в IV в. до н.э. практически не встречаются.

На наш взгляд датировка вышеназванных комплексов предшественниками определена правильно и достаточно аргументировано доказана.

Рассматривая проблему происхождения культовых столиков с ножками, К. Ф. Смирнов выдвинул справедливое на наш взгляд, предположение о том, что их прототипы следует искать в ахеменидском Иране эпохи Сиалка (Смирнов К. Ф., 1964, с. 168). Действительно, экземпляр из акрополя Суз (Eliot H. W., 1950, tabl. 26) полностью тождественен алтарям южно-уральских номадов типа II подтипа 2. В этом нет ничего удивительного, поскольку наличие торговых, идеологически-религиозных и военных связей между степняками рассматриваемого региона и народами Переднего Востока существовала издавна (Савельева Т. В., Смирнов К. Ф., 1972). Гипотеза К. Ф. Смирнова вполне подтверждается наличием архаических форм на путях проникновения прототипов из Ирана на Южный Урал. Кроме жертвенника из архаического Дахистана (городище Изат-Кули) здесь следует назвать еще один возможный промежуточный пункт – с алтариком из к. 47 могильника Уйгарак.

Прямые аналогии круглым блюдам на ножках с других территорий нам неизвестны. Исходя из этого факта, можно говорить о том, что жертвенники типа III группы II, являются культурно-значимой категорией погребального инвентаря ранних кочевников Южного Урала.

Напротив, прямоугольные жертвенные столики известны за пределами рассматриваемого региона. Они распространены, хотя и спорадически, по кромке Западносибирской степи и лесостепи вплоть до Верхнего Приобья (Могильников В. А., 1995, с. 108-109). Этот факт дал основание исследователю говорить о сарматских миграциях на восток, о возможности которых будет сказано ниже.

Орнаментальные мотивы жертвенников группы II намного разнообразнее, чем у плоских экземпляров первой группы. Правда алтарики типа I (ладьевидные) вообще никак не украшены. Зато столики типов II и III заслуживают того, чтобы сказать о них несколько слов.

Из 18 прямоугольных экземпляров орнаментированы четыре (22%). Элементы орнамента – арочная резьба по фризу (3 экз. – 21,4%) и «пламевидные» завитки (1 экз. – 5%). Ножки жертвенников никак не украшены. Этот факт дает основание утверждать, что найденные обломки алтариков (ножки) в виде скульптурных изображений животных, принадлежали жертвенникам именно с круглыми столиками (см. выше).

Из 35 экземпляров типа III орнаментированы 26 (74%). Элементы орнаменты следующие: резные арки (гирлянды) – 5 экземпляров (14%); пламевидные завитки по фризу – 3 экземпляра (8,5%); сочетание пламевидных завитков и зооморфных плоскостных изображений – 5 экземпляров (14%); скульптурные изображения ножек – 16 экземпляров (45%); зооморфный орнамент по фризу – 3 экземпляра (8,5%). Таким образом, зооморфные изображения на круглых жертвенниках являются доминирующими и наиболее интересными для исследования.

В нашем распоряжении имеются 19 экземпляров, которые можно с полным правом отнести к шедеврам древнего степного искусства резьбы по камню. Все они орнаментированы в так называемом зверином стиле. Один жертвенник (Чкаловский могильник) сильно стилизован и не использован в таблице.

Таблица 1.
Распределение изображений в зверином стиле по видам.

Памятник	Тип изображения			
	волк	медведь	копытное	грифон
1. Бесоба, к. 3.	+			
2. хут. Крыловский	+			
3. Бис-Оба, к. 7	+			
4. Черниговский			+	
5. Обручевка		+		
6. Обручевка	+			
7. Курайли			+	
8. Курайли	+			
9. Кумис-Сай, к. 1.		+		
10. Кумис-Сай, к. 1.		+		
11. Биш-Уба, к. 1.			+	
12. Биш-Уба, к. 1.				+
13. Кумис-Сай.	+			
14. Кумис-Сай, к. 1.			+	

15. Кумис-Сай, к. 2.	+			
16. Бесоба, к. 12.		+		
17. Сибай I, к. 2.	+			
18. Сибай II, к. 13.			+	
19. Маячная гора.			+	

Распределение по видам животных представленное в настоящей таблице, весьма условно. При отождествлении мотива изображения с конкретным видом брались во внимание черты экстерьера. Медведя характеризуют короткие, округлые уши; волка – уши торчащие. Обоих хищников объединяет наличие оскаленной пасти. Копытные проявляются через «добродушную» линию головы, характерные заостренные уши и наличие челки.

Полученные данные распределяются следующим образом. Изображение волка встречено в 8 случаях (42%), медведя в 4-х (21%), грифона в одном (5%), копытного (лошади) в 6 (32%).

Исследование семантики звериного стиля кочевников скифского времени, безусловно, является важной задачей, однако в данной работе мы ограничимся лишь общими наблюдениями.

Мотив волчьей головы, скульптурной или плоскостной, был весьма широко распространен в искусстве номадов Южного Урала, что было подмечено еще К. Ф. Смирновым (1976, с. 75). Он писал, что этот мотив был совершенно чужд зооморфному искусству Скифии, а самые близкие аналогии изображению волка имеются в древностях Южной Сибири и Тувы (1964, с. 233). Однако, культ волка, столь широко распространенный в искусстве кочевников рассматриваемого региона почему-то не нашел отражения в древнейших индоарийских и иранских письменных источниках – Ригведе и Авесте. Не означает ли это наличие в составе южно-уральской группировки номадов пратюркского этнического субстрата? Ведь известно, что волк являлся тюркским тотемом.

То же самое можно сказать и об изображении медведей. Образ этого животного вообще не был характерен для мифологии и религии степных ираноязычных кочевников, но занимал выдающееся место в культах и верованиях древних и средневековых финно-угорских народов. Этот факт мы должны оценивать как доказательство инфильтрации значительной части номадов угорского происхождения в состав степного населения Южного Урала.

Известно, что культ лошади, был характерен для ираноязычных номадов. Об этом свидетельствуют не только многочисленные погребения взнузданных лошадей, но и сообщения письменных источников. Мотив изображения лошади был пронизан мощнейшим солярным культом. Так, Авеста (Михр-Яшт) называет Солнце «быстроконным». Со слов Геродота известно, что Гелиосу массагеты приносят в жертву лошадей (Геродот, 2, I, 216). Павсаний также говорит о том, что сарматы совершали жертвоприношения лошадей в честь туземных богов (Павсаний, 3, I, 21, 5).

Культ грифона, или пернатого хищника в религии кочевников Великого пояса степей и, в частности, кочевников Южного Урала, так же занимал одно из центральных мест. Близкая им по духу идеология Авесты в качестве одной из ипостасей солярного Митры и олицетворения Хварно называет птицу Вараган, обладающую мощным клювом и когтистыми лапами (Вархран-Яшт), предвестника победы и славы.

Попытка выявить так называемый «жреческий» комплекс инвентаря производится впервые. Как отмечалось выше, осуществить такую попытку стало возможным благодаря увеличившемуся в несколько раз материалу из археологических закрытых комплексов. Напомним в этой связи, что К.Ф. Смирнов к 1964 г. имел возможность провести подобную операцию лишь с семью погребениями (выделенных в Табл. II курсивом).

Таблица II.
Взаимовстречаемость жертвенников с другими категориями инвентаря.

Памятник	Зеркало	Раковина	Краски	Сосуд	Бусы	Оружие	Сбруя	Ложка	Кумалаки
1. Тара- Бутак, к.3.	+	+	+	+	+	–	–	–	+
2. Новый Кумак, к.9.	+	+	+	+	+	–	–	–	–
3. Увак, к.7, п.1.	–	+	+	–	+	–	–	–	–
4. Горбатый мост, к.5.	–	+	+	–	–	+	–	–	+
5. Тара-Бутак, к.2.	+	+	+	+	+	–	+	–	+
6. Переволочан, к.8.	–	–	–	+	–	–	–	–	–
7. Переволочан, к.8.	+	–	–	–	–	–	–	–	–
8. Новый Кумак, к.5.	+	+	+	+	+	–	+	+	+
9. Новый Кумак, к.5.	+	+	–	+	+	–	–	–	–
10. II Новоорский, к.5, п.2.	+	–	+	+	+	–	–	–	–

11. II Новоорский, к.4.	+	–	–	+	–	+	+	–	+
12. 4 Мара, к.5.	–	+	+	+	+	+	+	–	+
13. I Новоорский, к.11, п.1.	–	–	–	+	+	–	+	–	+
14. I Новоорский, к.3.	+	–	–	+	–	–	–	–	–
15. Бесоба, к. 4.	+	+	–	+	+	+	+	+	+
16. Бесоба, к.1.	+	–	–	+	–	+	–	–	–
17. Бесоба, к.12.	+	–	–	+	–	–	–	–	–
18. Бесоба, к.3.	+	–	+	+	+	–	–	–	–
19. Целинное, к.2.	+	–	+	–	–	–	–	–	–
20. Гумарово, к.5.	+	–	–	+	–	+	–	–	–
21. Гумарово, к.3.	+	+	+	+	+	+	+	–	–
22. Чкаловский, к.4, п.3.	+	–	+	+	+	–	–	–	–
23. Чкаловский, к.6, п.5.	+	+	–	+	–	–	–	–	–
24. III Аландское, к.3-4, п.2.	+	+	+	–	+	–	–	–	–
25. Верхнекардаиловка IV, к.2.	+	–	+	–	–	–	–	–	–
26. Мечет-Сай, к.2.	+	–	+	+	+	–	–	–	–
27. Альмухаметово, к.10.	+	–	–	+	–	–	–	–	–
28. Альмухаметово, к.17.	+	–	–	+	+	–	–	–	–
29. II Новоорский, к.2.	+	+	–	+	+	–	–	+	–
30. II Верхнекардаиловка, к.3.	+	–	–	+	+	–	–	–	+
31. Яковлевка, к.2.	–	+	+	+	–	–	–	–	+
32. Новый Кумак, к.18.	+	+	+	+	+	+	–	–	–
33. Новый Кумак, к.19.	+	–	+	+	–	+	–	–	+
34. Мечет-Сай, к.10.	–	+	+	+	+	+	–	–	–
35. I Аландское, к.1.	+	–	+	+	+	+	–	–	–
36. Новый Кумак, к.20.	+	–	+	+	+	+	–	–	–
37. Филипповка, к.24.	+	–	+	+	+	–	–	+	–
38. I Новоорский, к.9.	–	+	+	+	–	–	–	–	–
39. Новый Кумак, к.24.	–	+	–	+	–	–	–	–	–
40. Петропавловка	–	+	–	–	+	–	–	–	–
41. Варна, к.2.	–	–	+	–	–	+	–	–	–
42. Линевка	–	–	–	+	+	–	–	–	–

Корреляция жертвенников с другими категориями инвентаря показывает весьма интересную картину, которая может охарактеризовать «жреческий» комплекс инвентаря, если конечно по-прежнему считать наличие алтарика маркером жреческого статуса захороненного человека. Для большей иллюстративности этой картины приводим Табл. III.

Таблица III.
Распределение случаев взаимовстречаемости жертвенников с другими категориями инвентаря.

Категория	Количество случаев встречаемости	%
Зеркало	30	**71**
Раковина Gryphaea	18	**43**
Наличие краски	23	**55**
Сосуд	33	**79**
Бусы	25	**60**
Оружие	13	**31**
Сбруя или ее части	7	**17**
Ложка	4	**10**
Камни-»кумалаки»	11	**26**

При выделении «жреческого» комплекса инвентаря необходимо выделить вещи, встречающиеся в погребениях, но не имеющие к комплексу прямого отношения. На наш взгляд, таковыми являются оружие, особенно наконечники стрел и конская сбруя, а также бусы и керамика. К числу вещей,

имеющих бесспорно сакральное назначение, обычно относят зеркала, раковины Gryphaea, ложки и камни-кумалаки (закопченые речные гальки).

Учитывая, имеющиеся данные, в «жреческий» комплекс, на наш взгляд, входят зеркала, красящие вещества, раковины Gryphaea. Последние, как известно, служили хранилищами собственно самих красящих веществ, наряду с ритуальными сосудиками, ступками и т.д. Из состава комплекса, очевидно, следует исключить кумалаки, учитывая их небольшой процент встречаемости. Судя по низкой встречаемости костяных ложечек (10%) их также придется исключить из «жреческого» комплекса. Вероятно, прав В. К. Федоров, считающий их атрибутом всадников-стрелков из лука, тесно связанным с колчанными наборами и культом сомы-хаомы (Федоров В. К., 1992).

Функциональное назначение переносных каменных жертвенников определяется обычно традиционно, в рамках двух-трех существующих гипотез. В. П. Алабин и В. П. Попов считали, что они предназначались для совершения религиозных обрядов. По мнению Б. Н. Гракова и А. М. Тальгрена, переносные алтари служили курильницами и столиками для жертвенной пищи.

Своеобразный итог этим исследованиям подвел К. Ф. Смирнов. Он полагал, что савроматские столики служили для разжигания огня, и воскурения ароматических веществ – смол, пахучих трав, хвои, а так же для растирания веществ символизирующих жертвенную кровь и огонь (1964, с. 167). Его точка зрения стала господствующей в сарматоведческой литературе

Однако, как свидетельствует археологический материал, эти предположения наталкиваются на ряд трудностей, которые заставляют пересмотреть существующие позиции.

Во-первых, подавляющее большинство жертвенников изготовлено из хрупкого песчаника и в случае разжигания огня, просто не выдержат перепада температур. Во-вторых, ни на одном жертвеннике не обнаружено достоверных следов огня – копоти или прокала. В-третьих, кроме белой и красной краски, в погребениях находят следы черного, голубого и зеленого красящих веществ, которые при всем желании трудно связать с солярным культом или жертвенной кровью. Да и вряд ли у кочевников была необходимость заменять последнюю красной краской. Думается, что жертвенной крови у них было достаточно в натуральном виде. Несомненно, однако, лишь одно: жертвенники использовались для растирания красок. На это указывают не только следы краски, но и совместные находки их с красящими веществами, и растирательниками в виде галек-пестов и кусков дерева, соответствующих по форме углублениям самих столиков. Но в этом случае правомерно ли называть рассматриваемые изделия собственно жертвенниками, и не логичнее ли видеть в них краскотерки?

Близкие к высказанным нами мысли были уже предложены несколько ранее В. Ю. Зуевым. Этот автор на наш взгляд справедливо развенчивая миф о «савроматских жрицах», приходит к выводу о том, что каменные столики являлись терочниками для приготовления косметики (1996, с. 14). Однако «гигиеническо-косметическое» назначение столиков объяснено недостаточно последовательно. В самом деле, если взять на выбор несколько достаточно полных комплексов с красками различных цветов, от охры до синего или зеленого, то можно только представить, какая защитная (от солнца и степного ветра) маска получиться из женского лица. Не отвергая целиком гипотезу В. Ю. Зуева, мы предлагаем свой вариант объяснения наличия в «жреческих» комплексах кочевников региона специфического характера красителей.

На наш взгляд, **ритуальные красящие вещества, приготовленные на ритуальных краскотерках, были предназначены для нанесения татуировки, имевшей, несомненно, ритуальный характер**. Археологическим доказательством существования обычая нанесения татуировок в древности является известное погребение мужчины во Втором Пазырыкском кургане. Кстати говоря, в том же комплексе была найдена «светильня» – жертвенник прямоугольной формы на четырех ножках (Руденко С. И., 1953, с. 136-140). Последние исследования на Алтае (Ак-Алаха III, к. 1; Верхний-Кальджин II, к 3) показывают, что обычай татуирования тела в пазырыкскую эпоху был распространен не только у кочевого нобилитета, но и рядовых воинов. В чжоусском Китае был известен народ Цяо татуировавший себя изображениями тигров. С. Я. Яценко отождествляет цяо с пазырыкцами (1996, с. 157).

К сожалению, природные условия Южного Урала не позволяли сохранить тело погребенного так как оно сохранилось в условиях вечной мерзлоть Горного Алтая, однако косвенно нашу гипотезу подтверждают данные письменных источников.

Так, по сообщению Помпония Мелы, агафирсы - соседи скифов «разрисовывали свои лица и тела более или менее по степени благородства», причем делали это так, что»...смыть их невозможно» (Помпоний Мела, 4, II, 4,32; II, 10). Этот источник дополняется сообщением Аммиана Марцеллина говорящего именно о голубом цвете узоров на теле (Аммиан Марцеллин, 1, XXI, 14). Особенно существенно для нас наблюдение Плиния Старшего, согласно которому «даки и сарматы мужчины распи сывали себе тело» (Плиний Старший, 5, XXII). Позже этот обычай фиксируется у динлинов и их потомков кыргызов. Причем, у последних татуировк была привилегией храбрейших (Грум-Гржимайло Г Е., 1928, с. 354).

Следует сказать, что обычай ритуального татуи рования тела сохранился и у некоторых современ ных народов. Так, например, этнографически ханты наносили татуировки в качестве медицинско го оберега, полагая, что болезнь должна перейти изображенных на теле зверей или птиц (Кулемзи

В. М., 1984, с. 119-120). Вполне вероятно, что характер татуировки являлся маркером социального статуса.

Если «жертвенники», раковины Grypheea и краски являлись принадлежностью древних татуировщиков, то возникает закономерный вопрос: – чем же наносилась татуировка? По нашим данным, из 42 использованных в выборке погребениях, в 14 случаях (33%) встречены проколки, шилья и даже декоративная игла с зооморфным навершием. Следует учесть, что выборка не совсем корректна, поскольку в ней присутствуют частично разрушенные или ограбленные погребения. Но и в таком сочетании археологические источники весьма показательны.

Таким образом, учитывая широкую распространенность обычая нанесения татуировки в ритуальных целях в среде варварских племен Евразии, представляется, что предложенная точка зрения имеет право на существование.

Рассмотрение проблемы сарматских псевдожертвенников-краскотерок затрагивает еще один важный аспект в истории кочевых племен Южного Урала.

Уже говорилось выше, что находки прямоугольных жертвенников на ножках зафиксированы по кромке степи и лесостепи Западной Сибири. Этот факт наряду с другими данными дал основание сибирским исследователям говорить о двух волнах сарматской миграции на восток, в ареал каменской культуры Верхнего Приобья (Шамшин А. Б., Демин М. А., Навротский П. И., 1992, с. 67; Могильников В. А., 1995, с. 108-109). Находки типично сарматских краскотерок позволяют говорить о влиянии южноуральских кочевников и на кочевников Центрального и Горного Алтая. Мы отмечали, что «светильни» из Караколя и Пазырыка полностью тождественны южно-уральским экземплярам, причем находки из Приобья и Алтая датируются более поздним временем чем сарматские (Васильев В. Н., 1996, с. 12). Несомненно, что более углубленное исследование в этом направлении даст интересные результаты, может быть даже неожиданные для наших традиционных представлений о культуре кочевников Южного Урала и их соседей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аммиан Марцеллин. Книга деяний.

Геродот. История.

Павсаний. Описание Эллады.

Помпоний Мела. Землеописание.

Плиний Старший. Естественная история.

Алиев Б. Б., Сунгатов Ф. А., Вильданов А. А. Могильник Бии-Уба I // См. статью в настоящем сборнике.

Алабин В. П. 1895. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее. Самара.

Боталов С. Г., Таиров А. Д. 1996. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.

Вайнберг Б. И. 1979. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ, Вып. XI, М.

Васильев В. Н. 1984. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Васильев В. Н. 1996. Каменные жертвенники-алтарики и проблема сарматских миграций // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. II, Уфа

Васильев В. Н., Федоров В. К. 1995. Разведочные раскопки в Северо-Восточном Оренбуржье // Башкирский край, Вып. 5, Уфа.

Васильев В. Н., Заднепровский Ю. А. 1995. Раскопки Сибайских курганов // АО, М.

Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. // ТХАЭЭ, Вып. VIII. М.

Воронова С. А., Порохова О. И. 1992. Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Гаврилюк А. Г., Таиров А. Г. 1993. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Граков Б. Н. 1947. ГУNАIКОКРАТОУМЕNОI (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ, №3.

Грум-Гржимайло Г. Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II., Л.

Железчиков Б. Ф. 1986. Савроматы и ранние сарматы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Зуев В. Ю. 1996. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху (отдельный оттиск из сборника). Спб.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1997. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

Кадырбаев М. К. 1977. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА, №3.

Кадырбаев М. К. 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. 1977. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. 1978. Погребение жрицы обнаруженное в Актюбинской области // КСИА, Вып. 154.

Кулемзин В. М. 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Матвеева Н. П. 1986. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.

Мещеряков Д. В. 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

Могильников В. А. 1992. Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Могильников В. А. 1995. О савроматско-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. II., Барнаул.

Мошкова М. Г. 1961. Сарматские памятники в Оренбургской области // КСИА, Вып. 83.

Мошкова М. Г. 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА, № 115.

Мошкова М. Г. 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ, Вып. Д1-10.

Мошкова М. Г. 1972. Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Погребова М. Н. 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.

Полосьмак Н. В. 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.

Попов А. В. 1911. По поводу доклада А. И. Деревенскова // Труды ОУАК, Вып. XXIII. Оренбург.

Пшеничнюк А. Х. 1983. Культура кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А. Х. 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Ростовцев М. И. 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР, № 37. Пг.

Руденко С. И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.

Савельева Т. В., Смирнов К. Ф. 1972. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ, № 3.

Сальников К. В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.

Смирнов К. Ф. 1964. Савроматы. М.

Смирнов К. Ф. 1974. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф. 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Смирнов К. Ф. 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Сунгатов Ф. А., Мигранов Р. А. Петропавловский курган // См. статью в настоящем сборнике.

Федоров В. К. 1992. Савромато-сарматские костяные ложечки: К вопросу об индоарийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры // Башкирский край. Вып. 2, Уфа.

Федоров В. К., Васильев В. Н. 1995. Исследование курганов савроматской эпохи на Южном Урале // АО. М.

Хабдулина М. К., Малютина Т. С. 1982. Погребальный комплекс V-IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА, Вып. 170.

Хабдулина М. К. 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.

Шамшин А. Б., Демин М. А., Навротский П. И. 1992. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.

Яблонский Л. Т. 1991. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья // СА, №1.

Яценко С. А. 1996. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Спб., 1996.

Grakov B. N. 1929. Deux tombeaux de l'epoque scythique aux environs de la ville d'Orenburg // ESA, IV. Helsinki.

Tallgren A. M. 1937. Portable altars // ESA, XI. Helsinki.

Eliot H. W. 1950. Excavations in Mesopotamia and Western Iran Sites of 400-500 B. C. Cambridg – Massahcusetts. T. 26, 318.

Заседателева С. Н. 1980. Отчет // Архив ИА РАН, Р1-9719.

Заседателева С. Н. 1982. Отчет // Архив ИА РАН, Р-1, 10132.

Заседателева С. Н. 1983. Отчет // Архив ИА РАН, Р1-8855.

Заседателева С. Н. 1984. Отчет // Архив ИА РАН, Р1-10518.

Заседателева С. Н. 1986. Отчет // Архив ИА РАН, Р1-11512.

Заседателева С. Н. 1987. Отчет // Архив ИА РАН, Р-1, 12358.

Иванов В. А. 1992. Отчет // Архив МАЭ УНЦ РАН.

Исмагилов Р. Б. 1979. Отчет // Архив МАЭ УНЦ РАН.

Пшеничнюк А. Х. 1990. Отчет // Архив МАЭ УНЦ РАН.

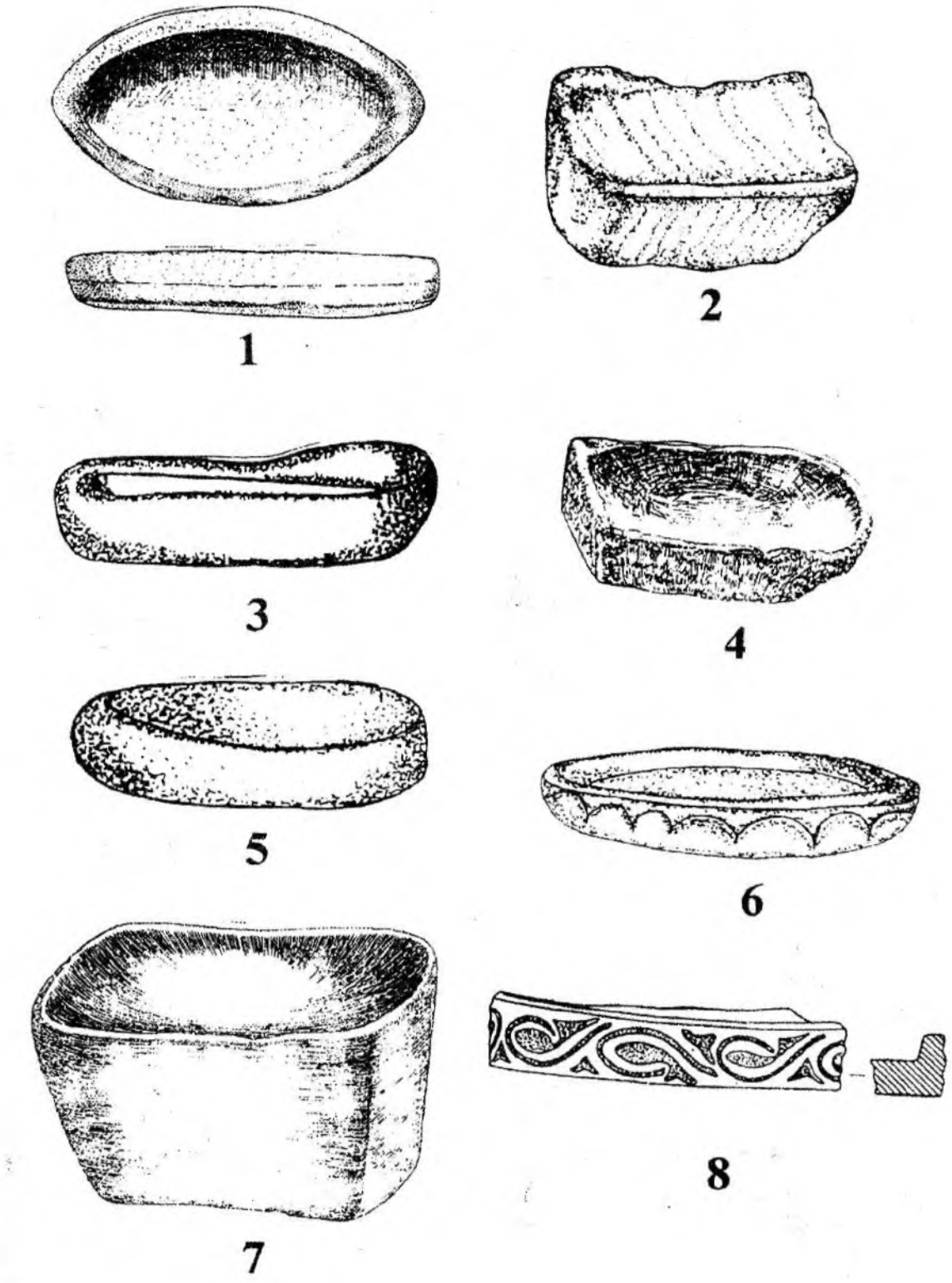


Рис. 1. 1 - Верхнекардаиловка VIII, курган 1; 2 - Альмухаметово, курган 17; 3 - Новый Кумак, курган 5; 4 - Альмухаметово, курган 10, погребение 2; 5 - Мечет-Сай, курган 2; 6 - Пятимары II, курган 5, 7 - Яковлевка, курган 2; 8 - Прохоровка, курган 4.

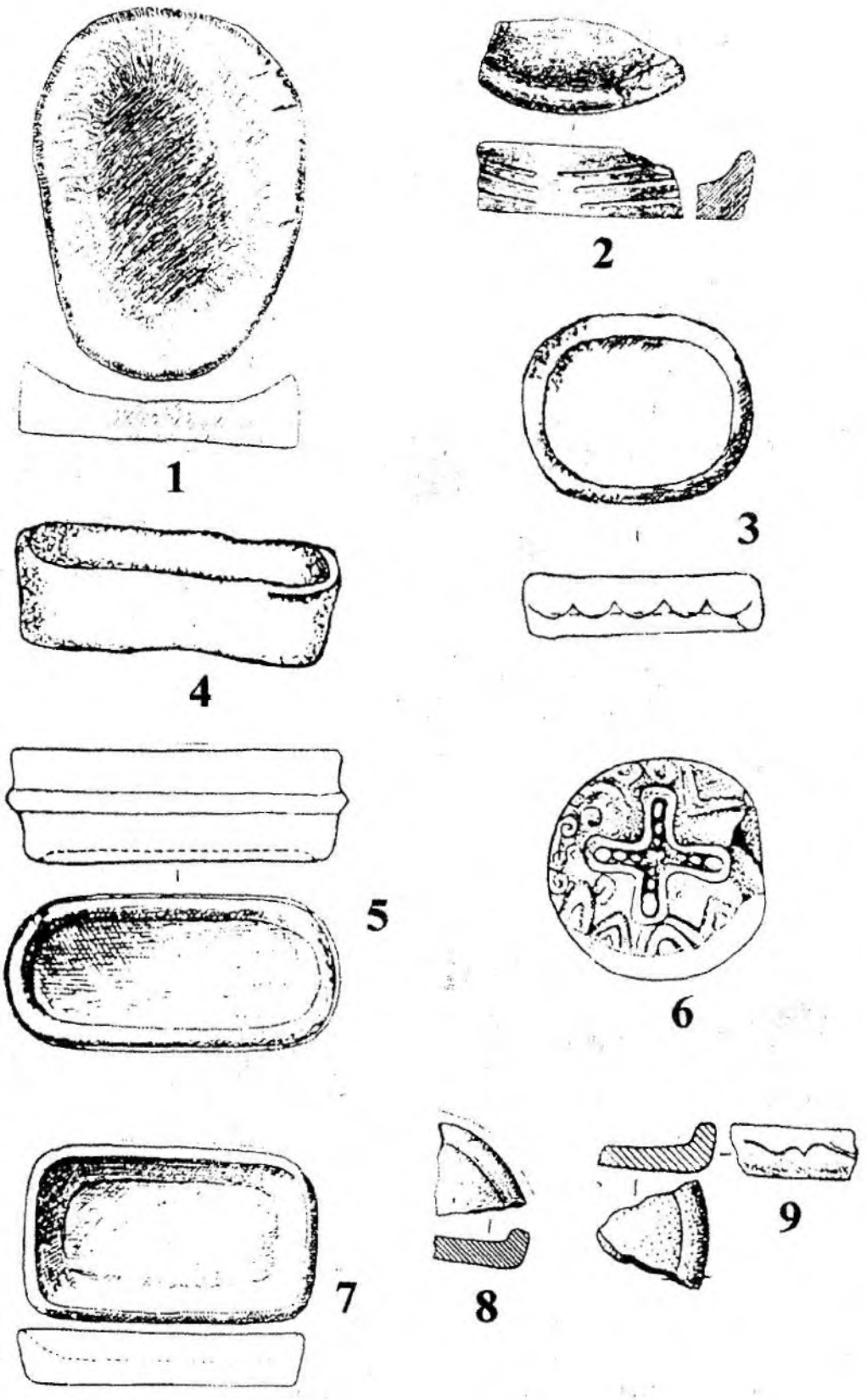


Рис. 2. **1** - Покровка I, курган 1; **2** - Новый Кумак, курган 20, погребение 7-8; **3** - Новый Кумак, курган 19, погребение 2; **4** - Верхнекардаиловка II, курган 3; **5** - Новый Кумак, курган 18; **6** - Бердинская гора, курган 4; **7** - Новый Кумак, курган 18; **8** - урочище Бис-Оба, курган 8; **9** - Аландское I, курган 1.

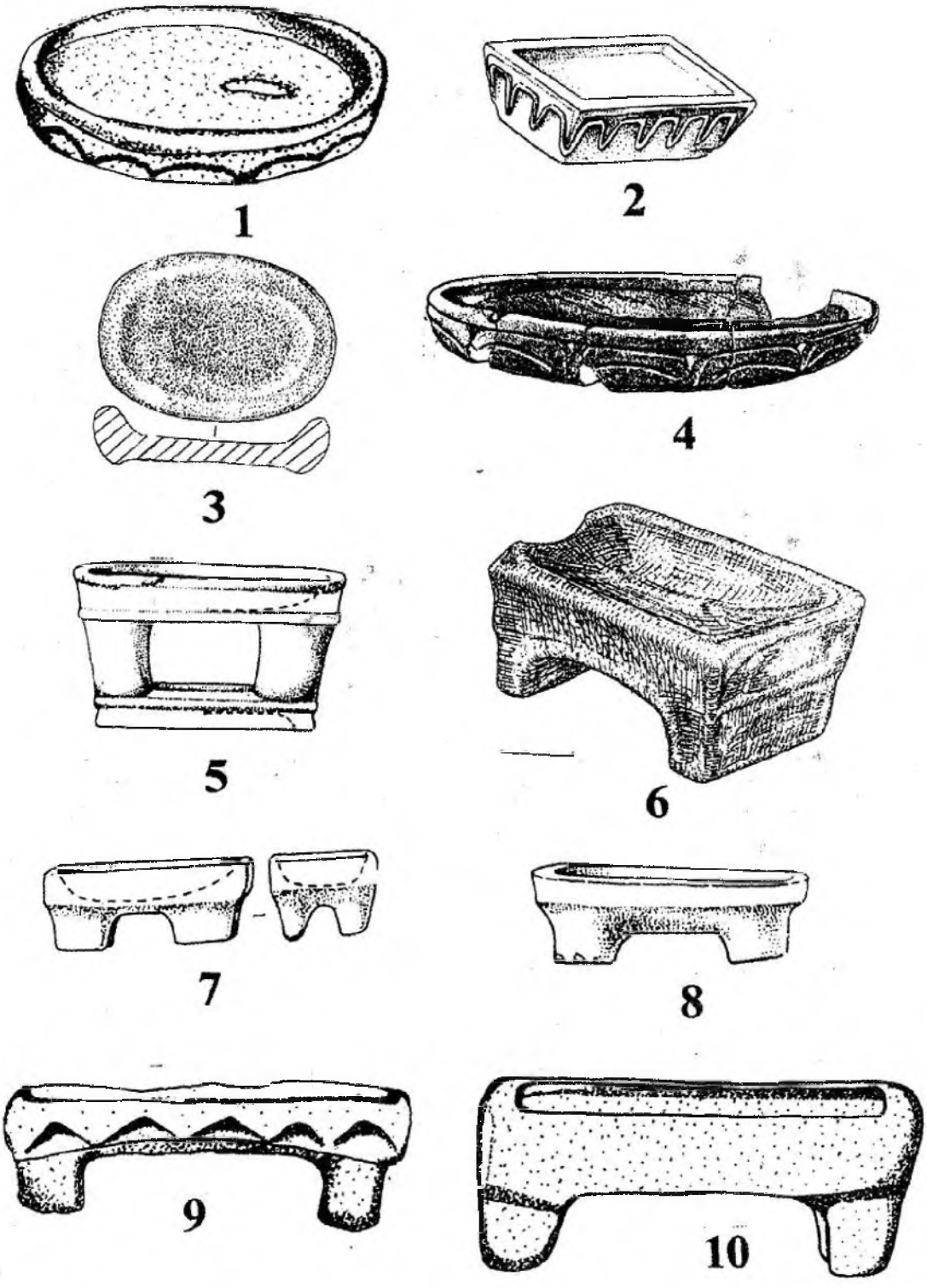


Рис. 3. **1** - Новый Кумак, курган 24; **2** - Мечет-Сай, курган 10, погребение 2; **3** - Варна, курган 2; **4** - Линевский курган; **5** - Тара-Бутак, курган 3; **6** - Петропавловский курган; **7** - Аландское; **8** - Новый Кумак, курган 9; **9** - урочище Жалгыз-Оба; **10** - Гумарово, курган 5, погребение 2.

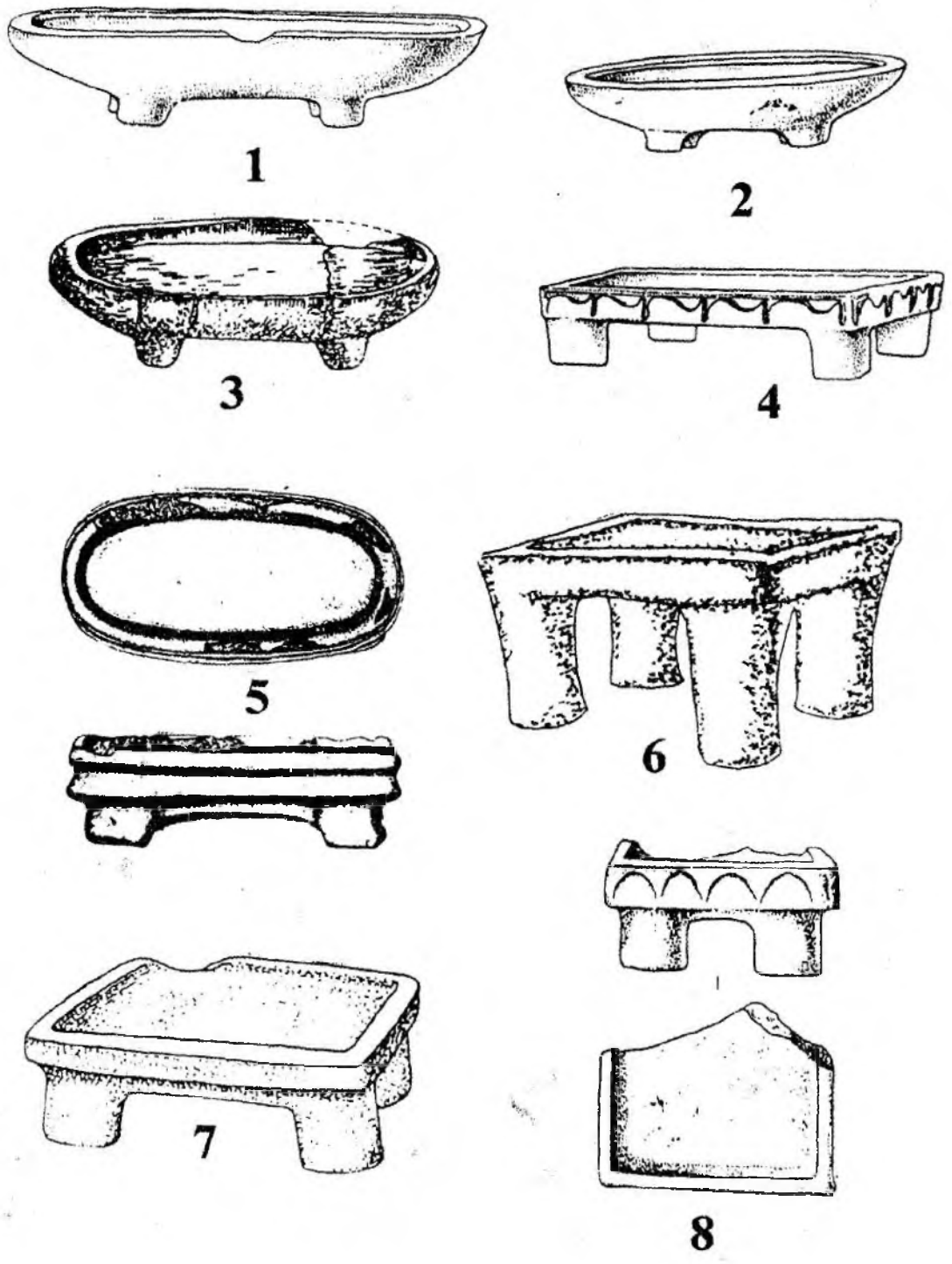


Рис. 4. **1** - хутор Крыловский; **2** - Любимовка, урочище Лапасина; **3** - Целинный, курган 2; **4** - Преображенка (Елга); **5** - Гумарово, курган 3; **6** - Тара-Бутак, курган 2; **7** - курган у с. Березовка; **8** - Увак, курган 7.

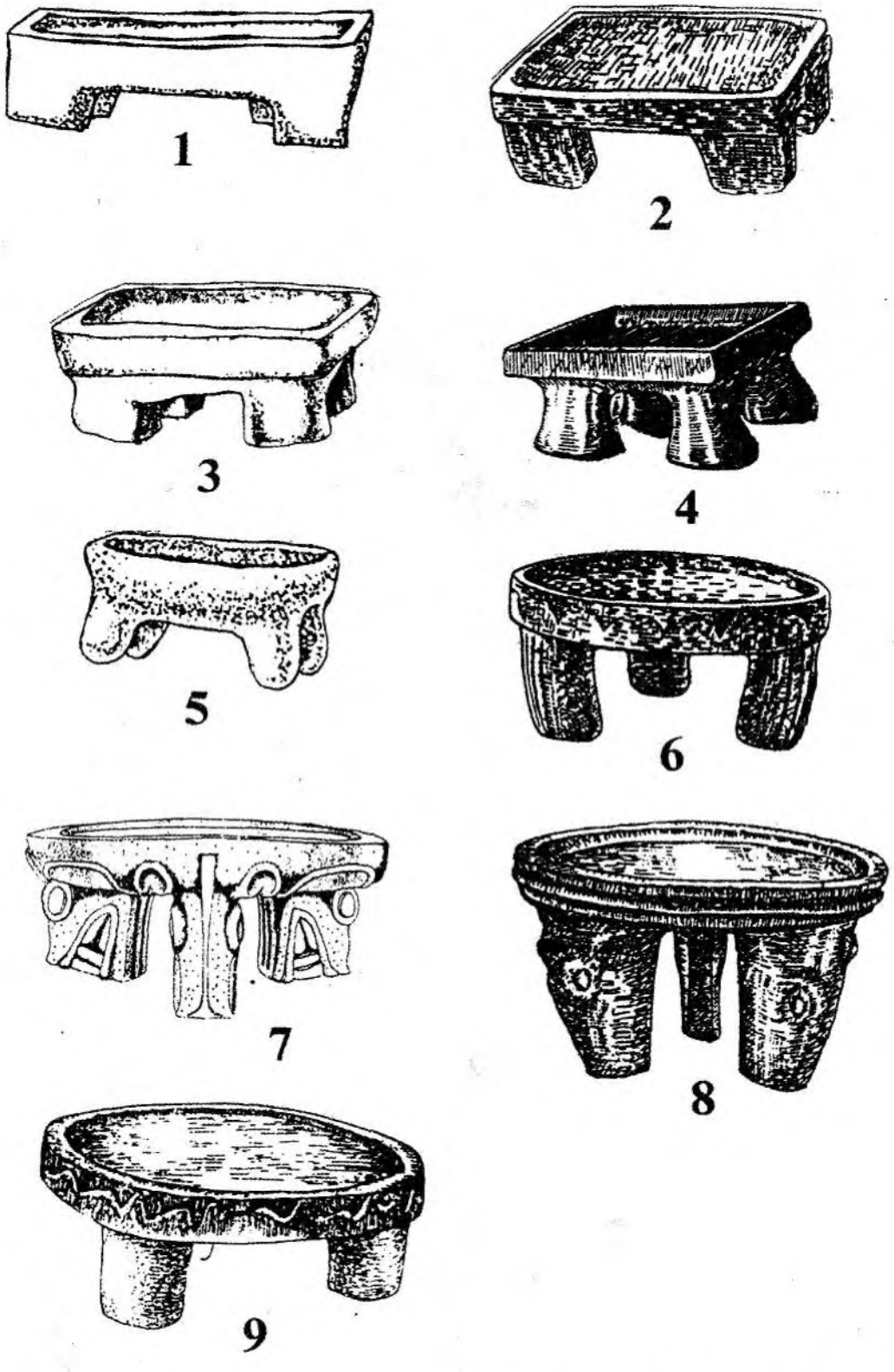


Рис. 5. **1** - урочище Горбатый Мост; **2** - Переволочан, курган 8; **3** - Кумис-Сай; **4** - Бесоба, курган 4; **5** - Гирьял, курган 2; **6** - Переволочан, курган 8; **7** - Бесоба, курган 3; **8** - Сибай II, курган 13; **9** - Альмухаметово, курган 8.

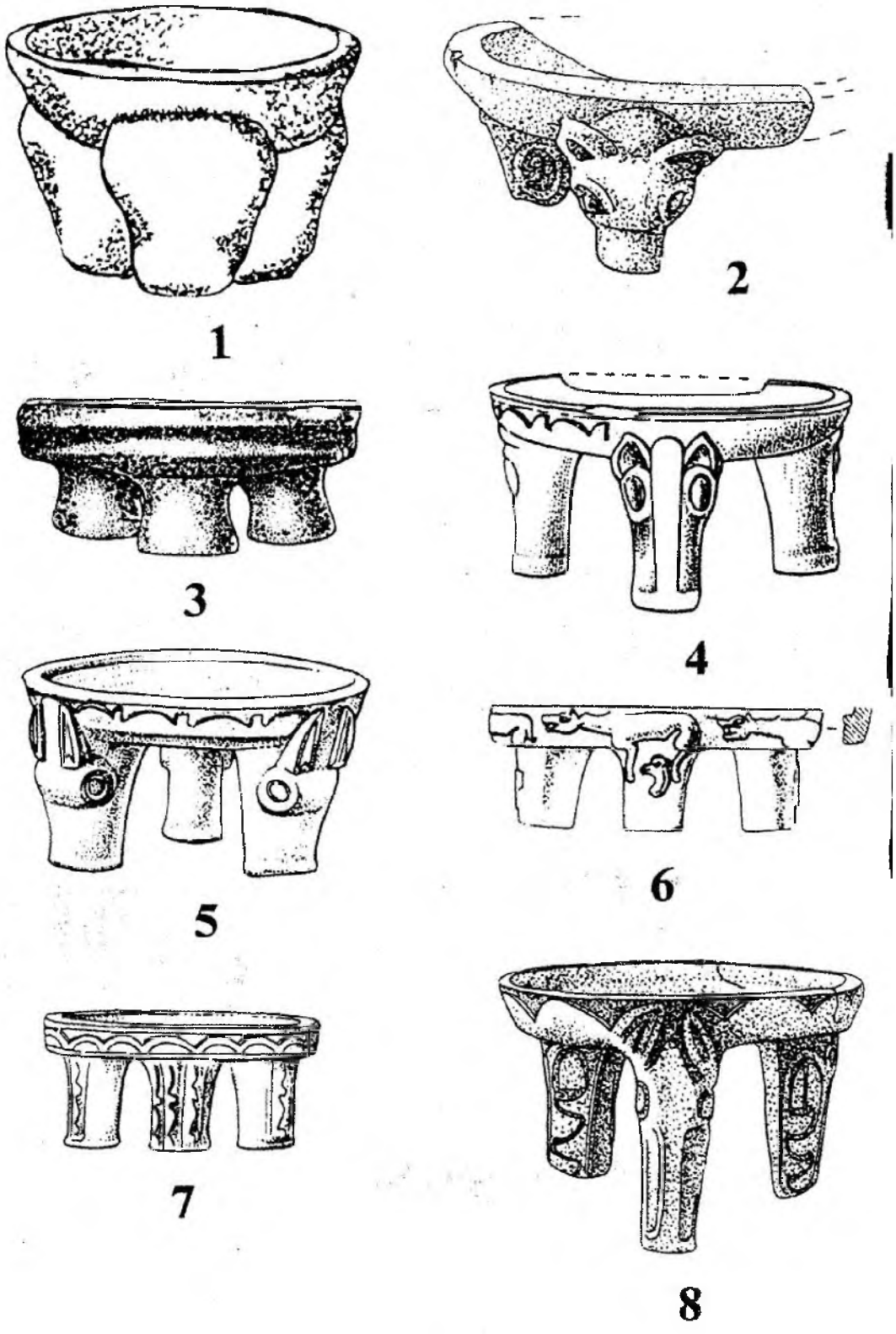


Рис. 6. 1 - Чкаловский, курган 6, погребение 5; 2 - Обручевка, курган 2; 3 - III Аландское, курган 3-4, погребение 2; 4 - поселок Благословенский (Бис-Оба); 5 - поселок Черниговский; 6 - хутор Крыловский; 7 - Маячная гора; 8 - Обручевка, курган 2.

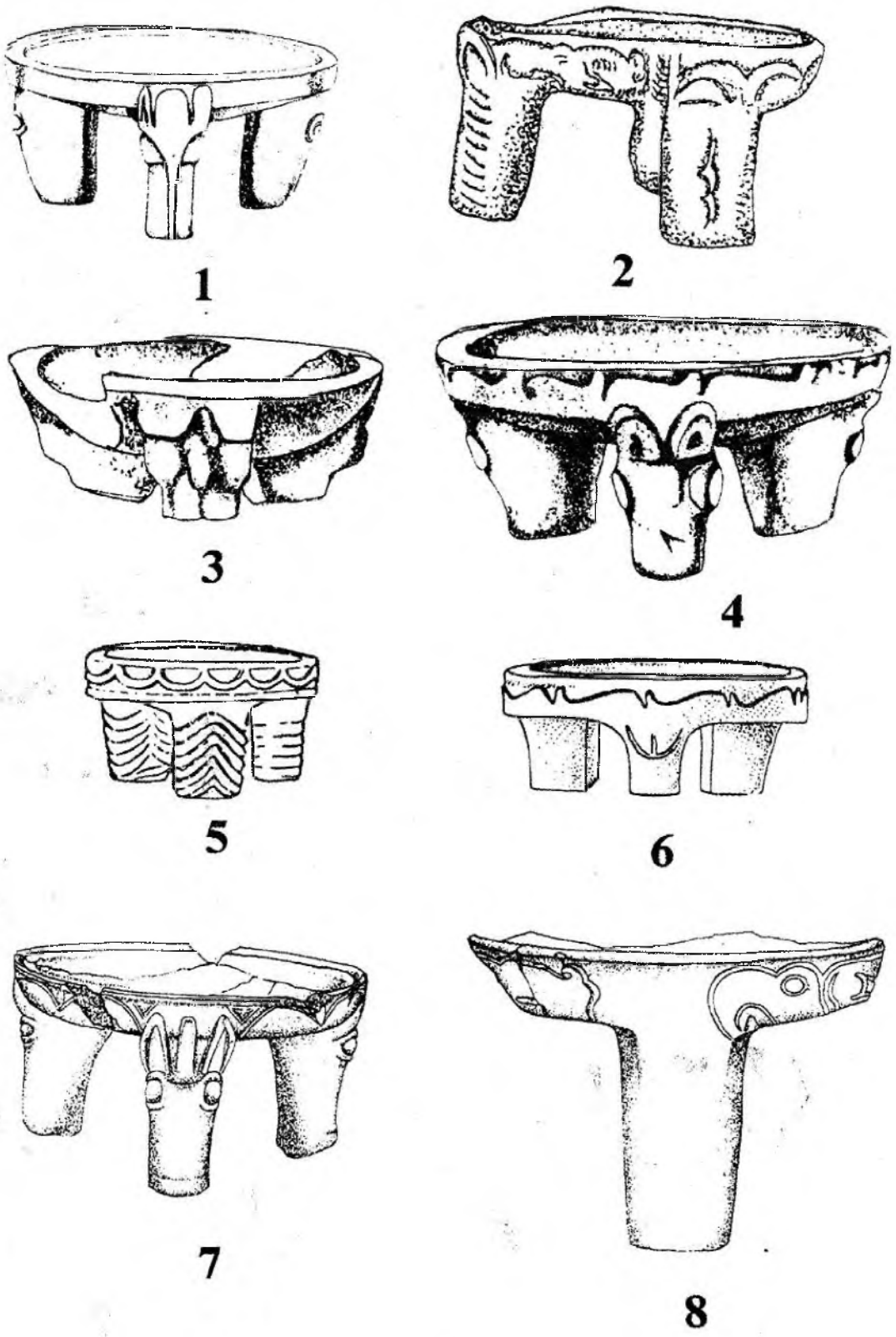


Рис. 7. **1** - урочище Курайли; **2** - урочище Курайли; **3** - урочище Кумис-Сай; **4** - урочище Кумис-Сай; **5** - поселок Черняки; **6** - хутор Веселый (Ак-Булак); 7 - Биш-Уба I, курган 1, погребение 1; **8** - Биш-Уба I, курган 1, погребение 2.

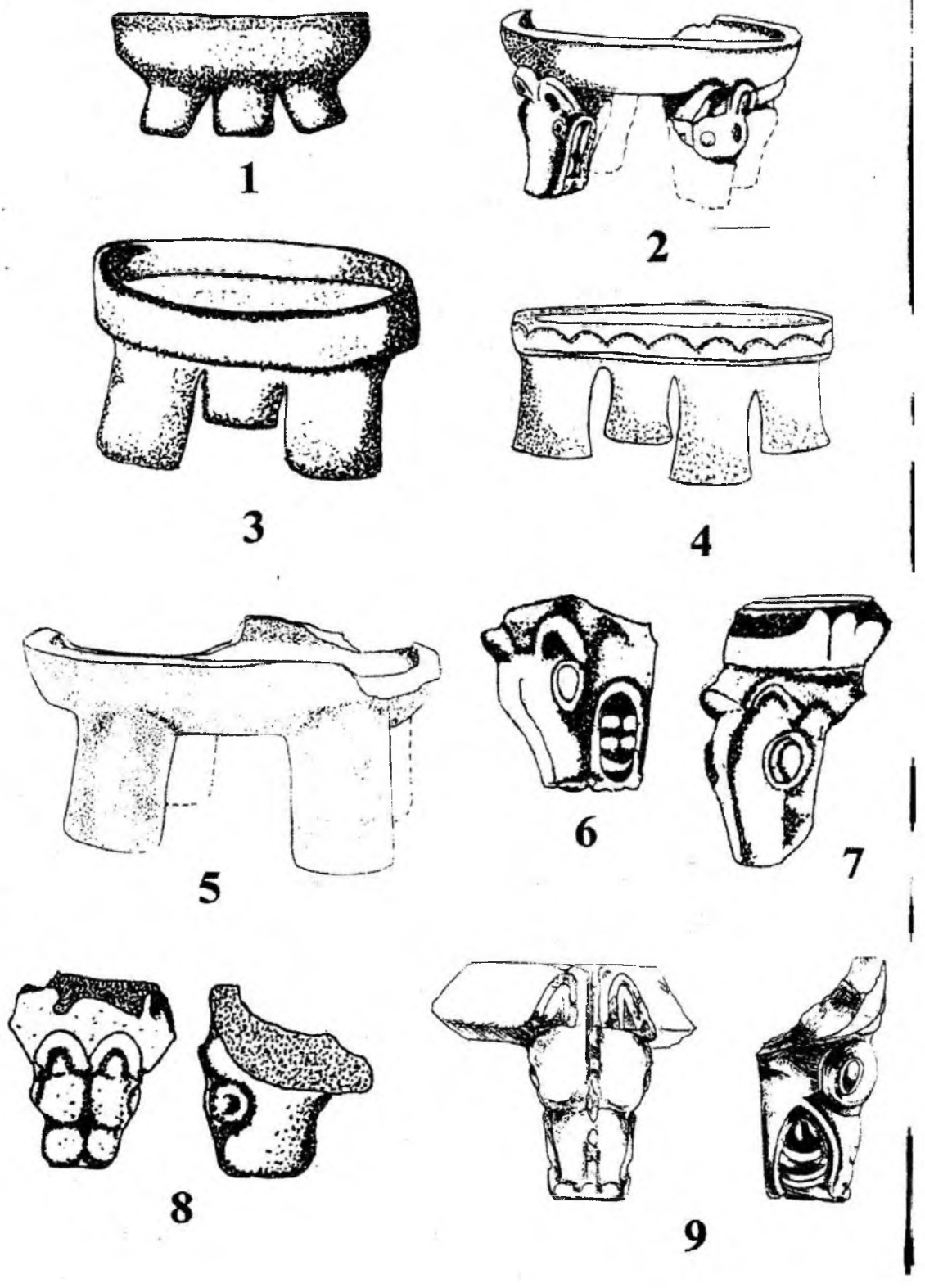


Рис. 8. **1** - Чкаловский, курган 4, погребение 3; **2** - урочище Кумис-Сай; **3** - Новый Кумак, курган 5; **4** - хутор Крыловский; **5** - Курайли; 6 - Кумис-Сай, курган 2; 7 - Кумис-Сай, курган 1; **8** - Бесоба, курган 12; **9** - Сибай I, курган 2.

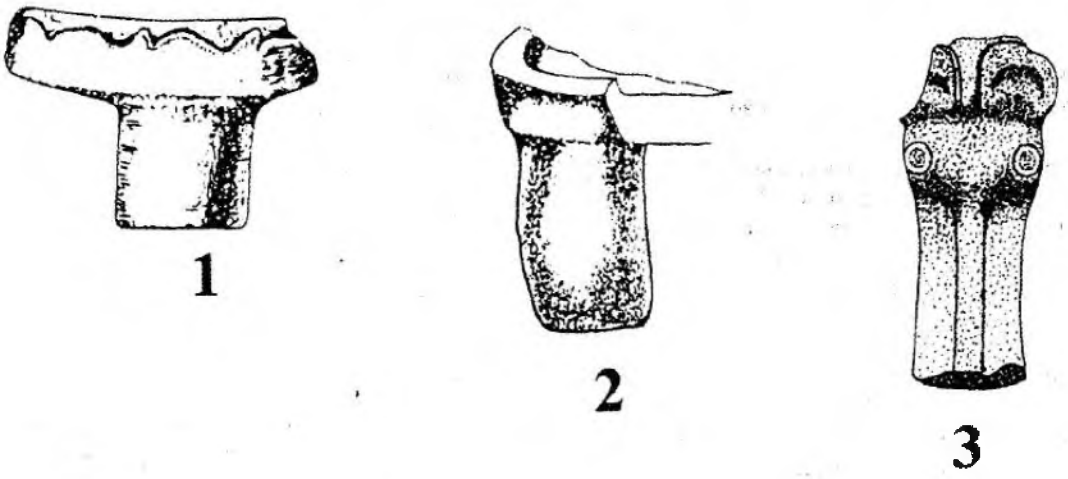


Рис. 9. **1** - Аландское I, курган 1; **2** - Бесоба, курган 1; **3** - Маячная гора.

С. В. Богданов
(Оренбург, Институт степи УрО РАН)

ИДОЛЫ И АМУЛЕТЫ САРМАТСКИЙ ПОГРЕБЕНИЙ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Первая сарматская меловая статуэтка на территории южнорусских степей обнаружена В. А. Городцовым в 1901 г. в кургане у дер. Переездной Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (1907, с. 253; 1910, с. 89 - 97). Эта находка неожиданно для автора привлекла внимание всей археологической общественности России того времени. Интерес вызвал не столько сам предмет, хотя и уникальный, по мнению В. А. Городцова (1910, с. 94), сколько очень эмоциональная дискуссия, развернувшаяся между двумя величайшими археологами России - В. И. Веселовским и В. А. Городцовым в 1910 г.

«Миниатюриая бахмутская каменная баба», как называл меловую статуэтку В. А. Городцов, происходила из детского захоронения с южной ориентировкой и сопровождалась синим пастовым бисером, а также миниатюрным глиняным кувшином. Статуэтка небольших размеров, ее длина 9,5 см, «...лицо, - как писал В. А. Городцов, - плосковатое... подробности лица не видны... затылок - округлый... голова немного выдается вперед, шея выражена ясно в виде перехвата, локти согнуты почти под прямым углом... На груди сохранились возвышения, указывающие на женский пол статуэтки... бедра толстые, быстро суживающиеся книзу» (1910, с. 90 -91).

Для В. А. Городцова, опубликовавшего находку, полной неожиданностью оказалась резкая критика Н. И. Веселовского, утверждавшего, что автор находки ошибся не только в датировке, относя статуэтку к «греко-римскому времени», т. е. к первым векам нашей эры, тогда как на самом деле она относится к «домикенскому» времени, но и ошибочно воспринял округлый постамент за голову, а вытянутую, как у всех «домикенских» идолов голову за - ноги (1910а, с. 1-11). В «Ответе профессору Н. И. Веселовскому», опубликованном В. Л. Городцовым в 1910 г., сквозит глубокая обида и недоумение: «...почему он (Н. И. Веселовский) - так резко действует на самолюбие критикуемого... ошибаться свойственно человеку, и если бы критикуемый г. Веселовским действительно ошибся, то неужели нужно так глумиться над его ошибкой...» (1910, с. 97).

Но, Н. И. Веселовский был глух к доводам В. А. Городцова, слова его очередной полемической заметки звучали приговором: «В. А. Городцов не нашел в себе достаточно мужества , чтобы сознаться в своей ошибке... г. Городцов по прежнему ищет на постаменте черты лица... подобная претензия может исходить только из мании величия... (1910б, с.101). Подводя итоги дискуссии, Н. И. Веселовский заметил: «... в нашем споре необходимо должны будут принять участие и другие археологи и им будет принадлежать последнее слово» (1910б, с. 98).

Лишь в середине 50-х гг. после раскопок знаменитых Быковских курганов на Нижней Волге, пожалуй, «последнее слово» в этой дискуссии произнесено К. Ф. Смирновым, опубликовавшим статуэтку из I Быковского могильника (п. 3 к. 5), сопоставимую с «миниатюрной каменной бабой» из кургана близ Переездной, сопровождавшуюся разнообразным погребальным инвентарем среднесарматского времени. Как писал К. Ф. Смирнов: «В горячем споре между В. А. Городцовым и Н. И. Веселовским по поводу времени и назначения бахмутской статуэтки правым оказался В. Л. Городцов» (1966, с. 161).

С конца 50-х круг источников по культуре и искусству сарматов значительно расширился, но антропоморфные статуэтки и сейчас продолжают оставаться наиболее редкой категорией погребального инвентаря. Основным материалом для этих статуэток служил мел, значительно реже встречаются изваяния из алебастра и резные из кости миниатюрные амулеты. Около 20 учтенных антропоморфных статуэток из курганных захоронений Евразии отчетливо разделяются на две хронологических группы: к первой относятся меловые алебастровые и костяные миниатюрные статуэтки среднесарматского времени, маркирующие пределы азиатской сарматии в «дооланский период» (I в. до н. э. - II в. н. э.) от степей Северного Причерноморья до пустынь Средней Азии; ко второй отнесены статуэтки и меловые антропоморфные фишки из погребений Ферганы середины I тыс. н. э. и салтово-маяцких захоронений конца I тыс. н. э. (Брыкина Г. А., Трунаева Т. Н., 1995, с. 75 - 81 ; Пиотровский Б. Б., 1989, с. 82 и др.), отражающие пестрый этнический состав объединений поздних кочевников.

На территории Степного Приуралья известно четыре находки этого рода. Все они хранятся в фондах Оренбургского областного краеведческого музея.

Первая в Приуралье меловая статуэтка обнаружена в 1957 г. К. Ф. Смирновым в могильнике Близнецы (п. 1 к. 1) на Илеке в детском катакомбном погребении (1975, с. 50 - 53). В древности она разбита на несколько частей и получила многочисленные затертости и выщербины на поверхности. Она изготовлена из мелового монолита и содержит в центре продолговатую железистую конкрецию. Длина статуэтки 11 см. В публикациях К. Ф. Смирнова и других авторов воспроизводится нечеткая фотография статуэтки, либо - прорисовки с фотографии (Смирнов К. Ф., 1975, с. 51 , Рис. 15,8). Оригинал позволяет практически полностью реконструировать ее облик (Рис. 1,1). От других меловых статуэток она отличается несколько более крупными размерами и непропорционально большой головой, сведенные под грудью руки выделены нечетко, ноги слегка

согнуты в коленях. К. Ф. Смирнов суммарно определял дату впускных погребений кургана 3 III в. до н. э., хотя облик инвентаря именно этого погребения, прежде всего - глиняных сосудов допускает и более позднюю датировку - вплоть до конца I в. н. э.

Еще одна меловая статуэтка обнаружена в 1978 г. Н. Л. Моргуновой во впускном детском погребении 2 кургана 16 I Кардаиловского могильника на левобережье Урала (1996, с. 35, Рис. 14). Останки малолетнего ребенка ориентированы головой на юг и захоронены в узкой вытянутой яме (возможно подбойной) и сопровождались бронзовым колечком в полтора оборота, алебастровой бусиной и сердоликовыми пронизками. Статуэтка находилась возле черепа. Ее длина 8,3 см. Лицо уплощено, затылок округлый, шея выделена четким перехватом, руки, показанные рельефным валиком, согнуты в локтях и сведены под грудью, ноги показаны очень схематично, - выделена лишь верхняя часть бедер и лобок (Рис. 1,2). Из всех приуральских статуэток именно кардаиловская по форме и размерам наиболее близка «бахмутской миниатюрной каменной бабе» В. А. Городцова. Передняя лицевая сторона всех сарматских статуэток этого типа в большей или меньшей степени уплощена, тыльная же сторона более рельефна. Статуэтка из Кардаиловского могильника датируется среднесарматским временем (I в. до н. э. - I в. н. э.).

В 1993 г. в курганном могильнике Покровка 1 на Илеке в п. 2 к. 13 (скелет 2) Л. Т. Яблонский исследовал захоронение ребенка с юго-юго-восточной ориентировкой (Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н. и др., 1994, с. 102, 120). В погребении помимо алебастровой чашечки, сердоликовой и фаянсовой дольчатой бусин возле черепа находился костяной амулет-подвеска длиной около 4 см., очень схематично передающий облик обнаженной женщины со сведенными под грудью руками (Рис. 1,3). Левая рука расположена несколько выше правой, над теменем просверлено отверстие для подвешивания. Судя по типам привозных бус, погребение относится к самому концу прохоровской культуры - среднесарматскому времени (с конца II в. до н. э. по I в н. э.). Прямой аналог амулету из Покровки - резная из кости антропоморфная подвеска из среднесарматского погребения 1 Балабинского могильника в Сальской степи, где резной из кости амулет обнаружен в комплексе с меловой статуэткой (Абрамова М. П. и др., 1989, с. 384).

Последняя по времени находка этого рода - алебастровая статуэтка длиной 22 см., изображающая фигуру обнаженной женщины из впускного погребения 1 в насыпи кургана 3 I Нижнепавловского могильника из раскопок 1995 г. автора настоящей статьи (Рис. 2,3). Материал раскопок этого памятника публикуется впервые. I Нижнепавловский курганный могильник обнаружен автором статьи во время разведки в бассейне р. Донгуз в 1982 г. (Богданов С. В., 1983).

I Нижнепавловский курганный могильник насчитывал три кургана вытянутых широтно по овальному гребневидному каменистому уступу второй надпойменной террасы правого берега р. Донгуз в 1,2 км. юго-восточнее с. Нижняя Павловка (северо-западный уступ Илекского плато) примерно в 25 км. юго-западнее черты г. Оренбурга. Во второй половине 80-х гг. На площадке памятника разрабатывался гравийный карьер асфальто-бетонного завода. После выработки карьера в 90-е гг. его котлован и насыпи курганов стали использоваться под свалку твердых отходов ПО «Газдобыча»: на насыпи сваливался мусор, по мере накопления сдвигался бульдозерами в карьер. Насыпи курганов были повреждены бульдозерными траншеями, разрушившими предполагаемые впускные погребения. Между курганами 2 и 3 в это же время проложен газопровод. В 1995 г. экспедицией Оренбургского областного краеведческого музея проведены охранные раскопки этого памятника.

Курганы 1 - 2, слившиеся насыпями, сооружены в V в. до н. э., курган 3, расположенный особняком, в своей основе содержал разграбленное катакомбное погребение прохоровского времени (IV-III в. до н. э.), окруженное полукольцом из подбойно-катакомбных прохоровских погребений 2 - 9 III - II вв. до н. э. Детское погребение 1 с алебастровой статуэткой расположено на периферии насыпи за пределами полукольца прохоровских погребений. Конструкция верхней части погребальной ямы не выявлена, в нижней части она выглядела как довольно узкая вытянутая яма за полненная щебнем. Не исключено, что в западной части яма имела подбой.

Останки ребенка 7 - 9 лет*, скорее всего женского пола, захоронены на дне ямы в позе вытянуто на спине головой к юго-юго-востоку (Рис. 1). Кисти рук помещались на крыльях таза. Рукава одежды и, вероятно, головной убор были расшиты мелкими золотыми полусферическими бляшками с двумя отверстиями (Рис. 5, 7). В ногах стояли два глиняных сосуда (Рис. 4, 1-2) - сосуд 1 - небольшой гончарный сероглиняный полированный кувшин с зооморфной ручкой, сосуд 2 - ручной лепки, неровного обжига. Шаровидное тулово сосуда отделено от высокого горла небольшим уступом, по бокам - два налепа, дно слегка уплощено (Рис. 4, 1). Фактура сосуда очень рыхлая, в тесте примесь органики и шамота. По сторонам голеней находилось два точеных из алебастра сосудика (Рис. 1), содержащих меловую эмульсию. Один из них - целый, украшен по бокам фигурками лежащих кабанов, второй, - раздавленный грунтом, - рельефное изображение длиннохвостого животного (Рис. 5, 1-2). Куски мела находились в створке речной раковины возле левого локтя, а также справа возле плеча и черепа на дне ямы. В области левого крыла таза собраны мелкий бисер сине-зеленого и желтого цветов, 8 пастовых

* Определение Филиппова В. К., кандидата медицинских наук, заведующего Оренбургской лабораторией криминалистической экспертизы.

пронизок, 4 экземпляра крупных реберчатых стеклянных бусин, 10 экземпляров бусин с внутренней позолотой, (рис. 5, 9), а также египетский медальон синей смальты, украшенный резным изображением лежащего льва (Рис. 5, 8). Ожерелье, по всей видимости, находилось в кожаном мешочке или футляре - от него сохранился кусок кожи в два слоя на левом крыле таза. С этим футляром каким-то образом связана и литая из бронзы застежка колоколовидной формы с петлей для подвешивания и боковыми цапфами, обнаруженная в области левого бедра.

Алебастровая статуэтка лежала на дне могилы перпендикулярно костям правой ноги, несколько наклонно (Рис. 2, 1). Она изображает фигуру стоящей обнаженной широкоплечей молодой женщины или девушки со сведенными под грудью руками так, что правая рука расположена выше левой, непропорционально короткие ноги слегка согнуты в коленях (Рис. 3). Шея украшена спирально завитой гривной, запястья рук и щиколотки ног - браслетами. На голове - цилиндрическое подобие короны. Миндалевидные глаза, брови выделены очень рельефно, нос уплощен. Темя, «прическа» ниже «короны» и лобок окрашены черной пачкающей краской. Той же краской подведены глаза, брови и выделены округлые зрачки глаз. На левом бедре процарапано очень нечеткое изображение, напоминающее трехлопастную свастику. Округлым отверстием показан пупок в нижней части живота. Спина и ягодицы уплощены. На ободе «короны» вверху слева просверлено отверстие, служившее, видимо, для крепления плюмажа. Статуэтка вырезана из литой алебастровой заготовки (штука).

Инвентарь захоронения, прежде всего, типы алебастровых сосудов - характерны для среднесарматского культурного комплекса, керамика, бусы и медальон (Алексеева Е. М. и др., 1984, с. 348, Рис. 20-21) встречаются в Северном Причерноморье не ранее первых веков нашей эры, определяет дату захоронения в пределах от конца I в. до н. э. до начала II в. н. э. От известных меловых и алебастровых статуэток нижнепавловский экземпляр отличает особая пластика образа, его завершенность, передающая, очевидно, новый неизвестный прежде художественный стиль сарматов. По тщательной проработке деталей фигуры, ее пропорциям, нижнепавловской статуэтке в какой-то мере соответствует алебастровая статуэтка из Хазара в среднеазиатском междуречье (Андрианов Б. В. и др., 1989, с. 393, Рис. 43, 22).

Сопоставление приуральских миниатюрных статуэток с находками из сарматских погребений Волго-Донских степей и районов Средней Азии, позволяют сделать некоторые выводы:

1) Все миниатюрные меловые, алебастровые статуэтки и костяные амулеты, обнаружены в погребениях двух возрастных групп - малолетних детей 5 - 12 лет и подростков 12 - 16 лет. В установленных случаях определяется женский пол покойных. То есть, эти предметы встречены в погребения лиц женского пола, не достигших брачного возраста. В сарматских погребениях иных половозрастных групп статуэтки отсутствуют.

2) Многочисленные выщербины, затертости и другие дефекты, особенно на лицевой стороне, свидетельствуют о длительном использовании статуэток и амулетов до помещения их в могилу.

3) Практически все статуэтки происходят из впускных погребений в насыпи курганов более раннего времени. В случаях, где устанавливаются детали верхней части погребального сооружения - определяется подбойно-катакомбный тип могил. Останки покойных всегда вытянуты на спине, головой к югу. Одна или обе руки в установленных случаях помещаются кистями на крыльях таза.

4) Среди инвентаря помимо статуэток обычны украшения, характерные для II в. до н. э. - II в. н. э. алебастровые сосуды, мел, глиняные сосуды (иногда до 4-х сосудов). В погребениях старшей возрастной группы (12 - 16) лет встречаются зеркала, ножи, наконечники стрел и т. п.

5) Анализ обряда и инвентаря погребений с меловыми, алебастровыми статуэтками и костяными амулетами позволяет рассматривать эти погребения как компактную культурно-хронологическую группу среднесарматского времени. Поэтому, нет особых оснований датировать часть меловых статуэток прохоровским временем. Более того, статуэтки и амулеты, очевидно стоит рассматривать как своего рода реперы, датирующие предметы, принадлежащие к среднесарматскому культурному комплексу от конца II в. до н. э. до II в. н. э.*

Традиция использования мела в ритуально-культовых целях в виде порошка, отдельных кусков мела, иногда - меловых предметов относится к раннесарматской эпохе. В этом плане очень показательно погребение молодой женщины или девушки из Чкаловского могильника (к. 4 п. 1) возле Оренбурга (Воронова С. А., Порохова О. И., 1992, с. 249), где в комплексе с фрагментом китайского зеркала обнаружен меловой алтарик с округлой чашей на четырех цилиндрических ножках с календарной символикой по ободу и на ножках, а также орнаментированный кусок мела с перехватом, использовавшийся, видимо, в ритуально-косметических целях. В позднепрохоровское и среднесарматское время с III в. до н. э. по I в. н. э. у сарматов Степного Приуралья и сопредельных территорий, по всей видимости существовал устойчивый обычай выбеливать лицо. Символически мел, белая краска связаны с идеей ритуальной чистоты, небесного света. Материал, размеры, форма и особенности дефектов, потертостей на лицевой стороне всех меловых статуэток не противоречат рассмотрению их в качестве ритуально-косметических предметов, служивших для выбеливания лица и тела. Их генезис, очевидно, автохтонен, хотя сам антропоморфизм, элементы

* По прежнему спорно отнесение к сарматской культуре меловых плиток из Колтубани, лимана Могута и хут. Вертячий (Скрипкин А. С., 1991, с. 127).

стилистики, возможно заимствованы из среды населения Средней Азии, где существовала устойчивая традиция изготовления терракотовых и деревянных статуэток.

Расширение ареала расселения сарматов в позднепрохоровское время, их участие в политической истории Парфянского и других государств, определяет реальность такого ряда культурных заимствований. Более миниатюрные костяные статуэтки с ушком для подвешивания (Покровка, Балабинский могильник) - могли служить индивидуальными амулетами-оберегами. На традицию их изготовления и использования, вероятно, повлияли привозные пастовые амулеты, распространившиеся из северного Причерноморья. Случаи обнаружения меловых статуэток и костяных амулетов в одном комплексе указывает не только на их одновременность, но и подчеркивает разное назначение предметов, изображающих один и тот же мифологический персонаж - обнаженную женщину со сведенными под грудью руками.

Наконец, третий тип статуэток - более крупные, детально проработанные, вырезанные из алебастра кумиры, идолы, изображающие более полно тот же самый религиозно-мифологический женский обнаженный персонаж, использовались скорее всего именно в качестве семейных или родовых идолов-кумиров.

Относительно семантики сарматских статуэток в археологической литературе высказано несколько точек зрения: К. Ф. Смирнов считает их отражением культа антропоморфного женского божества (1966, с. 262). А. С. Скрипкин, ссылаясь на тексты Авесты предполагал, что статуэтки «отражают какие-то религиозные представления сарматов анимистического характера», возможно, являются воплощением духов семьи «нманьи», духов умерших предков и т. п. (1991, с. 112 - 155).

Учитывая половозрастную специфику этой оригинальной категории погребального инвентаря, длительное использование статуэток и амулетов до погребения, унифицированность изображения обнаженного персонажа женского пола, очевидно, более обоснованной можно считать точку зрения К. Ф. Смирнова. В пантеонах индо-иранских народов довольно широко приставлены женские персонажи - Табити и Аримпаса у скифов, Ардви-Сура у древних иранцев и т. п.

При идентификации женского персонажа сарматских статуэток степей Евразии важна их устойчивая связь с лицами женского пола, умершими до брачного возраста, подчеркивание материалом (белый мел, алебастр, кость) связи с белой цветовой символикой, сочетания обнаженного тела с богатыми украшениями, сведение под обнаженной грудью рук в антропоморфной позе («оберегающая чрево»), так, что в детализованных случаях правая рука всегда внизу, левая вверху.

Скорее всего, мы никогда не узнаем имени этой сарматской богини, хотя семантика ее образа в значительной мере соответствуют мифологической концепции эротического божества ведийских ариев - Ушас, - одной из основных богинь пантеона Ригведы - богини красоты, утренней зари, небесного белого света, начала жизни, плодородия, покровительницы скота. В древнейших гимнах Ригведы подчеркиваются эти качества Ушас:

Из темного пространства восстала...
несокрушимая...
Зная имя первого дня,
Белая, белеющая, родилась из черного...
Ты идешь, словно девица, красуясь телом,
Юная женщина, ты раскрываешь грудь,
Когда зажигаешься с востока.
Словно юная женщина прекрасной
внешности...
Ты показываешь тело чтобы смотрели.
О Ушас, воссвети ты далеко, неся счастье!
Та, что не нарушая божественных обетов,
Но сокрушает людские поколения, -
...дочь неба показалась, облекаясь в свет,
Как знающая наперед, она не путает
направление.
Ее грудь..., как у блудницы,
Как Нодхас она открыла прелести,
Как муха, будящая спящих,
Она вознеслась...
Родительница коров подняла свое знамя...
Красуясь незапятнанным телом.

(Ригведа, Мандала I, 123 - 124)

Достоверность данного предположения определят новые материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М. П., Бессонова С. С. и др., 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Алексеева Е. М., Амброз А. К. и др., 1984. Античные государства Северного Причерноморья. М.

Андрианов Б. В. и др. , 1992. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Брыкина Г. А., Трунаева Т. Н., 1995. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.

Веселовский Н. И., 1910а. Алебастровые и глиняные статуэтки до-микенской культуры в курганах южной России и на Кавказе // Известия ИАК, 35, Спб.

Веселовский Н. И., 1910б. По поводу ответа В. А. Городцова // Известия ИАК, 37, Спб.

Воронова С. А., Порохова О. И., 1992. Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г. // Труды XIII АС, т. 1.

Городцов В. А., 1910. Бахмутская «миниатюрная каменная баба» (ответ проф. Н. И. Веселовскому) // Известия ИАК, 37, Спб.

Моргунова Н. Л., 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе //Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

Пиотровский Б. Б. и др., 1989. Дары Эрмитажу. Л.

Ригведа: Мандалы I-IV / Пер. и комм. Т. Я. Елизаренковой. М., 1989.

Скрипкин А. С., 1991. Антропоморфные статуэтки погребальном обряде сарматов // Археология Восточ но-европейской степи. Вып. 2, Саратов.

Смирнов К. Ф., 1966. Быковские курганы // МИА 78, М.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н. и др., 1994. Рас копки курганных могильников Покровка 1 и Покровк 2 в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. М.

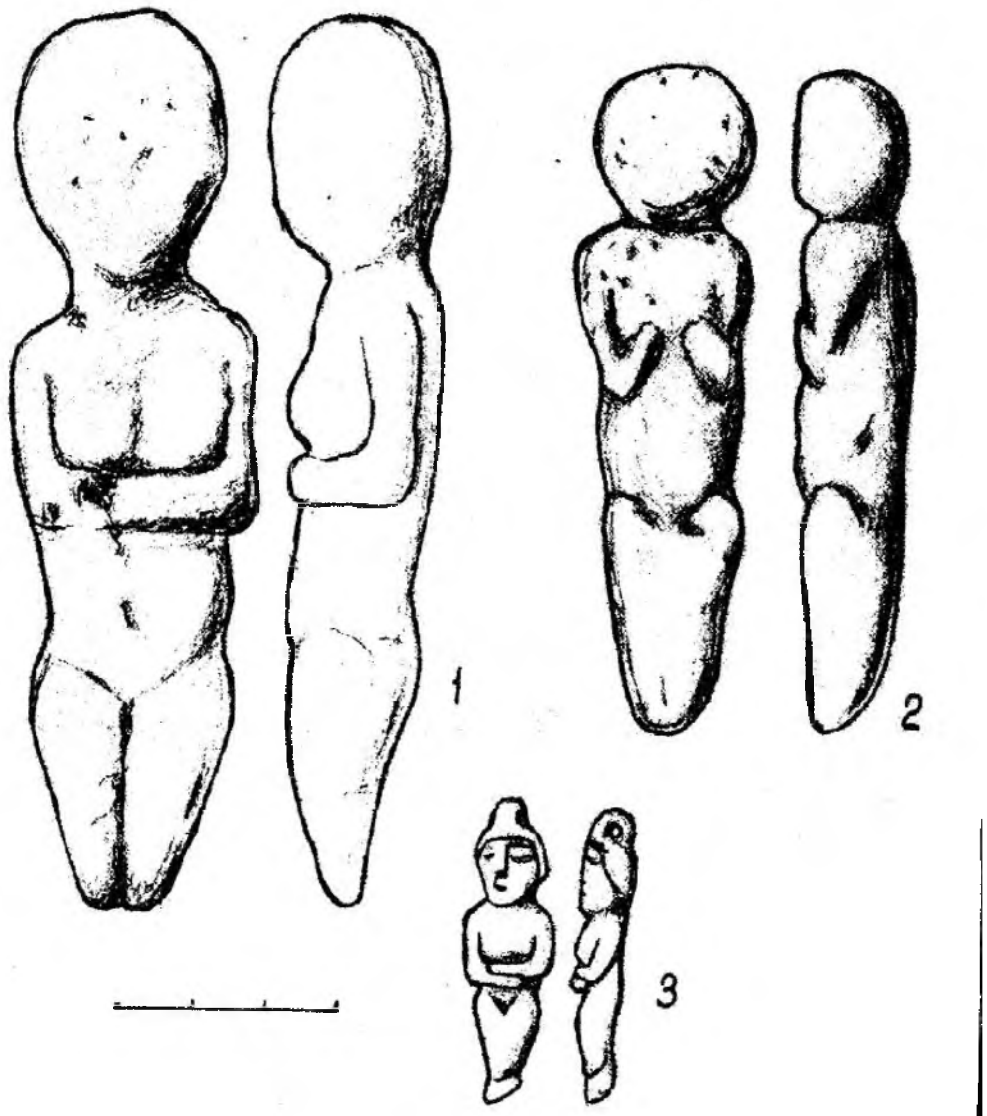


Рис. 1. Статуэтки из сарматских погребений Степного Приуралья: 1 - Близнецы, 2/5; 2 - Кардаилово 1 16/2; 3 - Покровка 1 13/2. 1 - 2 - мел; 3 - кость.

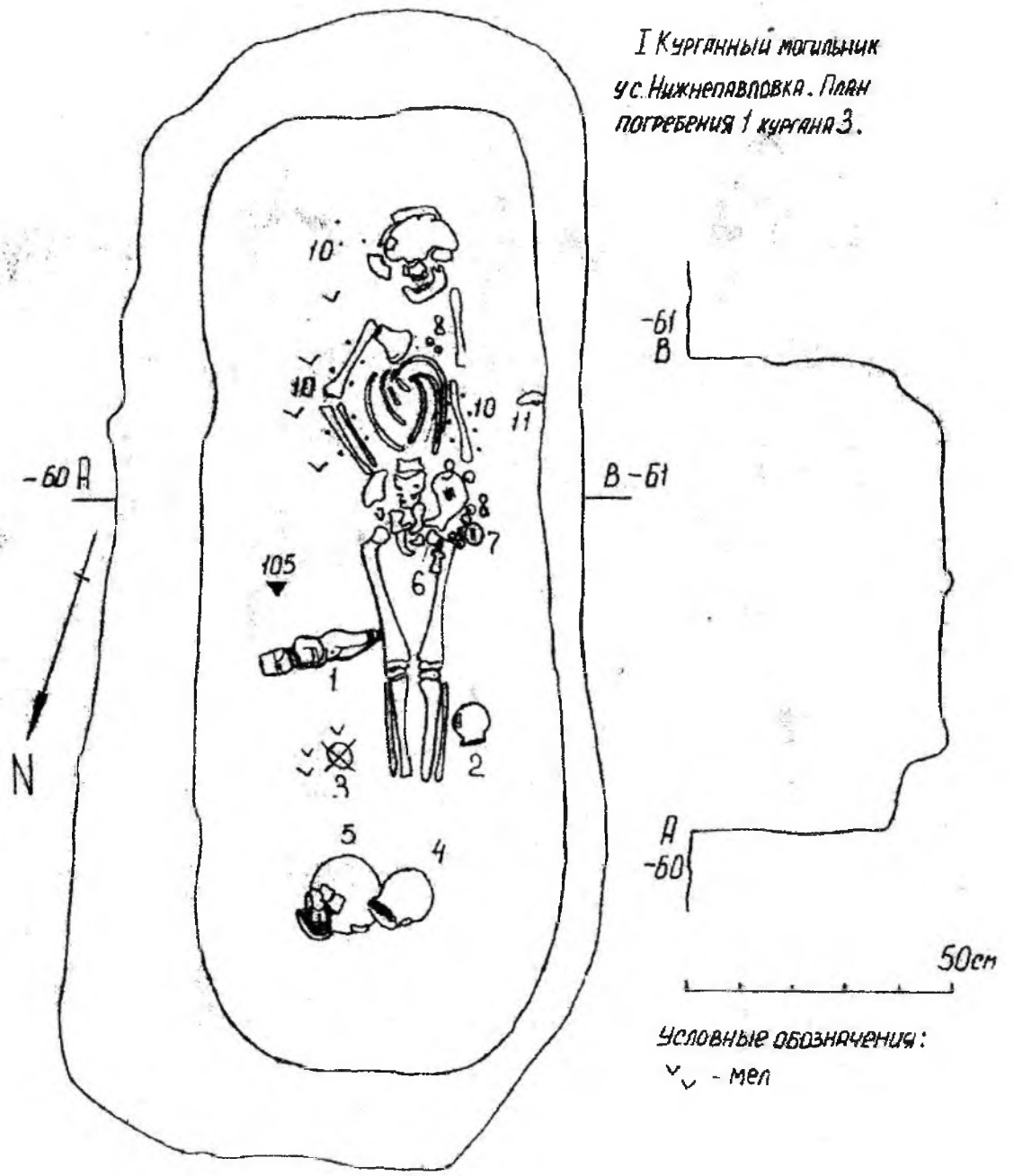


Рис. 2. Погребение 1 кургана 3 I Нижнепавловского могильника.

Рис. 3. Статуэтка из погребения 1 кургана 1 I Нижнепавловского могильника. Алебастр.

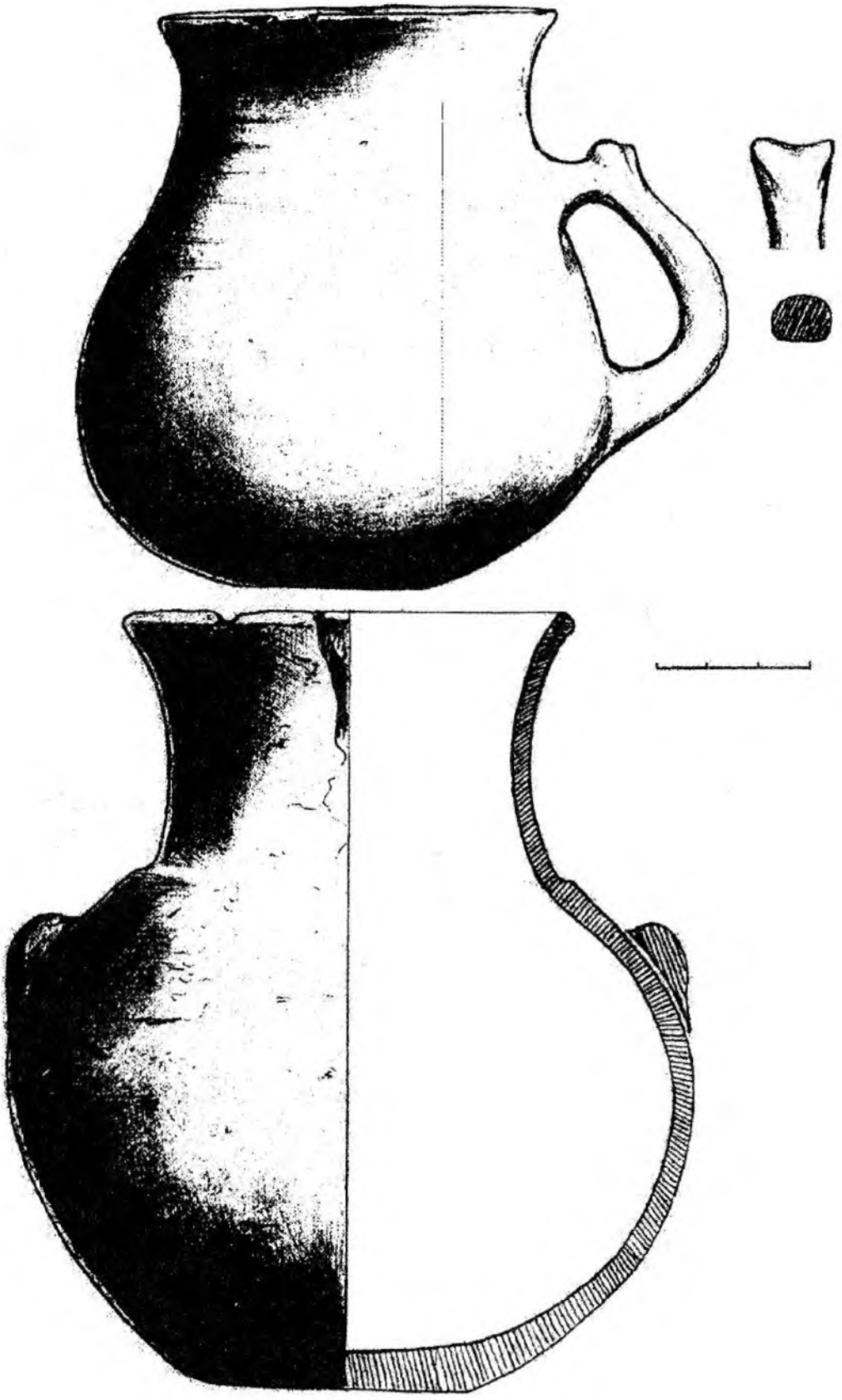


Рис. 4. Керамика из погребения 1 кургана 3 I Нижнепавловского могильника.

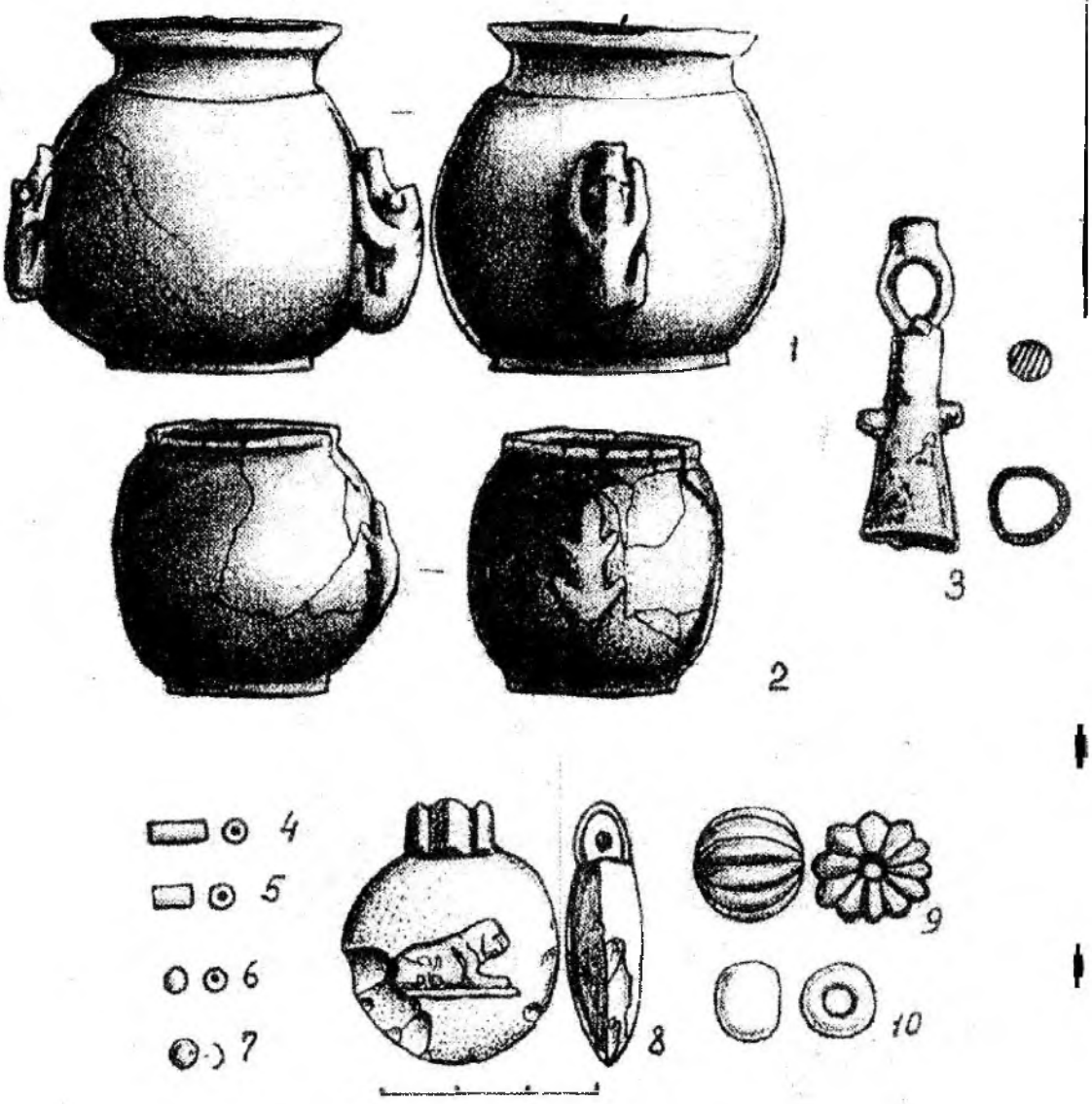


Рис. 5. Инвентарь из погребения 1 кургана 11 Нижнепавловского могильника. 1 - 2 - алебастр, 3 - брон
4 - 6 - паста, 7 - золото, 8 - фаянс (смальта), 9 - стекло, 10 - паста.

Н. С. Савельев
(Уфа, Научно-производственный центр по охране памятников МК РБ)

К ВОПРОСУ О ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Вопрос о существовании в эпоху ранних кочевников в степи и южной части лесостепи Южного Урала памятников поселенческого типа практически не ставился. В то же время для волго-донского варианта савромато-сарматской культуры такие памятники, хотя и единично, известны были давно.

К. Ф. Смирновым, основывавшемся на сборах П. С. Рыкова, Н. А. Дашука и И. В. Синицына, все они были картографированы и вкратце описаны (1964а, с. 53, рис.1; 1964б, с. 293, рис.1). По его сводке таких пунктов насчитывалось 20 (1964а, там же). Самыми южными из них являлись Бажиган и Ачикулак в междуречье Кумы и Терека, наиболее северными – стоянки в районе Териовки и Тонкошкуровки на Средней Волге, западными – группа стоянок у Манычской плотины. На востоке самым дальним местонахождением сарматской керамики, по данным К. Ф. Смирнова, являются окрестности ст. Сарайдин у с. Джангала в Уральской области Казахстана. По истечении ряда лет все эти памятники на карты им уже не были нанесены, вскользь о них, как о «временных стойбищах», было упомянуто и в тексте (1989, карты 12-13, с. 168).

Для собственно территории Южного Урала наличие поселенческих памятников ранних кочевников предполагалось (см. напр. Смирнов К. Ф., 1975, с. 152), но они не были известны. Существенным недостатком сарматской археологии является то, что до сих пор не исследованы места сарматских поселений» – именно такую оценку сложившейся ситуации дал К. Ф. Смирнов (1964а, с. 46). Поиски памятников, которые можно было бы связать с сарматскими поселениями, привели его и М. Г. Мошкову к мнению о принадлежности части «гафурийских городищ» в приуральской лесостепи к кочевническим (Смирнов К. Ф., 1964б, с. 272; Смирнов К. Ф., 1989, с. 175, карта 13, №№ 114-117; Смирнов К. Ф., 1975, с. 172, 175; Мошкова М. Г., 1963, с. 7, рис.1, №№ 76-79) и о оседании части савромато-сармат среди местного аборигенного населения.

Несколько иная точка зрения на принадлежность этих памятников была высказана А. Х. Пшеничнюком. Исследуя кара-абызские древности, он пришел к выводу, что напрямую связывать «гафурийцев» со степным сарматским миром нельзя, так как истоки близости лежат в некоторой «сарматизации» выходцев из зауральской лесостепи (1973, с. 231-232). Следуя взглядам А. Х. Пшеничнюка, на среднюю Белую мигрировало единое этнически, но многокомпонентное в своей основе угро-индоиранское население (1988, с. 6-7). Вероятно, этим населением являлось одно из родоплеменных подразделений, входивших в состав прохоровской археологической культуры.

Все вышесказанное в большей степени относится к лесостепи и к различным контактам кочевников с оседлым населением; близкие явления не раз отмечались и для Зауралья (см. напр. Мошкова М. Г., 1974, с. 29-38). Для степной же части Южного Урала, являвшейся основным местом обитания кочевого населения, считалось, что информация о нем может быть извлечена только из погребальных комплексов, о поселенческих же памятниках если и упоминалось, то только гипотетически (см. напр. Васильев В. Н., 1992, с. 130).

При этом, еще со времени исследования М. Г. Мошковой Аландских курганов в северо-восточном Оренбуржье, с поселения эпохи бронзы Кара-Бутак были известны единичные находки, связанные с савромато-сарматами. М. Г. Мошкова вполне обоснованно сделала заключение о существовании там «кратковременной, но возможно, неоднократной стоянки сарматов» (1974, с. 49). Несколько позже, в 1987 году, была опубликована небольшая, но очень представительная коллекция керамики с Тайсаровского поселения на р. Малый Кизыл. Автор публикации, проанализировав материалы, однозначно связал памятник с савромато-сарматским населением (Пшеничнюк А. Х., 1987, с. 74, рис.3).

В последние годы на территории юго-восточной, Зауральской, Башкирии было выявлено еще несколько местонахождений керамики, которая очень близка или идентична хорошо известной из савромато-сарматских курганов. Для полноты информации ниже приводится описание не только вновь выявленных, но и известных ранее и уже опубликованных, памятников (см. карту).

1. **Стоянка Ташла Левобережная**. Выявлена археологической экспедицией НПЦ МК РБ в 1997 г., в ходе разведочных работ в зоне затопления Акъярского водохранилища. Стоянка расположена в 1,5 км к ССВ от крайних домов д. Федоровка Хайбуллинского р-на РБ, на первой никогда не распахивавшейся надпойменной террасе левого берега р. Ташла, прямо над заросшей ивняком узкой поймой. Высота террасы от уреза воды около 3 метров. В 250 м южнее площадки памятника в Ташлу впадает ручей Шайтан-Узяк.

Коллекция керамики (рис. 2, 3-7), собранная исключительно на поверхности (рекогносцировочный раскоп площадью 14 кв. м подтвердил мнение о полной стерильности гумусного слоя), состоит из 19 фрагментов, причем типологически можно выделить 4-5 сосудов; 11 неорнаментированных стенок несут в себе только технологическую информацию.

Сосуд 1 (рис. 2, 7) представлен 4 фрагментами

прямого, несколько утолщенного снаружи венчика с резким переходом в раздутое тулово. Диаметр по венчику 26 см, высота шейки 5 см. Орнамент – косые насечки – нанесен только на срез венчика.

Сосуд 2 (рис. 2, 4) представлен 1 фрагментом (плечо с переходом в шейку). Судя по сохранившейся части, орнамент из насечек был нанесен на шейку сосуда.

Сосуд 3 (рис. 2, 3) также представлен 1 фрагментом и, в общем, очень похож на сосуд 2, только имеет несколько более массивные стенки и полностью лишен орнамента.

Сосуд 4 (рис. 2, 5) – 1 орнаментированный горизонтальной елочкой из насечек фрагмент, представленный также переходом шейки в плечо. По фрагменту видно, что шейка сосуда была более толстостенной, чем собственно тулово. Возможно, что к этому же сосуду относится еще один аналогично орнаментированный фрагмент, представленный местом наибольшего расширения тулова (рис. 2, 6).

В технологическом отношении вся керамика со стоянки очень похожа. Цвет ее варьирует от серого до красно-коричневого с преобладанием коричневых тонов. Примесь в тесте – тальк, в основном крупнотолченый, а в сосудах 1 и 3 – с дополнительной примесью крупной дресвы (с. 1 – дробленые кварцит и коричневая галька, с. 3 – только галька). На сосудах 1,2 и 4 видны черные пятна нагара.

2. **Баишевское поселение** выявлено в 1996 г. археологической экспедицией НПЦ (Савельев Н. С., 1997, с. 28-31, рис. 96-106), входит в состав одноименного историко-археологического микрорайона. Расположено в 1,5 км к югу от д. Баишево Баймакского р-на РБ, в 0,5 км к западу от шоссейной дороги из д. Баишево в центральную усадьбу совхоза «Зилаирский», у подножья предгорий хребта Ирендык. Площадка памятника хорошо задернована, с севера зажата заболоченным леском, с юга – выступающим в степь горным мысом.

Судя по подъемному материалу, поселение занимает площадь около 10-12 тыс. кв. м. Визуально на памятнике фиксируется 1 жилищная впадина. Разведочный шурф, заложенный в центральной части поселения, дал представительную коллекцию алакульской керамики. В шурфе, сразу же под дерном, был найден очень массивный фрагмент прямого венчика от сосуда большого диаметра, с сильно раздутым, возможно шаровидным, туловом (рис. 2, 2). Орнамент, состоящий из ряда косых насечек, нанесен только по срезу венчика. С внутренней стороны шейка оформлена тремя мягкими горизонтальными каннелюрами. Цвет фрагмента светло-коричневый, тесто плотное, хорошо промешанное, с обильной примесью талька.

3. **Поселение Улак II** выявлено в 1996 г. археологической экспедицией НПЦ, также входит в состав Баишевского микрорайона (Савельев Н. С., 1997, с. 16-23, рис.14, 57-84). Находится в 3,3 км к ЗСЗ от д. Баишево, на низкой террасе правого берега ручья Улак (правый приток р. Большая Уртазымка), протекающего примерно в 100 м севернее, в мокром заболоченном лесу. Вероятно, данное поселение составляет единый комплекс с укрепленным поселением Улак I, имеющим радиально-кольцевую планировку и расположенным восточнее. Площадка памятника хорошо задернована и никогда не распахивалась. Примерно в 300 м западнее поселения долина, в которой оно расположено, резко сужается и переходит в узкий каньон с протекающим в нем ручьем.

Судя по распространению подъемного материала, примерная площадь памятника составляет 32 тыс. кв. м (320 х 100 м). На поселении зафиксировано 5 жилищных впадин, древний родник с частично сохранившейся дренажной (?) канавой, 5 менгиров и 1 каменная выкладка. На противоположных концах поселения заложено 2 разведочных шурфа, давших срубно-алакульскую керамику.

Среди коллекции подъемного материала для данного исследования интересен 1 фрагмент венчика от узкогорлого, вероятно с раздутым туловом, сосуда, сильно отличающийся от всей остальной керамики с поселения (рис. 2, 1). Диаметр сосуда по венчику около 11 см, высота реконструируемой части 4 см. Венчик сосуда округло-приостренный слабо отогнутый, изнутри имеет характерное утолщение. Шейка орнаментирована двумя очень мягкими горизонтальными каннелюрами. Цвет фрагмента грифельно-черный, в тесте обильная примесь талька, что создает ощущение «жирности» керамики на ощупь.

4. **Поселение Тайсара** было открыто в 1983 г. разведочным отрядом ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Ю. А. Морозова. Находится на территории Абзелиловского района РБ, в 4 км к ЮЗ от д. Тайсара Верхнеуральского р-на Челябинской обл. Памятник расположен на краю высокой, около 5 м, распахиваемой надпойменной террасе правого берега р. Малый Кизыл. Примерная площадь распространения находок – 500 кв.м.

На пашне собрана небольшая коллекция керамики (10 фрагментов), в ее составе 2 венчика, 2 с орнаментированные и 6 неорнаментированных стенок. Основная примесь к тесту – тальк. Венчики невысокие массивные, с утолщением, в одном случае внутренним ребром в месте перехода шейки в тулово. Этот фрагмент орнаментирован рядом косых насечек по верху плеча и горизонтальной елочкой таких же насечек по срезу венчика (рис. 2, 10); второй венчик не орнаментирован (рис. 2, 12). Оба венчика сильнопрофилированные, что говорит о значительной раздутости тулова.

На одном из фрагментов стенок хорошо замет горизонтальный округлый валик, причем стенка верху сильно расширяется (рис. 2, 13); на втор стенке (рис. 2, 11) сохранилась часть орнаментал ной зоны – три (как минимум) горизонтальных ря косопоставленных насечек. Среди насечек – ве тикальные короткие налепные валики.

5. **Кирсаевская стоянка** была выявлена от

дом Ю. А. Морозова в том же году (1984, с. 10, рис. 3). Находится на территории Абзелиловского р-на РБ, в 2 км к ЮЗ от д. Кирса Верхнеуральского района Челябинской обл. Площадка памятника расположена на высокой, около 5 м, распахиваемой надпойменной террасе правого берега р. Малый Кизыл.

На пашне найден 1 фрагмент стенки сосуда с примесью талька в тесте. Орнамент, насколько можно судить по представленной в отчете фотографии, состоит из треугольного резного фестона с несколькими подовальными вдавлениями внутри него (там же, рис. 64). Ю. А. Морозов посчитал возможным отнести данный фрагмент к эпохе раннего железа.

6. **Поселение Кара-Бутак** расположено в бассейне р. Суундук (северо-восточное Оренбурье). Относится к эпохе бронзы.

При обследовании поселения Оренбургской археологической экспедицией ГИМ (Э. А. Федорова-Давыдова) в 1958 г. был найден обломок бронзового стремечковидного удила (Смирнов К. Ф., 1961, с. 145, рис. 43,10; Смирнов К. Ф., 1964б, с. 33). В 1965 г. среди подъемного материала на поселении был обнаружен 1 фрагмент массивного утолщенного венчика с переходом в раздутое тулово (Мошкова М. Г., 1974, с. 49, рис. 16,4). Примесь в тесте – шамот. В месте перехода венчика в тулово с внутренней стороны фиксируется ребро (рис. 2, 9). Орнамент, состоящий из групп разнонаправленных косых насечек, нанесен только на срез венчика. Диаметр устья сосуда, судя по опубликованному рисунку, составляет около 24 см.

7. **Местонахождение на реке Крепостной Зилаир**. В начале 1990-х годов геологами в Отдел археологии ИИЯЛ УНЦ РАН была передана небольшая (7 фрагментов) коллекция керамики, найденная к югу южнее с. Кананикольское Зилаирского р-на РБ, на берегу небольшого левого притока р. Крепостной Зилаир, протекающей по восточной окраине сильно облесенного Зилаирского плато.

Вся керамика происходит из сборов с поверхности. Из семи найденных фрагментов 5 являются неорнаментированными стенками, 2 – обломками верхней части одного сосуда (рис. 2, 8). Диаметр его по венчику 13 см, по шейке – 11 см. Сосуд сильно профилирован, венчик прямой отогнутый. С внутренней стороны на шейке фиксируется острое ребро. Тулово сосуда раздутое, возможно, шаровидной формы. Орнаментация сосуда состоит из двух мягких каннелюр по верху плеча, ниже них нарезкой нанесены висячие полукруглые гирлянды, заполненные внутри вертикальными резными линиями. Цвет сосуда светло-коричневый с крупными черными пятнами нагара. От обильной примеси талька в тесте керамика на ощупь выглядит «жирной».

***

Вся представленная керамика по своим пропорциям относится к бытовой (кроме, может быть, Крепостного Зилаира) и в общем не выходит за рамки савромато-сарматской тальковой.

Впрочем, Ю. А. Морозов определил гайсаровскую коллекцию как гафурийскую (1984, с. 9), но А. Х. Пшеничнюк, публикуя эти материалы, счел возможным соотнести ее с позднесавроматской и раннепрохоровской погребальной из этих же мест (1987, с. 74). И действительно, ни в зауральской лесостепной, ни в гафурийской керамике традиция налепа на плечо сосуда вертикальных овальных либо прямоугольных валиков (рис. 2, 11) не известна. В то же время, такие налепы известны в савроматo-сарматских степных памятниках, например на сосудах из к.1 и 3 могильника Переволочан (Пшеничнюк А. Х., 1983б, табл. XLVII, 11-12).

Оформление массивного венчика внутренними каннелюрами (рис. 2, 2), мало или совсем не известное в сарматской орнаментике, находит очень близкие параллели среди гафурийской керамики Касьяновского и Табынского городищ (Пшеничнюк А. Х., 1983а, рис. 9,10; 18,8; 19,1). Венчики этих сосудов, так же, как и происходящего с Баишевского поселения, орнаментированы по срезу рядом косых насечек, иногда – их комбинациями. Нераспространенность в собственно сарматских памятниках приема нанесения каннелюр на внутреннюю часть венчика может быть объяснена как раз тем, что наша источниковая база по керамике ранних кочевников состоит в основном из погребальной посуды, а бытовой поселенческой мы практически не знаем.

Заполненные вертикальными резными линиями полукруглые гирлянды (рис. 2, 8) известны как в сарматских - к. 2 Булатово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXIX, 9), к. 8 п. 1 Мечетсай (Смирнов К. Ф., 1975, рис. 51,6) и т.д., так и в гафурийских памятниках, например, на Табынском городище (Пшеничнюк А. Х., 1983б, рис.19, 2-4, 6-8). Но гафурийские сосуды с таким орнаментом имеют абсолютно другую, не степную форму. Остальные элементы рассматриваемой керамики (орнаментация насечками, особенности формы и состава теста) настолько ординарны для сарматских памятников, что отдельно останавливаться на них не имеет смысла. По общей схожести с погребальной, публикуемую керамику с поселений можно очень предварительно отнести к V-IV векам до н.э.

Определенный интерес представляет близкое соседство большинства описанных выше поселенческих памятников к синхронным савромато-сарматским курганам: Тайсара, Кирса – Муракаево, Булатово; Улак II, Баишево – Сосновка, кург. группа Манхар (хотя последние курганы и не раскапывались, но по конструктивным особенностям насыпей их можно отнести к савромато-сарматскому времени); Ташла Левобережная – Переволочан; Кара-Бутак – Аландские курганы.

Места расположения поселений (во всяком случае, той части, которая была обследована автором лично – Баишево, Улак II, Ташла Левобережная) имеют много общего в своей топографии. Как пра-

вило, это низкие участки надпойменных террас, закрытые окружающими холмами, и непосредственная близость воды. Примечательно, что Улак II, Баишево и Кара-Бутак расположены на площадках поселений эпохи бронзы, Ташла Левобережная – на противоположном от такого поселения берегу небольшой степной речки. Думается, что это не случайность, а сознательный выбор наиболее удобного места. Так, еще К. Ф. Смирнов, анализируя скудный материал сарматских стоянок Поволжья, отмечал для них как закономерность приуроченность к местам, которые были заселены и в предшествующее время (1964а, с. 55).

Важность открытия поселенческих памятников южно-уральских сармат не только и не столько в том, что началось заполнение давно пустовавшей лакуны, но и, в первую очередь, в возможности скорректировать и подтвердить на конкретном материале современные представления о типе хозяйства и системе кочевания ранних кочевников.

В отечественной литературе представлено ряд работ, так или иначе затрагивающих вопросы производства, системы кочевания и типа хозяйства ранних кочевников, но при этом взгляды исследователей значительно расходятся. Так, если А. Д. Таиров, придерживающийся мнения о сложении пастбищно-кочевой системы еще во время ранних кочевников, нисколько не оговаривается о возможности бытования у них иных форм хозяйствования (1993), то Б. Ф. Железчиков все же предполагает для некоторых районов расселения савромато-сармат (Илек, Белая, Сакмара, Суундук) «наличие относительной оседлости населения» (1983, с. 56; 1984, с. 10,13).

М. Г. Мошкова, основываясь на анализе костей животных из Аландских курганов, около половины погребений которых содержали кости КРС, высказала мнение о малой подвижности оставившего их населения (1972, с. 79; 1974, с. 49). При этом она посчитала возможным даже сблизить хозяйственные уклады савромато-сармат, обитавших в этих местах, и лесостепных зауральских племен (1974, с. 49-50).

Наиболее последовательно отстаивавший мнение о полукочевом укладе жизни савромато-сарматов, К. Ф. Смирнов выступал против прямого отождествления характера хозяйства ранних кочевников и «чистого» кочевого хозяйства (по А. Д. Таирову – пастбищно-кочевой системы), зафиксированного в XVII-XIX веках у казахов. По его мнению, по крайней мере, до конца IV в. до н.э. «отдельные родоплеменные группы савроматов жили на постоянных и довольно ограниченных территориях», занимая строго ограниченные участки степи (Смирнов К. Ф. 1964а, с. 53, 55).

В русле такого понимания савромато-сарматского типа хозяйства очень интересным выглядит мнение И. М. Акбулатова о том, что «протяженность и продолжительность маршрутов кочевания большей части номадов южно-уральских степей в эпоху раннего железа была невелика и ограничивалась территорией в 5-10 тыс. га (5 х 10 – 10 х 10 км – Н. С.)», а длительные и далекие перекочевки совершались только богатыми скотоводами (1996, с. 95).

Минимальное количество находок, происходящих к тому же из подъемного материала, не позволяет, конечно, делать какие-либо, даже предварительные заключения о типе хозяйства населения, оставившего данные памятники. Для этого нужны широкомасштабные раскопки известных и целенаправленный поиск новых сарматских поселений. Необходимость таких исследований объясняется еще и тем, что абсолютное большинство поволжских сарматских стоянок развеяно, и культурный слой на них практически не сохранился. Поэтому актуальность «поиска и исследования савромато-сарматских поселений с сохранившимся культурным слоем», отмеченная К. Ф. Смирновым более трех десятилетий назад (1964а, с. 56), нисколько за прошедшее время не снизилась, наоборот, ее важность все более возрастает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбулатов И. М., 1996. Характер и протяженность маршрутов кочевания номадов южно-уральских степей (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) // Башкирский край. Вып. 6. Уфа.

Васильев В. Н., 1992. Савромато-сарматская культура Южного Урала VI-II вв. до н.э.// Археология Южного Урала. Стерлитамак.

Железчиков Б. Ф., 1983. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э.// История и культура сарматов. Саратов.

Железчиков Б. Ф., 1984. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Морозов Ю. А., 1984. Научный отчет о результатах археологических исследований в 1983 г. // Архив ИА РАН; Архив МАЭ УНЦ РАН.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ, вып. Д1-10.

Мошкова М. Г., 1972. Савроматские памятники сев-ро-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Пр-уралья и Западной Сибири сарматского времени. МИ-153.

Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарма-ской (прохоровской) культуры. М.

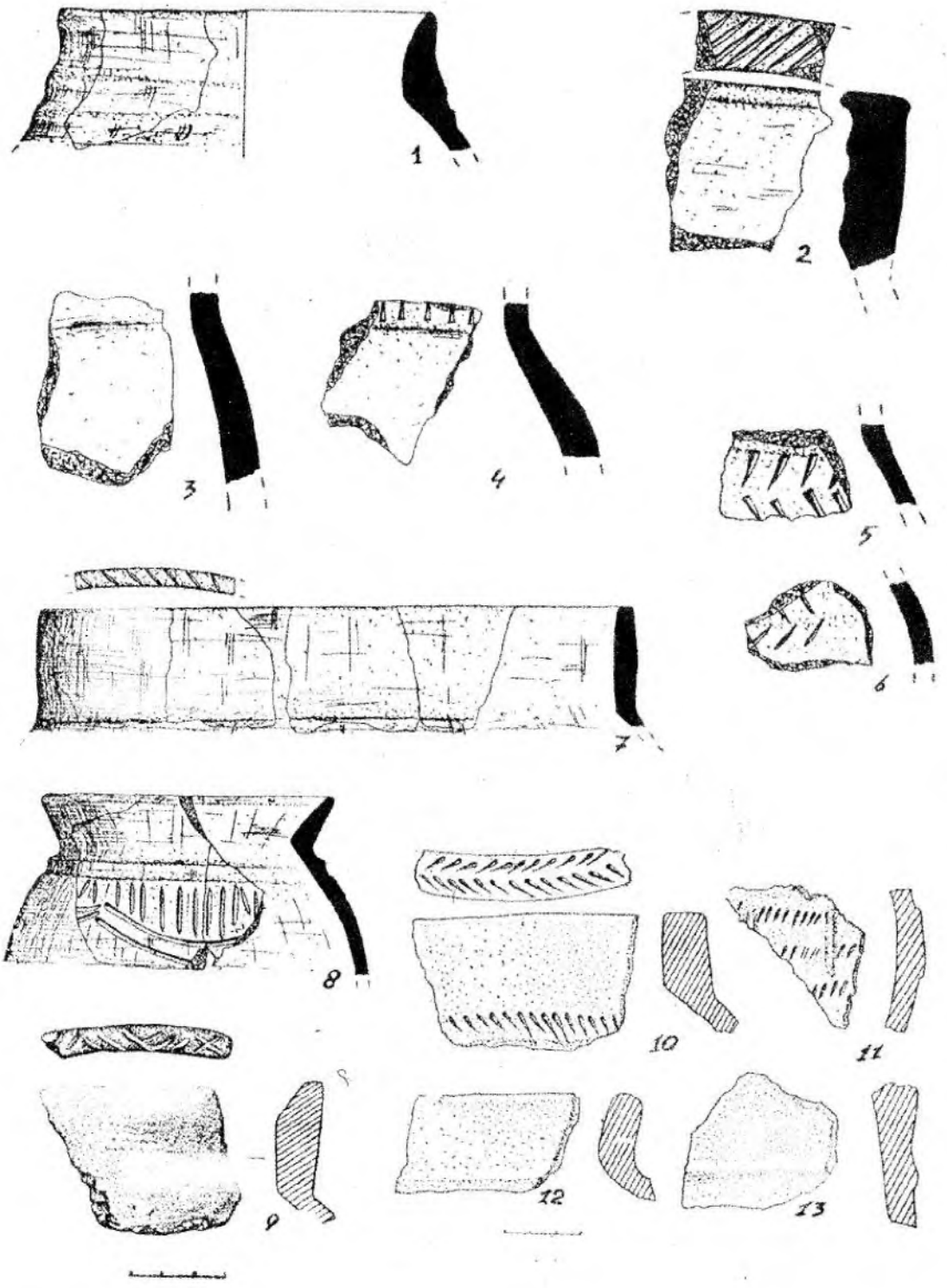
Пшеничнюк А. Х., 1973. Кара-абызская культур (население центральной Башкирии на рубеже нашей эр // АЭБ, 5. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1983а. Культура ранних кочевник Южного Урала. М.

Пшеничнюк А. Х., 1983б. Новые материалы с пос-лений Гафурийского района // Поселения и жилища дре-них племен Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1987. Исследования по раннему ж-лезному веку // Вопросы древней и средневековой ист-рии Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1988. Об угорском компоненте культурах Приуралья эпохи раннего железа// Проблем-



2. Керамика савромато-сарматских поселенческих памятников: 1 - Улак II; 2 - Баишево; 3-7 - Тайла Левобережная; 8 - Крепостной Зилаир; 9 - Кара-Бутак; 10-13 - Тайсара.

– анализ материала показывает, что описанный выше обряд характерен для населения указанного региона, начиная со II в. н.э.; кости барана, у изголовья, с ножиком на них, в деревянной чаше или глиняном сосуде, характерны как для погребальной традиции кочевого населения Приаралья в III–IV вв.(Левина Л. М., 1992, с. 150-157), так и для тюркской поминальной традиции (Кубарев В. Д., 1984, с. 55-56).

Ограды типа раскопанных нами особенно широко известны по материалам археологических исследований с территории Алтая, Тувы и является неотъемлемой частью погребально-поминального культа тюрок (Степи Евразии ..., 1981, с. 34-35).

Свидетельства сходства происхождения усуней и древних тюрок хранят и легендарные генеалогические предания этих племен в китайских источниках.

Казахстанским исследователем Ю. А. Зуевым проведен сравнительный анализ легенд о происхождении племен усуней и а-ши-на (1960, с. 121-124). Не останавливаясь подробно на повторном описании легенд, мы берем на себя ответственность привести здесь полный сравнительный анализ двух легенд, в которых автор выделяет общие черты (там же).

1. Летопись определяет древнее местонахождение усуней «между Циляном и Дуньхуаном».

2. Усуни представляли собой «малое княжество западной границы сюнну».

3. Усуни были разбиты соседним племенем юэ-ди, и на их землях остался лишь новорожденный княжич.

4. На помощь младенцу пришли родовые тотемы усуней – волчица и ворон, которые спасли его от смерти.

5. Мальчик был унесен на восток, в ставку гуннского шаньюя, и воспитывался там.

6. По прошествии нескольких лет между усунями и юэ-ди снова вспыхивает борьба, окончившаяся поражением последних.

7. Усуни перекочевывают на северо-запад от прежнего местожительства, в Семиречье.

8. Здесь племя усуней обрело могущество и расширило свои территории. У первого усуньского князя было десять сыновей.

1. А-ши-на находилась на западе от Сихай-Шара-Нора, т.е. в этом же районе.

2. Во всех вариантах легенды а-ши-на являются обособившейся ветвью сюнну.

3. А-ши-на были разбиты тоже своими соседями, после чего в живых остался мальчик.

4. Мальчика спасает волчица. Ворон в предании отсутствует, но этот пробел восполняется списком тамг, где приведена ашинская тамга – ворон.

5. Мальчик и волчица, которую переносит дух, оказываются на востоке от Шара-Нора, во Внутренней Монголии.

6. Узнав, что мальчик жив, враждебный князь снова посылает войско уничтожить его и вместе с ним тотем-племя. Однако замысел не удается.

7. Этот же путь проделывают А-ши-на. Ставка А-ши-на – Хэлу находилась на Таласе.

8. Это же произошло и племенем А-ши-на. Но здесь версия о десяти сыновьях искусственно привязана факту существования десяти племен «он ок» западно-тюркского каганата.

Аналитическая работа с данными китайских источников позволила исследователю прийти к выводу о близости терминов усунь и а-ши-на (там же).

Д. Синор отмечал, что работа по «изучению истории усуней ставит перед исследователем больше проблем, чем их возможных решений», вместе с тем не исключая возможности генетического родства усуней и тюрков (Sinor D., 1982).

Решение этой большой проблемы возможно, на наш взгляд, при сопоставительном анализе данных археологии, письменных источников и этнографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.

Заднепровский Ю. А., 1975. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников – Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н. э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.

Зуев Ю. А., 1960. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата.

Кубарев В. Д., 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.

Левина Л. М., 1992. Некоторые итоги исследований Джетыассарского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Маргулановские чтения. М.

Мандельштам А. М., 1983. Заметки об археологических памятниках усуней // Культура и искусство Киргизии. Л.

Ольховский В. С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА, 1986 №1.

Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. М.

Sinor D. The legendary origin of the Türks-Folklore Festschrift for the Felix J. Oinas. Bloomington, 1982.

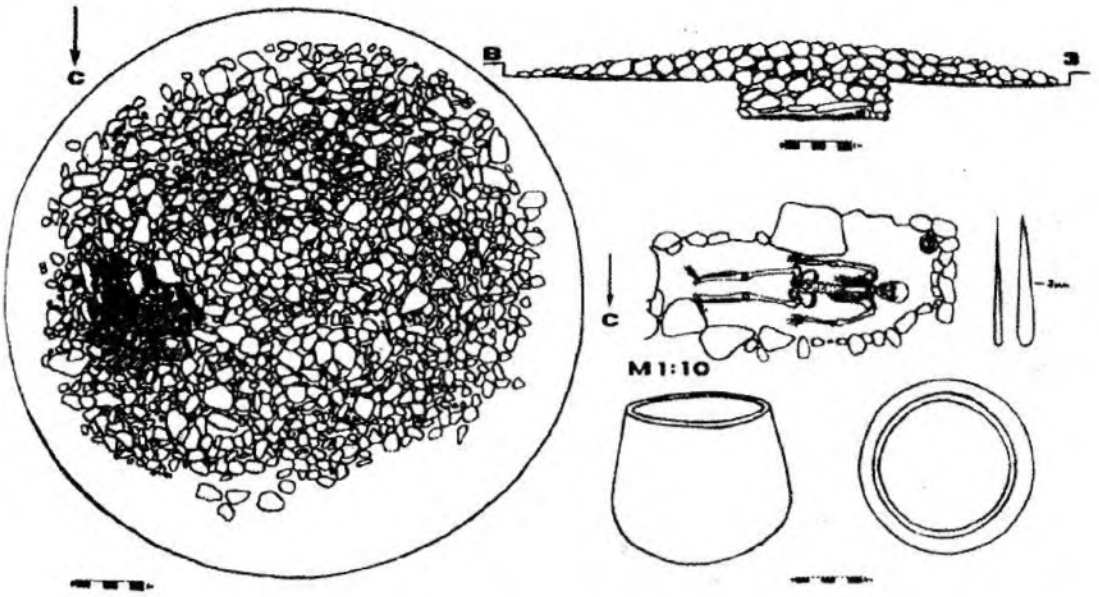


Рис. 1. Коржайляу. План кургана и могилы, нож и сосуд из погребения.

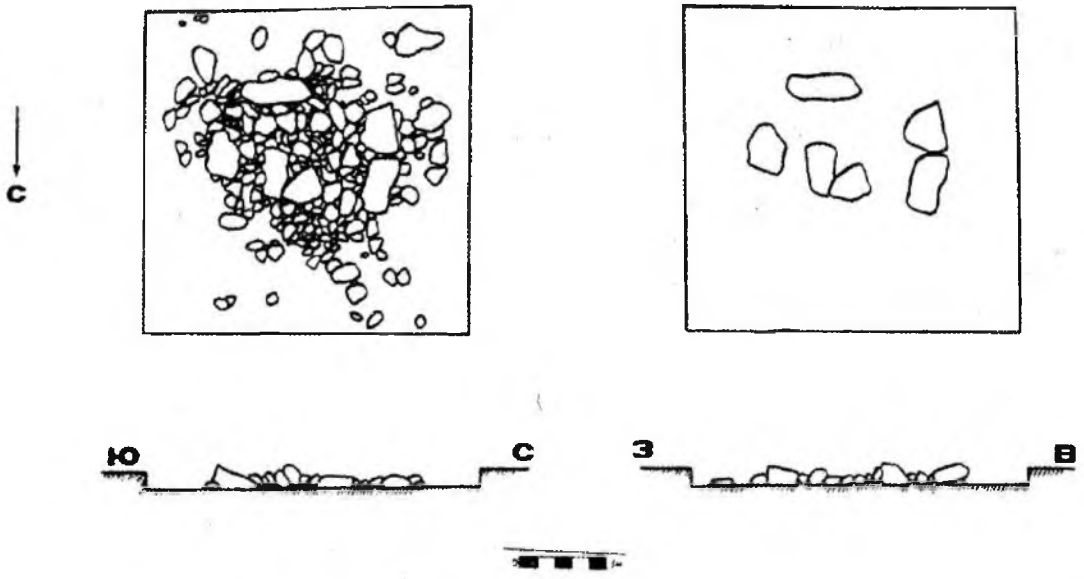


Рис. 2. План ограды № 2.

В. К. Федоров, В. Н. Васильев
(Уфа, Национальный музей РБ, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН)

ЯКОВЛЕВСКИЕ КУРГАНЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ

Курганные могильники в окрестностях д. Яковлевки Хайбуллинского р-на Республики Башкортостан известны достаточно давно. В так называемой «картотеке Б. Н. Коишевского» 1945 года фигурируют две группы курганов: 1) в 4 км юго-восточнее (два кургана); 2) в 1 км северо-западнее (два кургана) (АКБ, 1976, с. 192, № 1793). О курганах, расположенных к северо-западу от деревни, в «картотеке Б. Н. Коишевского» содержатся следующие сведения: «близ хут. Яковлевского Хайбуллинского района на расстоянии 1 км к северо-западу расположены 2 кургана овальной формы, длиной до 30 м и шириной 8-10 м при высоте до 6 м» (Смирнов А. П., 1957, с. 19). Сведения эти весьма отдаленно соответствуют действительности.

Насыпи расположены на ровном распаханном поле площадью 6,5 кв.км. С ЮВ поле примыкает к деревне, с СВ ограничено урочищем Солдатский Дол. На СЗ границей служит ручей Казя, на ЮЗ – полоса лесопосадки. Три округлых насыпи диаметром 16-24 м и высотой 0,3-0,45 м расположены цепочкой в 1 км к СЗ от деревни. Кроме них, на данном поле находятся еще три отдельно расположенных насыпи. В 2,5 км к СЗ от деревни, неподалеку от истока ручья Казя, находится насыпь Большого Яковлевского кургана высотой 4,5 м и диаметром ок. 50 м, обследованная Ю.А. Морозовым в 1989 г. (см. отчет). В 0,6 км к З от деревни в 1994 г. нами была выявлена распаханная насыпь Яковлевского I одиночного кургана, в 1995 г. в 2,75 км к С – распаханная насыпь Яковлевского II одиночного кургана (рис. 1). В 1994-1995 гг. экспедицией ОА НМ РБ были исследованы все три насыпи Яковлевского могильника, оба одиночных кургана. Из всего комплекса памятников, расположенных на поле к СЗ от д. Яковлевка не исследованным остается лишь Большой Яковлевский курган.

Первая находка на поле с курганами была сделана случайно. При боронованиии пашни весной 1994 г. у местного тракториста И. Бикбулатова в бороне застрял уникальный бронзовый меч (рис. 2) (Федоров В. К., Васильев В. Н., в печати). Находки бронзового клинкового оружия являются крайне редкими на Южном Урале, а в закрытых комплексах они и вовсе неизвестны. Ближайшая подобная находка происходит из к. 4 Бобровского могильника у г. Троицка в Челябинской обл. (Матвеева Г. И., 1964, с. 213). Нельзя было исключить возможность того, что яковлевский меч также происходит из погребения в одном из курганов. Это обстоятельство придавало исследованию Яковлевских курганов повышенный интерес.

Яковлевский курганный могильник. Три земляные, сильно распаханные насыпи образуют цепочку, вытянутую по направлению СВ-ЮЗ. Раскопки всех курганов велись с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света.

Курган I (рис. 3, 1). Насыпь, видимый диаметр которой 24 м, высота по данным нивелировки 0,45 м, замыкала цепочку с СВ. Ряд находок был сделан до начала раскопок, на пашне. После находки на поле бронзового меча нами было предпринято сплошное прочесывание пашни, в результате чего обнаружен ряд древних предметов. Все они группировались в непосредственной близости от Яковлевского могильника, тяготея по своему расположению к к. 1. С большой долей вероятности можно предположить, что все эти предметы были выброшены грабителями при ограблении погребения в к. 1.

Найдены следующие предметы:

1. Обломок каменного прямоугольного жертвенника. Сохранилась примерно 1/4 часть размером 11,7 х 10,0, высотой 10,0 см. Жертвенник вытесан из светло-серого камня, поверхность гладкая. В целом виде имел 4 ножки; размер составлял, вероятно, ок. 24 х 20 см. Сверху жертвенника – вогнутое корытообразное углубление до 2,0 см, ограниченное бортиками высотой 0,8-1,0 см. Поверхность углубления имеет следы многих точечных ударов, в центральной части эти следы значительно сглажены трением. Ножка овальная в сечении, размер ее 5,5 х 6,5, высота 7,0 см (рис. 3, 4).

2, 3. Два обломка каменного жертвенника, складывающиеся по линии старого излома. Принадлежат круглому в плане жертвеннику с тремя зооморфными ножками, вытесанному из серовато-желтого камня с красной поверхностью. Один обломок имеет размер 7,3 х 8,5 х 3,1 см. Представляет собой край жертвенника с дуговидным бортиком высотой 0,8 и шириной 0,9 см. Боковая грань, плавно закругляясь, переходит в дно жертвенника, хорошо зашлифована. Дно, напротив, грубо оббито, следов шлифовки не имеет. Поверхность углубления, ограниченного бортиком, плоская, несет следы многих ударов, сильно сглаженных трением.

Второй обломок имеет размер 10,7 х 6,5 х 3,3 см. Представляет собой край жертвенника с остатками ножки (отбита «под корень»). Ножка, судя по ее остаткам, в сечении была подтреугольной, с закругленными гранями, размер ее 3,5 х 4,0 см. Лицевая часть ножки была украшена изображением морды животного, очень схематичным. Изображены переходящие в переносицу надбровные дуги, сверху по бокам грубо обозначены уши. Отбит также весь бортик, причем часть его – совсем недавно, скол свежий (видимо, в результате с/х работ). Целый предмет имел диаметр ок. 14 см (рис. 3, 3).

4. Бронзовое зеркало в виде плоского диска с бо-

-вой цельнолитой ручкой. Диаметр 13,0–13,3, длина ручки 7,0, ширина 2,1 см. Частично покрыто окислами зеленого цвета, отдельные участки имеют темную красновато-розовую поверхность. Ручка прямоугольной формы, в верхней части диска едва намеченный отогнутый бортик. Один край диска сильно отогнут, искорежен, видимо, в результате с/х работ (рис. 3, 2).

Описание разрезов. Наблюдения над разрезами проводились на восточной стенке бровки СЮ и северной стенке бровки ЗВ:

перепаханная стерня – 0,1–0,15 м;

гумусный слой – 0,2–0,85 м;

погребенная почва (не отличается от гумусного слоя, выделена по тому признаку, что на ней лежали могильный выкид и остатки деревянной конструкции) – 0,2–0,45 м;

материк – красный суглинок.

На обоих профилях с двух сторон от условного центра кургана зафиксированы линзы материкового красного суглинка мощностью до 0,25, протяженностью до 5,6 м. Нижняя часть их подстилается слоем черного гумуса, мощность этих прослоек доходит до 0,15–0,2 м. На внутренние края линз могильного выкида «опираются» прослойки дерева, круто спускающиеся в могильную яму в центре кургана. Мощность этих прослоек до 0,08–0,1 м.

Деревянная конструкция (рис. 4, 1). Сохранилась сравнительно хорошо за счет того, что большая часть ее находилась на значительной глубине. В результате проседания грунта над могилой в центре конструкции образовалось воронкообразное углубление. Березовые бревна, из которых она состояла, сильно прогнулись и оказались на глубине до 2 м (практически на дне могилы). С западной стороны часть бревен уничтожена грабительским вкопом. Сохранность бревен такова, что позволяет без труда реконструировать деревянное сооружение в центре насыпи. Конструкция его очень проста. Березовые бревна диаметром 20-30 см были уложены над могилой в два слоя. Сначала плотный ряд бревен был уложен в широтном направлении. Затем столь же плотный настил был сделан поверх первого слоя, поперек его. Длина бревен достигала 5,4 м.

Таким образом, конструкция представляла собой двойной бревенчатый накат над могилой. Размер его сохранившейся части 5,4 х 4,5 м. У восточного края конструкции слой бревен просел ниже на 50 см относительно рядом лежащих бревен. Видимо, здесь находился вход в сооружение. Судя по данным нивелировки, высота его вряд ли превышала 0,8–1,0 м. На уровне материка его очертания не фиксировались. Надо полагать, он пролегал в слое погребенной почвы и грунта, вынутого из могилы. Ширина его также неизвестна.

Погребение 1. В центре конструкции, на глубине 1,61 м расчищен неполный костяк взрослого человека (женщина, senilis 50-60)* (рис. 4, 1). Расположение костей несколько неестественно; это объясняется, видимо, тем, что костяк постепенно проседал вместе с бревнами по мере их истлевания. Очевидно, что погребенная не была уложена непосредственно на бревна настила, от которых ее отделяет довольно значительная гумусная прослойка – до 40 см. По нашему мнению, данный покойник был захоронен позже, нежели было совершено центральное погребение под накатом. К этому времени накат уже значительно просел, глубина вырытой ямы не достигала прогнувшихся бревен. Только так можно объяснить наличие гумусной прослойки между накатом и костяком.

Скелет лежал по диагонали деревянной конструкции вытянуто на спине, по линии СЗ-ЮВ головой к ЮВ, конечности вытянуты. Кости правой ноги ниже колена и левой – от середины бедренной кости и ниже – отсутствуют, видимо, выброшены грабителями.

При погребенной найдены вещи:

1. У левого плеча лежало керамическое пряслице, выточенное из стенки сосуда. Поверхность трещиноватая, выщербленная. В глиняном тесте примесь слюды. D 4,8, толщина 1,1 см (рис. 4, 4).

2. Там же лежал железный нож с прямой спинкой, лезвие – треугольной конфигурации. На черешке остатки ожелезненного дерева от рукояти. Общая длина 6,6, длина лезвия 5,0, ширина 1,5 см (рис. 4 , 3).

3. Там же лежало железное шильце, четырехгранное в сечении, с коническим черешком для насадки на рукоять, покрытым ожелезненными древесными волокнами. Общая длина 6,8, черешка 1,1, ширина 0,7 см (рис. 4, 2).

4. Справа от костяка, у локтя левой руки стоял большой неорнаментированный плоскодонный сосуд. Дно узкое, тулово реповидной формы, расширяющееся кверху. Шейка короткая, венчик закругленный, слегка отогнут наружу. Цвет светло-розовый, с большими темно-серыми пятнами. В изломе черепок темно-серый. Примеси в глиняном тесте – тальк и шамот. D дна 6,0–7,0, тулова 25,5, венчика 13,5, высота 23,5–25,5 см (рис. 4, 6).

5. Между бедренных костей лежал бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 4, 5).

6. Там же лежал распавшийся от коррозии небольшой железный предмет.

7. Вдоль правой ноги, ниже кисти правой руки, лежали кости передней ноги барана с лопаткой и несколькими ребрами.

Погребение было густо засыпано мелом.

Центральная могила (погребение 2). (Рис. 5, 1). Находилась под бревенчатым накатом, имела подквадратную форму, ориентирована по сторонам света. Размер ее 2,28 х 2,78 м. Глубина от уровня

* Все антропологические определения принадлежат аспиранту кафедры историко-культурного наследия народов Башкортостана БГПИ А.И. Нечвалоде.

материка 0,72–1,03 м (поверхность, на которой располагается курган, имеет заметный уклон; дно могилы ровное; разную глубину дает перепад высот). Со всех сторон могила окружена ступенькой шириной от 0,5 до 0,75, глубиной в материк от 0,05 до 0,28 м. Стенки отвесные.

Погребение ограблено. Грабители проникли в могилу, разрушив накат с западной стороны. В восточную часть могилы грабители проникли, очевидно, подрываясь под накат; во всяком случае, им удалось ее начисто ограбить. При подсчете длинных костей конечностей, найденных в заполнении, установлено, что в могиле было похоронено 4 человека. Не найдено ни одного черепа.

На дне могилы лежало несколько костей, сохранивших анатомическую сочлененность, хотя и сдвинутых со своих мест. В северной части – кости двух голеней с рассыпанными рядом костями стоп. В центре могилы – кости кисти руки. Судя по их расположению, погребенные лежали ориентированно по линии СЮ головой к югу.

В заполнении могилы и на дне ее найдены вещи:

1. В северной части могилы на глубине 80 см найден крупный фрагмент круглодонного сосуда. Представляет собой одну из боковых стенок с частью венчика и почти полностью сохранившейся донной частью. Пропорции сосуда вытянутые, форма бомбовидная. Лепка, ручная, в глиняном тесте примесь талька. Поверхность цвета беж, хорошо залощена, в верхней части покрыта черным нагаром. Толщина стенок 0,7–0,5, венчика 2,2 см. Венчик слегка отогнут, край его сильно скошен вовнутрь. Целый сосуд имел размеры: D тулова ок. 31, венчика ок. 27, высоту ок. 36 см (рис. 5, 2).

В разных местах могилы найдены еще 5 фрагментов, принадлежащих этому сосуду.

2. Кроме того, найдены фрагменты керамики, принадлежащие по меньшей мере еще двум сосудам – 3 фрагмента неорнаментированных венчиков, 6 – стенок, 1 – плоского днища (рис. 5, 3).

3. Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 5, 9).

4. Железный предмет конической формы, полый внутри. Имеет втулку с широкого конца, узкий край закруглен. Возможно, на узком конце был крючок (трудно установить из-за сильной коррозии). К предмету прикипела плоская полупрозрачная галька овальной формы. D втулки 2,0, длина 5,5 см (рис. 5, 7).

5. Обломок железного предмета. Сохранил на поверхности отпечаток ожелезненной ткани. Размер 2,8 х 1,3 см.

6. Бронзовая ворворка в виде маленького колокольчика. Сквозь нее продернут тоненький кожаный шнурок, на который снизу надет деревянный диск. Размер ворворки 1,2 х 1,5, деревянного диска 2,2 х 1,1 см (половина его отломана) (рис. 5, 5).

7. Ворворка плоская конической формы, вырезанная из губчатой кости. Размер 2,0 х 0,9 см (рис. 5, 6).

8. Нож цельнометаллический с прямоугольной в сечении рукояткой, закругленной на конце. Лезвие уже рукояти, на нем сохранились следы ожелезненной органики (возможно – остатки ножен). К лезвию прикипели обломки еще одного железного предмета, возможно, меча или кинжала. Размер 2,3 4 Х 1,6 см (рис. 5,.8).

9. Собрано большое количество обломков сильно коррозированных железных предметов, судя по всему, мечей и кинжалов.

10. Собраны бусы следующих типов:

круглые сплюснутые ярко-голубые с 3-мя ярко-голубыми же глазками-налепами с белым ободком, покрыты зеленовато-желтыми перламутровыми разводами, размером 1,1 х 0,8 см – 2 шт. (рис. 5, 4де);

овальная сплюснутая с боков ярко-голубого цвета, полупрозрачная, с белым фестончатым орнаментом по краям; с одной стороны 2 белых глазка и 1 бежевый, с другой – 1 желтый и 1 бежевый, размер 1,4 х 0,9 см – 1 шт. (рис. 5, 4б);

в виде прямой шестигранной призмы из полупрозрачного светло-голубого стекла, размер 1,0 х 0,9 см – 1 шт. (рис. 5, 4ж);

округлые сплюснутые темно-синие с ярко-синими глазками, окруженными белым ободком; всего глазков по 9 шт., сгруппированных по 3 шт., размер 1,2 х 0,8 см – 2 шт. (рис. 5, 4г);

белая в виде короткой трубочки, размер 0,7 х 0,4 см – 1 шт. (рис. 5, 4в);

круглые сплюснутые голубовато-серого цвета с белыми разводами, на каждой по 6 темно-синих глазков, окруженных коричневыми ободками; у одной бусины в ободки заключены только три глазка, размер 1,0 х 0,6 см – 2 шт. (рис. 5, 4з);

круглая сплюснутая фиолетовая с тремя выпавшими глазками, размер 1,0 х 0,7 см – 1 шт. (рис. 5, 4а).

Всего найдено 10 бусин.

11. На ступеньке, у юго-западного угла могилы, лежали в кучке лопатка и ребра барана.

Курган 2 (рис. 6, 1). Является средним в цепочке из трех курганов. Видимый диаметр 24 м, высота по данным нивелировки 0,52 м.

Описание разрезов. Наблюдения над разрезами проводились на восточной стенке бровки СЮ и северной стенке бровки ЗВ:

перепаханная стерня – 0,1 м;

гумусный слой – 0,2–0,3 м;

погребенная почва – 0,3–0,45 м;

материк – красный суглинок.

Слой дерева в центральной части обоих профилей – до 0,05 м. Линзы материкового могильного выкида отсутствуют.

Деревянная конструкция (рис. 6, 2). Хотя остатки торчащих прямо вверх истлевших березовых бревен фиксировались уже на уровне погребенной почвы, сохранность их была такова, что не давала возможности выявить на этом уровне достоверные очертания конструкции. Зачистка была произведена на уровне материка, причем торчащие по периметру выявленной в центре кургана могильной ямы концы бревен оставлялись, по возможности, в зависимости от сохранности, нетронутыми.

На уровне материка, в окружении торчащих концов березовых бревен, выявлено пятно могильной ямы подовальной формы, ориентированное по линии СВВ-ЮЗЗ. Размер пятна 2,59 х 2,05 м, заполнение могилы – мелкоструктурный чернозем, смешанный с материковым суглинком.

После удаления грунта в верхней части могильной ямы было выявлено просевшее деревянное перекрытие на глубине до 50 см от уровня материка. Березовые бревна хорошо сохранились, толщина их 10-20 см. В основном, они лежат поперек могилы, очень плотно, лишь отдельные бревна лежали вдоль могилы. Под поперечным слоем бревен располагался такой же продольный; бревна, слагавшие его, в большинстве своем в обломках обрушились на дно могилы. Размер деревянного перекрытия к моменту расчистки не превышал размеров могильной ямы.

Прямо под перекрытием были найдены многочисленные предметы и кости человека и животных, располагавшиеся по краям могильной ямы. В центральной части обнаружена глубокая яма, на дне которой обнаружено непотревоженное погребение человека. По нашему мнению, налицо два разновременных захоронения (рис. 7, 1).

Погребение 1. Могильная яма имела форму широкого прямоугольника со скругленными углами, ориентирована по линии СВВ-ЮЗЗ. Размер ее 2,05 х 2,59, глубина в материк до 0,5 м, стенки отвесные, дно ровное. Погр. 1 было сильно потревожено при совершении погр. 2. Костяк и вещи были частично сдвинуты к стенкам, частично, видимо, выброшены.

Сохранились следующие кости и вещи:

1. У середины короткой западной стенки могилы в кучке лежали позвонки животного вместе с крестцом (хвост?); часть позвонков провалилась в погр. 2.

2. Чуть далее к северу от позвонков найдены 2 раковины Gryphaea, одна из которых содержала на дне небольшое количество ярко-красной краски, другая – ярко-зеленой. Третья и четвертая раковины свалились в погр. 2, в одной из них была ярко-оранжевая краска, в другой – ярко-синяя (рис. 8, 6).

3. Рядом с раковинами лежала продолговатая хорошо окатанная галька черного цвета с белой диагональной прожилкой, размером 7,7 х 3,4 см.

4. У длинной южной стенки могилы, ближе к западному углу ее, лежала плоская каменная плитка подпрямоугольной формы с неровными краями. На одной стороне ее, как кажется, видны следы утилизации (заглаженность). Размер 11,1 х 7,4 см.

5. У средней части южной стенки могилы лежали в бесформенной вытянутой груде кости человека: 1 бедренная, 1 берцовая, 1 тазовая, ребра, фаланги пальцев, а также почти полный позвоночный столб в сочлененном состоянии.

6. Вместе с костями человека здесь найдены кости барана – альчик и другие кости конечностей, часть позвоночного столба в сочлененном состоянии.

7. У ЮВ угла могилы лежали в кучке ребра барана.

8. В СЗ углу могилы на боку лежал керамический туалетный сосудик ручной лепки с круглым, слегка уплощенным дном. Форма тулова каплевидная, горлышко узкое, венчик отогнут. Между туловом и шейкой слегка намечен уступчик. Цвет – розовато-коричневый с двумя крупными черными пятнами. D тулова 7,1, венчика 4,5, высота 7,7 см (рис. 8, 2).

9. Рядом с ним стоял каменный жертвенник корытцеобразной формы, в плане подпрямоугольный. Сверху и снизу имеются неглубокие выемки: поверхность нижней покрыта тонким слоем темно-красной краски, поверхность верхней несет следы многих точечных ударов. Боковые поверхности хорошо зашлифованы. Размеры 17,5 х 8,9 х 10,0 см (рис. 8, 3).

10. Рядом с жертвенником – прямоугольный кусочек дерева.

11. Далее к востоку у стенки лежала в обломках керамическая воронка. Цвет оранжево-розовый с темными пятнами. В глиняном тесте примесь песка. D верхнего отверстия ок. 10,0, нижнего 3,7, высота 11,0 см (рис. 8, 5).

12. Далее к востоку у стенки стоял плоскодонный сосуд крынкообразной формы. Тулово вытянутое, в середине раздутое. Венчик закруглен, сильно отогнут. По шейке – орнамент в виде пояска из редких глубоких ямкообразных округлых вдавлений. Цвет оранжево-розовый с серыми пятнами. D дна 9,5, тулова 15,0, венчика 10,5, высота 20,9 см (рис. 8, 4).

13. Далее к востоку участки дна были покрыты ярко-желтым порошкообразным веществом; тут же лежало ребро барана.

14. Далее к востоку у стенки стоял плоскодонный, со слегка раздутым в верхней части туловом, сосуд ручной лепки. Венчик закруглен, несколько отогнут. В верхней части тулова имеет вертикальный полукруглый налеп-защип. Орнаментирован по шейке пояском из глубоких ямкообразных полукруглых вдавлений. Кроме того, по одному вдавлению имеется с двух сторон от налепа, создающих подобие человеческого лица. Цвет оранжево-розовый с серыми пятнами. D дна 9,0, тулова 14,2, венчика 11,0, высота 15,5 см (рис. 8, 1).

15. Сверху на сосуде и рядом с ним лежали четыре округлых гальки со следами огня.

16. В северо-восточном углу могилы кучкой лежали кости передней ноги барана с лопаткой и несколько ребер.

В центральной части погр. 1 находилась могильная яма погр. 2.

Погребение 2. Могильная яма вырыта в дне погр. 1, имеет овальную форму, ту же ориентировку, что и погр. 1. Размеры ее 2,22 х 1,23 м, стенки почти отвесные, несколько сужаются к дну. Очевидно, при обрушении перекрытия, северная стенка погр. 2 «съехала» вниз ко дну могилы вместе с кусками перекрытия. Глубина могилы от уровня материка до 1,25 м. Дно ровное.

На дне лежал вытянуто на спине костяк взрослого человека (мужчина, senilis 55-60), головой к ЗЮЗ, конечности вытянуты. Лицевой отдел черепа проломлен, очевидно, рухнувшими бревнами перекрытия. Покойный при жизни потерял почти все зу-

бы, за исключением одного клыка и двух премоляров в правой половине нижней челюсти. Все альвеолы других зубов заросли, поверхности альвеолярных частей гладкие.

При костяке обнаружены следующие вещи:

1. На правой плечевой кости лежали остатки сравнительно хорошо сохранившегося кожаного колчана со стрелами. Придонная часть его сохранилась в виде куска длиной ок. 18, высотой до 10 см. Сохранился также подшитый к ней кусочек дна. Колчан имел сложный крой, состоял из многих деталей, сшитых между собой сухожилиями. Боковины состояли из двух слоев кожи, дно – из трех.

Представляет интерес крой наружной части стенки колчана – две кожаные детали соединялись между собой по ломаной зубчатой линии, причем верхняя деталь была изготовлена из более мягкой кожи, нижняя – из более жесткой. Нижняя часть колчана реконструируется как цилиндр или полуцилиндр диаметром ок. 9 см (рис. 9, 1-4).

В колчане находились наконечники стрел следующих типов: трехлопастные с выступающей втулкой, из них 3 шт. имеют фигуры в виде треугольников на боковых гранях, 2 шт. – по одной поперечной планке, 1 шт. – по 2 поперечных и одной продольной, всего – 37 шт.; трехгранные с выступающей втулкой – 2 шт.; трехлопастные с внутренней втулкой – 7 шт. Всего в колчане 46 стрел (рис. 10, 1). Вместе со стрелами в колчане находилось большое количество семян кориандра (кинза, кишнец).

2. У левого локтя покойного лежал полный бок барана, на левом предплечье и кисти – кости передней ноги барана с лопаткой.

3. На лопатке барана лежал сильно окислившийся железный нож. Размер сохранившегося обломка 4,0 х 1,5 см.

4. У северной стенки, на уровне левого бедра покойного, стоял лепной плоскодонный сосуд каплевидных пропорций. В нижней части тулово раздуто, к венчику суживается. Венчик раструбообразно отогнут, край его закруглен. Цвет – красно-коричневый, в верхней части покрыт черным нагаром. D дна 11,5, тулова 16,0, венчика 12,0–12,3, высота 15,5 см (рис. 10, 2).

Дно могилы по всей длине было засыпано порошком мела.

Погр.2 было совершено позже погр. 1. Устроители этой могилы врылись в старое погребение, частично выбросив, частично сдвинув к стенкам кости и вещи. В центре освободившегося пространства в дне могилы 1 была вырыта могильная яма для погр. 2. Она была перекрыта деревянным накатом. Материковый грунт, вынутый при рытье могилы 2, выбрасывался не на древнюю поверхность, а на поверхность насыпи кургана, поэтому следов его на профилях не найдено.

Погребение 3 (рис. 7, 2). На расстоянии 4 м к востоку от условного центра кургана в гумусном слое, на глубине 0,35–0,4 м было найдено погребение ребенка-младенца (infantilis I 1-1,5). Очертания могильной ямы не выявлены. Судя по сохранившимся костям, ребенок лежал вытянуто на спине, головой к Ю. Слева от головы стоял глиняный плоскодонный сосуд с не сохранившейся верхней частью. Очевидно, она была снесена лемехами плугов в процессе многолетней распашки кургана. Все изломы в верхней части сосуда старые, фрагментов венчика, за исключением одного, не найдено.

Сосуд лепной, имел несколько раздутое тулово. Венчик слегка отогнут, край его закруглен. Цвет серый за счет покрывающей сосуд известковой корки. Под коркой видны участки поверхности ярко-оранжевого цвета. D дна 9,0, тулова 12,3, сохранившаяся высота 12,2 см (рис. 7, 3).

Курган 3 (рис. 11, 1). Замыкает с ЮЗ стороны цепочку из трех насыпей. Видимый диаметр 16 м, высота по данным нивелировки 0,3 м.

Описание разрезов. Наблюдения над разрезами проводились на восточной стенке бровки СЮ и южной стенке бровки ЗВ:

перепаханная стерня – 0,1–0,15 м;

гумусный слой – 0,3–0,55 м;

погребенная почва (совершенно не отличается от гумусного слоя, выделена лишь по тому признаку, что на ней лежал могильный выкид; на профиле граница обозначена пунктиром) – 0,25–0,35 м;

материк – неравномерный, местами – красный суглинок, местами – желтый гравий.

В толще насыпи на глубине 0,35–0,4 м зафиксированы многочисленные пятна материкового грунта – красного суглинка и желтого гравия мощностью до 0,15–0,2 м. Сверху на них отмечены кусочки истлевшего дерева.

Деревянная конструкция. В центральной части кургана на площади 5,5 х 4,5 м выявлены остатки деревянной конструкции. Остатки дерева очень незначительны, сильно истлели. Остатки бревен и плах лежат хаотично, большая часть – в направлении СВ-ЮЗ. Конструктивные особенности сооружения не прослеживаются. Прямо под остатками дерева – небольшие линзы материкового грунта. В целом, конструкция едва ли существенно отличалась от более хорошо сохранившихся сооружений в других к-нах Яковлевского мог-ка, представлявших собой двойные накаты березовых бревен над могильными ямами.

Погребение 1 (рис. 11, 2). Пятно могильной ямы выявлено в центре кургана. Оно имело подовальную форму, вытянуто по линии СЮ с небольшим сезонным отклонением. Размер пятна на материке 2,6 х 1,4 м. В заполнении могилы, состоявшем преимущественно из желтого гравия, в верхней части найдены немногочисленные остатки березовых жердей, расположенные без видимой системы и не образующие перекрытия. Заполнение и стенки могилы сильно перфорированы норами грызунов. На разных уровнях заполнения, преимущественно в южной части могилы обнаружены бедренная и большая берцовая кости взрослого человека, а также многочисленные кости стоп. На глубине 0,82 м обнаружено

погребение взрослого человека.

Могила размером 2,64 х 1,43, глубиной в материк 0,78–0,82 м, имеет подовальную форму, к северному концу заметно сужается. Стенки отвесные, дно ровное.

Костяк человека (мужчина, senilis 65-70) лежал вытянуто на спине, головой к югу. Руки вытянуты, несколько разведены в стороны. Левая нога вытянута, кости правой ноги отсутствуют, как и почти все кости стопы левой ноги – сдвинуты со своих мест роющими животными. В черепе обращают на себя внимание дефекты зубного ряда. В обеих челюстях большинство зубов отсутствует, альвеолы заросли и сгладились. Позвонки грудного отдела позвоночника срослись и представляют собой монолит с многочисленными патологическими наростами. Надколенник левой ноги найден между левой бедренной костью и левой кистью.

При погребенном найдены вещи:

1. В головах костяка, справа от черепа, стоял круглодонный сосуд шаровидных пропорций с коротким раструбообразным горлом. Формовка ручная, в глиняном тесте примесь шамота. Цвет сосуда светло-коричневый, с темно-коричневыми пятнами в верхней части тулова, на изломе – черный. В верхней части тулова орнамент – три неглубокие каннелюры, поясок диагонального сетчатого орнамента, вновь две каннелюры. Размеры: D тулова 20,5, венчика 12,5, высота 22,5 см (рис. 13, 2).

2. Слева от костяка, на уровне черепа, находился железный наконечник копья, острием к югу, почти полностью распавшийся от коррозии. Сохранился лишь кусочек втулки, усиленной железным кольцом. Длина, по сохранившемуся следу на дне могилы, не менее 26,5 см (рис. 11, 3).

3. Слева от черепа, под нижней челюстью, найден небольшой сильно коррозированный железный наконечник стрелы. Достаточно хорошо сохранилась втулка длиной 0,8, диаметром 0,6 см, со следами окремневшего дерева внутри. Верхняя часть неузнаваемо деформирована коррозией. Общая длина 2,2 см (рис. 11, 4).

4. В верхней части грудной клетки, с левой стороны, среди обломков ребер находился «кокон» из органических тканей, пропитанных окислами меди. Внутри находился бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 11, 5).

5. Слева от костяка, вдоль туловища, острием к северу лежал железный меч, разрушенный коррозией. In situ он был зарисован, извлечь не удалось. Длина меча 59,0, из них рукоять 10,5 см. Навершие брусковидное, сломанное под тупым углом. Рукоять широкая (4,0 см), массивная. Перекрестье прямое, длиной 11,0 см (рис. 11, 3).

6. Справа от меча, вплотную к нему, лежали 2 бронзовые ворворки, одна под перекрестьем, другая – чуть выше середины лезвия. Обе представляют собой уплощенные конусы с отверстиями наверху, размером 2,0 х 0,8 и 1,5 х 0,9 см. Внутри большей – волокнистый органический тлен (рис. 13, 4).

7. Под запястьем левой руки найден железный колчанный крючок, верхняя часть которого сильно окислилась и рассыпалась, нижняя же сохранилась неплохо. В верхней части имел уголщение с отверстием в центре. Размер 4,2 х 3,5 см (рис. 11, 6).

8. Чуть ниже кисти левой руки лежали остатки кожаного колчана с большим количеством стрел внутри, остриями к северу. Несмотря на плохую сохранность кожи, хорошо прослежены три отделения, в каждом из которых находились наконечники стрел, сгруппированные по размерам: крупные, средние и мелкие. Кроме того, над колчаном, по диагонали относительно остальных, лежал еще один пучок стрел. Три наконечника найдены рядом с колчаном.

8.1. Первое отделение колчана (слева от наблюдателя). Наконечники трехлопастные с выступающей втулкой крупные: от 5 до 6 см длиной – 30 шт., от 4 до 5 см – 7 шт., от 3,5 до 4 см – 3 шт. Всего – 40 шт. (Рис. 12, 1).

8.2. Второе отделение колчана (среднее). Наконечники трехлопастные с выступающей втулкой средних размеров: от 4 до 4,5 см – 29 шт., от 3,5 до 4 см – 9 шт., от 3 до 3,5 см – 12 шт. Всего – 50 шт. (Рис. 12, 2).

8.3. Третье отделение колчана (справа от наблюдателя). Трехлопастные с выступающей втулкой средние и мелкие: от 4,5 до 5 см – 1 шт., от 4 до 4,5 см – 7 шт., от 3,5 до 4 см – 11 шт., от 3 до 3,5 см – 28 шт., от 2,5 до 3 см – 15 шт., от 2 до 2,5 см – 6 шт. Всего 68 шт. Трехлопастные с внутренней втулкой средние и мелкие: от 4 до 4,5 см – 1 шт., от 3,5 до 4 см – 2 шт., от 3 до 3,5 см – 21 шт., от 2,5 до 3 см – 1 шт. Всего 29 шт. Трехгранные с внутренней втулкой: от 2,5 до 3 см – 4 шт., 2 см – 1 шт. Всего в третьем отделении 98 шт. (Рис. 12, 3; 13, 1).

8.4. Пучок стрел над колчаном, наискосок к нему. Трехлопастные с выступающей втулкой крупные: от 5 до 6 см – 6 шт., 4,4 см – 1 шт. Всего 7 шт.

8.5. Стрелы вне колчана. Трехлопастные с выступающей втулкой: длиной 6 см – 2 шт., 2,6 см – 1 шт. Всего 3 шт.

Всего в колчане, таким образом, находилось 188 наконечников стрел, и еще 10 шт. находились вне колчана.

Дно могилы покрыто тонким слоем порошка мела.

Погребение 2 (рис. 14, 1). На расстоянии ок. 50 см к С от погр. 1 находилось погр. 2. Северный конец погр. 1 и южный конец погр. 2 соединялись между собой норой крупного роющего животного. Пятно могильной ямы размером 2,25 х 0,65 м имело форму узкого прямоугольника с закругленными углами, ориентировано по линии СЮ с небольшим отклонением. Заполнение могилы представляло собой мелкоструктурный чернозем. На дне могилы на глубине 0,68 м обнаружен костяк взрослого человека.

Могила размером 2,1 х 0,73, глубиной в материк 0,65–0,68 м, имеет узкую вытянутую форму, углы закругленные, стенки отвесные, дно ровное. Южная стенка могилы разрушена норой. Костяк человека

(мужчина, adultus 17-20) лежал головой к югу вытянуто на спине, конечности вытянуты, череп слегка наклонен вправо. За черепом с левой стороны найден шейный позвонок. Второй шейный позвонок найден в районе левой кисти.

При погребенном найдены вещи:

1. Справа от погребенного, в районе левого локтевого сустава найден пучок железных черешковых наконечников стрел с остатками ожелезненных древок. Наконечники спеклись в сплошную коррозированную массу. По черешкам устанавливается не менее 10 шт. В спекшейся массе можно различить две трехлопастные головки (рис. 14, 6).

2. Вместе со стрелами лежал сильно коррозированный железный ножик. Сохранившаяся часть имеет длину 8,0, ширину 1,0 см. На черешке остатки ожелезненного дерева от рукояти (рис. 14, 3).

3. На поясе, справа от позвоночника, найдена восьмеркообразная бронзовая пряжка с неподвижным крючком и 4-мя грибовидными щпеньками. На кольцах – остатки кожаных ремешков. Размер 6,0 х 2,9 см (рис. 14, 4).

4. У левой кисти – сильно коррозированный небольшой железный неопределимый предмет.

5. Под правой кистью – сильно коррозированный массивный железный предмет, распавшийся на мельчайшие частички. Относительно хорошо сохранился фрагмент размером 7,0 х 2,3 см в виде вытянутого треугольника. Почти наверняка можно утверждать, что под кистью находился кинжал.

6. Там же находился сигарообразный каменный оселок. Верхняя часть уплощена и сужена, в ней просверлено небольшое отверстие. Длина 7,8, D 1,3 см (рис. 14, 5).

7. В ногах, на боку, горлышком к западу лежал кувшин с уплощенным дном и ручкой-петелькой, сломанной в древности. Тулово широких пропорций, суживается к дну, вверху плавно переходит в сравнительно широкое горло с отогнутым наружу закругленным венчиком. Ручка сформована налепом с последующим защипом (хорошо видны негативы пальцев). Цвет серо-коричневый с большими черными пятнами нагара и копоти, особенно в верхней части тулова. На изломе глина черная, с примесью белого крошащегося вещества. В верхней части тулова орнамент в виде двух неглубоких каннелюр. D дна 8,0, тулова 16,5, венчика 10,0, высота 18,0 см (рис. 14, 2).

У короткой северной стенки лежала заупокойная пища – бок барана с передней ногой.

Яковлевский I одиночный курган (рис. 15, 1). Расположен на возвышенном участке пашни в 0,6 км к З от д. Яковлевка. Видимый диаметр 24 м, высота по данным нивелировки 0,32 м. При исследовании кургана была оставлена одна бровка СЮ.

Описание разреза. Наблюдения над разрезом проводились на восточной стороне бровки:

перепаханная стерня – 0,1 м;

гумусный слой – 0,25–0,35 м;

погребенная почва (как и в других курганах, совершенно не отличается от гумусного слоя, выделяется только по тому признаку, что на ней лежал слой древесного тлена; на профиле граница обозначена пунктиром) – 0,2–0,35 м;

материк – желто-красный суглинок.

В центральной части профиля на глубине 0,35–0,45 м отмечен слой древесного тлена темно-коричневого цвета мощностью до 0,05 м. Протяженность его 7,5 м. В центральной части этот слой имеет два глубоких прогиба, уходящих ниже материкового слоя. В материке в этих местах зафиксированы разрывы. На уровне материка здесь были выявлены при зачистке два могильных пятна.

Погребение 1 (рис. 15, 2). Выявлено в 3,3 м к В от центра кургана. Обратило на себя внимание находкой черепа человека в предматериковом слое погребенной почвы. Могильная яма имела вытянутую подовальную форму, ориентирована по линии СЮ. Восточная стенка ее почти прямая, западная – дуговидно изогнутая. Размер могилы 1,96 х 1,17, глубина в материк не более 0,15 м. Заполнение – черный гумус.

На дне могилы лежал скелет взрослого человека (мужчина, adultus 30-35) вытянуто на спине, с вытянутыми конечностями, головой к югу. При погребенном найдены вещи:

1. На правом боку покойного, между правой рукой и позвоночником, лежал совершенно окисливший железный предмет. Самый большой из сохранившихся аморфных фрагментов имеет размер 9,0 х 3,7 см. Возможно, это остатки кинжала.

2. У западной стенки могилы, на уровне левого локтя покойного, лежали остатки колчана из кожи с наконечниками стрел внутри. Сохранилась также часть деревянных древок. Встречены следующие типы:

трехлопастные с выступающей втулкой – 14 шт.,

трехлопастные с внутренней втулкой – 4 шт.,

трехгранные и комбинированные с выступающей втулкой – 6 шт.

Всего в колчане 24 стрелы (рис. 15, 3).

3. На левом боку покойного, между левой рукой и позвоночником, лежал массивный железный колчанный крючок, совершенно разрушенный коррозией. Можно лишь отметить, что верхняя часть его была уплощенной, нижняя (изогнутая) – круглой в сечении. Распался при выемке.

4. Севернее колчана лежало несколько ребер крупного животного.

5. У головки правой бедренной кости, с внешней стороны ноги, лежал разрушенный коррозией железный предмет, не поддающийся определению.

Деревянная конструкция (рис. 16, 1). Деревянная конструкция в центре насыпи сильно пострадала от ежегодной распашки. Во-первых, очевидно, верхняя часть ее находилась в пределах досягаемости лемехов плугов, которые частично разрушили ее. Во-вторых, распашка открыла путь талым и дождевым водам, усугубившим разрушение конструкции. К моменту раскопок остатки ее представляли прерывистое пятно древесного тлена темно-коричневог

цвета, сильно напитанного влагой. Отдельные бревна в этом тлене просматривались с трудом. Все куски бревен, расположение которых было достоверно установлено, были нами зафиксированы.

Конструкция, судя по сохранившимся остаткам, была, по-видимому, очень проста. Один ряд березовых бревен был уложен в направлении СЗ-ЮВ. Бревна были уложены достаточно плотно. Второй ряд бревен был уложен, в основном, перпендикулярно первому. Верхний ряд особенно пострадал от распашки, однако по остаткам бревен можно судить, что он едва ли был сплошным. Бревна лежали редко, с промежутками, часть их не строго перпендикулярно бревнам нижнего ряда.

По краям конструкции некоторые бревна были сильно обуглены. Обугленные участки вплотную соседствовали с не опаленными огнем. Это возможно в том случае, если после подожжения конструкции она была немедленно засыпана землей (если только бревна не были обожжены до сооружения конструкции). Размер сохранившейся части конструкции 6,7 х 5,6 м.

При расчистке конструкции в ее пределах были выявлены два больших пятна черного гумуса, свободных от древесного тлена. Южное пятно, вытянутое с запада на восток, имело размер 2,1 х 1,4 м, второе пятно, расположенное в 1,5 м к северу, также вытянутое с запада на восток, имело размер 1,8 х 1,3 м.

В пределах конструкции были найдены следующие предметы:

1. Каменная плитка в виде плоского ромба с ровными гранями и слегка закругленными углами, светло-серого цвета. Размер 6,0 х 3,0 х 0,8 см (рис. 16, 3).

2. Белемнит. Размер 7,0 х 0,7 см (рис. 16, 2).

3. Наконечник стрелы бронзовый трехгранный с выступающей втулкой. Размер 2,3 х 0,6 см (рис. 16, 4).

После графической и фотофиксации деревянной конструкции остатки ее были срыты. На уровне материка под конструкцией были выявлены очертания двух могильных ям, их контуры почти полностью соответствовали контурам двух гумусных пятен, выявленных при зачистке конструкции. По краям обоих могильных пятен зафиксированы остатки торчащих из них березовых бревен.

Погребение 2 (рис. 17, 1,2). Расположено прямо под условным центром кургана. Могильная яма ориентирована ЗВ с небольшим сезонным отклонением. Под самым незначительным гумусным слоем (2-3 см) были расчищены сравнительно хорошо сохранившиеся бревна перекрытия, несомненно, представлявшие собой часть просевшей в этом месте деревянной конструкции (рис. 17, 1). Бревна лежали в один слой, но достаточно хаотично, с «наползанием» друг на друга. Направление их преимущественно СЮ, отдельные бревна лежат также в направлениях СЗ-ЮВ и СВ-ЮЗ.

Прямо под бревнами был расчищен костяк взрослого человека (мужчина, adultus 25-30). Череп его даже возвышался над бревнами, так как, прогнив в этом месте, последние опустились до уровня дна могилы. Череп оказался прямо под точкой условного центра кургана.

Могильная яма имела овальную форму, размеры 2,14 х 1,33, глубина в материк до 0,23 м. Короткая западная стенка имела неясные очертания, очевидно, из-за сползания части грунта. Остальные стенки почти отвесные, дно ровное. Человеческий костяк лежал вытянуто на спине, конечности вытянуты (рис. 17, 2). При погребенном найдены вещи:

1. Чуть ниже правого локтя, между южной стенкой могилы и предплечьем правой руки компактно лежали бронзовые наконечники стрел, остриями обращенные к востоку. Среди них можно выделить следующие типы:

трехлопастные с выступающей втулкой – 10 шт.;

трехлопастной втульчатый с лопастями вровень с втулкой – 1 шт.;

трехлопастной с выступающей втулкой и длинными изогнутыми шипами, значительно превышающими длину втулки – 1 шт.;

трехгранные и комбинированные с выступающей втулкой – 5 шт.;

Всего в колчане 17 стрел (рис. 17, 4).

2. Среди наконечников стрел найдены фрагменты черпачка костяной ложечки, почти полностью истлевшей. Сохранившийся краешек имеет размер 4,0 х 1,4 см (рис. 17, 5).

3. В 10 см восточнее наконечников стрел лежал распавшийся от коррозии железный предмет. Сохранилась пластинка размером 3,2 х 1,1 см с наваренной на нее петелькой размером 1,5 х 0,6 см. Вероятно, это остатки колчанного крючка (рис. 17, 3).

В этой могиле найдены также кости, принадлежащие другому человеку. В СВ углу – россыпь пальцевых фаланг стоп взрослого человека. В юго-восточном углу – тазовая кость взрослого человека.

На дне могилы зафиксированы слабые следы порошка мела.

Погребение 3 (рис. 18, 1,2). Расположено в 2,4 м к северу от условного центра кургана. Могильная яма ориентирована с запада на восток с небольшим сезонным отклонением. При сносе остатков деревянной конструкции над восточным концом погребения найдены:

1. Череп взрослого человека с разрушенной лицевой частью (мужчина, senilis 50-60). Обломки верхней и нижней челюстей лежали тут же.

2. Бронзовое зеркало без рукояти в виде плоского диска овальной формы со слегка загнутыми краями (бортиком). Размер 12,0 х 12,8 см (рис. 18, 3).

Так же, как и в погр. 2, в погр. 3 по краям могильной ямы торчали остатки березовых бревен – от просевшей деревянной конструкции. Просела она значительно глубже, чем в погр. 2, до 40 см от уровня материка, что обусловлено большей глубиной могильной ямы погр. 2. Бревна также, в целом, лежали в один слой, иногда со значительным

«наползанием» друг на друга (рис. 18, 1). Направление их преимущественно СЗ-ЮВ, несколько кусков лежат в направлении СВ-ЮЗ.

Могильная яма имела овальную форму, размером 2,07 х 1,32, глубиной в материк до 0,55 м. Стенки несколько скошены ко дну, особенно короткая восточная стенка. Дно ровное. Размеры ямы по дну 1,79 х 0,99 м.

На дне ямы расчищен костяк взрослого человека (женщина ?, maturus 40-50), лежащий на спине с несколько раскинутыми в стороны руками. Ноги полусогнуты в коленях, колени направлены к югу (рис. 18, 2). При костяке найдены вещи:

1. Слева от черепа в ЮЗ углу могилы, у стенки, лежало бронзовое зеркало подокруглой формы со слегка загнутыми краями плоского диска. Имеет цельнолитую боковую ручку, конец которой несколько расширен и закруглен. D 13–13,7, ширина отогнутого края 0,6–0,8, длина ручки 7,2, ширина 1,7–2,1 см (рис. 18, 4).

2. Справа от черепа, в СВ углу могилы, лежал туалетный сосудик с плоским дном, коническим туловом, суженым горлом, слегка отогнутым закругленным венчиком. Цвет светло-коричневый с темно-серыми разводами. Дно сосудика покрыто пятнами ярко-красной краски. D дна 5,8, венчика 3,5 см, высота 5,7 см (рис. 18, 5).

3. Под сосудиком лежал кожаный мешочек, из которого торчала деревянная палочка. Одна сторона его сильно облеплена порошком ярко-красного цвета. Размер 3,6 х 1,2 см (рис. 18, 6).

4. На уровне правого плеча у южной стенки стоял сосуд, верхняя часть которого рассыпалась на мельчайшие фрагменты. Цвет – светло-коричневый внутри, серо-коричневый снаружи. Дно плоское. Примесь в глиняном тесте – шамот. D дна 8,5–9,0, тулово сохранилось на высоту до 11,1 см (рис. 18, 8).

5. Слева и справа от черепа, под ним, а также в верхней части грудной клетки собраны бусы в количестве 20 целых и нескольких фрагментированных:

круглая сплюснутая из сиреневой стеклянной пасты, покрыта белесым перламутровым налетом, размером 1,6 х 0,8 см – 1 шт. (рис. 18, 7а);

круглая сплюснутая из синевато-зеленой стеклянной пасты, с тремя выступами, покрыта белесым перламутровым налетом, размер 1,0 х 0,5 см – 1 шт. (рис. 18, 7б);

круглая, слегка сплюснутая, из темно-зеленой стеклянной пасты с 6-ю глазками: тремя крупными белыми и тремя маленькими желтыми, расположенными поочередно, покрыта белесым перламутровым налетом, размер 1,0 х 0,7 см – 1 шт. (рис. 18, 7в);

круглая сплюснутая из светло-голубой стеклянной пасты с тремя бежевыми глазками, покрыта белесым перламутровым налетом, размер 0,9 х 0,5 см – 1 шт. (рис. 18, 7г);

круглая, слегка сплюснутая, из полупрозрачной голубой стеклянной пасты с 4-мя белыми глазками, перламутрового налета почти нет, размер 0,9 х 0,7 см – 1 шт. (рис. 18, 7д);

круглая, слегка сплюснутая, из светло-голубой стеклянной пасты с 4-мя бежевыми глазками, покрыта белесым перламутровым налетом, размер 0,[illegible] х 0,5 см – 1 шт. (рис. 18, 7е);

продолговатые, сплюснутые с боков, из темно-зеленой стеклянной пасты, края оторочены полоской желтой пасты, с каждого бока – по 2 глазка, у одной глазки белые, у второй – бежевые, покрыты белесым перламутровым налетом, размеры 1,2 х 0,9 и 1,4 х 1,0 см – 2 шт. (рис. 18, 7ж);

аналогичная бусина из голубой стеклянной пасты, края оторочены ярко-желтой стеклянной пастой с каждого бока – по одному белому глазку, покрыты белесым перламутровым налетом, размер 1,3 х 0,[illegible] см – 1 шт.

круглая сплюснутая из грязно-белой пасты с одним сосцевидным налепом-защипом и двумя намеченными аналогичными налепами, размер 0,7 х 0,[illegible] см – 1 шт.

круглые сплюснутые из светло-голубой пасты с 4-мя сосцевидными налепами, размер (с налепами 0,8 х 0,3 см – 3 шт. (рис. 18, 7зи);

круглая сплюснутая из светло-голубой пасты с 6-ю сосцевидными налепами, размер 0,6 х 0,3 см – 1 шт. (рис. 18, 7к);

круглая сплюснутая из грязно-белой пасты с 4-мя сосцевидными налепами, размер 0,4 х 0,2 см – 1 шт. (рис. 18, 7л);

круглая сплюснутая из желтой непрозрачной пасты с тремя сосцевидными налепами, размер 0,4 х 0,2 см – 1 шт. (рис. 18, 7м);

круглая, сильно сплюснутая, из желтой полупрозрачной пасты с тремя сосцевидными налепами, размер 0,4 х 0,15 см – 1 шт. (рис. 18, 7н);

круглая сплюснутая из голубой полупрозрачной пасты, размер 0,6 х 0,2 см – 1 шт. (рис. 18, 7о);

круглые сплюснутые из полупрозрачной грязно-белой пасты, размеры 0,5 х 0,1 и 0,4 х 0,2 см – 2 шт. (рис. 18, 7п).

6. Между левой голенью и северной стенкой могилы лежал оселок в виде прямоугольного в сечении каменного бруска, две широкие грани которого несут следы утилизации, размер 12,8 х 2,4 х 1,9 см (рис. 19).

7. Рядом с оселком лежало биконическое глиняное пряслице ярко-красного цвета, обе стороны которого украшены радиально расходящимися прочерченными линиями. С одной стороны 10 линий, с другой – 9. D 3,6, высота 3,2 см (рис. 18, 10).

8. Вдоль южной стенки могилы лежали навалом частично сочлененные кости овцы без черепа, занимая пространство от плеча до коленей человеческого скелета.

9. Среди костей – сильно пострадавший от коррозии железный нож. Сохранился лишь черенок с остатками ожелезненного дерева от рукояти. Размер сохранившейся части 3,0 х 1,5 см.

10. Среди земли, вынутой из заполнения могилы, найден обломок железного стерженька, круглого в [illegible]

чении, сильно коррозированного. Размер 5,5 х 0,5 см.

На дне могилы найдены следы меловой подсыпки.

Яковлевский II одиночный курган (рис. 19, 1). Находится в 2,75 км к северу от д. Яковлевка. Видимый диаметр 28 м, высота по данным нивелировки 0,9 м. По южной поле проходила полевая дорога. При исследовании кургана были оставлены две взаимоперпендикулярные бровки, ориентированные по сторонам света.

Описание разрезов. Наблюдения над разрезами проводились на западном профиле бровки СЮ и северном профиле ЗВ:

перепаханная стерня – 0,15–0,2 м;

гумус – 0,4–1,2 м;

погребенная почва (выделена по пятнам лежащего на ней материкового выкида) – 0,3–0,35 м;

материк – красный суглинок.

На обоих профилях в центральной части насыпи резко выделялось большое чашевидное пятно прокаленного грунта. В нижней части грунт был спекшимся, имел ярко-красный цвет. Диаметр пятна прокаленного грунта 11–13, мощность до 1,6 м, спекшегося грунта – 6–8,5, мощность до 0,5 м. В центре профиля ЗВ в нижней части наблюдалась сажисто-углистая прослойка черного цвета длиной до 2,2, мощностью до 0,3 м, уходившая вглубь, ниже уровня материка.

В обоих профилях, по обе стороны от условного центра кургана, на расстоянии от 7–8 до 12 м от него, зафиксированы прерывистые прослойки желтого материкового гравия длиной от 1,5 до 2,5 м, мощностью до 0,15 м. Они сложены грунтом, вынутым из центральной могилы и уложенным вокруг нее в виде невысокого валика подовальной формы.

Находки в насыпи кургана. В насыпи кургана, в центральной ее части, найдены следующие предметы:

1. На расстоянии 3 м к ЮЮЗ от условного центра кургана, на глубине 0,95 м обнаружены фрагменты керамики, принадлежащие двум сосудам. От одного сосуда сохранился крупный фрагмент верхней части, распавшийся на мелкие и мельчайшие обломки. Сохранность керамики очень плохая. Можно лишь установить, что венчик был отогнут, резко отделялся от тулова. В верхней части тулова орнамент из подвешенных полуовалов, заполненных ямочками. Цвет оранжевый (рис. 19, 3). От второго сохранились 6 неорнаментированных фрагментов стенок. Керамика толстостенная, очень прочная, светло-коричневого цвета.

2. В СВ секторе кургана на расстоянии 3,5 м от условного центра на глубине 0,8 м были найдены кости животного.

3. В ЮЗ секторе кургана на расстоянии 3,55 м от условного центра на глубине 0,55 м была найдена лопатка животного.

4. В ЮЗ секторе кургана на расстоянии 3,5 м от условного центра кургана на глубине 0,7 м были найдены два обломка обугленных бревен.

В центральной части кургана были выявлены два погребения.

Погребение 1 (рис. 19, 2). Пятно могильной ямы прямоугольной формы, с закругленными углами, выявлено в центре кургана. Ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Резко выделялось на фоне прокаленной материковой глины своим золисто-углистым заполнением. Размер пятна 3,4 х 2,0 м.В заполнении могилы, представлявшем собой смесь прокаленного сажистого грунта и древесных углей, на всех уровнях найдены многочисленные раздробленные обгоревшие кости человека и животных. В СВ углу могилы, в заполнении, на глубине 0,5 м от уровня материка найден фрагмент днища круглодонного сосуда (рис. 19, 4). На дне могилы на глубине 1,2 м найдены остатки костяка сожженного внутри могилы взрослого человека. Погребение ограблено.

Могила размером 3,36 х 1,92 м, глубиной в материк 1,2–1,22 м имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами. Стенки отвесные, в западной части – несколько сужающиеся ко дну. Дно неровное, бугристое. В СВ части могилы дно и стенки сильно попорчены норами роющих животных.

Костяк погребенного (мужчина, maturus 35-40) сильно поврежден грабителями. In situ остались нижний отдел позвоночника, таз, крестец, бедренные кости, большая и малая берцовые кости левой ноги, верхний эпифиз большой берцовой кости правой ноги. Судя по сохранившимся костям скелета, покойный был уложен в центре могилы на спине, головой к СЗ. Согнутые в коленях ноги были обращены коленями к СВ.

Под костями сохранились обугленные остатки многослойной подстилки. Первоначально могила была выстлана травой, затем толстым слоем войлока. Отдельные куски войлока встречены над костями погребенного. В СВ части могилы в самом нижнем слое подстилки зафиксирована береста. Над войлоком располагались многочисленные обугленные куски дерева от погребального костра. Под подстилкой в некоторых местах встречены единичные довольно крупные куски ярко-белого вещества (мел?).

В районе таза погребенного и особенно обеих бедренных костей найдены многочисленные остатки обугленной ткани, располагавшиеся как над, так и под костями. Над тканью в некоторых местах найдены куски обугленного войлока. Никаких вещей в могиле не найдено. У южной стенки, ближе к ЮЗ углу, найдены лежащие компактной кучкой обугленные сочлененные кости животного: часть позвоночного столба, ребра, кости конечностей.

Погребение 2 (рис. 20, 1). Обнаружено в 2 м СЗ погр.1 на глубине 1,5 м, в слое погребенной почвы, на уровне материка. Очертания могильной ямы не прослеживались. Костяк взрослого человека (мужчина, maturus 35-40) был потревожен грабителями. In situ остались позвонки нижнего отдела позвоночника, таз, крестец, кости ног, кости правой руки. Судя по сохранившимся костям, человек лежал вытянуто на спине, головой к ЮЗ, ноги уложены с отклонением к востоку. Над погребенным найдены многочисленные обломки ребер, позвонки,

вещи:

1. Ручка бронзового зеркала подтрапециевидной формы с закругленным концом. Размер 9,0 х 2,9 см (рис. 20, 2).

2. Наконечники стрел бронзовые: трехлопастные с выступающей втулкой 4 шт., трехлопастные с внутренней втулкой 8 шт., обломок 1 шт. Всего 13 шт. (Рис. 20, 4).

При покойном найдено:

1. Слева от костяка, в районе головы – плоскодонный сосуд с носиком-сливом. Керамика плохой сохранности, крошится. D дна 12,0, тулова 19,5, венчика 15,5, высота 21,0 см. В верхней части тулова орнамент из чередующихся вертикальных и наклонных насечек (рис. 20, 3).

2. Справа от костяка, в районе таза – 4 сочлененных позвонка животного. Ниже, на уровне левого бедра – россыпь костей конечностей и ребер животного.

* * *

Наиболее ранним из погребений Яковлевского могильника является погр. 1 из к. 2, разрушенное могильной ямой погр. 2 (рис. 7, 1). По размеру и форме оно относится ко II типу погребений (небольшие широкие прямоугольные могилы), наибольшее число которых отмечено для конца VI-V в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1964, с. 80). Ориентировка и поза погребенного неизвестны. Сохранившийся инвентарь, характерный для так называемых погребений «жриц», также имеет весьма ранний облик.

Керамические сосуды, найденные в этом погребении, принадлежат к следующим отделам савроматской посуды. Крынкообразный сосуд (рис. 8, 4) относится к IV отделу плоскодонной посуды, в Приуралье широко датирующемуся VI-IV вв. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1964, с. 114). Чрезвычайно близкий ему экземпляр найден в кургане 3 Ивановского III могильника, расположенного в Хайбуллинском р-не РБ в непосредственном соседстве с Яковлевскими курганами (Пшеничнюк А. Х., 1983, табл. XXVIII, 6). Сосуд с вертикальным наленом (рис. 8, 1) индивидуален, близких аналогий ему обнаружить не удалось. По форме, однако, его можно отнести к отделу II плоскодонной посуды; по мнению К. Ф. Смирнова, это – реликтовая форма, идущая от эпохи бронзы; в Приуралье сосуды этого типа встречены в погребениях V в. до н.э. (1964, с. 112, 114). Ямочным орнаментом, представленным на обоих вышеописанных сосудах, украшали керамику вплоть до IV в. до н.э. (там же, с. 120-121). Маленький «туалетный» сосудик (рис. 8, 2) можно отнести к отделу I круглодонной посуды, появляющемуся в V в. до н.э. в северо-восточном районе Приуралья (Аландское, Варна, Клястицкое и др.) (там же, с. 115).

Редкой находкой является керамическая воронка (рис. 8, 5). В погребениях IV в. до н.э. из Нового Кумака (к.20) (Мошкова М. Г., 1972, с. 28, рис.1, 8) и Мечетсая (к. 9 п. 1) (Смирнов К. Ф., 1964, с. 340, рис. 46, 1к) также обнаружены воронки, однако они несколько отличаются по форме от яковлевского экземпляра; кроме того, воронка из Мечетсая орнаментирована. Гораздо более близкая яковлевской воронка обнаружена в погребении V в. до н.э. (№2) к. 11 могильника Новый Кумак в восточном Оренбуржье (Смирнов К. Ф., 1977, рис.6, 14).

Раковины Gryphaea (рис. 8, 6), содержащие те или иные красители, часто встречаются в женских «жреческих» комплексах VI-V вв. до н.э. Непременным атрибутом таких погребений являются каменные «жертвенники». Яковлевский экземпляр из п. 1 к. 2 (рис. 8, 3) должен быть отнесен к типу I второй группы каменных жертвенников (без ножек) по классификации К. Ф. Смирнова (1964, с. 165). В свое время К. Ф. Смирнов отнес к этому типу единственный жертвенник из к. 10 Мечетсайского могильника (там же, с. 165, рис. 23, 1ж; 75, 3). С тех пор был сделан еще целый ряд находок подобных жертвенников, более близких яковлевскому. Очень похожие алтарики были найдены в п. 2 к. 3 могильника Покровка 2 в западном Оренбуржье (Яблонский Л. Т. и др., 1994, с. 34, рис.77, 4), к. 18 Ново-Кумакского могильника под Орском (Смирнов К. Ф., 1977, рис.9, 14,18). Еще более близкий экземпляр найден в к. 3 Верхнекардаиловского могильника в северо-восточном Оренбуржье (Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994, с. 157, 165, рис.3, 4). Более грубые алтарики этого типа найдены в погр. 2 к. 10 и к. 17 могильника Альмухаметово в Абзелиловском р-не РБ (Пшеничнюк А. Х., 1983, табл. XXXVI, 7; XXXVIII, 5). Все эти комплексы датируются VI-V вв. до н.э.

В непосредственной близости от жертвенника был найден кусок дерева, по внешнему виду отличающийся от многочисленных обломков перекрытия, также найденных в могиле. Деревянный брусочек выделялся правильностью граней и, как кажется, затертостью поверхности. Специальное исследование, проведенное к. б. н. А. Р. Ишбирдиным (ИБ УНЦ РАН), показало, что это кусок древесины сосны, подвергшийся специальной обработке. Торцовые части были обрублены, одной из боковых граней придана форма, совпадающая с внутренним углублением «жертвенника». Вне всякого сомнения мы имеем дело со случаем, аналогичным находке в к. 2 могильника Тара-Бутак, где в богатом погребении женщины-«жрицы» рубежа VI-V вв. до н.э. на большом прямоугольном мраморном столике-жертвеннике лежал кусок соснового дерева со следами потертости (Смирнов К. Ф., 1964, с. 203, рис.18). В этом же ряду стоит находка в углублении верхнекардаиловского жертвенника куска дерева, по форме и размеру соответствующего данному углублению (Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994, с. 157). Подобные находки, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что одной из функций «савроматского жертвенника» могло быть получение порошка древесины сосны, употреблявшегося, по-видимому, в косметических, гигиенических, ритуальных или лечебных целях (с

целебных свойствах древесины сосны см. Скляревский Л. Я., Губанов И. А., 1987, с. 186-187).

В целом, погр. 1 из к. 2 Яковлевского могильника не может быть датировано временем позднее V в. до н.э. Погр. 2 данного кургана, частично разрушившее погр. 1 (рис. 7, 1), должно быть датировано рубежом V-IV вв. до н.э. Большинство трехлопастных втульчатых наконечников, обнаруженных в нем, относятся к типам 6А и 9А, получающим наибольшее распространение именно в это время (Смирнов К. Ф., 1961, табл. II-III). И хотя целый ряд втульчатых трехгранных наконечников относится к типам, характерным для V в. до н.э. (3, 5А, 5Г, 8, 9), отдельные экземпляры трехгранных наконечников с внутренней втулкой имеют уже форму, характерную для более позднего времени (тип 19) (рис. 10, 1) (там же, табл. IV-V).

Сосуд из этого погребения (рис. 10, 2) относится к отделу V плоскодонной приуральской савроматской посуды, здесь они датируются широко – с VI до IV в. до н.э., но к IV в. количество их резко сокращается (Смирнов К. Ф., 1964, с. 114).

Не свойственно для «савроматов» и помещение в могилу части бараньего хребта с ребрами, лопаткой и передней ногой, для них характерна обезглавленная тушка барана. Помещение же в могилу вышеуказанных частей барана характерно для всего времени прохоровской культуры и на всей занимаемой ею территории (Мошкова М. Г., 1974, с. 19-20). Таким образом, погр. 2 в к. 2 Яковлевского могильника, несмотря на ряд «савроматских» черт, принадлежит уже прохоровской культуре.

Представляет большой интерес находка нижней части кожаного колчана (рис. 9). К сожалению, форма его не восстанавливается; можно лишь уверенно говорить о том, что крой его был достаточно сложным. Семена, в большом количестве обнаруженные внутри колчана, среди наконечников стрел, по независимому определению к.с.-х.н М. В. Ягудина и к.б.н А. Р. Ишбирдина в основной массе принадлежат кориандру (кинза, кишнец) (Coriandrum sativum L.), не произрастающему на территории Южного Приуралья. Родина его – Кавказ, Средняя Азия. Находки семян кориандра в погребениях данного времени известны и в более удаленных от ареала его распространения регионах. Так, семена кориандра, лежащие в кожаном мешочке, обнаружены во 2 Пазырыкском кургане (Руденко С. И., 1953, с. 54), т.н. погребении «принцессы Алтая» на высокогорном плато Укок (Полосьмак Н. В., 1995, с. 84). С глубокой древности кориандр употреблялся не только как пряность, но и как лекарственное средство. Все части этого растения содержат эфирные масла, больше всего их в зрелых плодах. Известно применение кориандра при неврозах, некоторых других заболеваниях, а также как антисептика. О том, что ранним кочевникам Южного Приуралья лекарственные свойства растений были известны, говорит находка в погр. 5 к. 8 могильника Покровка 2 обугленных коробочек дурмана, семейства пасленовых, находившихся внутри сосуда. При вдыхании летучей фракции (при горении) дурман расширяет сосуды, облегчает дыхание (Рысков Я. Г., Демкин В. А., 1995, с. 62-63).

Погр. 3 (младенца) из к. 2 (рис. 7, 2), очевидно, синхронно погр. 2. На это указывает южная ориентировка костяка, а также сосуд (рис. 7, 3), относящийся, как и сосуд из п. 2, к V типу савроматской приуральской плоскодонной посуды.

Ряд вопросов возникает при определении датировки центральной могилы (№2) к. 1 Яковлевского могильника (рис. 5, 1). Широкие прямоугольные могилы, наиболее характерные для IV в. до н.э., с надмогильными деревянными сооружениями, по мнению М. Г. Мошковой, являются наследием савроматских традиций (Мошкова М. Г., 1974, с. 17-18). Погребение ограблено, однако достоверно зафиксировано, что погребенные имели южную ориентировку.

На раннепрохоровское время указывает и немногочисленный сохранившийся погребальный инвентарь. Единственный наконечник стрелы (рис. 5, 9), найденный в могиле, принадлежит к типу 9А трехлопастных втульчатых наконечников, наиболее характерных для IV в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1961, табл.III). Круглодонный сосуд бомбовидной формы (рис. 5, 2), обнаруженный в засыпи могилы, относится к отделу 1 круглодонной посуды. Сосуды подобной формы появляются уже в V в. до н.э., в IV в. количество их значительно увеличивается (Смирнов К. Ф., 1964, с. 114-115). Особенно показателен небольшой набор бус, найденный в могиле.

Синие глазчатые бусы (рис. 5, 4г) из могильной ямы 2 к. 1 относятся к типу 78а полихромных стеклянных бус по классификации Е. М. Алексеевой, широко представленных в комплексах V в. до н.э. – II в. н. э. (1975, с. 68, табл.15: 8-11). Яковлевские экземпляры относятся к наиболее ранним, датирующимся V-III вв. до н. э., в их отверстиях заметны следы керамической основы, на которой формовалось ядро. Еще две бусины (рис. 5, 4з) относятся к типу 369 полихромных стеклянных бус по классификации Е. М. Алексеевой, характерных для IV в. до н.э. (1978, с. 55, табл.32: 16). Призматические бусы из прозрачного сизо-зеленого стекла (тип 122 по Е. М. Алексеевой) характерны для II-III вв. н.э. (1978, с. 70, табл.33: 37,38), однако эти бусы, в отличие от найденной в центральном погребении Яковлевского 2-го кургана, заметно сплющены с боков. Бусы в виде правильной шестигранной призмы в южно-уральских комплексах IV в. до н.э. весьма обычны (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл.27: 16). По мнению К. Ф. Смирнова, подобные бусы, вероятно, сделаны в подражание каменным, в частности, берилловым бусам V в. до н.э. (1964, с. 151). Бусы круглые сплюснутые ярко-голубые с 3-мя ярко-голубыми же глазками-наленами с белым ободком (рис. 5, 4д), также найденные в этом погребении, датируются К. Ф. Смирновым и В. Г. Петренко V в. до н.э. Концом VI-V в. до н.э. ими же

датируются полихромные стеклянные бусы, сплющенные с боков, имеющие различные узоры и пятна на боковых гранях (рис. 5, 4б) (1963, табл. 27: 7, 16). Не исключается возможность того, что бусы из данного погребения разновременны и принадлежат разным комплексам (см. ниже).

Из других предметов, обнаруженных в этой могиле, представляет интерес находка бронзовой ворворки, сквозь отверстие которой пропущен кожаный шнурочек с надетым на него деревянным шариком, выточенным, по определению к.б.н. А. Р. Ишбирдина, из древесины березы (рис. 5, 5). Вне всякого сомнения перед нами конструктивный элемент волосяной или нитяной кисти, служащий для декоративного утолщения ее основания.

Таким образом, центральное ограбленное погр. 2 в к. 1 не может датироваться временем ранее IV в. до н.э.

Некоторым диссонансом данной датировке выглядят предметы, найденные на поверхности, в непосредственной близости от к. 1 – обломки двух каменных жертвенников и бронзовое зеркало. Зеркало (рис. 3, 2) относится к типу I по классификации К. Ф. Смирнова, к варианту со слегка отогнутым и заостренным краем диска. Оно датируются временем не позднее начала V в. до н.э. (1964, с. 154). Жертвенники (рис. 3, 3,4) относятся к типам AI и БI группы первой по классификации К. Ф. Смирнова (там же, с. 162-163), они датируются VI-V вв. до н.э. Кроме того, круглые жертвенники с зооморфным оформлением ножек, как правило, находят в погребениях, совершенных на древнем горизонте.

Очевидно, противоречие может быть устранено следующим образом. В погребении найдены кости четырех человек, хотя могила не столь велика по размерам. Можно предположить, что первоначально курган был насыпан над могилой (погребением на древнем горизонте ?) VI-V вв. до н.э. В IV в. до н.э. в курган был впущен новый покойник (покойники), причем, первоначальное погребение было разрушено, а вещи из него выброшены на поверхность. Кости скелетов из первоначального погребения частично попали в засыпь могилы. Над могилой было устроено деревянное двухнакатное перекрытие. Через некоторое время в центральную часть кургана был впущен еще один покойник – женщина пожилого возраста. Еще по прошествии некоторого времени курган подвергся ограблению.

Впускное погребение (рис. 4, 1), вероятно, датируется второй половиной IV в. до н.э. Единственный наконечник стрелы (рис. 4, 5), найденный между ног погребенной, относится к типу 9А трехлопастных втульчатых наконечников, характерных для IV в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1961, табл.III). Керамические пряслица, выточенные из обломков сосудов (рис. 4, 4), в южно-уральском районе находят лишь в погребениях IV в. до н.э. и позднее (Смирнов К.Ф., 1964, с. 107). Сосуды с раздутым в верхней части и резко сужающимся ко дну туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком (рис. 4, 6) отсутствуют в типологиях, предложенных в свое время К. Ф. Смирновым и М. Г. Мошковой, однако в последнее время они в значительном количестве найдены в раннесарматских погребениях Покровских могильников в западном Оренбуржье – Покровка 8 к. 4 п. 4 (Веддер Дж. и др., 1993, рис.59, 20), Покровка 1 к. 2 п. 3, к. 8 п. 1, Покровка 2 к. 23 п. 17 (Яблонский Л. Т. и др., 1994, рис.34, 4; 35, 1; 98, 19), Покровка 1 к. 6 п. 3 (Яблонский Л. Т. и др., 1995, рис.20, 5), датирующихся не ранее IV в. до н.э.

Наиболее поздними из погребений Яковлевского могильника являются оба погребения к. 3.

Погр. 1 (рис. 11, 2) уверенно датируется 2-й половиной IV в. до н.э. Керамический сосуд (рис. 13, 2) совершенно идентичен сосуду из погр. 2 к. 21 могильника Новый Кумак IV в. до н. э. Богатый набор наконечников стрел из колчана в данном погребении совершенно однотипен (рис. 12; 13, 1). Подавляющее большинство их принадлежит к типу 6Б трехлопастных втульчатых наконечников, наиболее характерных для IV в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1961, табл. II). Форма меча с прямым перекрестьем и сломанным под тупым углом брусковидным навершием (рис. 13, 3) вкупе с остальными датирующими признаками указывает на 2-ю пол. IV в. до н.э. (Мошкова М. Г., 1974, с. 24).

В погребенного мужчину преклонного возраста, очевидно, в бою, попали две стрелы, одна из которых явилась причиной его смерти. Стрела с железным втульчатым наконечником (рис. 11, 4) попала с правой стороны в шею, около изгиба нижней челюсти. Вторая стрела (рис. 11, 5) попала прямо в сердце, в левый желудочек (см. статью А. Р. Ишбирдина в данном издании). Погребенный был убит стрелой с бронзовым трехлопастным наконечником с внутренней втулкой, относящимся к типу 13 по классификации К. Ф. Смирнова. Данный тип наконечников характерен для IV-III вв. до н.э. (1961, табл. III).

Впускное погр. 2 (рис. 14, 1) в к. 3 Яковлевского могильника имеет прямоугольно-удлиненную могильную яму 1-го типа по классификации А. С. Скрипкина, вариант А (узкая) (1990, с. 179). Могилы типа 1А являются преобладающими среди впускных погребений III-I вв. до н.э. в Южном Приуралье (там же, с. 183, табл.16). Южная ориентировка также является господствующей для погребений III-I вв. до н.э. (там же, с. 184). Инвентарь погребения находит полное соответствие вещам из «списка 1», выделенного А. С. Скрипкиным для комплексов III-I вв. до н.э., куда вошли в числе прочих и бронзовые восьмеркообразные пряжки (рис. 14, 4), и железные трехлопастные наконечники стрел с длинными черешками (рис. 14, 6), и плоскодонные лепные кувшины с ручками-петельками (рис. 14, 2) (1990, рис. 48-49). Попытки более дробной периодизации погребений с вещами из «списка 1» пока затруднительны (там же, с. 171-172). Инвентарь погр. 2 к. 3 малооригинален, тем не менее, отметим полную до мельчайших деталей аналогию кувшину с ручкой-

петелькой: совершенно такой же кувшин найден в погр. 12 к. 3 могильника Быково I в Волгоградской области (Мошкова М. Г., 1963, табл.13, 13). Датируется это погребение III-II вв. до н.э. (там же, с. 49). Чрезвычайно близкие яковлевскому кувшину экземпляры найдены также в погребениях III-II вв. до н.э. на Илеке – Близнецы (к. 2 п. 3) и Увак (к. 2 п. 8) (Смирнов К. Ф., 1975, с. 51-53, рис.15, 7; с. 60-61, рис.18, 6).

Таким образом, Яковлевский курганный могильник существовал на протяжении трех-четырех веков – с рубежа VI-V по III-II вв. до н.э. Наиболее древними (конец VI-V вв. до н.э.) являются погр. 1 из к. 2 и первоначальное разрушенное погребение в центральной могиле к. 1. Рубежом V-IV вв. датируются погр. 2 и 3 из к. 2. К IV в. до н.э. относятся ограбленное погребение 2 в центральной могиле к. 1, впускное погр. 1 из центральной могилы к. 1 и погр. 1 из к. 3. Одно погребение – п. 2 из к. 3 – датируется III-II вв. до н. э.

Погребения Яковлевского I одиночного кургана также неодновременны. Наиболее древним является погребение мужчины, таз и кости стоп которого были обнаружены в могильной яме погр. 2, а череп – над могилой 3. Можно предположить, что могильная яма погр. 2 была использована вторично. Кости первоначально похороненного в ней человека были частично выброшены при погребении в ней нового покойника, а частично остались (таз, кости стоп). Поскольку кости стоп были найдены в восточном конце могильной ямы, можно предположить, что первоначальный покойник лежал головой к западу. Вещи, обнаруженные в насыпи кургана, очевидно, принадлежат этому разрушенному погребению.

Зеркало с плоским овальным диском и отогнутым приостренным бортиком (рис. 18, 3) относится к типу V по классификации К. Ф. Смирнова и датируется V – началом IV в. до н.э. (1964, с. 156). Не противоречит этой дате и бронзовый наконечник стрелы (рис. 16, 4), относящийся к типу III по классификации К. Ф. Смирнова (1961, табл. IV). Таким образом, разрушенное погребение можно уверенно датировать V в. до н.э.

Погр. 2 и 3, безусловно, синхронны. Именно над ними было сделано деревянное перекрытие (рис. 16, 1). Наконечники стрел из погр. 2 типологически весьма разнообразны (рис. 17, 4), преобладают типы, характерные для V в. до н.э. Вызывает интерес находка среди наконечников стрел полуистлевших обломков черпачка костяной ложечки (рис. 17, 5). Учитывая, что для V в. до н.э. характерной деталью является нахождение ложечек именно в колчанах (Федоров В. К., 1992, с. 87-88), можно предположить, что далеко не во всех случаях находок в погребениях колчанов со стрелами ложечки могли быть обнаружены. Они в ряде случаев могли совершенно истлеть. Таким образом, связь костяных ложечек с колчанами в савроматское время, возможно, была более тесной, нежели мы можем сейчас зафиксировать.

Погр. 3 (рис. 18, 2) выглядит весьма архаичным. Среди бус из этой могилы отметим белую круглую бусину из глухого стекла с тремя коричневыми пятнами (рис. 18, 7г). Она относится к типу 3а по Е. М. Алексеевой и датируется 2-й пол. VI – началом V в. до н.э. (1975, с. 57, табл.12: 34). Столь же архаично выглядят и другие бусы из этого погребения. VI-V вв. до н.э. датируются бусы с сосцевидными налепами (рис. 18, 7з-н) (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл.27: 3, 4, 13). Здесь же найдены полихромные стеклянные бусы, сплющенные с боков (рис. 18, 7ж) (конец VI-V в. до н.э.), и ярко-голубая бусина с тремя ярко-голубыми же глазками-налепами с белым ободком (рис. 18, 7б) (V в. до н.э.), аналогичные бусам из погребения в к. 1 Яковлевского могильника. В большом количестве подобные бусы найдены в погребениях V в. до н.э. Ново-Кумакского могильника под Орском (Смирнов К. Ф., 1977, рис.4, 3; 5, 5) и Мечетсайского могильника на Илеке (Смирнов К. Ф., 1975, рис.31, 13).

Сосуд из этого погребения полностью не сохранился (рис. 18, 8), однако, судя по всему, он относился к отделам 1 или 2 плоскодонной посуды савроматов, по классификации К. Ф. Смирнова. В Южном Приуралье они датируются V в. до н.э. (1964, с. 114). Туалетный сосудик (рис. 18, 5) относится к отделу V плоскодонной посуды савроматов, широко датирующемуся VI-IV вв. до н.э. (там же). Сосудик подобной формы был найден в кургане в урочище Биш-Оба второй половины VI в. до н.э. в районе г. Орска (там же, рис.10, 1о).

Зеркало (рис. 18, 4), относящееся к типу I по классификации К. Ф. Смирнова (вариант со слегка отогнутым и заостренным краем диска), датируется временем не ранее начала V в. до н.э. (1964, с. 154). Зеркала подобного типа найдены в могильнике Сара в восточном Оренбуржье (там же, рис. 35Б, 14; 72, 2). В Саринском же кургане найден и кожаный мешочек с торчащей из него деревянной палочкой (рис. 18, 6) (там же, рис. 35Б, 15).

Таким образом, погр. 3, а вслед за ним и погр. 2 следует датировать не позднее, нежели серединой V в. до н.э. Разрушенное погребение, вероятно, датируется 1-й половиной V в. до н.э.

Впускное погр. 1 (рис. 15, 2) по наконечникам стрел (рис. 15, 3) также датируется V в. до н.э., однако, многие типы найденных здесь наконечников широко бытуют и в IV в. до н.э. Вкупе с южной ориентировкой и остатками заупокойной пищи в виде ребер крупного животного погр. 1 можно датировать 2-й половиной V в. до н.э., либо рубежом V-IV вв. до н.э.

Оба погребения Яковлевского II одиночного кургана датируются савроматским временем. Погр. 1 (рис. 19, 2) совершено по обряду сожжения покойника в могиле, путем разведения костра на теле или засыпки могилы горящими дровами. Совершенно аналогичные случаи отмечены в кк. 2 и 7 могильника Ак-Жар под Актюбинском, в к. 4 могильника Мечетсай в центральном Оренбуржье и др.

(Смирнов К. Ф., 1964, с. 98). Во всех случаях кости покойников очень сильно обгорели, но сохранили свою анатомическую связь. Жар горения в Яковлевском II одиночном кургане был настолько велик, что грунт всей центральной части насыпи диаметром до 13 м прокалился до красноты. К сожалению, погр. 1 оказалось начисто ограбленным, в засыпи могилы найден лишь фрагмент стенки круглодонного сосуда (рис. 19, 4). Однако, благодаря действию огня, сохранились многие органические вещества – войлок, ткань, трава. Специальным исследованием, проведенным к.б.н. А. Р. Ишбирдиным, установлено, в частности, что первоначально могила была выстлана слоем ковыля. Находки сгоревших личинок мух в войлоке указывают на то, что погребение было совершено в теплое время года.

Погр. 2, совершенное на древнем горизонте (рис. 20, 1), по вещам – ручка от зеркала типа I (рис. 20, 2), сосуд с носиком-сливом отдела VI плоскодонной посуды савроматов (рис. 20, 3), наконечники стрел (рис. 20, 4) – датируется концом VI-V в. до н.э. Этим же временем, очевидно, следует датировать и центральное погр. 1.

Следует оговориться, что датировки, основанные на традиционных представлениях о хронологии савроматской и раннесарматской культур, фактически оставляют без ответа вопрос о хронологическом и этнокультурном взаимоотношении погребений, совершенных в одних и тех же могильных ямах (в к. 1 – центральное и разрушенное (?) им погребение на древнем горизонте (?), в к. 2 – пп. 1 и 2, в Яковлевском I одиночном кургане – пп. 2, 3 и разрушенное погребение в могильной яме п. 2). Хронологический разрыв между погребениями в к. 2 и Яковлевском I одиночном кургане традиционными методами фактически вообще не улавливается, и, если бы не разрушение одного погребения другим, их вполне можно было бы считать одновременными. Несовершенство методов традиционного датирования исключает возможность сколь-нибудь обоснованно судить о подобных формах отношений ранних кочевников Южного Урала к предшествующим погребениям: определялись ли они безразличием, враждебностью либо особыми обрядовыми требованиями.

Что же касается находки на поле, где расположены исследованные курганы, замечательного бронзового меча, то можно лишь отметить, что погребения большинства Яковлевских курганов испытали неоднократные вторжения, в результате которых ряд предметов конца VI – 2-й половины IV в. до н.э. мог оказаться на поверхности. Связать с каким-либо из потревоженных погребений найденный на поле бронзовый меч не представляется возможным. Не исключено, что находка меча вообще не имеет связи с исследованными курганами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АКБ, 1976. Археологическая карта Башкирии. М.

Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.

Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994. Разведочные раскопки в северо-восточном Оренбуржье // Башкирский край. Вып. 5.

Веддер Дж. и др., 1993. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып.1.

Матвеева Г. И., 1964. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // АЭБ. Т.II.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Д1-10.

Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Полосьмак Н. В., 1995. Феномен алтайских мумий // Природа. № 11.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Руденко С. И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.

Рысков Я. Г., Демкин В. А., 1995. Результаты естественнонаучного изучения курганов левобережного Илека (палеоэкологические, педологические и археологические аспекты) // Курганы левобережного Илека. Вып. 3.

Скляревский Л. Я., Губанов И. А., 1987. Лекарственные растения в быту. М.

Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Смирнов А. П., 1957. Железный век Башкирии // МИА. № 58.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Д1-9.

Федоров В. К., 1992. Савромато-сарматские костяные ложечки: К вопросу об индоарийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры // Башкирский край. Вып. 2.

Федоров В. К., Васильев В. Н., в печати. Два бронзовых кинжала из юго-восточной Башкирии.

Яблонский Л. Т. и др., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году //

Яблонский Л. Т. и др., 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3.

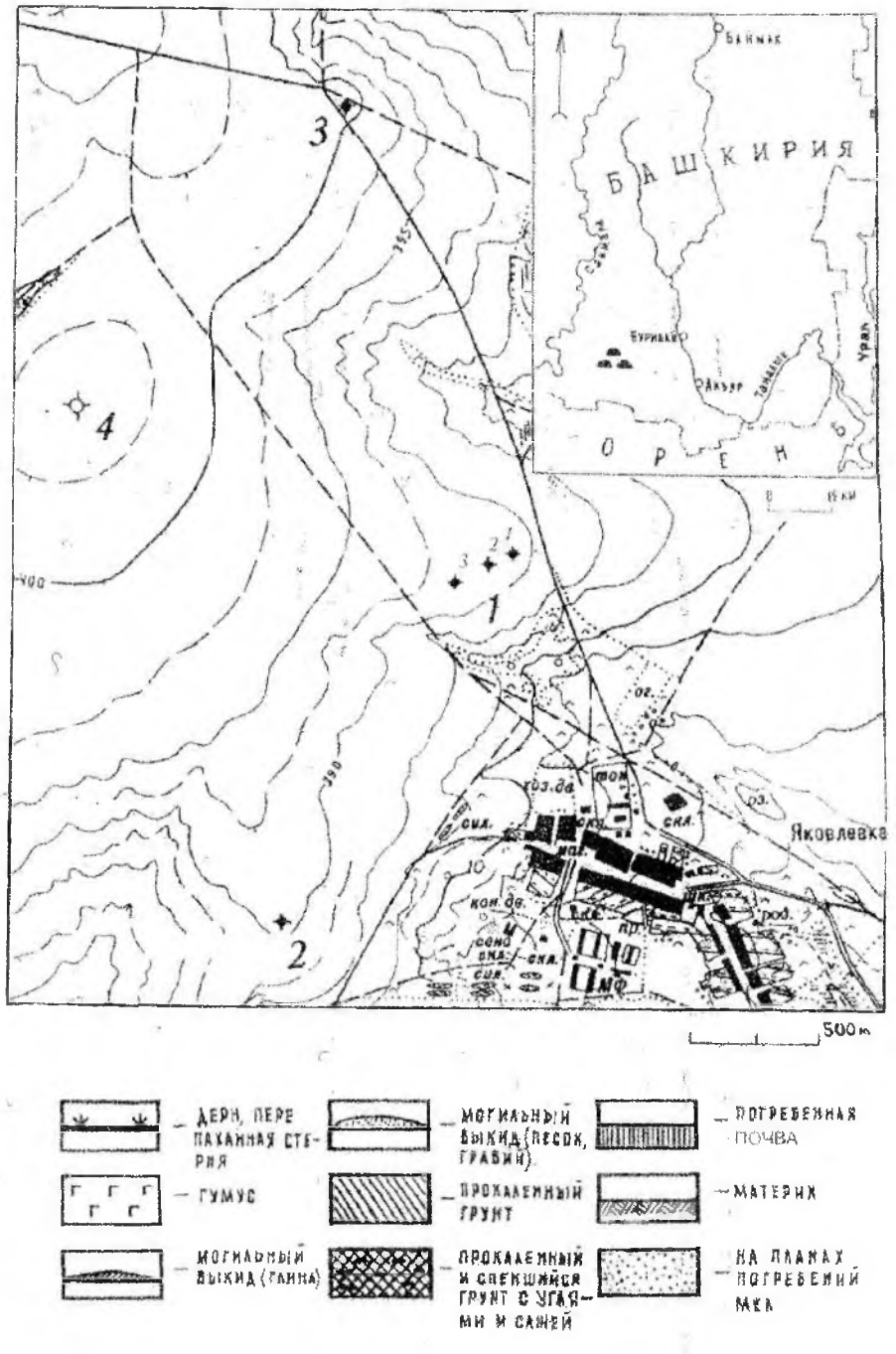


Рис. 1. Курганы в окрестностях д. Яковлевки.
1 – Яковлевский могильник; 2 – Яковлевский I одиночный курган; 3 – Яковлевский II одиночный курган; 4 – Большой Яковлевский курган.
Условные обозначения к планам и профилям курганов и погребений.

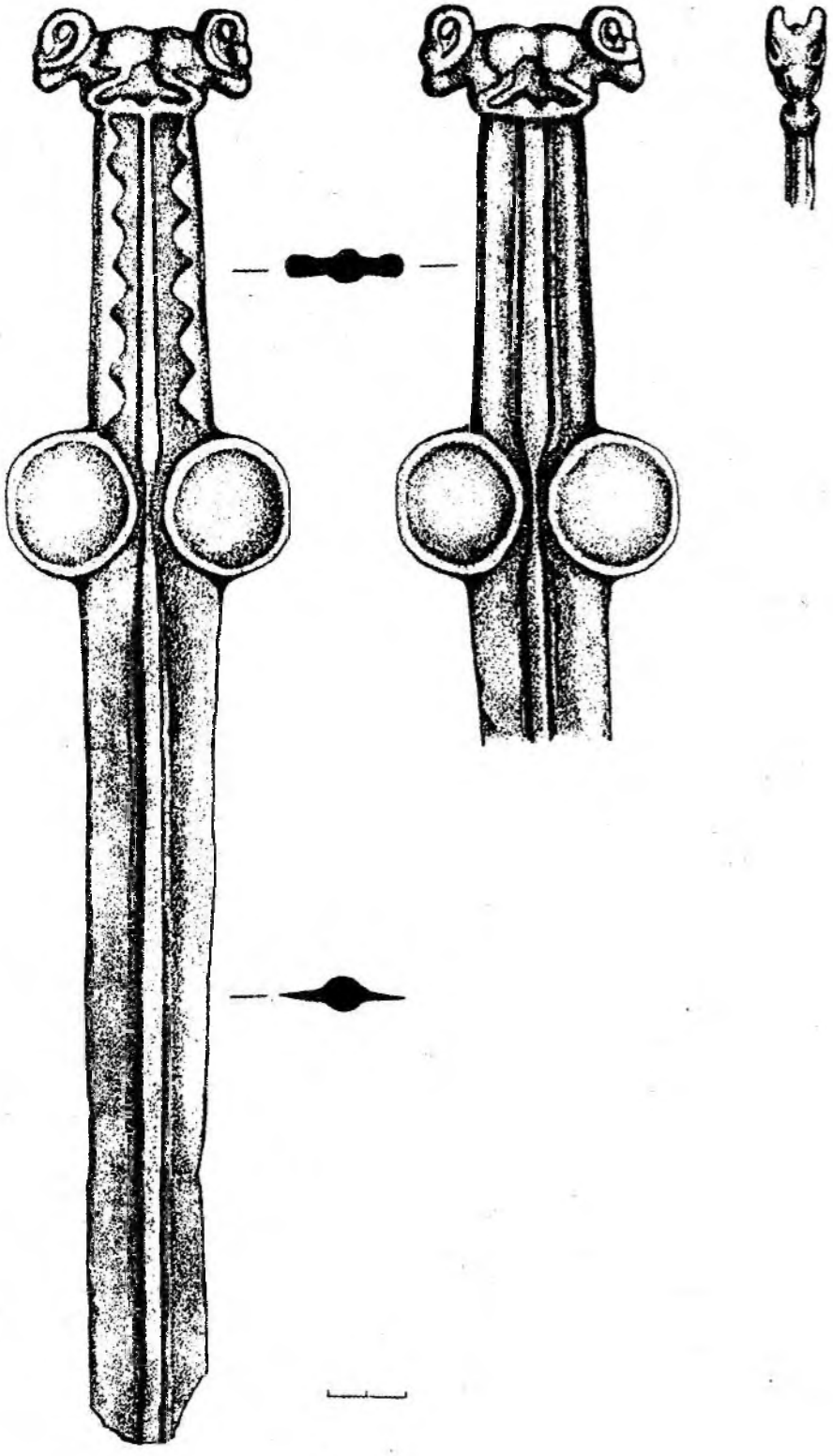


Рис. 2. Бронзовый меч. Случайная находка в окрестностях д. Яковлевка.

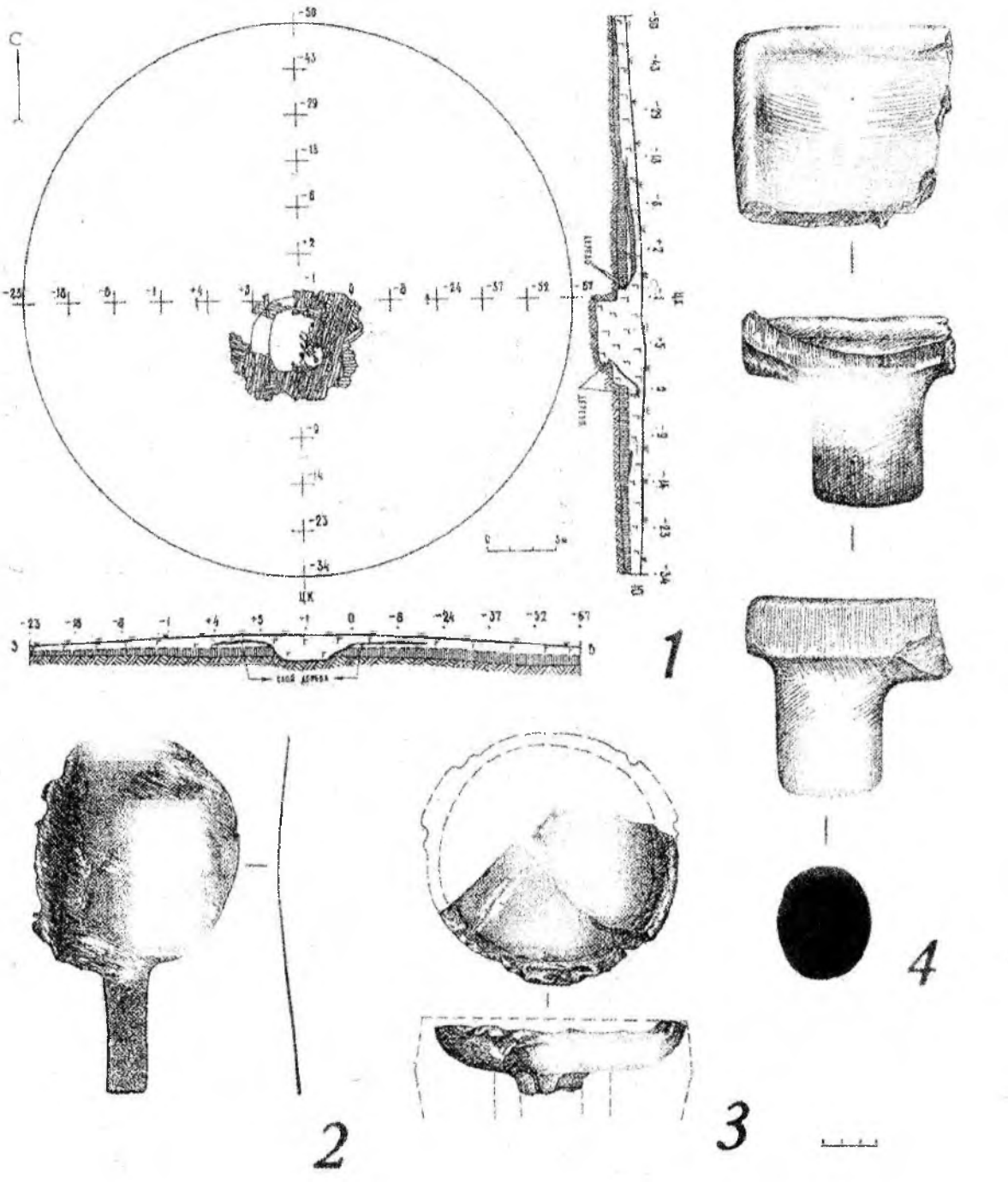


Рис. 3. Яковлевский курганный могильник.
1 – курган 1, план и профили; 2-4 – находки на пашне ок. кургана 1; 2 – зеркало, 3, 4 – обломки жертвенников.
2 – бронза; 3, 4 – камень.

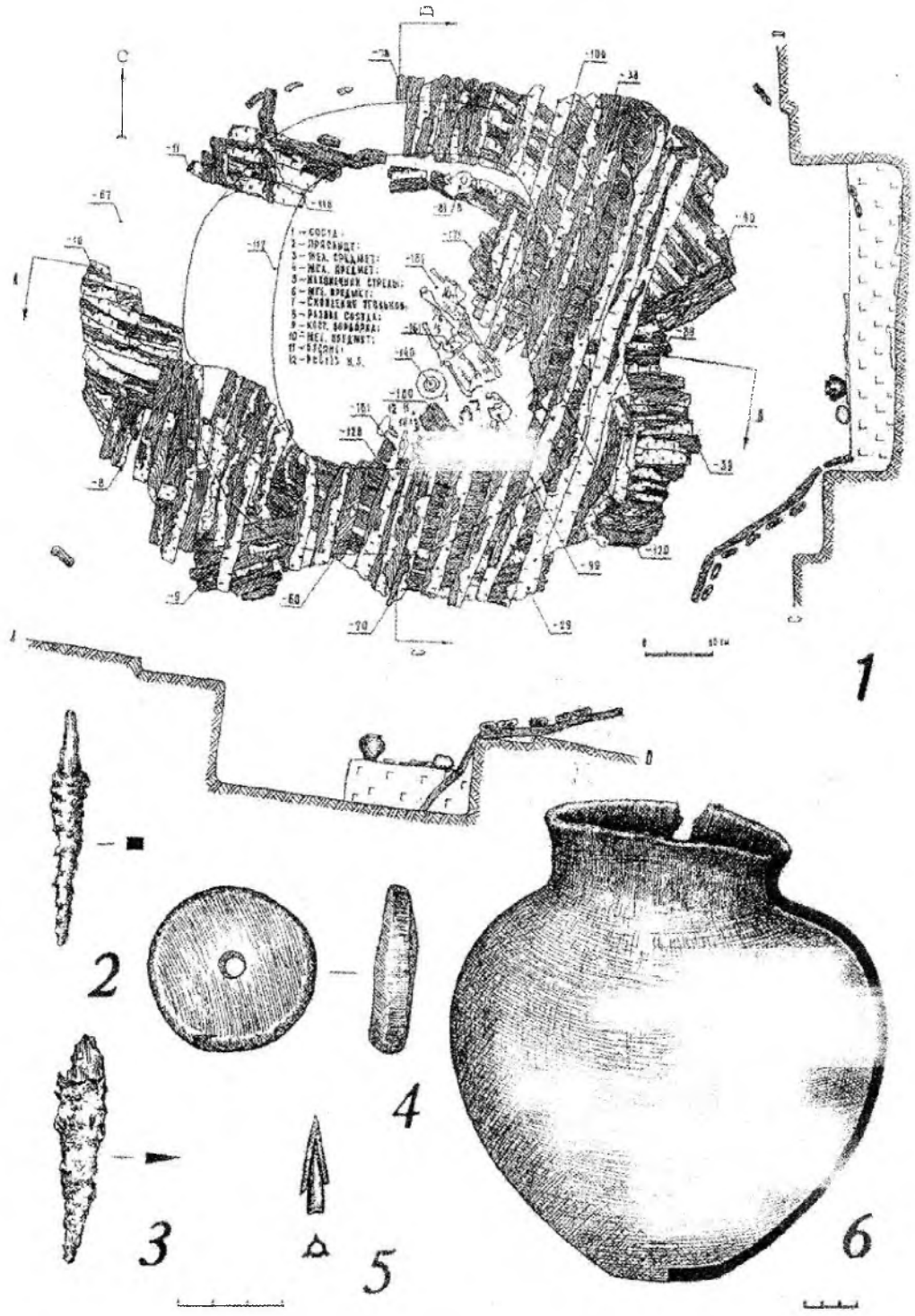


Рис. 4. Яковлевский курганный могильник.

1 – план и профили центрального погребения кургана 1 с деревянным перекрытием и впускным погребением; 2-6 – инвентарь впускного погребения: 2 – шило, 3 – нож, 4 – пряслице, 5 – наконечник стрелы, 6 – сосуд.

2-3 – железо, 5 – бронза, 4, 6 – глина.

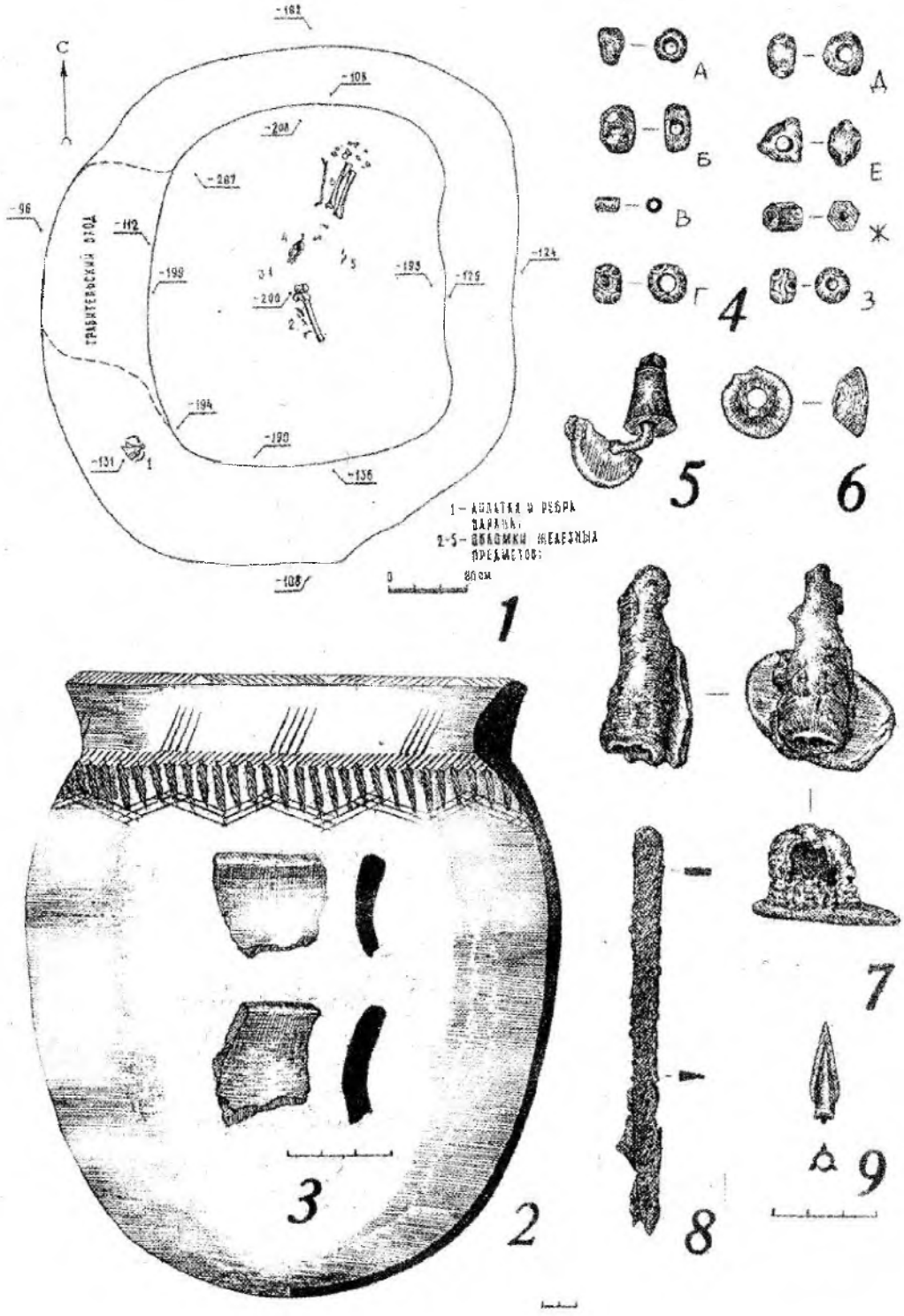


Рис. 5. Яковлевский курганный могильник.

1 – план центрального погребения в кургане 1; 2-9 – инвентарь центрального погребения кургана 1; 2 – сосуд, 3 – фрагменты венчиков сосудов, 4А-З – бусы, 5 – ворворка с деревянным кружочком, 6 – ворворка, 7 – конический предмет неизвестного назначения, 8 – нож, 9 – наконечник стрелы.

7, 8 – железо, 5, 9 – бронза, 2, 3 – глина, 4 – стеклянная паста, 6 – кость.

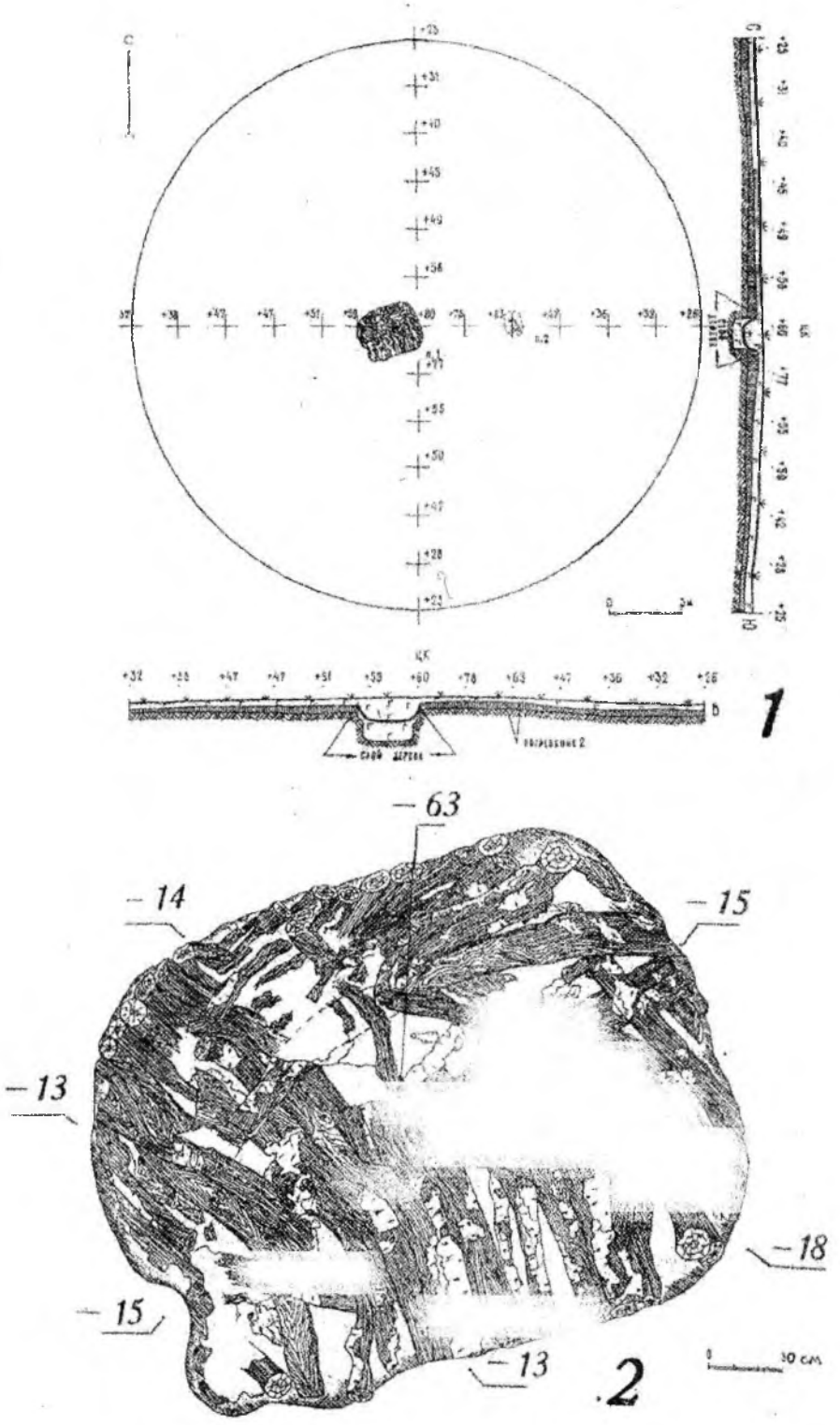


Рис. 6. Яковлевский курганный могильник.
1 – план и профили кургана 2; 2 – план деревянного перекрытия над погребениями 1 и 2.

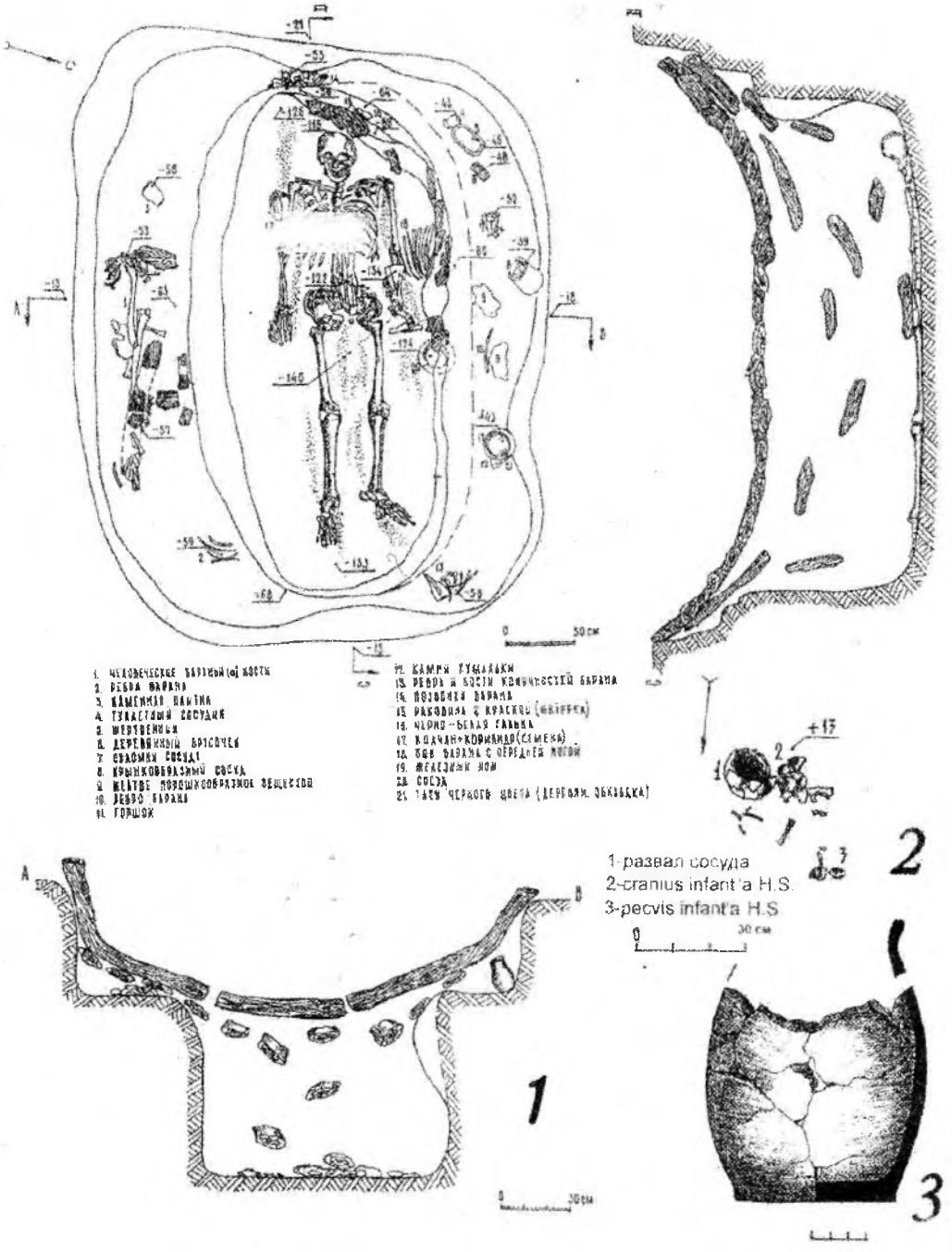


Рис. 7. Яковлевский курганный могильник.
Курган 2. 1 – план и профили погребений 1 и 2; 2 – план погребения 3; 3 – глиняный сосуд из погребения 3.

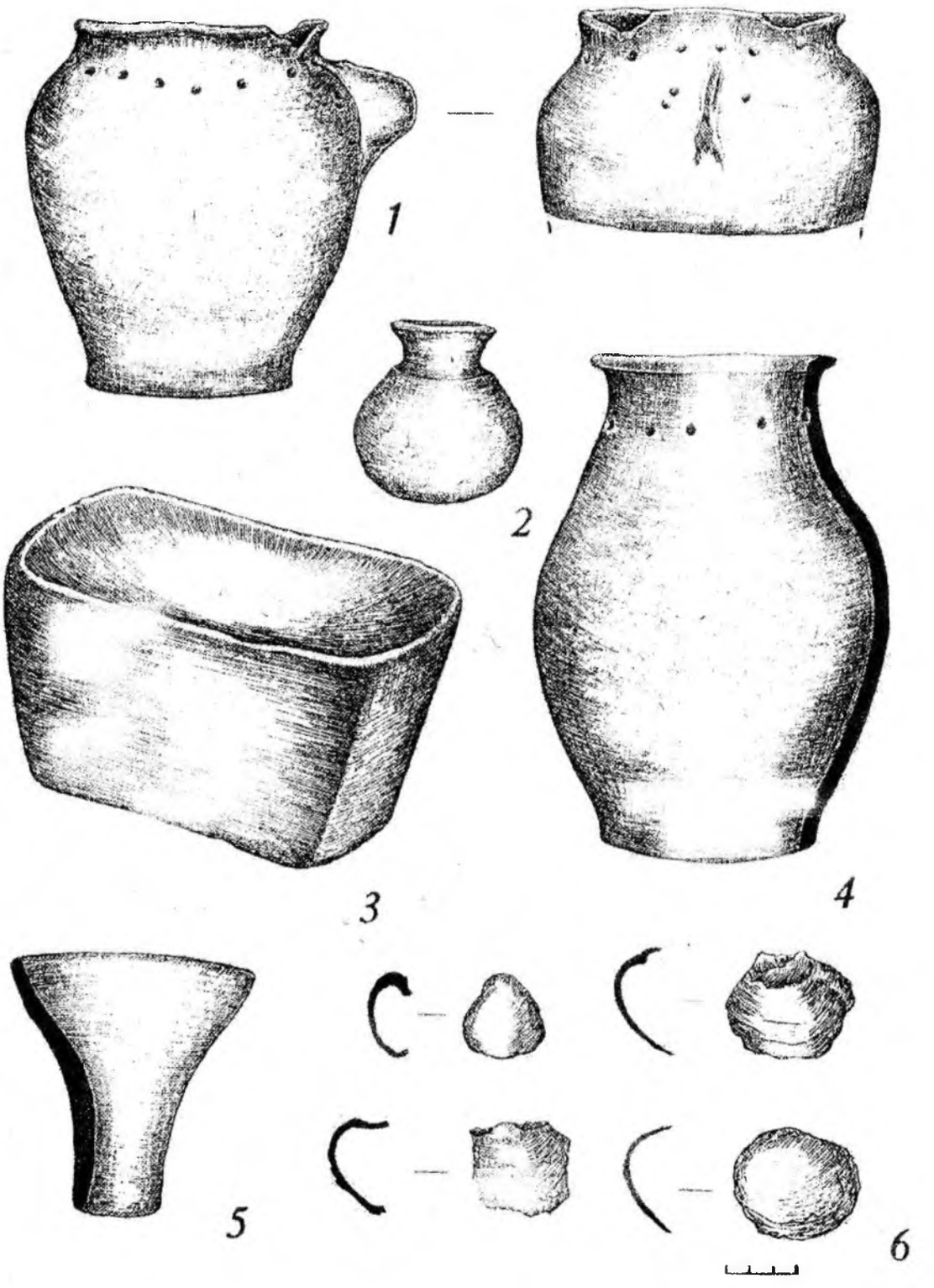


Рис. 8. Яковлевский курганный могильник.
Курган 2. Инвентарь погребения 1. 1, 4 – сосуды, 2 – туалетный сосудик, 3 – жертвенник, 5 – воронка, 6 – раковины Gryphaea.
1, 2, 4, 5 – глина, 3 – камень.

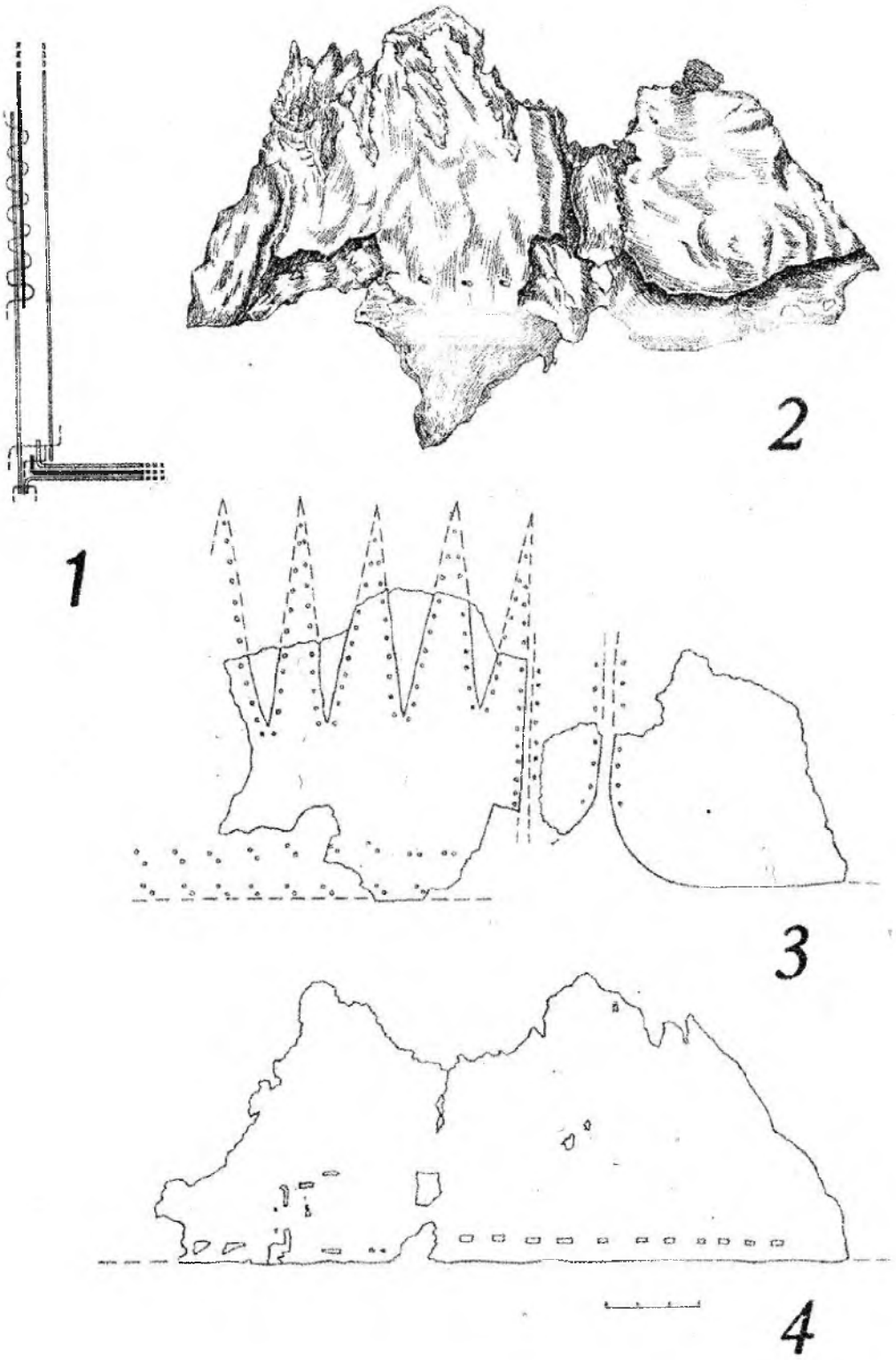


Рис. 9. Яковлевский курганный могильник.
Курган 2. Инвентарь погребения 2. Колчан.
1 – продольное сечение нижней части – взаиморасположение деталей и швы; 2 – остатки колчана; 3 – крой внешней стороны нижней части колчана; 4 – крой внутренней стороны нижней части колчана.
Кожа.

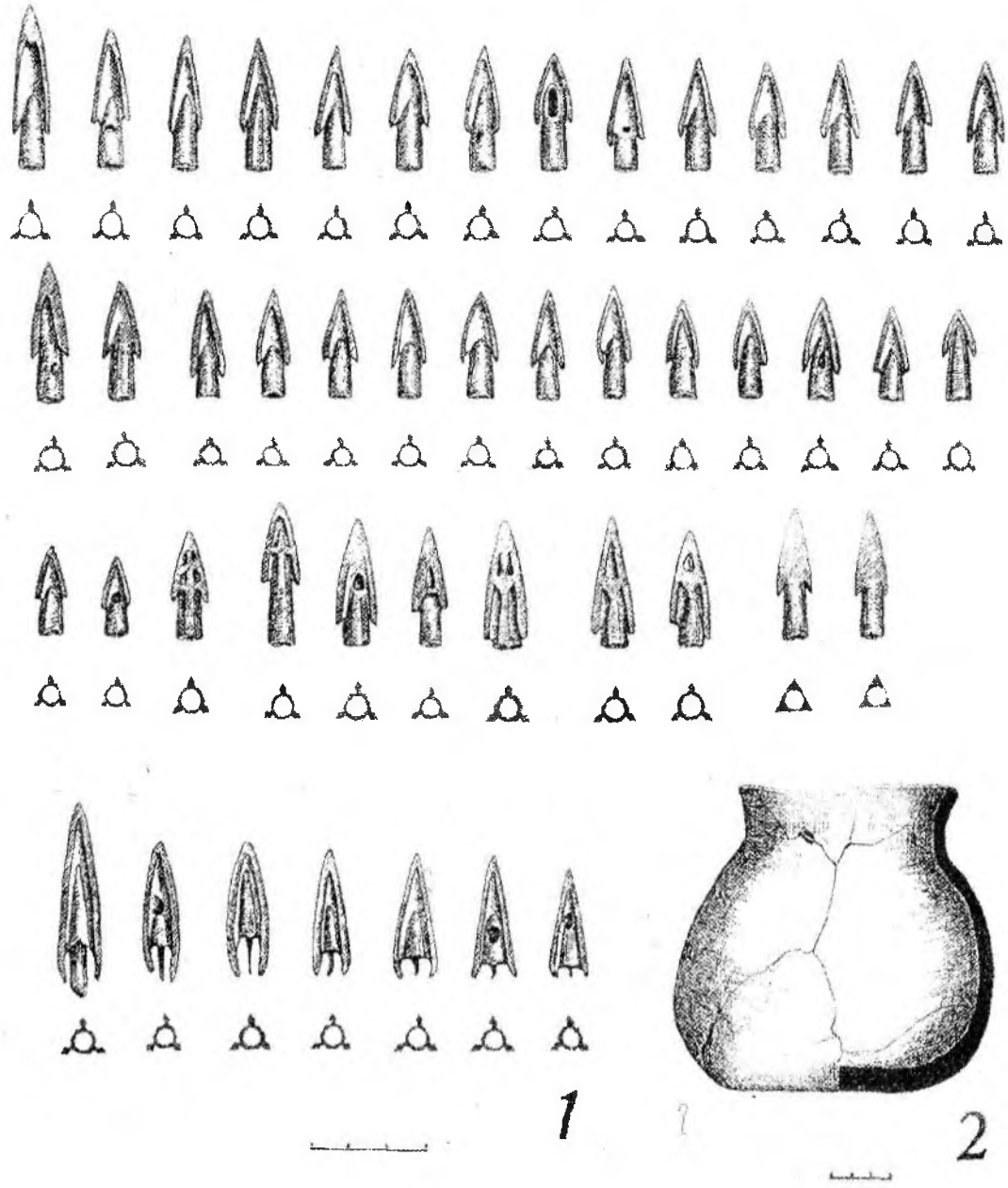


Рис. 10. Яковлевский курганный могильник.
Курган 2. Инвентарь погребения 2. 1 – наконечники стрел; 2 – сосуд.
1 – бронза, 2 – глина.

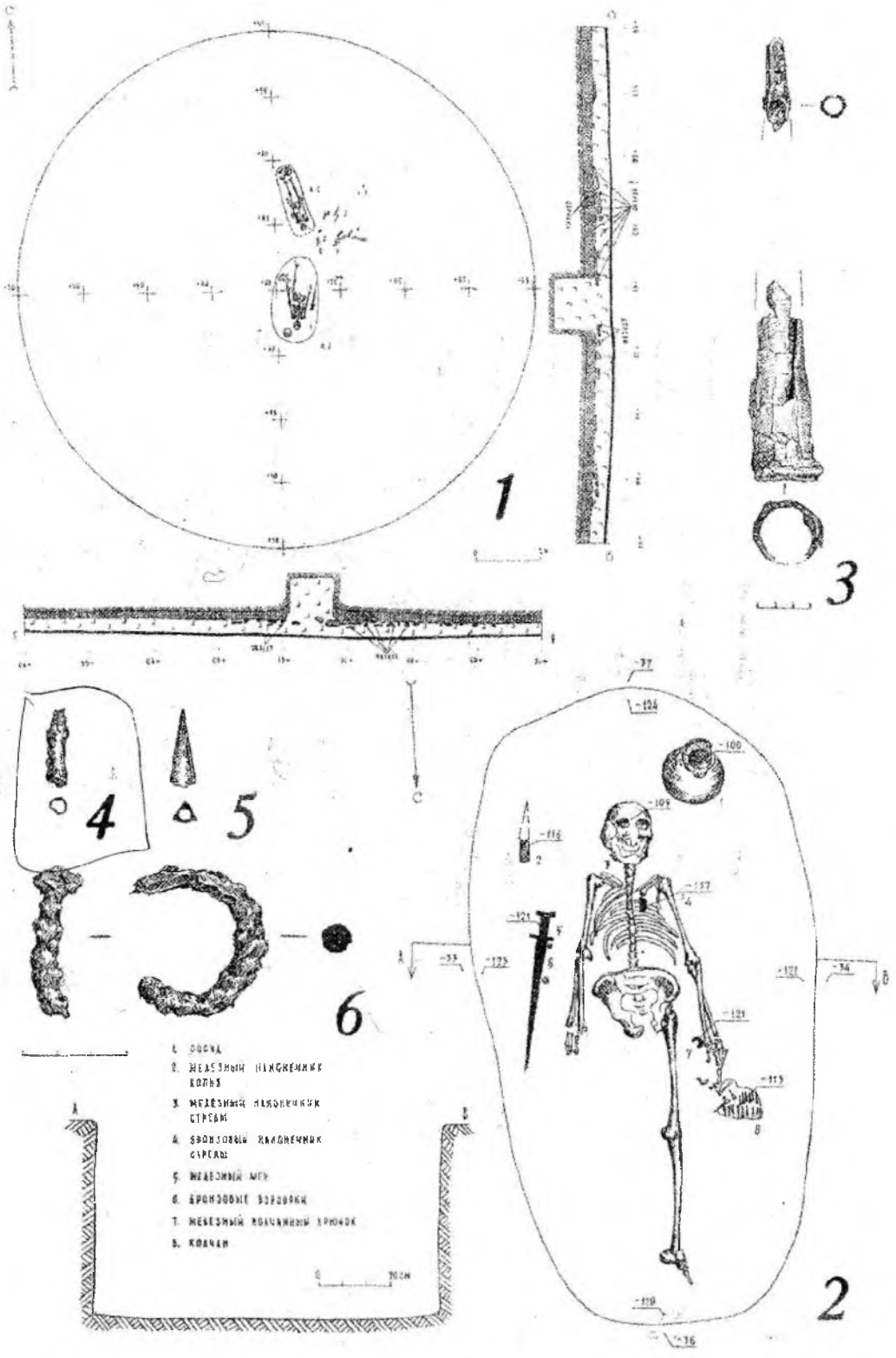


Рис. 11. Яковлевский курганный могильник.

1 – курган 3, план и профили; 2 – курган 3, погребение 1, план и профиль; 3-6 – инвентарь погребения 1; 3 – наконечник копья, 4 – наконечник стрелы (с правой стороны шеи), 5 – наконечник стрелы (в сердце), 6 – колчанный крючок.

3, 4, 6 – железо, 5 – бронза.

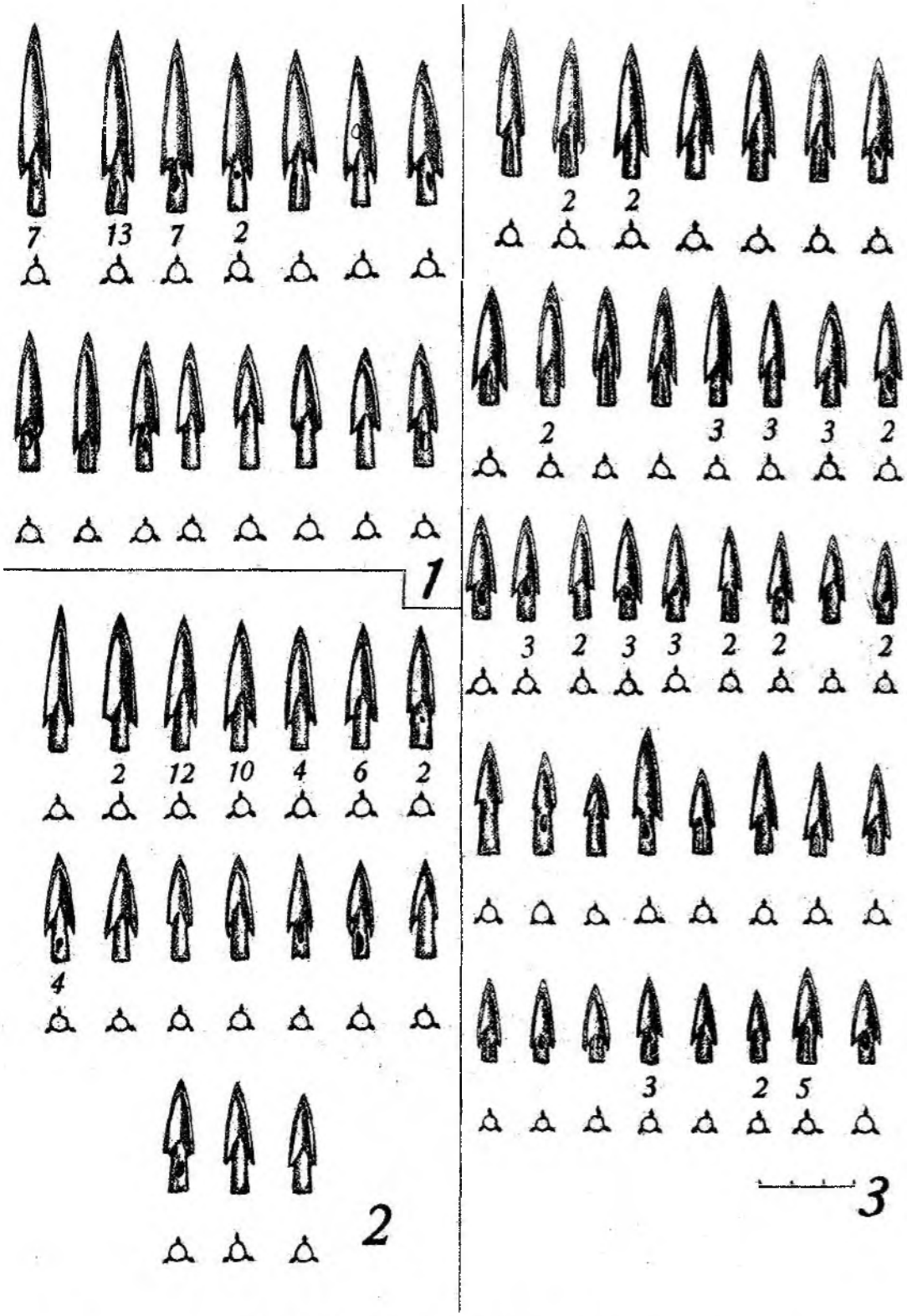


Рис. 12. Яковлевский курганный могильник.
Курган 3. Погребение 1. 1 – наконечники стрел из 1 отделения колчана, 2 – из 2 отделения колчана, 3 из 3 отделения колчана. Все – бронза. Цифры между рисунком наконечника и его сечением здесь и далее означают количество наконечников данной формы.

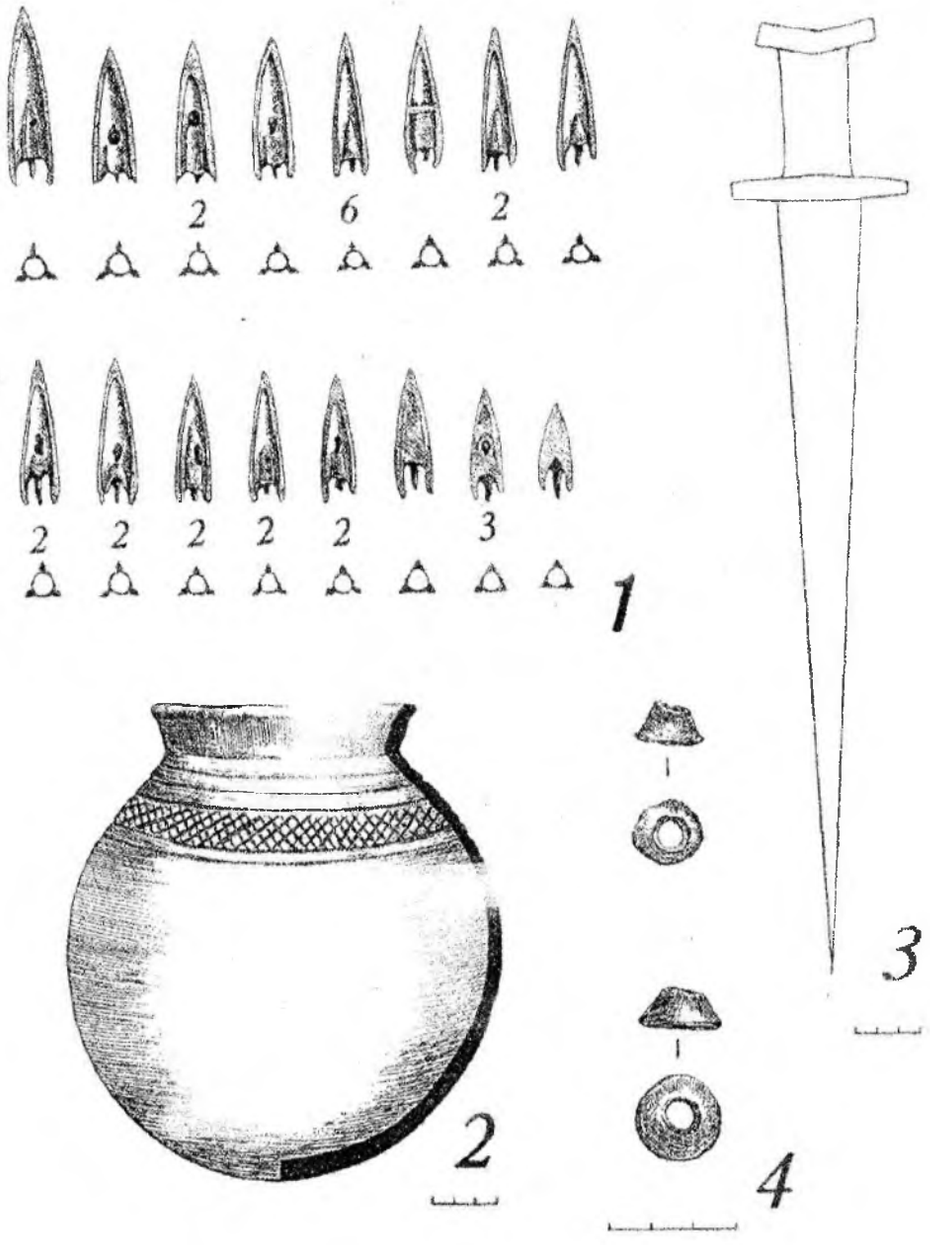


Рис. 13. Яковлевский курганный могильник.
Курган 3. Погребение 1. Инвентарь: 1 – наконечники стрел из 3 отделения колчана, 2 – сосуд, 3 – меч, 4 – ворворки.
1, 4 – бронза, 2 – глина, 3 – железо.

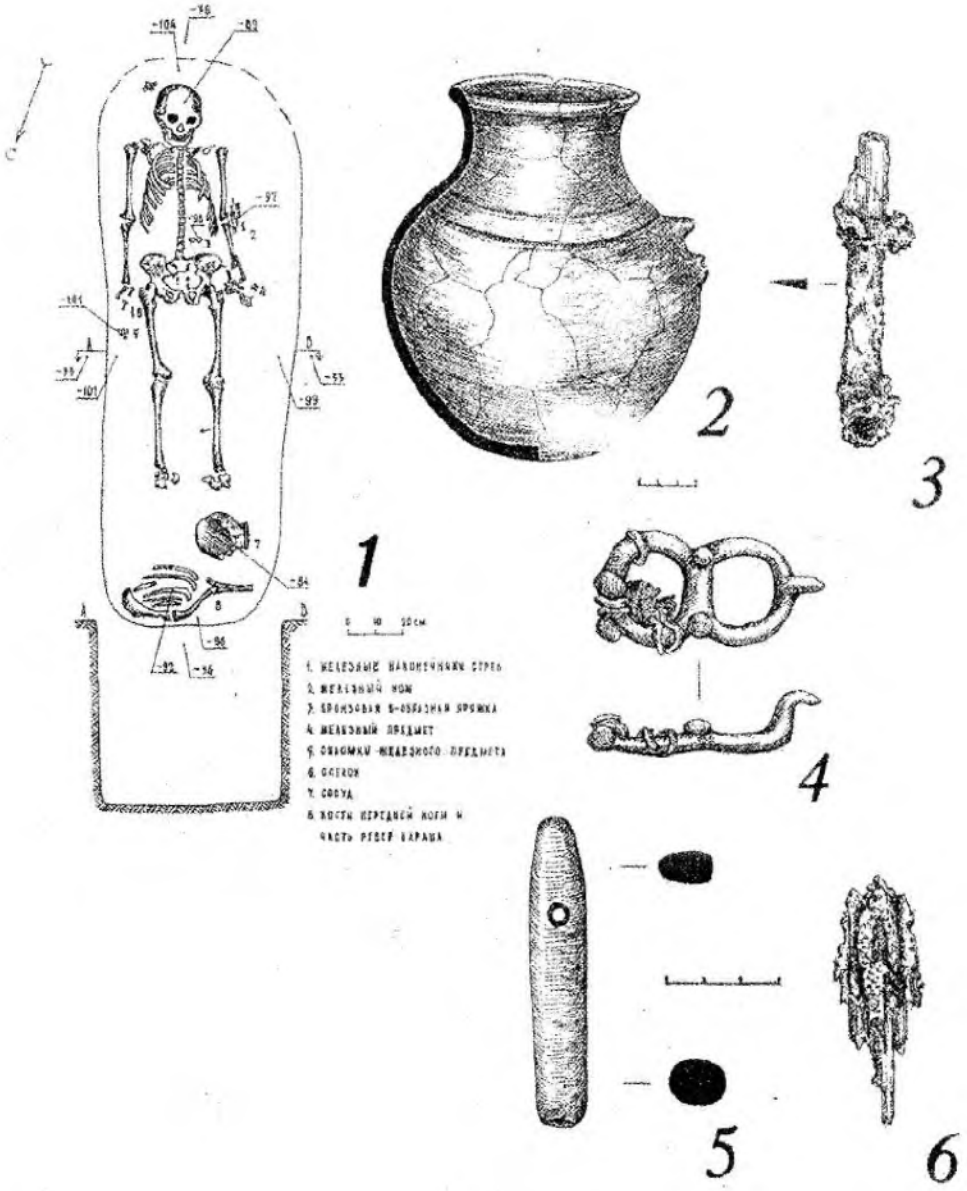


Рис. 14. Яковлевский курганный могильник.
Курган 3. Погребение 2. 1 – план и профиль; 2-6 – инвентарь: 2 – сосуд, 3. нож, 4 – пряжка, 5 - оселок, 6 – наконечники стрел.
2 – глина, 3, 6 – железо, 4 – бронза, 5 – камень.

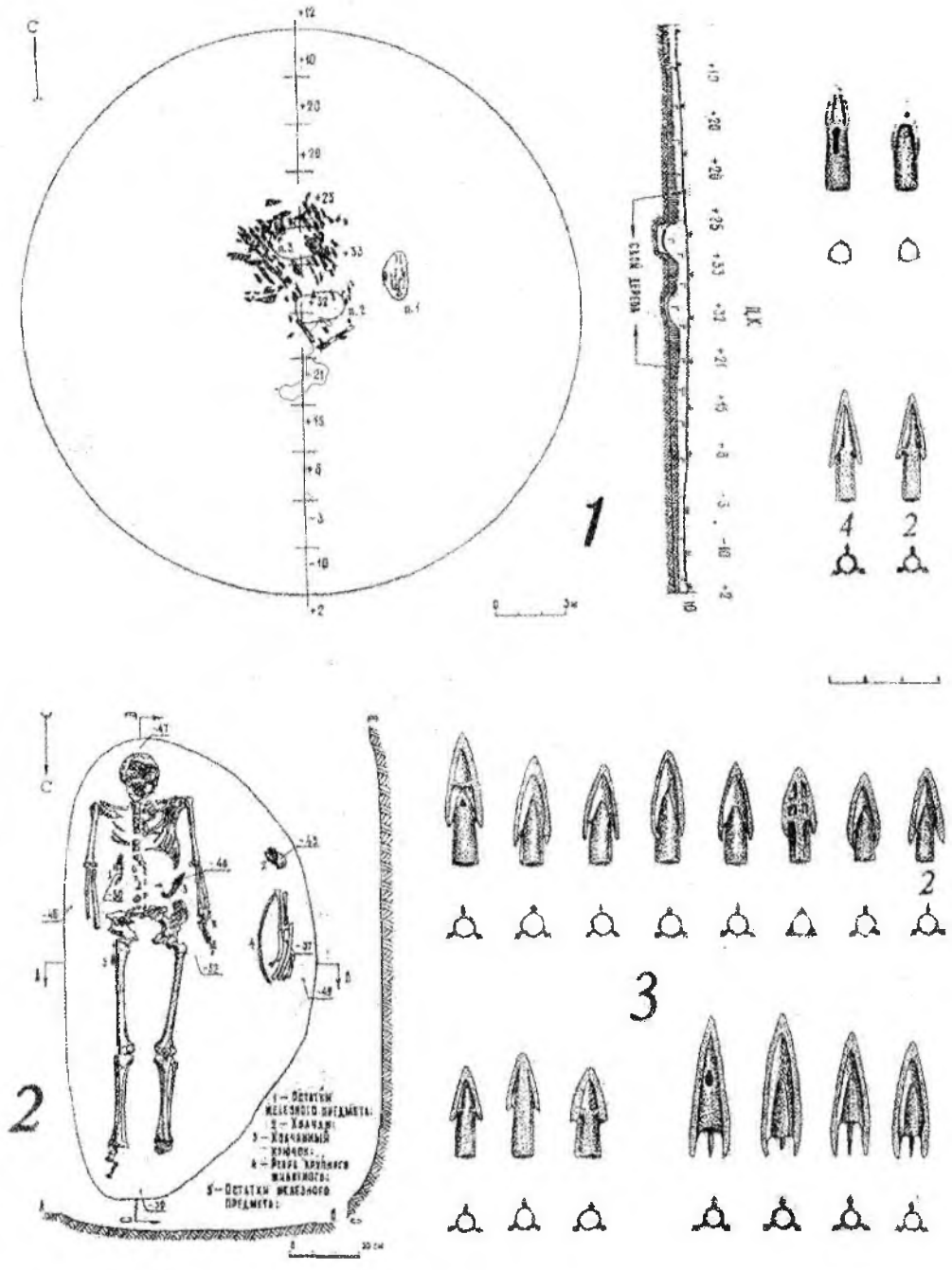


Рис. 15. Яковлевский I одиночный курган.
1 – план и профиль; 2 – погребение 1, план и профили; 3 – наконечники стрел из погребения 1, все – бронза.

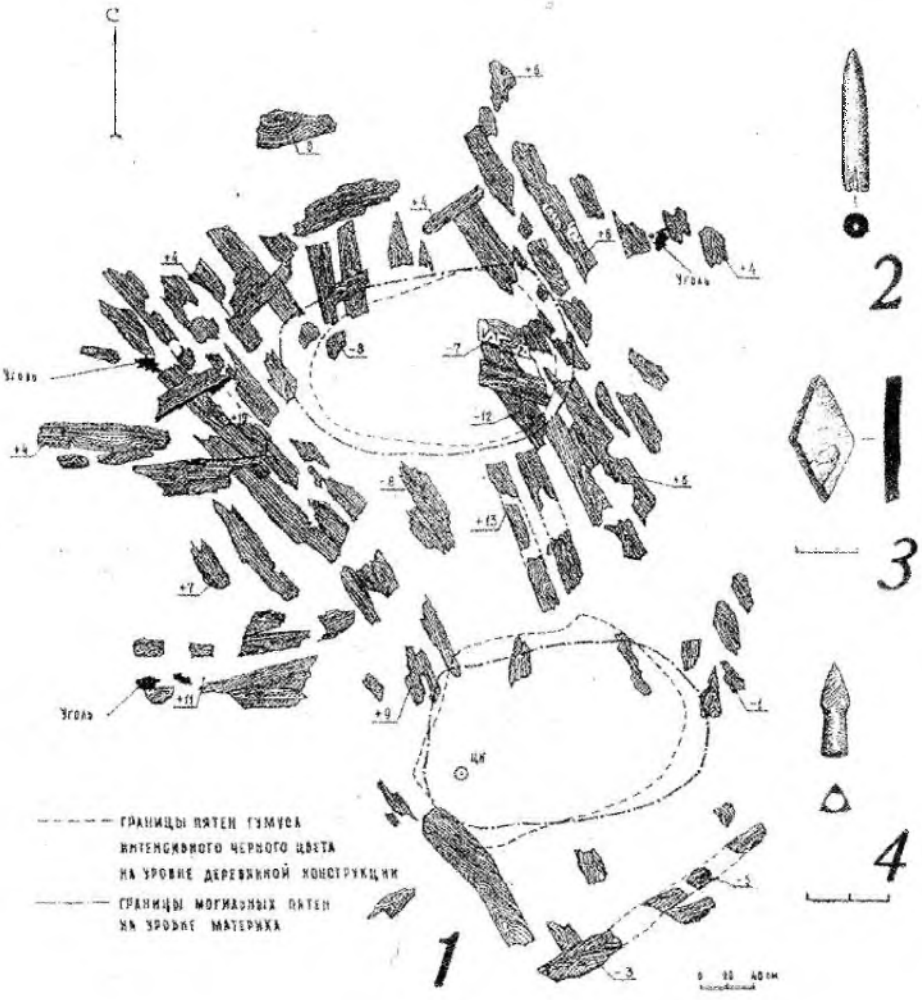


Рис. 16. Яковлевский I одиночный курган.
1 – план деревянного перекрытия над погребениями 2 и 3; 2–4 – предметы, найденные при расчистке деревянного перекрытия: 2 – белемнит, 3 – каменная плитка, 4 – наконечник стрелы.
2, 3 – камень, 4 – бронза.

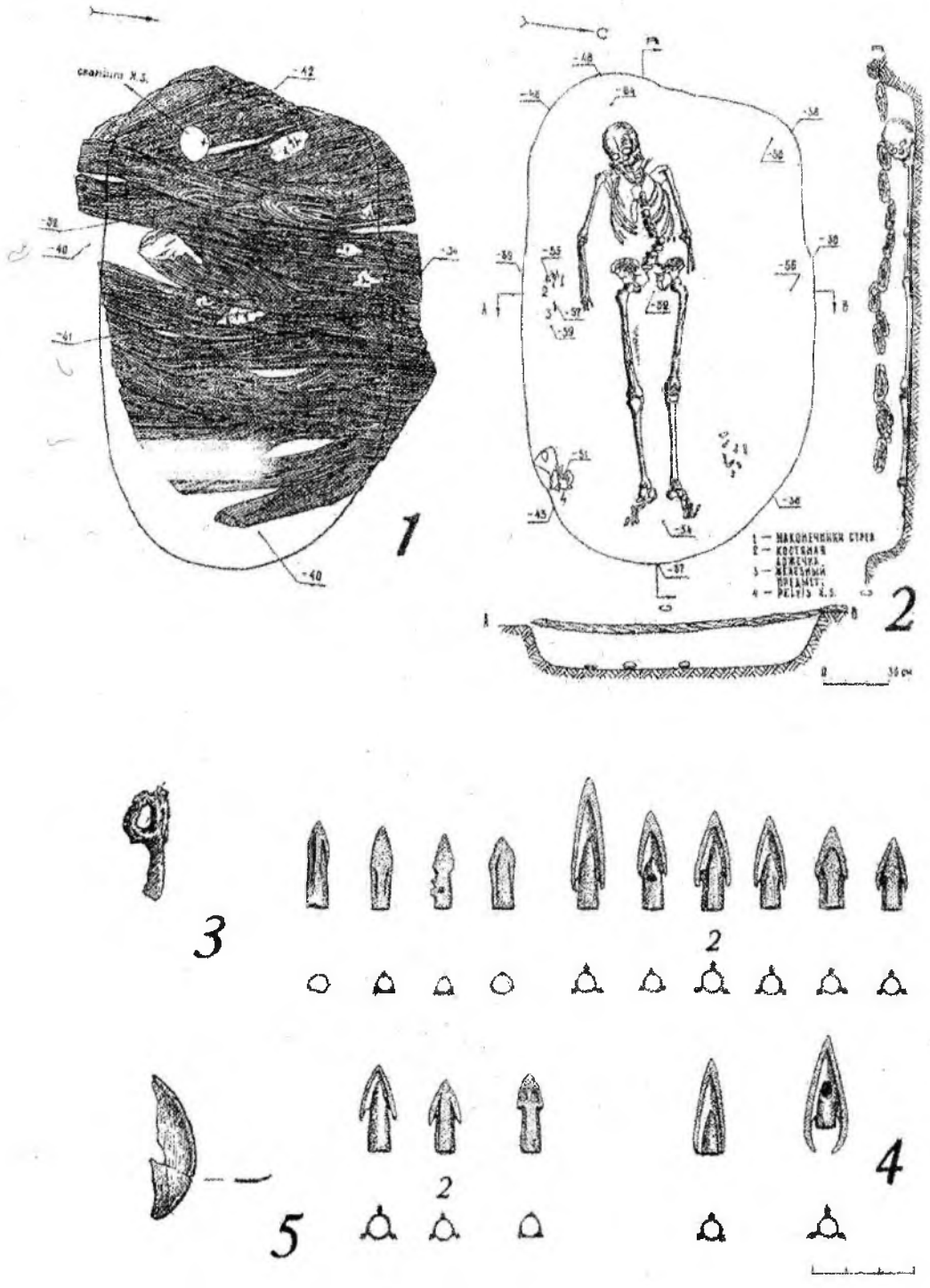


Рис. 17. Яковлевский I одиночный курган.
Погребение 2. 1 – план деревянного перекрытия над могилой; 2 – план и профили погребения; 3-5 – инвентарь: 3 – фрагмент колчанного крючка, 4 – наконечники стрел, 5 – фрагмент ложечки. 3 – железо, 4 – бронза, 5 – кость.

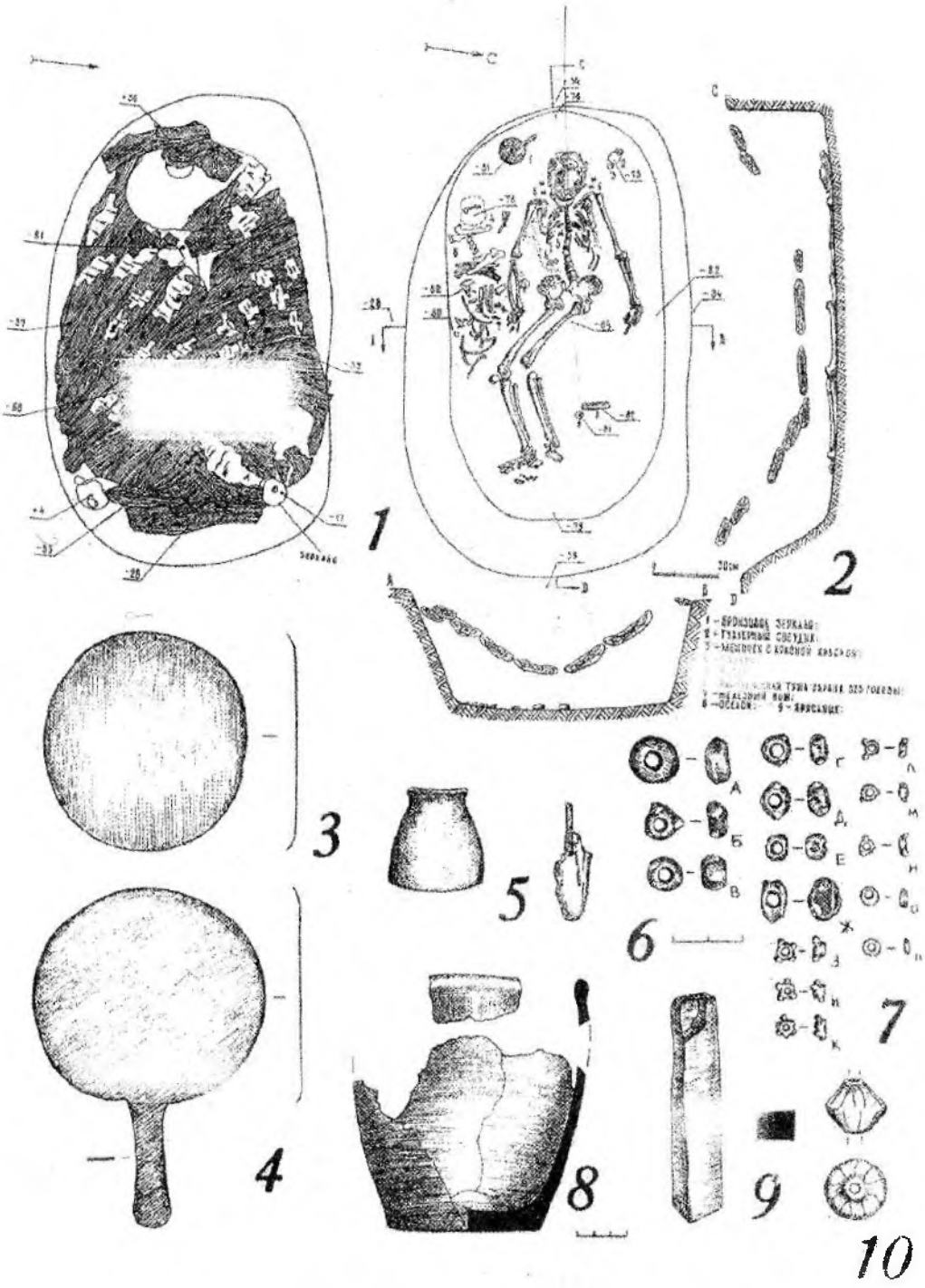


Рис. 18. Яковлевский I одиночный курган.

Погребение 3. 1 – план деревянного перекрытия над могилой; 2 – план и профили; 3 – зеркало, найденное над погребением; 4-10 – инвентарь: 4 – зеркало, 5 – туалетный сосудик, 6 – мешочек с торчащей из него палочкой, 7а-л – бусы, 8 – сосуд, 9 – оселок, 10 – пряслице.

3, 4 – бронза, 5, 8, 10 – глина, 6 – кожа, дерево, 7 – стеклянная паста, 9 – камень.

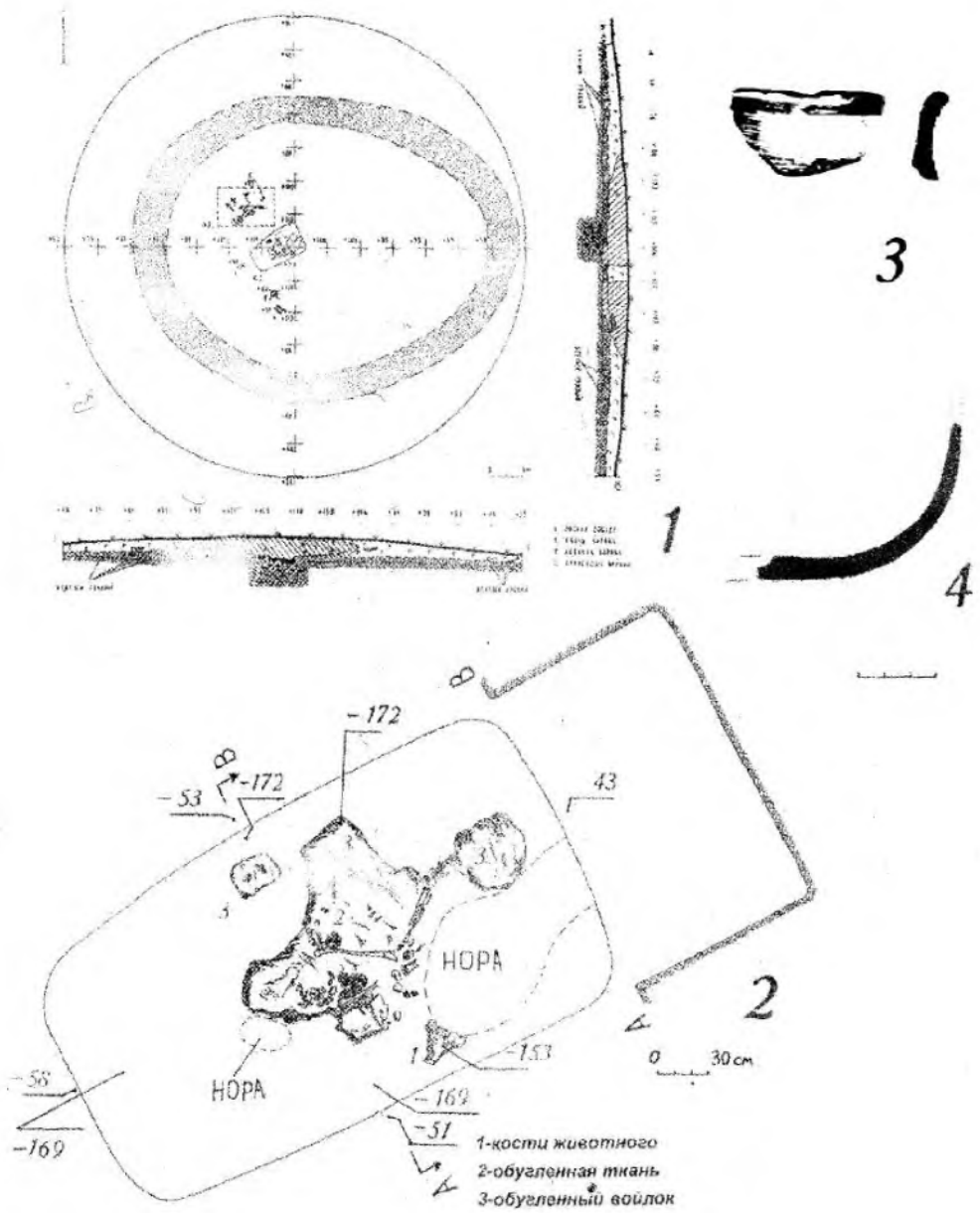


Рис. 19. Яковлевский II одиночный курган.
1 – план и профили; 2 – погребение 1, план и профиль; 3 – венчик сосуда из насыпи; 4 – придонная часть (профиль) сосуда из погребения 1.
3, 4 – глина.

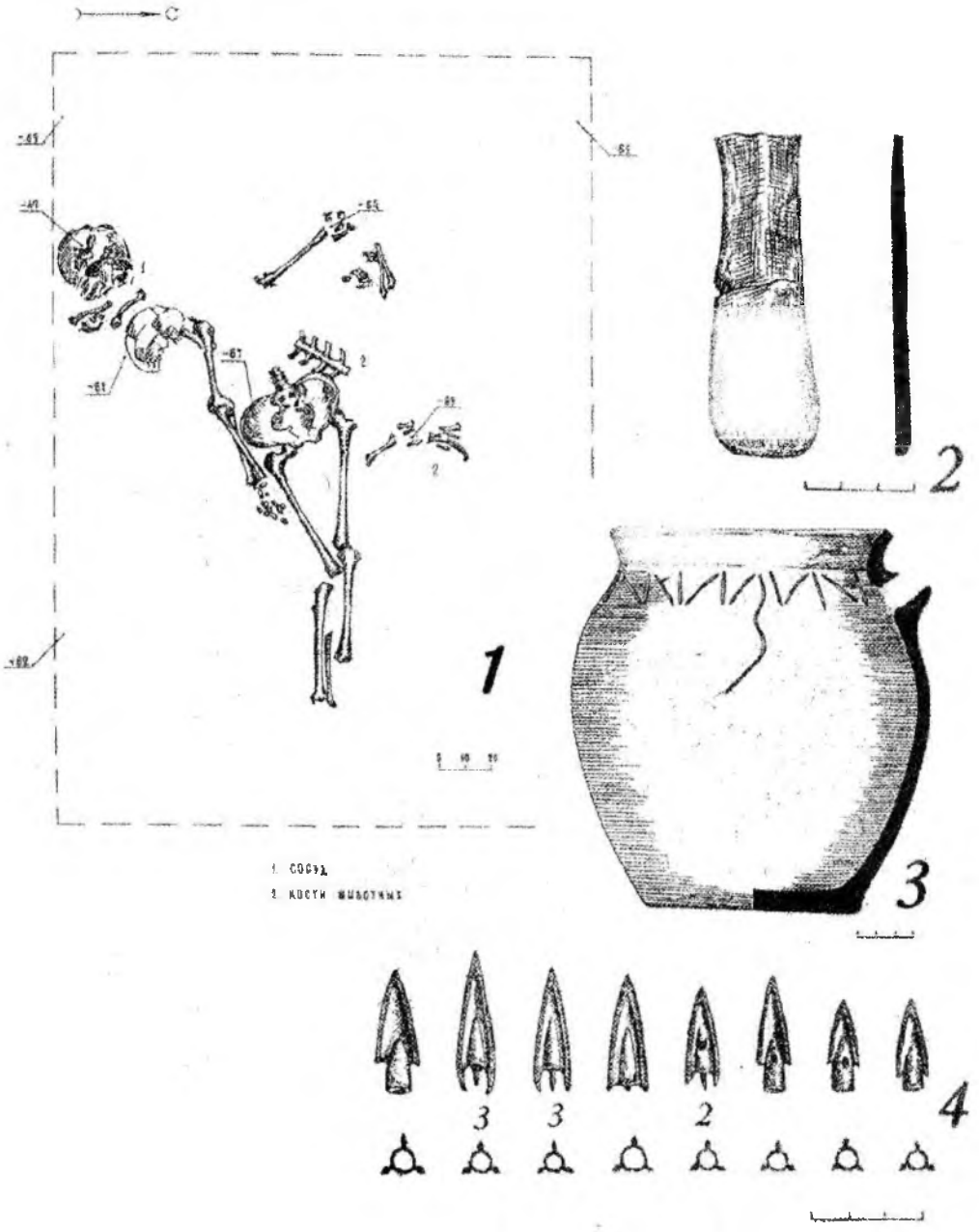


Рис. 20. Яковлевский II одиночный курган.
1 – погребение 2, 3-5 – инвентарь: 3 – ручка от зеркала, 4 – сосуд, 5 – наконечники стрел; 3, 5 – бронза, 4 – глина.

Б. Б. Агеев, Ф. А. С[illegible]
(Уфа, Институт истори[illegible]

МОГИЛЬНИК БИШ-УБА I

Курганная группа из пяти насыпей находилась в 5 км северо-восточнее пос. Петропавловский Хайбуллинского и в 3 км юго-восточнее дер. Сурган-Узяк Зилаирского р-нов РБ, на высоком сырте, известном у местного населения под названием «Биш-Уба», рядом с проселочной дорогой (рис.1). Курганы расположены на выгоне цепочкой с востока на запад. Все задернованы. В центре цепочки располагался самый высокий центральный курган 1, к западу от него находились две насыпи среднего размера, а восточнее – две небольшие. В начале 1960-х гг. четыре из них (1-3,5) раскапывались местными жителями в поисках клада. От этих «раскопок» в центрах насыпей сохранились большие воронки. Памятник в 1970 г. осмотрен Н. А. Мажитовым, в 1990 г. — Б. Б. Агеевым и Ф. А. Сунгатовым. В 1993 г. было исследовано четыре кургана, предварительные результаты раскопок которых были опубликованы ранее (Агеев Б. Б., 1995, с. 22-24).

Все насыпи снимались с помощью бульдозера. Для выяснения конструкций насыпи к-нов 1 и 3 раскапывались с оставлением соответственно трех и четырех параллельных бровок, ориентированных по линии СЮ. При снятии насыпи к-нов 2 и 4 было оставлено по одной центральной бровке. Снятие насыпей производилось на ширину ножа бульдозера (3 м) пластами толщиной 5-10 см. На больших к-нах вынос грунта до определенного уровня производился попеременно в противоположные стороны. Для равномерного снятия насыпи и фиксации различных конструкций бульдозер после снятия слоя в 30-40 см перегонялся из одного сектора в другой; при появлении первых находок работы велись вручную. Древний почвенный слой на всей площади к-нов снимался лопатами, после чего на уровне материка производилась зачистка, а при необходимости прокапывались контрольные канавки. После снятия планов и фотофиксации разбирались сначала боковые бровки, а затем – центральная.

Курган 1. Диаметр 36 м, высота 3,29 м. В центре насыпи находилась западина диаметром 10 м, глубиной 1,0 м – след грабительского раскопа. При снятии насыпи в грабительском раскопе встречались мелкие и крупные куски древесного угля. Насыпь состояла из чернозема с включением светлого песка и глины (пестроцвет). На глубине 1,8-2,4 м от нулевого репера (самой высокой точки насыпи) в центре к-на на площади 10 х 12 м выявлены остатки овальной в плане сгоревшей деревянной конструкции (рис. 3). Толщина слоя древесного угля составляла 20-30 см. В центре сооружения куски угля и недогоревшие остатки березовых бревен диаметром 12-15 см лежали хаотично, а по краям – радиально. Под слоем древесного угля находился слой обожженной земли красного цвета, толщина которого в южной части доходила до 1,0 м, в северной равнялась 0,6 м. Участок обожженной земли (равный [illegible] 16 м) превосходил размерами деревянное сооружение. В свою очередь, под слоем обожженной земли находился слой золы и древесного угля мощностью 10-15 см. Судя по радиально расположенным крупным кускам бревен, лежавшим в центре, это были остатки второго шатрового сооружения диаметром около 9,0 м. На глубине 2,3-2,7 м по всему периметру насыпи прослежен валик овальной формы 22 х 28 м с узким разрывом (входом) на южной стороне. Валик первоначально был сооружен из чернозема, но был досыпан сверху слоем песка и щебня.

Центральная бровка (рис.3). В разрезе четко фиксируются включения щебня, глины и песка в верхней части насыпи (по склонам). Остатки сгоревшей деревянной шатровой конструкции в центре насыпи, видимо, нарушены грабительским раскопом 60-х гг. Отчетливо фиксируется последовательность сооружения кургана: погребенная почва – слой золы и угля (первая шатровая конструкция) – обожженная земля – сильно обугленное дерево. На периферийных участках насыпи хорошо просматривался валик.

Восточная бровка. По полам насыпи четко фиксируется валик, гребень которого был насыпан из щебня и песка. На вершине насыпи и в южной ее половине прослежены слои песка, щебня и глины. В самом центре хорошо просматривались остатки сгоревших деревянных плах.

Западная бровка. В южной половине прослежен прерывистый слой щебня, песка и глины. В центре, в 1 м выше уровня древней поверхности находился слой обожженной земли мощностью 10-35 см. В полах кургана особым цветом и структурой отчетливо выделялся насыпной валик. В северной части валика, сооруженного первоначально из чернозема и досыпанного щебнем и песком (гравием), прослежен выкид из могилы 6. Отсюда следует, что сооружение могилы и валика либо производились одновременно, либо могила была вырыта несколько ранее сооружения валика.

Анализ разрезов показывает, что курган, видимо, был сооружен в два приема. Об этом свидетельствуют два уровня залегания остатков деревянных сооружений. Верхняя (относительно поздняя) деревянная конструкция была, очевидно, сооружена над одним из впускных погребений, нижняя (более ранняя) – над основным погребением, располагавшимся на древней поверхности в центре кургана. Под насыпью выявлено семь погребений.

Погребение 1. Впускное. Глубина 2,85 м*, очертания могильной ямы не прослежены. Совер-

* Здесь и далее все измерения даны от нулевого репера, являвшегося самой высокой точкой насыпи.

шено в насыпи над слоем обожженной земли. Судя по сохранившимся тазовым и длинным костям ног, костяк лежал вытянуто головой на С (рис. 4,1). Между широко раздвинутыми в коленях ногами покойного стоял каменный жертвенник на трех ножках, высотой 10,5 см, диаметром 17,5 см (рис. 4,2). Ножки выполнены в виде головы животного (лошади?); на невысоком и чуть отогнутым вовнутрь бортике нанесен рельефный фриз в виде волнообразной линии. У правой бедренной кости находился обломок железного предмета, вероятно, ножа, длиной 11,7 см. (рис. 4,5). В области пояса лежал бронзовый браслет из круглого дрота диаметром 4 мм. Концы его орнаментированы продольными и крестообразными насечками (рис. 4,3). Здесь же находилось бронзовое зеркало диаметром 17,0 см, с длинной боковой ручкой (рис. 4,4). Оно помещалось в деревянном плохо сохранившимся футляре. В СЗ углу могилы лежали остатки ритуальной пищи – ребра и лопатка овцы.

Погребение 2. Находилось почти в центре насыпи, на глубине 3,4 м. Совершено в насыпи, очертания ямы не прослежены. Костяк сильно обожжен. Судя по сохранившимся длинным костям ног, скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ (рис. 5,1). У левого предплечья найден обломок бронзового зеркала (реконструируемый диаметр 16,5 см) (рис. 5,2). Снаружи колена левой ноги располагался обломок железного предмета, вероятно, рукояти ножа, длиной 5,2 см (рис. 5,3). У ЮЗ края ямы найден обломок жертвенника из серого песчаника (рис. 5,4). Судя по фрагменту, диаметр жертвенника составлял 30-33 см, высота – 16 см. На бортике был нанесен фриз, состоящий из изображений грифонов и какого-то животного.

Погребение 3. Яма размерами 2,2 х 1,3 х 4,4 (0,9) м*. Находилось в южном секторе насыпи, рядом с валиком, слева от входа. Костяк лежал вытянуто на спине головой на ВЮВ (рис. 6,1). Череп погребенного находился в небольшом подбое. У левого бедра лежал меч с брусковидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием, длиной 48 см (рис. 6,2). Между стенкой ямы и лучевой костью левой руки располагались остатки кожаного колчана с 40 бронзовыми наконечниками стрел, имевшими дуговидные трехгранные и трехлопастные головки с внутренними или выступающими втулками (рис. 6,3,4). Рядом с колчаном лежал обломок ручки железного ножа, длиной 12,3 см (рис. 6,5). У длинной СЗ стенки ямы, частично в подбое, находились два скопления остатков заупокойной пищи – ребра и позвонки крупного животного.

Погребение 4. Находилось в СВ секторе насыпи, примыкая к валику. Совершено в насыпи на глубине 2,88 м. Контуры могильной ямы не прослежены. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ (рис. 7,1). Слева от костяка лежали позвонки и конечности крупного животного. Других находок нет.

Погребение 5 (рис. 7,2). Находилось в восточном секторе насыпи. Совершено в почвенном слое на глубине 3,4 м. Очертания могильной ямы не прослежены. В погребении выявлено два костяка, лежавших на спине параллельно друг к другу и ориентированных головой на ЮЮЗ. У правой стопы костяка 1 (восточного) находилась лопаточная кость крупного животного. В изголовье костяка 2 (западного) стоял гончарный красноглиняный сосуд с обломанной ручкой (рис. 8,1,2). Вместе с сосудом были найдены ребра овцы, железный нож (рис. 8,3), бронзовая колесовидная подвеска (рис. 8,4), кусочки реальгара с остатками кожи и бронзовое зеркало (диаметр диска 14,0 см) с длинной боковой ручкой. На лицевой стороне диска точечной гравировкой нанесены две вписанные друг в друга многолепестковые розетки (рис. 8,5). На шее – золотая колоколовидная подвеска (ворворка ?) диаметром 1,2 см с отверстием в центре (рис. 8,6). Слева от костяка 2 лежали ребра крупного животного в сочленении. У левой голени находился лепной плоскодонный сосуд темно-серого цвета, высотой 18,5; диаметр устья – 13,0, диаметр дна – 11,0 см (рис. 8,7). У СЗ стенки ямы лежали ребра и трубчатые кости крупного животного.

Погребение 6. Находилось в западном секторе насыпи; дальний от центра кургана край могильной ямы перекрывался валиком, насыпанным, таким образом, позднее сооружения ямы. Размеры ямы 3,75 х 2,25, глубина 3,45 м. В западной части могила имела ступеньку шириной 1,5, глубиной 1,3 м от уровня материка. На площадке этой ступеньки было исследовано двухъярусное захоронение (рис. 9).

Костяк 1. Детский. Лежал вытянуто на спине, головой на Ю на глубине 0,5 м от уровня материка. Руки слегка отставлены в стороны, ноги раздвинуты в коленях. Находок нет.

Костяк 2. Находился под костяком 1, на глубине 1,3 м. Женский (?) скелет лежал на спине, головой на Ю, с согнутыми в коленях и свалившимися наружу ногами. У темени – кусок реальгара и костяная ложечка с изображением головы косули на ручке. Длина ложки 11,2 см (рис. 10,1). У правового плеча находилось преднамеренно сломанное и фрагментированное бронзовое позолоченное зеркало с боковой ручкой. Диаметр диска 16,5, длина ручки –11,5 см. На диске в центре нанесен гравированный орнамент с изображением семилепестковой розетки, по периметру – фриз из сдвоенных полукружий и заштрихованных треугольников. На оборотной стороне зеркала, в месте соединения ручки с диском, имеется выполненное в той же технике изображение полукруглых фестонов; на лицевой – четырех гирлянд фестонов (рис. 10,2). В области шеи найден крупный фрагмент золотой гривны из круглого в сечении прута (рис. 10,3) и две золотые круглые штампованные бляшки с петельками на обороте с изображением четырех головок грифонов по кругу. Диаметр

* Первая цифра обозначает длину ямы, вторая – ширину третья – глубину от нулевой отметки; в скобках указана глубина от уровня материка.

блящек 3,4 см (рис. 10,4,5). У левой лучевой кости погребенной лежал обломок железного ножа (рис. 10,5).

Оставшаяся, углубленная часть могилы плавно расширена вниз (размеры на дне 2,5 х 2,5 м). Погребение ограблено. На глубине 6,0 (2,5) м, у восточной стенки беспорядочно лежали ребра, берцовая и лучевая кости, относящиеся к полностью разрушенному грабителями костяку 3. Культурно-хронологическое соотношение костяков 1 и 2, с одной стороны, и костяка 3, с другой, неясны.

Погребение 7. Находилось в северной половине насыпи, рядом с валиком. Могильная яма, ориентированная по линии ЮВВ-СЗЗ, имела размеры 1,9 х 0,6 х 3,7 (0,25) м (рис. 11,1). Ограблена. На дне лежали перевернутый череп, позвонки и ребра человека. В западной части ямы среди костей найден бронзовый наконечник стрелы (рис. 11,2).

В северном секторе насыпи между погребениями 6 и 7, на глубине 3,4 (0,6) м, выявлена яма подтреугольной формы со сторонами длиной 0,9 м, заполненная черноземом (рис. 11,3). Находок нет; назначение ямы неясно.

Точно по центру насыпи при зачистке на уровне материка (глубина 3,45 м) выявлены три столбовые ямки, расположенные в один ряд по линии С-Ю. Диаметр ямок 15-30 см, глубина в материк 0,2-0,4 м, заполнение – древесный уголь.

Курган 2. Диаметр 26 м, высота 1,2 м (рис. 12,1). Центр насыпи был полностью разрушен: в вырытой почти до уровня древней почвы яме местными механизаторами была произведена утилизация полиэтиленовых мешков от минеральных удобрений. Сверху место утилизации читалось в виде впадины диаметром 4,5, глубиной 0,5 м. На глубине 0,8 м выявлено овальное пятно обожженной земли красного цвета, размером 9,0 х 12,0 м. Над ним сохранились остатки округлой сожженной конструкции, вероятно, шатрового типа, диаметром ок. 8 м. Радиально лежавшие остатки несгоревших бревен диаметром 10-15 см лучше фиксировались на периферии сооружения; центр сильно пострадал от грабителей. В южной части прослойка обожженной земли доходила до 40 см, под ним находился слой древесного угля мощностью в 10-12 см. В грабительском лазе найден обломок каменного жертвенника, имевшего в целом виде диаметр 17-18 см (рис. 12,6).

В центре кургана, на глубине 1,25 м, выявлено одно разрушенное погребение. Оно было совершено в древнем почвенном слое; очертания могильной ямы не прослежены. В восточном конце предполагаемой ямы находился плохо сохранившийся череп человека. В западном конце найдены ребра крупного животного в сочлененном виде, обломки лепного круглодонного сосуда темно-серого цвета, три бронзовых трехлопастных наконечника стрел с треугольной головкой и выступающей втулкой (рис. 12,3-5). Судя по положению человеческих останков и вещей, погребенный лежал головой на В (рис. 12,2).

Курган 3. Диаметр 37 м, высота 2,65 м (рис. 13,1-3). В центре насыпи имелась задернованная впадина диаметром 8, глубиной 0,7 м. При расчистке кургана в котловане впадины на небольшой глубине встречались крупные куски древесного угля. Насыпь состояла из гумуса с включениями светлого песка и щебня. На глубине 1,7-1,9 м выявлен слой обожженной земли овальной формы, размером 13 х 17 м, причем воздействию огня сильнее подверглись периферийные участки этой площадки. Толщина прокала составляла 0,5-1,0 м. Центр площадки был заполнен слоем гумуса, перемешанным с древесным углем. На глубине 2,5 м шел слой древесного угля мощностью 10-15 см. Судя по крупным кускам угля и недогоревшим остаткам бревен, это были остатки шатровой конструкции с радиальным расположением бревен. Слой древесного угля зафиксирован и под слоем перекаленной земли. Внутри кольца прокала под слоем древесного угля шел слой золы толщиной 10-15 см. Кольцо прокала в южной части прерывалось, обозначая вход в погребальную камеру. В этой части кургана на уровне материка зафиксировано 11 ямок от сгоревших деревянных столбов. 2 ямы от столбов, поддерживающих деревянное сооружение, зафиксированы в центре кургана на расстоянии 2 м друг от друга. На уровне материка проявился грабительский лаз, ведущий из СЗ сектора в центр кургана. Длина прослеженной части лаза 5, ширина 0,7-0,8, глубина (в материке) 0,6 м.

В СЗ части лаза на глубине 2,8 м обнаружены беспорядочно лежавшие обгоревшие кости человека, очевидно, принадлежавшие совершенному в слое насыпи и ограбленному захоронению. Границы могильной ямы не прослежены (на плане ее контуры, проведенные вокруг скопления материальных остатков, условно показаны пунктирной линией; рис. 13,4). Среди костей человека находились 12 плохо сохранившихся фрагментов глиняного сосуда с примесью слюды в тесте. Сосуд был орнаментирован горизонтальными желобками, место перехода венчика в тулово выделено подтреугольным в сечении валиком (рис. 13,5,6).

Курган 4. Диаметр 16 м, высота 0,45 м (рис. 14,1). Задернован. В центре насыпи выявлена единственная могила; она овальной формы, размером 2,0 х 0,7 х 1,6 (0,9) м. В узком ЮЗ конце ямы вырыт небольшой подбой; по длинным сторонам могила имелись небольшие ступеньки, на которых сохранилась труха от бревен перекрытия. Остатки сгнившего обвалившегося деревянного перекрытия наблюдались и в засыпке. Человеческий костяк лежал вытянуто на спине, головой на СВ (рис.14,2). В подбое, напротив колена правой ноги погребенного, были положены тушка овцы и глиняный сосуд со следами нагара на наружных стенках. Высота сосуда 12,5, диаметр тулова – 13,5, диаметр горла – 10,0, диаметр дна – 9,5 см. В глиняном тесте примесь песка (рис. 14,3). У правой голени лежали два наконечника стрел: бронзовый (рис. 14,4) и сильно коррозированный железный неопределенного типа.

* * *

В трех из четырех исследованных насыпей находились сожженные деревянные конструкции шатрового типа с радикальным расположением бревен. Аналогичные сооружения встречены в целом ряде могильников савроматской культуры, в частности, в Альмухаметово, к. 8 (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 90), Новый Кумак, к. 26 (Смирнов К. Ф., 1977, с. 36), Мечетсай, к. 8 (Смирнов К. Ф., 1975, с. 132), Филипповка, к. 1 (Пшеничнюк А. Х., 1989, рис.1), Переволочан, кк. 5-10 (Пшеничнюк А. Х., 1995, с. 32-96), Обручевка, к. 2 (Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993, с. 54) и др. За исключением к. 1 Филипповского и кк. 5-10 Переволочанского могильников, в которых надмогильные конструкции были сильно обожжены, на всех других указанных выше памятниках сооружения не подвергались воздействию огня. В Биш-Убе I все три сооружения были сожжены. По всей вероятности, надмогильные сооружения описанного типа в течение какого-то времени были доступны для посещения через надземные дромосы (от которых сохранились столбовые ямки в кк. 1 и 3).

Эти шатровые конструкции до определенной высоты обкладывались рядами плиток из дерна, выполнявшими функции крепиды. После сожжения сооружения прокаленный грунт оказывался за пределами пятна, насыщенного древесным углем, а иногда и перекрывал его, причем, упавшие сверху мелкие угольки и зола заваливались слоем прокала и крупными кусками угля. По этой причине площадь прокала во всех трех курганах больше площади расположения сгоревших бревен, а толщина прокаленной земли достигает иногда 1 м.

Стратиграфические наблюдения, таким образом, позволяют предполагать, что насыпи кк. 1-3 сооружались над еще не погасшим костром. Аналогичный способ возведения насыпи характерен и для сакских погребальных сооружений Северного и Южного Тагискена (Толстов С. П., Итина М. А., 1966, с. 154; Итина М. А., 1984, с. 82; Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997, с. 32), Уйгарака (Вишневская О. А., 1973, с. 65), памятников Присарыкамышья (Яблонский Л. Т., 1991, с. 82).

Интересные особенности погребального обряда демонстрирует к. 1, в котором после сооружения деревянной конструкции первоначально были совершены захоронения, расположенные кольцеобразно по его периметру, и только после этого был вырыт ровик и насыпан валик. В результате этого, край погр. 6 оказался под валиком (что, кстати, и спасло его от полного ограбления). Спустя некоторое время после сооружения валика, курган был досыпан, и в него было впущено погр. 1, которое находилось в насыпи в слое прокала.

Всего в четырех курганах могильника исследовано 9 погребений, причем одно содержало три костяка, одно было парным, все остальные – индивидуальные. В двух случаях костяки лежали головой на В, в одном – на СВ, семь оставшихся были ориентированы в южном (с отклонениями) направлении (ЮЗ, ЮВ). В шести случаях рядом с умершим была помещена заупокойная пища (кости крупного животного или овцы). Один раз под костяком была прослежена меловая подсыпка.

Интересные параллели погребальному обряду савроматского могильника Биш-Уба I имеются в ряде памятников кочевого населения Северного, Центрального и Южного Казахстана, а также Приаралья. Так, в сакских курганах Приаралья значительный процент составляют погребения, совершенные на древнем горизонте и в деревянных сооружениях; в приаральских памятниках фиксируется яркий культ огня (сожжение конструкций и т.д.) (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997, с. 28-29,32; Мошкова М. Г., 1972., с. 52). Это лишний раз подчеркивает роль сакских племен в формировании культуры ранних кочевников Южного Урала (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 129).

Говоря о датировке Переволочанского могильника, содержащего аналогичные описанным сооружения, А. Х. Пшеничнюк отмечает своеобразное сочетание «савроматских» и «раннесарматских» черт в его вещевом материале и погребальном обряде (1995, с. 95-96), что отчетливо прослеживается и в могильнике Биш-Уба I. Погребальный обряд и материальная культура Биш-Убы, Переволочана и ряда других названных выше памятников имеет ярко выраженный синкретический савромато-раннесарматский характер, детальное исследование которого выходит за пределы задач данной статьи. По многочисленным аналогиям в погребальном обряде и инвентаре исследованные курганы могут быть датированы концом VI – серединой V вв. до н.э.

Очень компактны во времени погребения к. 1, о чем, например, убедительно свидетельствуют находки в них однотипных зеркал. Последние встречены в погр. 1, 5 и 6. По форме и орнаментации они типичны для савроматских памятников определенного хронологического горизонта и составляют одну из ярких особенностей восточного, самаро-уральского варианта савроматской культуры (Смирнов К. Ф., 1964, с. 153, рис. 35Б,8).

Очевидно, синхронно с ними и погр. 2, в котором найден каменный жертвенник, близкий найденному в погр. 1. Жертвенники на трех ножках, трактованных в виде головы лошади, происходят из к-на у пос. Черниговский близ г. Магнитогорска, могильника Бис-Оба в Оренбуржье, датированных К. Ф. Смирновым VI-V вв. до н.э. (1964, рис. 9,1д; 15,4б). Изображения грифонов на фризе жертвенника из погр.2 перекликается с изображениями грифонов на золотых подвесках из погр. 6. Аналогии последним имеются на бляшках происходящих из крымского Акмечетского (Толстой И., Кондаков Н., 1889, рис. 108) и тувинского Дужерлиг-Ховузского I курганов (Грач А. Д., 1980, рис. 68).

Бронзовая колесовидная подвеска из погр. 5 к. 1 находит параллели в материалах IV Ивановских

Пшеничнюк А. Х., 1983, табл. XXIX, 4) и Переволочанских курганах (Пшеничнюк А. Х., 1995, с. 78, рис. 9,6).

Остальной материал, представленный костяной ложечкой, железным мечом, бронзовым браслетом, золотой гривной, наконечниками стрел, керамическими сосудами и др., не противоречит предложенной выше дате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б. Б., 1995. Могильник Бии-Уба I и его место в культуре ранних кочевников // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Т. II. Уфа.

Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Тр.ХАЭЭ. Т. VIII. М.

Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-казахстанских степей. Екатеринбург.

Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Итина М. А., 1984. Загадочные ограды на курганных группах Низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

Мошкова М. Г., 1972. Савроматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // МИА. №153.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А. Х., 1989. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Толстов С. П., Итина М. А.,1966. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА. №2.

Толстой. И, Кондаков Н., 1889. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. СПб.

Яблонский Л. Т., 1991. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.

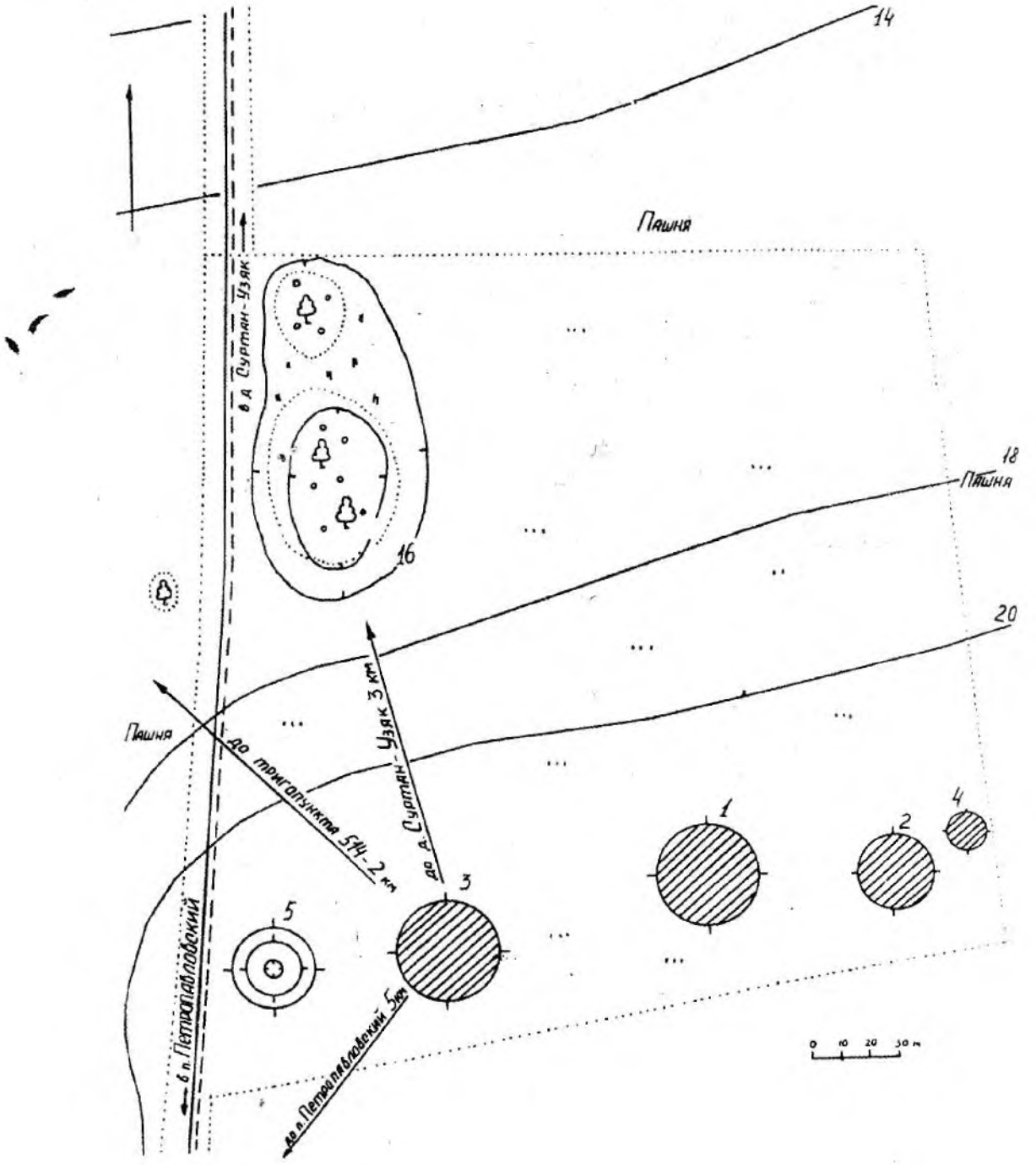


Рис. 1. План могильника Биш-Уба I.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Рис. 2. Условные обозначения к рисункам.

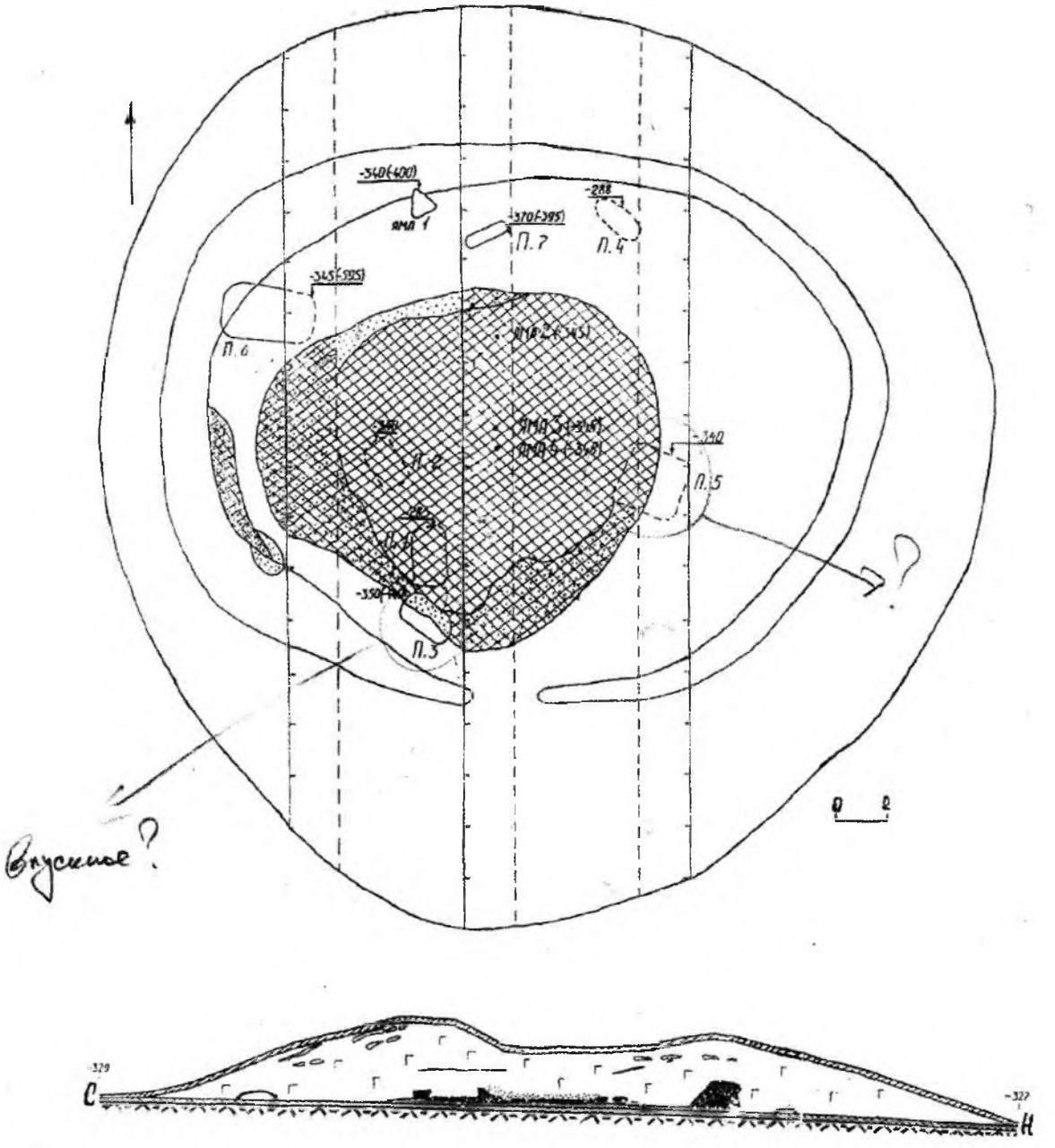


Рис. 3. Могильник Биш-Уба I. План кургана 1 и профиль центральной бровки.

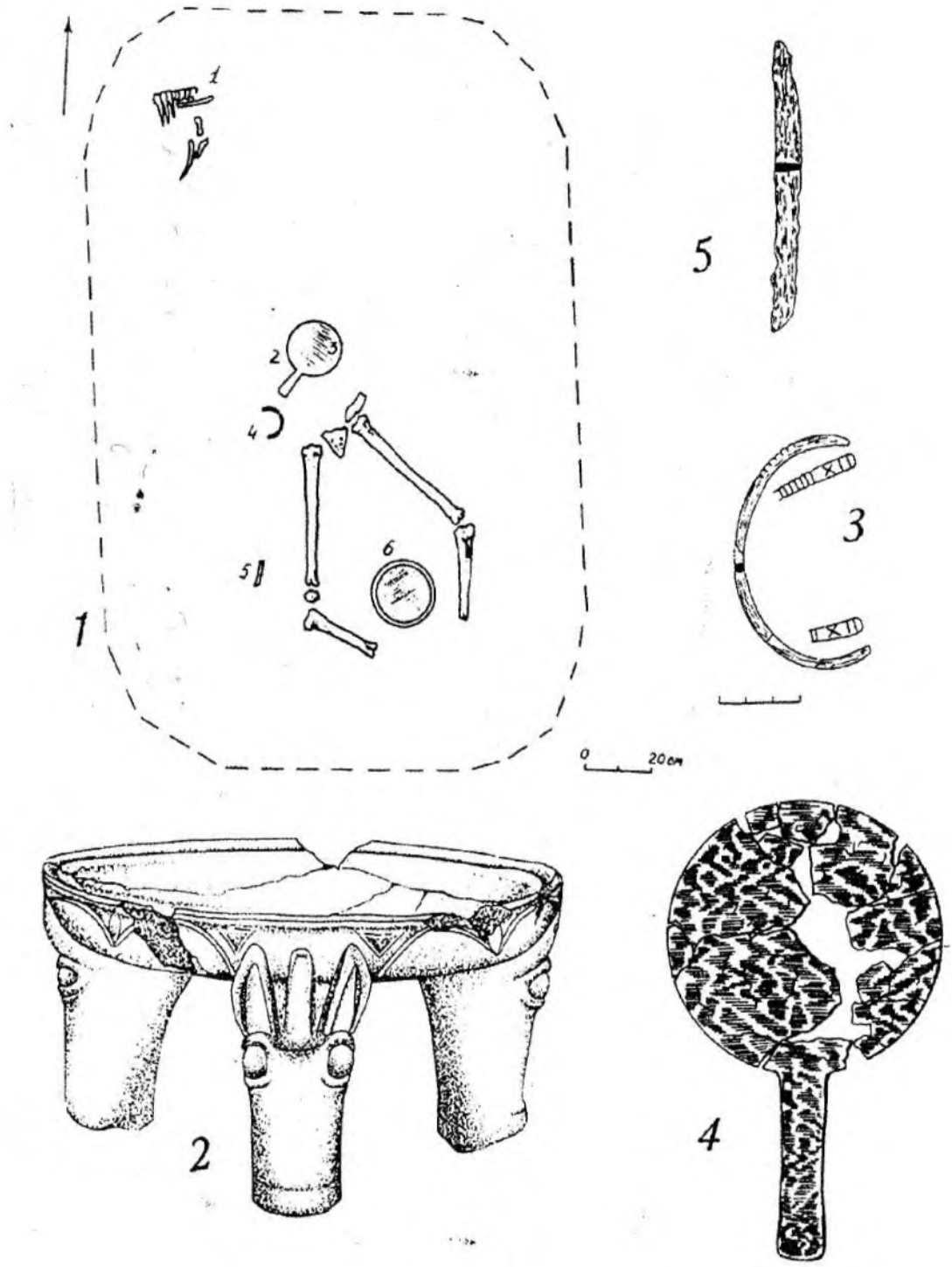


Рис. 4. Могильник Биш-Уба I. Курган 1.
1 - план погребения 1 (1 - кости овцы; 2 - зеркало; 3 - тлен деревянного футляра; 4 - браслет; 5 - железный предмет; 6 - жертвенник); 2 - жертвенник-алтарик; 3 - бронзовый браслет; 4 - бронзовое зеркало; 5 - железный предмет.

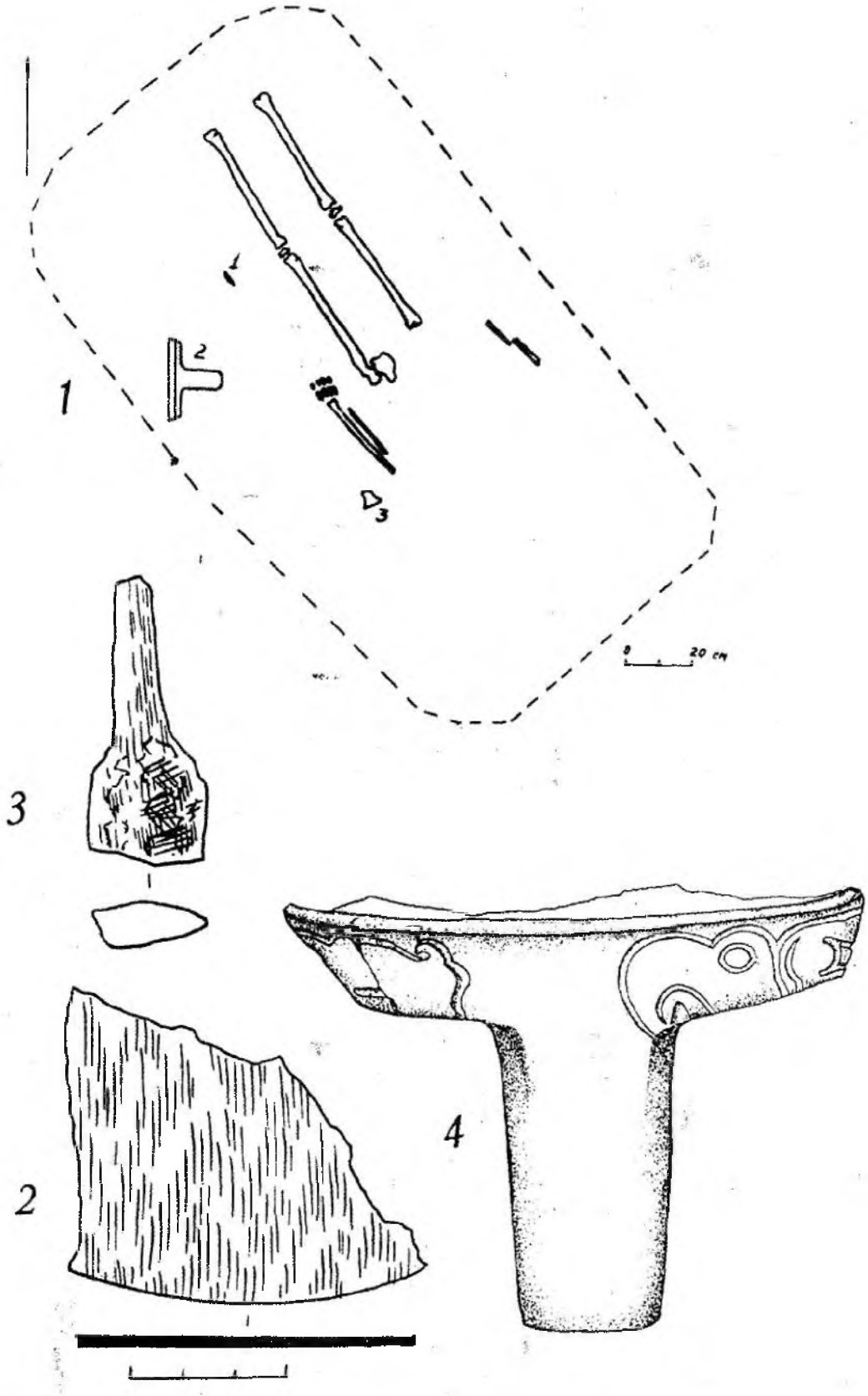


Рис. 5. Могильник Биш-Уба I. Курган 1.
1 - план погребения 2 (1 - обломок железного предмета; 2 - обломок жертвенника; 3 - обломок зеркала); 2 - фрагмент зеркала; 3 - обломок железного предмета (ножа?); 4 - обломок каменного жертвенника.

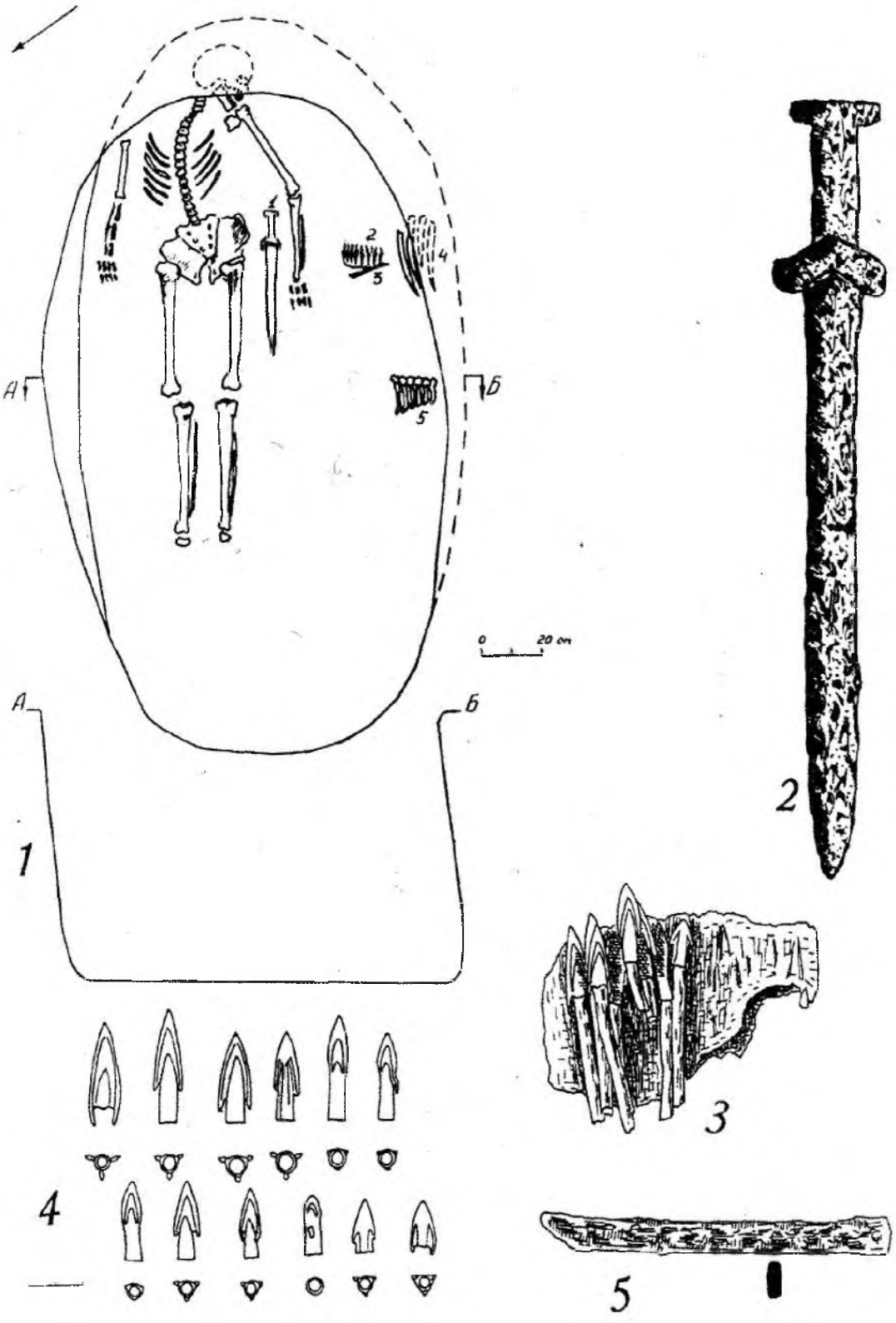


Рис. 6. Могильник Биш-Уба I. Курган 1.
1 - план и профиль погребения 3 (1 - акинак; 2 - наконечники стрел с остатками кожаного колчана; 3 - обломок железного предмета; 4 - кости животного); 2 - железный меч; 3 - остатки кожаного колчана; 4 - бронзовые наконечники стрел; 5 - железный предмет.

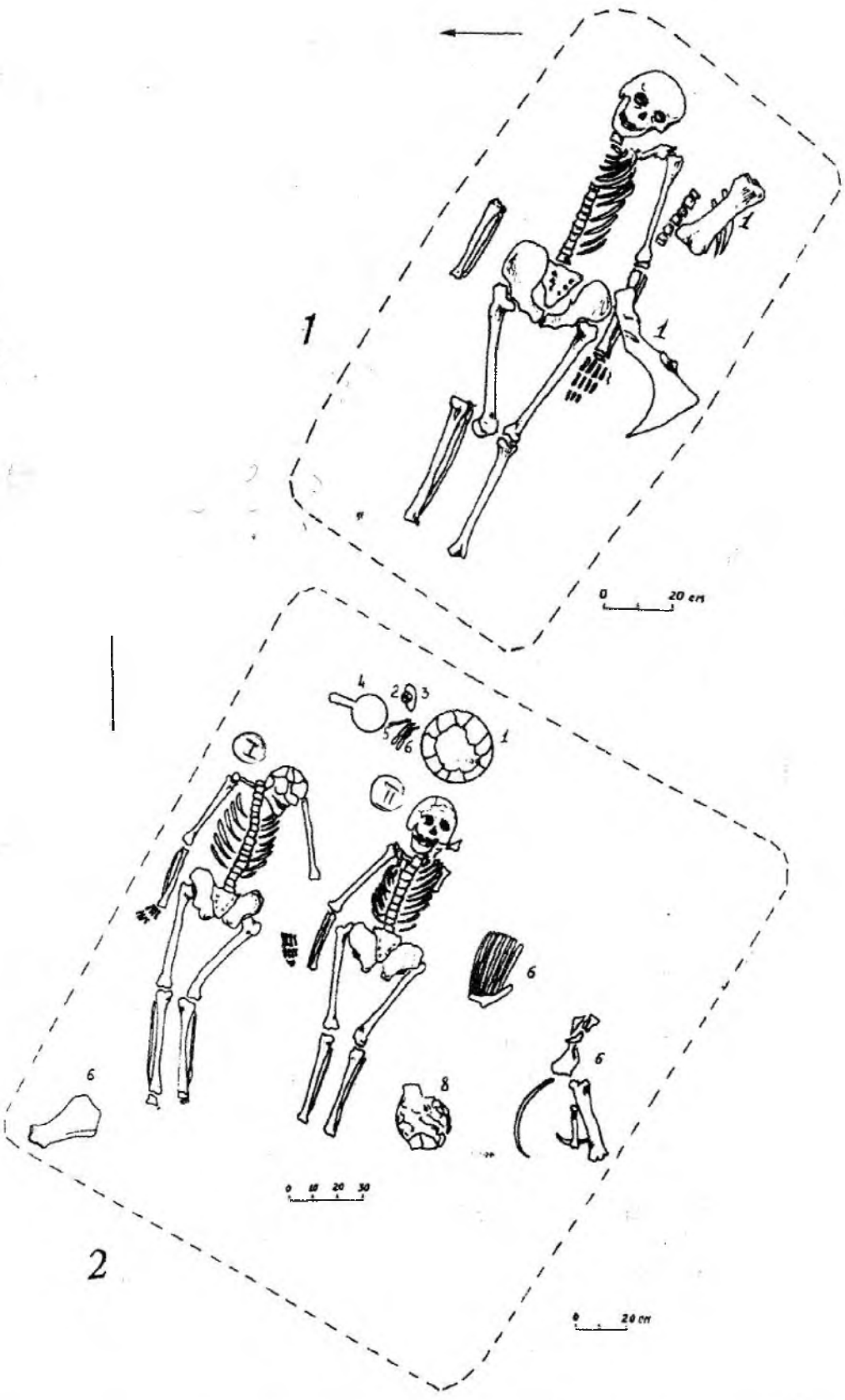


Рис. 7. Могильник Бищ-Уба I. Курган 1.
1 - план погребения 4 (1 - кости животного); 2 - план погребения 5; (1 - гончарный сосуд; 2 - колесовидная подвеска. 3 - реальгар; 4 - зеркало; 5 - железный предмет; 6 - кости животного; 7 - золотая подвеска; 8 - лепной сосуд).

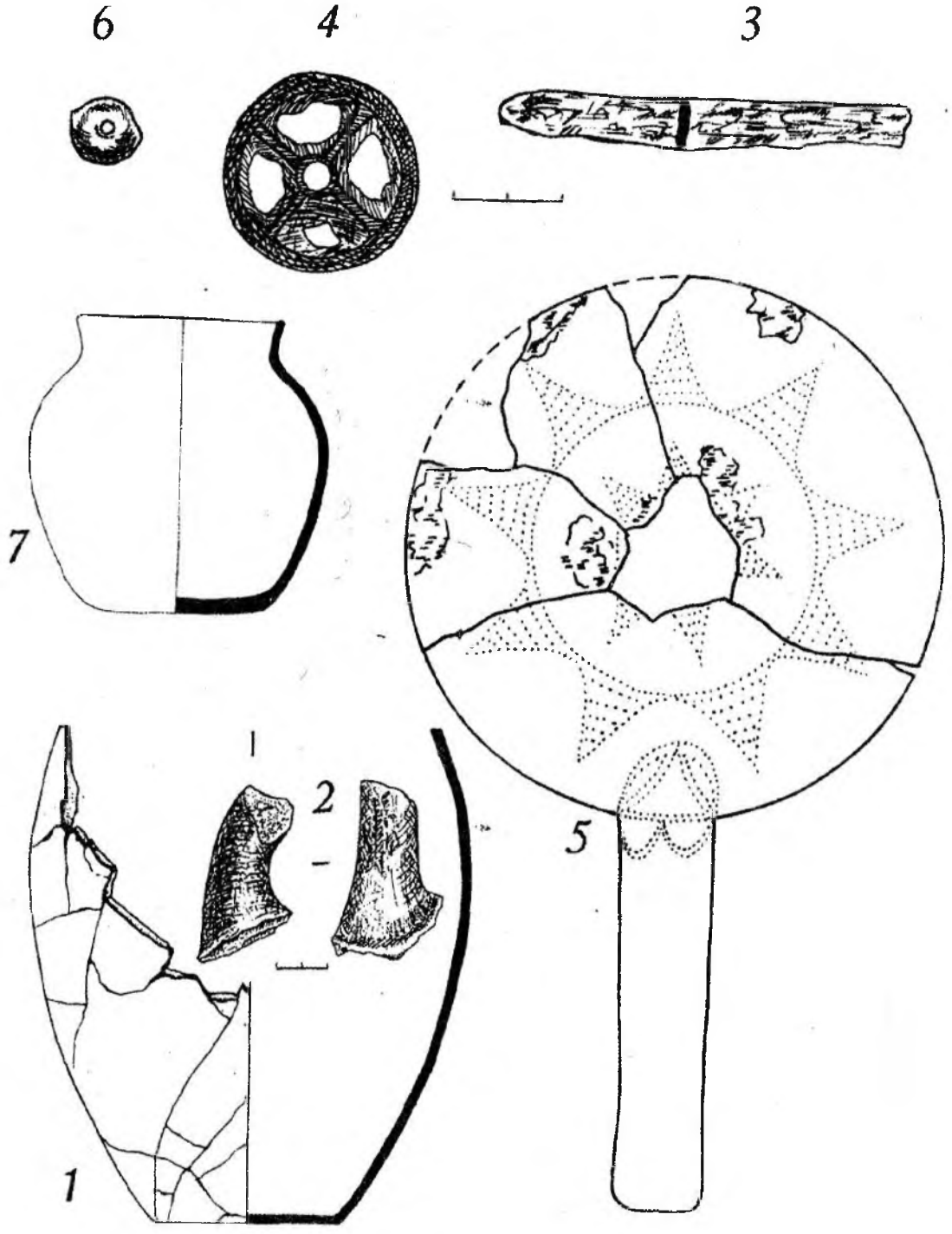


Рис. 8. Могильник Биш-Уба I. Курган 1. Инвентарь погребения 5:
1 - красноглиняный кувшин; 2 - ручка кувшина; 3 - железный стержень; 4 - колесовидная подвеска; 5 - зеркало; 6 - золотая колоколовидная подвеска; 7 - лепной плоскодонный сосуд.

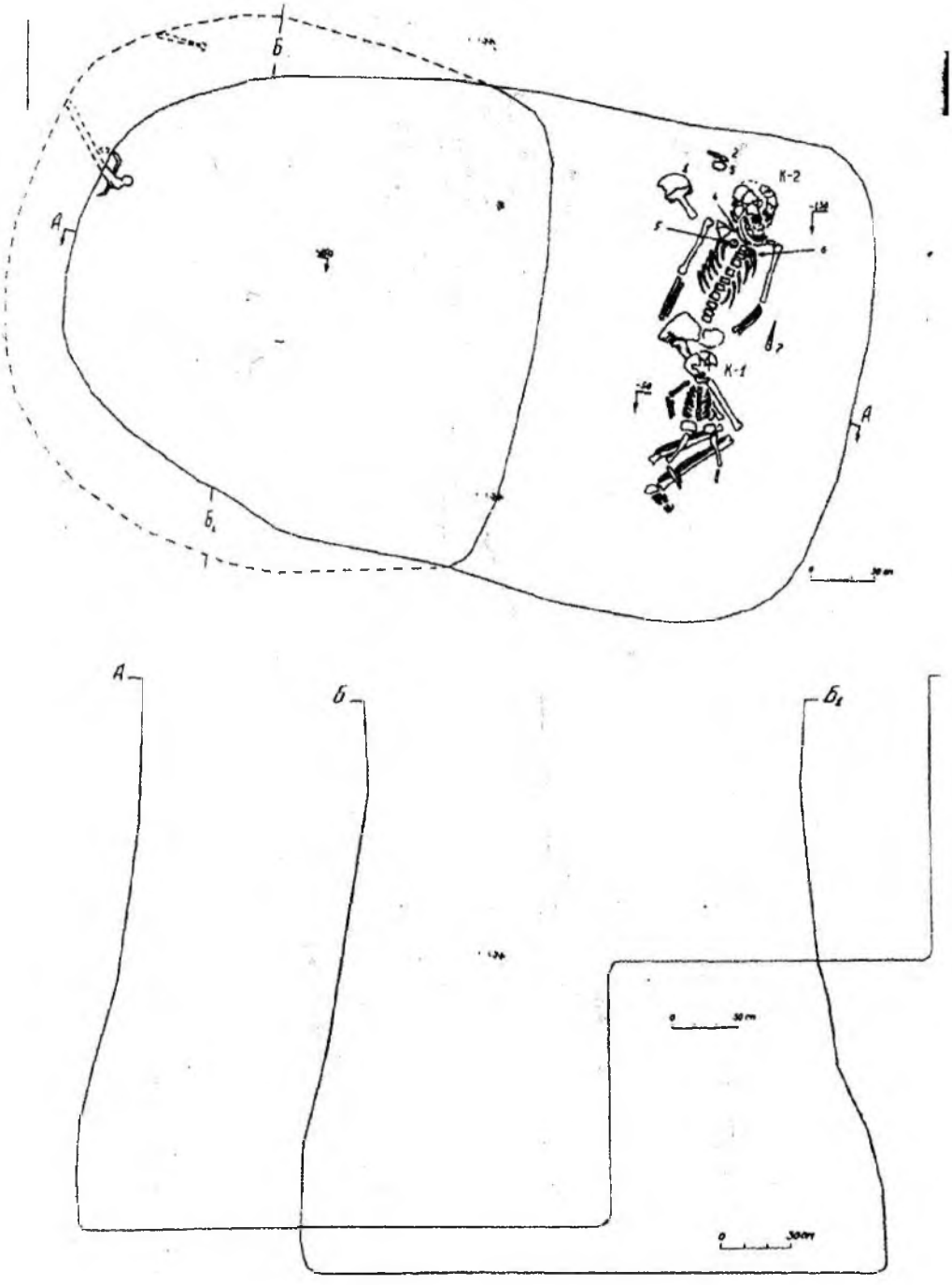


Рис. 9. Могильник Биш-Уба I. Курган 1.
План и разрез могильной ямы 6.

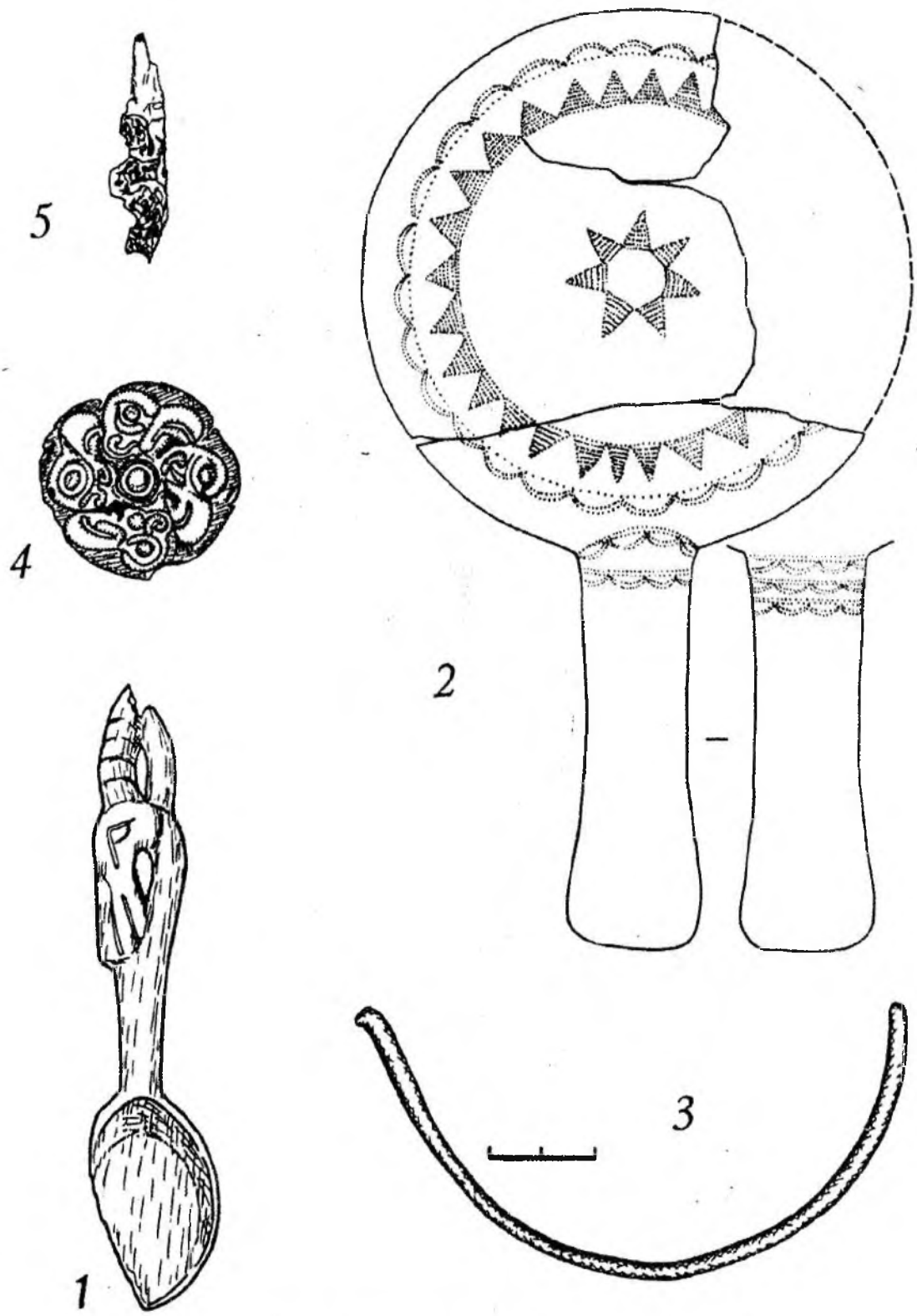


Рис. 10. Могильник Биш-Уба I. Курган 1.
1 - костяная ложечка; 2 - зеркало; 3 - обломок золотой гривны; 4 - золотые бляшки-подвески; 5 - железный нож.

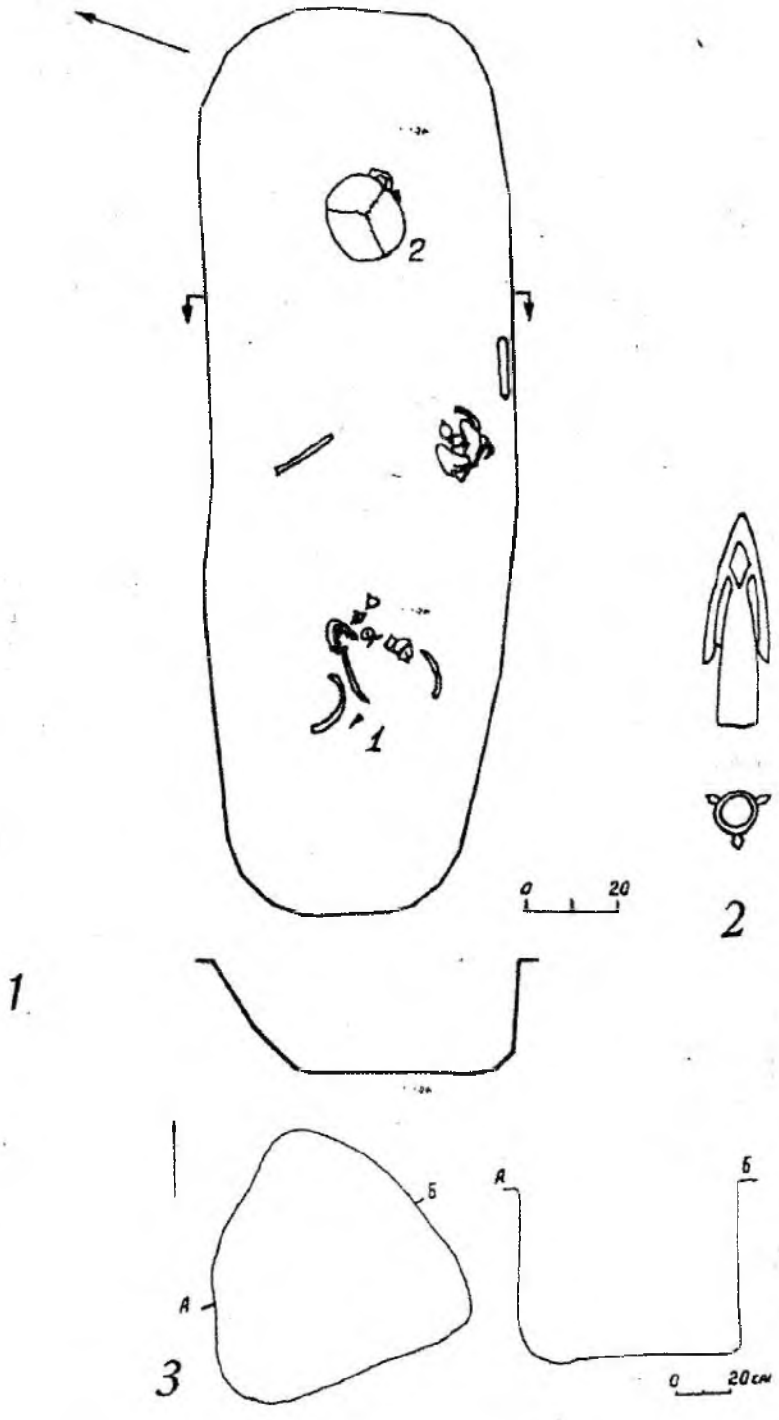


Рис. 11. Могильник Биш-Уба I. Курган 1.
1 - план и профиль погребения 7 (1 - наконечник стрелы; 2 - череп); 2 - бронзовый наконечник стрелы; 3 - план и профиль ямы 1.

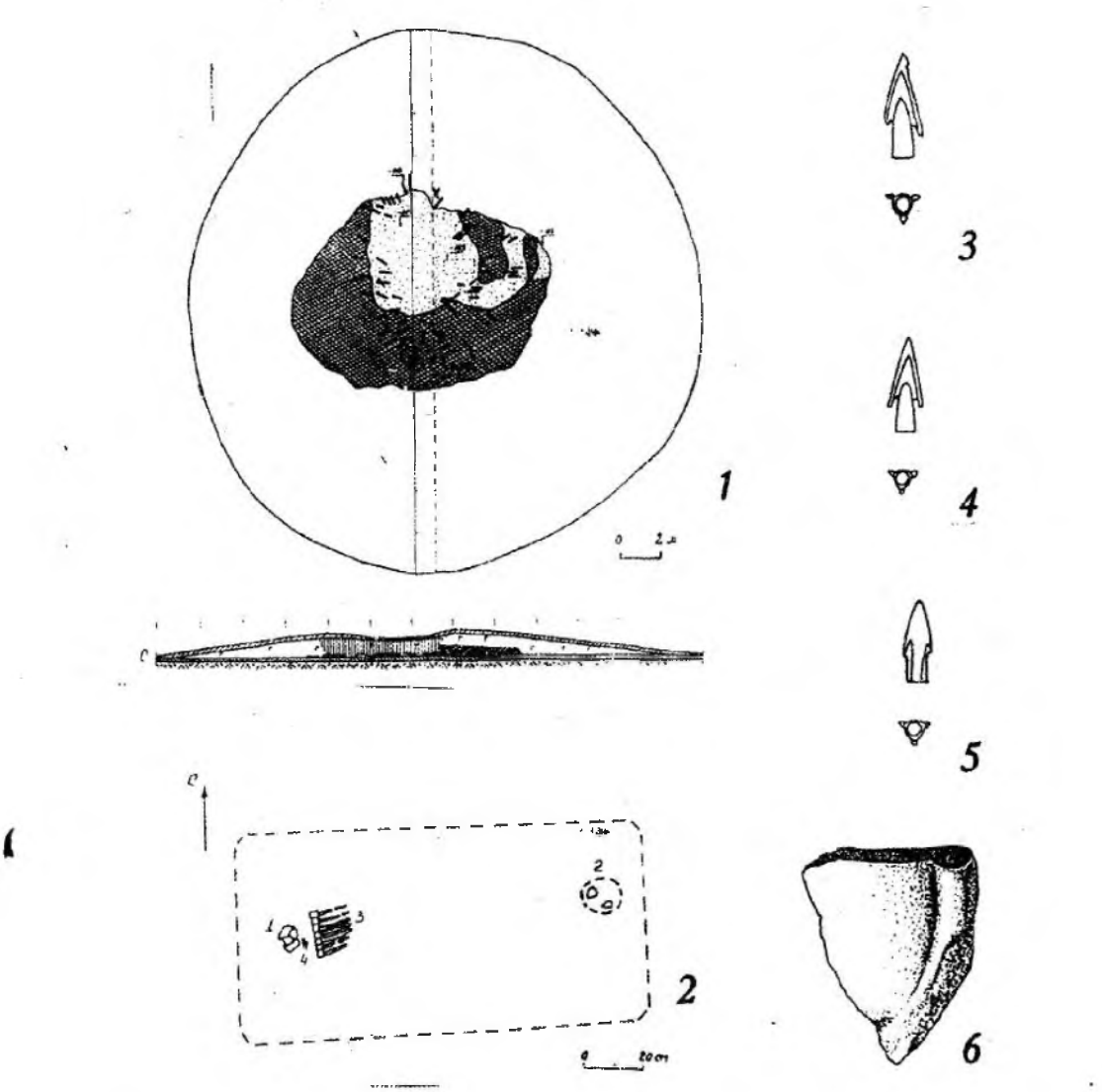


Рис. 12. Могильник Биш-Уба I.
1 - план и профиль бровки кургана 2; 2 - план погребения (1 - обломки сосуда; 2 - череп; 3 - кости животного; 4 - наконечники стрел); 3-5 - наконечники стрел; 6 - обломок жертвенника-аттарика.

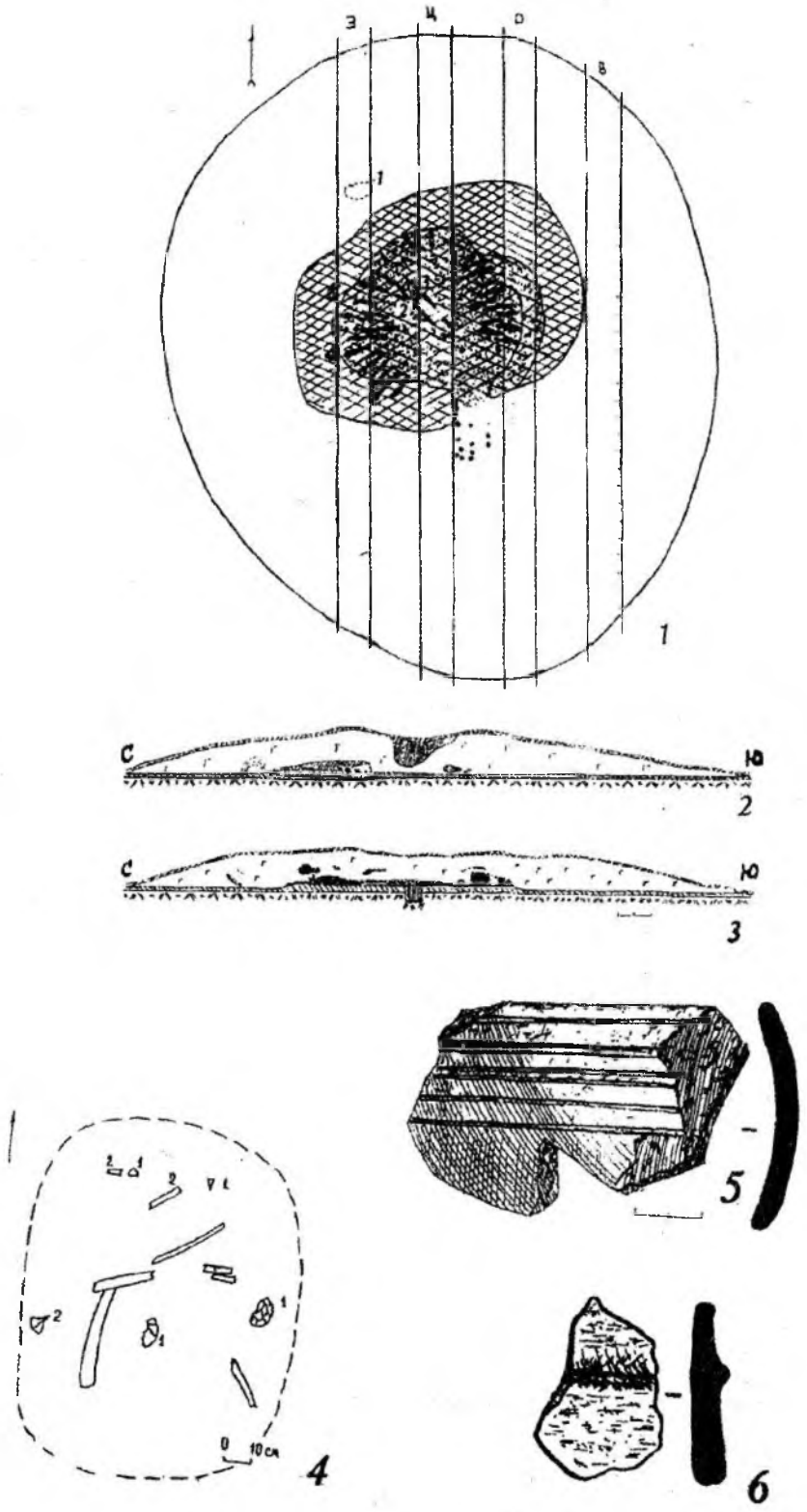


Рис. 13. Могильник Биш-Уба I.

1 - план кургана 3 (1- захоронение коня; 2 - грабительский лаз; 3 - обгоревшие кости человека и керамика); 2 - профиль нулевой бровки, 3 - профиль центральной бровки, 4 - план погребения (1 - фрагменты керамики, 2 - кости овцы); 5 - фрагмент глиняного сосуда с желобчатым орнаментом.

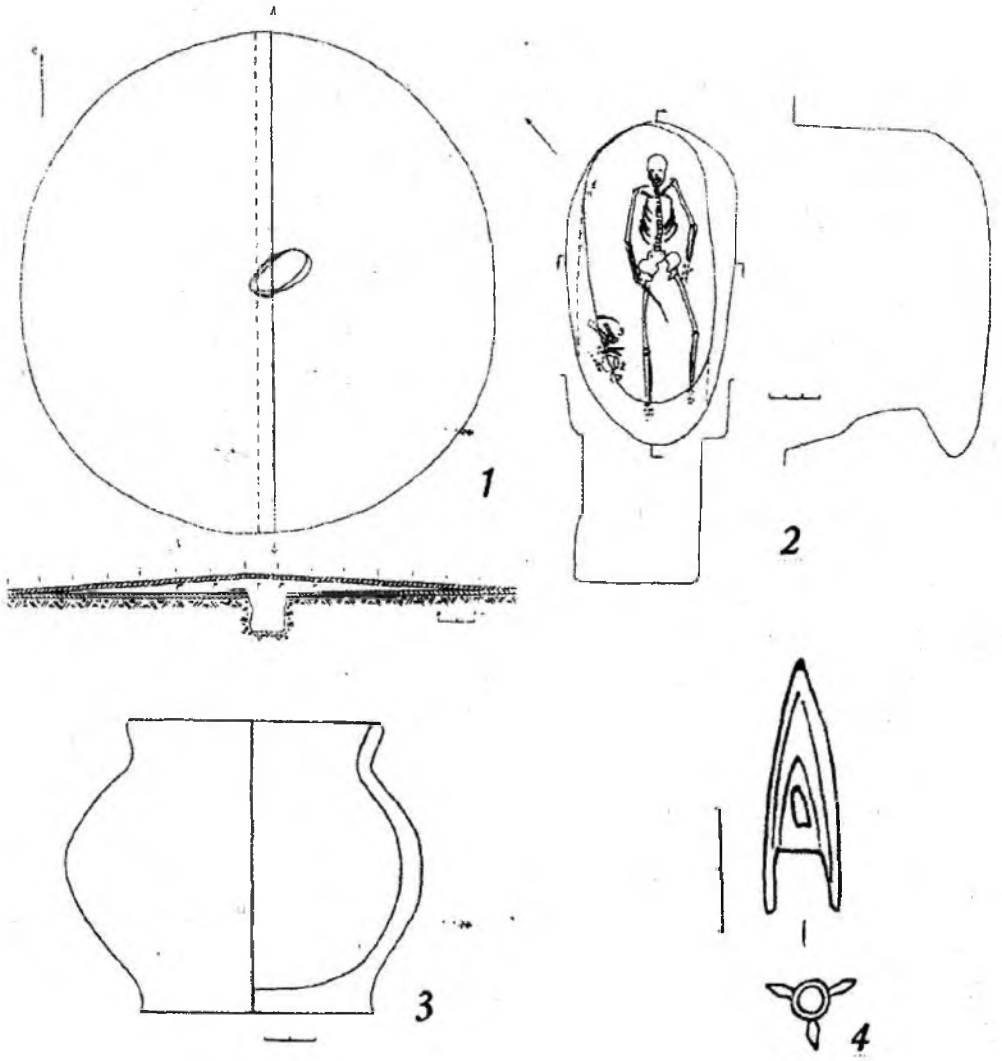


Рис. 14. Могильник Биш-Уба I.
1 - план и профиль бровки кургана 4; 2 - план погребения (1 - наконечники стрел, 2 - сосуд, 3 - кости овцы); 3 - плоскодонный лепной сосуд; 4 - бронзовые наконечники стрел.

Ф. А. Сунгатов, Р. А. Мигранов
(Уфа, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН,
Научно-производственный центр по охране памятников МК РБ)

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ОДИНОЧНЫЙ КУРГАН В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ

В 1996 г. совместная экспедиция ИИЯЛ УНЦ РАН и НПЦ МК РБ проводила охранные раскопки Петропавловского одиночного кургана, расположенного в 2,6 км к ВСВ от пос. Петропавловский, в 2,1 км от ныне не существующей деревни Кипчак, на территории рудника «Юбилейный» Хайбуллинского р-на РБ. Материалы этого памятника – тема предлагаемой публикации.

К моменту раскопок курган был полностью засыпан черноземом, сдвинутым при сооружении дороги. После удаления балласта было определено местоположение насыпи кургана и его центра. Курган представлял собой земляную насыпь без видимых впадин диаметром 12 и высотой 0,58 м.

Стратиграфия: под 10-сантиметровым слоем дерна залегал гумус толщиной 0,48 м, под ним четко прослеживалась погребенная древняя почва (0,2 м), также состоящая из гумуса; материк - глина светло-желтого цвета. Слой погребенной почвы особенно хорошо читался в местах перекрывания его могильным выкидом. Общая мощность выкида не превышала 5 см, при наибольшем диаметре распространения его 2,4 м. На бровке выкид обозначался тонкой глиняной линзой длиной 3 м (рис.1).

В восточном секторе, на глубине 0,8 м от вершины кургана, выявлено очертание могильного пятна размерами 2,0 х 1,3 м, ориентированного длинной осью ВЗ. На уровне материка по длинным сторонам могильного пятна фиксировался древесный тлен (рис. 2).

Заполнение могилы состояло из чернозема, перемешанного с глиной. Деревянное перекрытие могильной ямы сохранилась фрагментарно. Судя по его остаткам, могила была перекрыта березовыми плахами (жердями) диаметром до 8 см, уложенными вдоль длинной оси ямы. Могильная яма, ориентированная ВЗ, размером 2,0 х 1,3 и глубиной 0,6 м от уровня материка, в плане имела прямоугольную форму с закругленными углами. В заполнении на глубинах 10 и 24 см от уровня материка в правом углу западной короткой стенки погребальной камеры обнаружены нижние челюсти барана (овцы).

На дне могилы выявлено захоронение женщины. Погребенная лежала в вытянутом положении, на спине, головой на З. Правая рука слегка откинута в сторону, левая – вытянута вдоль туловища. Череп находился южнее костяка на уровне локтевого сустава правой руки и несколько выше уровня дна могилы. Смещение, вероятно, произошло из-за деятельности грызунов. Судя по состоянию черепных швов лобного и сагиттального, а также степени стертости жевательной поверхности зубов возраст определяется 25-30 годами[1]. Форма черепа овоидная. Продольный и поперечный диаметры средние. Высота черепа от основания (точка базион-брегма) большая (129 мм). Лицо относительно неширокое (120 мм), средней высоты (76 мм). Орбиты овальные (высота 32 мм). Нос высокий, носовые кости к линии профиля выступают умеренно. Форма носа, скорее всего, волнистая. В вертикальной плоскости лицо ортогнатное. Предносовой шип горизонтальный, сильно выступающий. Костный рельеф по женскому типу. Однако рельеф в области затылочных костей выражен, сосцевидные отростки развитые, оценивается двумя баллами, что указывает на сильное развитие шейных мышц, удерживающих голову. Можно предположить, что это было вызвано постоянной нагрузкой на шейные мышцы, вызванное длительной ездой верхом на лошади. Это подтверждается и строением тазовых костей. Крестец загнут внутрь малого таза по мужскому типу. Поэтому можно заключить, что погребенная – всадница.

Расовый тип в целом европеоидный с небольшой монголоидной примесью; морфологически тип погребенной не выходит за пределы вариаций признаков населения сако-сарматского времени Южного Урала и Казахстанских степей.

При костяке на уровне грудной клетки найдено [ ] экземпляров мелкого бисера. Бисер серого цвета представляет собой колечки диаметром до 4 мм. Изготовлен из кварцевого мелкозернистого песчаника[2]. В СЗ углу могильной ямы, выше левой лопатки захороненной, на боку лежал каменный жертвенник-алтарик на двух ножках (рис.3, 3). Высота его 7,5 длина 15,5, ширина 11 см. Глубина ложа не превышает 2 см. Цвет жертвенника серый с бельми пятнами. Изготовлен из местного уральского песчаника с неясно выраженной горизонтальной слоистостью с примесью среднезернистых частиц[3]. Поверхность жертвенника хорошо обработана. Край одного из бортиков, возможно, преднамеренно отколот. На подошве одной из ножек заметны следы неглубоких пропилов, которые свидетельствуют о том, что мастер намеревался сделать алтарик на четырех ножках, но не довел начатую работу до конца. На дне ложа столика заметны выбоины. Здесь же отмечается полоса вишнево-коричневого цвета. Цвет полосы естественный и обусловлен окрашиванием породы по микротрещине гидроокислами железа.

Рядом с жертвенником найдено глиняное фрагментированное коническое пряслице диаметром основания 3,5 и высотой 3 см (рис. 3,1). С правой

[1] Морфологическое описание черепа, определение пола и возраста произведено к.и.н. Р.М. Юсуповым.
[2] Определение к.г.-м.н. М.Ю. Авижанской.
[3] Определение к.г.-м.н. М.Ю. Авижанской.

стороны костяка вблизи черепа находились раковина (рис. 3,2) и ритуальная галька (галька-растиральник) (рис. 3,3). Раковина – двустворка, неравносторонняя, толстостенная и относительно крупная. Ее размеры – высота 6,0, длина 6,5, выпуклость (высота) 3,0 см. Макушка и правая часть створки отбиты. По мнению к. г. н. Г. А. Донукаловой и проф. А. Р. Кизикеева, раковина относится к классу Pelecypoda (топороногие). На раковине отмечается вертикальная полоса шириной 5 мм светло-коричневого цвета искусственного происхождения.

Галька кварцевая, белого цвета с пористой поверхностью. Максимальные ее размеры 5,8 х 4,8 х 2,0 см. Поры естественного образования, округлые, реже продолговатые, диаметром 1-5 мм.

Вдоль длинной южной стенки могилы находились кости животных. Это ребра, позвонки, лопатка, длинная трубчатая кости лошади и сочлененная передняя нога барана (см. рис.2).

Исследованный курган, [illegible] хорошо датированных предметов погребального инвентаря, с определенной уверенностью можно отнести ко времени V – начала IV вв. до н.э. В пользу предложенной даты говорит тип каменного столика-жертвенника, характерный для погребений указанного горизонта. Близкая аналогия ему представлена в погр. 2 к. 5, Новоорского II могильника (Заседателева С. Н., 1983). Жертвенник был найден вместе с сосудом, имеющим носик-слив, и бронзовым зеркалом с закраиной. Зеркало принадлежат к типу раннекочевнических (савроматских) зеркал, которые, по данным К. Ф. Смирнова, находятся в выразительных комплексах V в. до н.э. (Пятимары I, к. 4, погр. 1; Аландское, гр. II, к. 2, погр. 2; Смирнов К. Ф., 1964, с. 52,56). Остальной инвентарь (раковина, бисер, ритуальный камень) и погребальный обряд не противоречат предложенной дате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заседателева С. Н., 1983. Отчет // Архив ИА РАН, Р-1, № 9719.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.

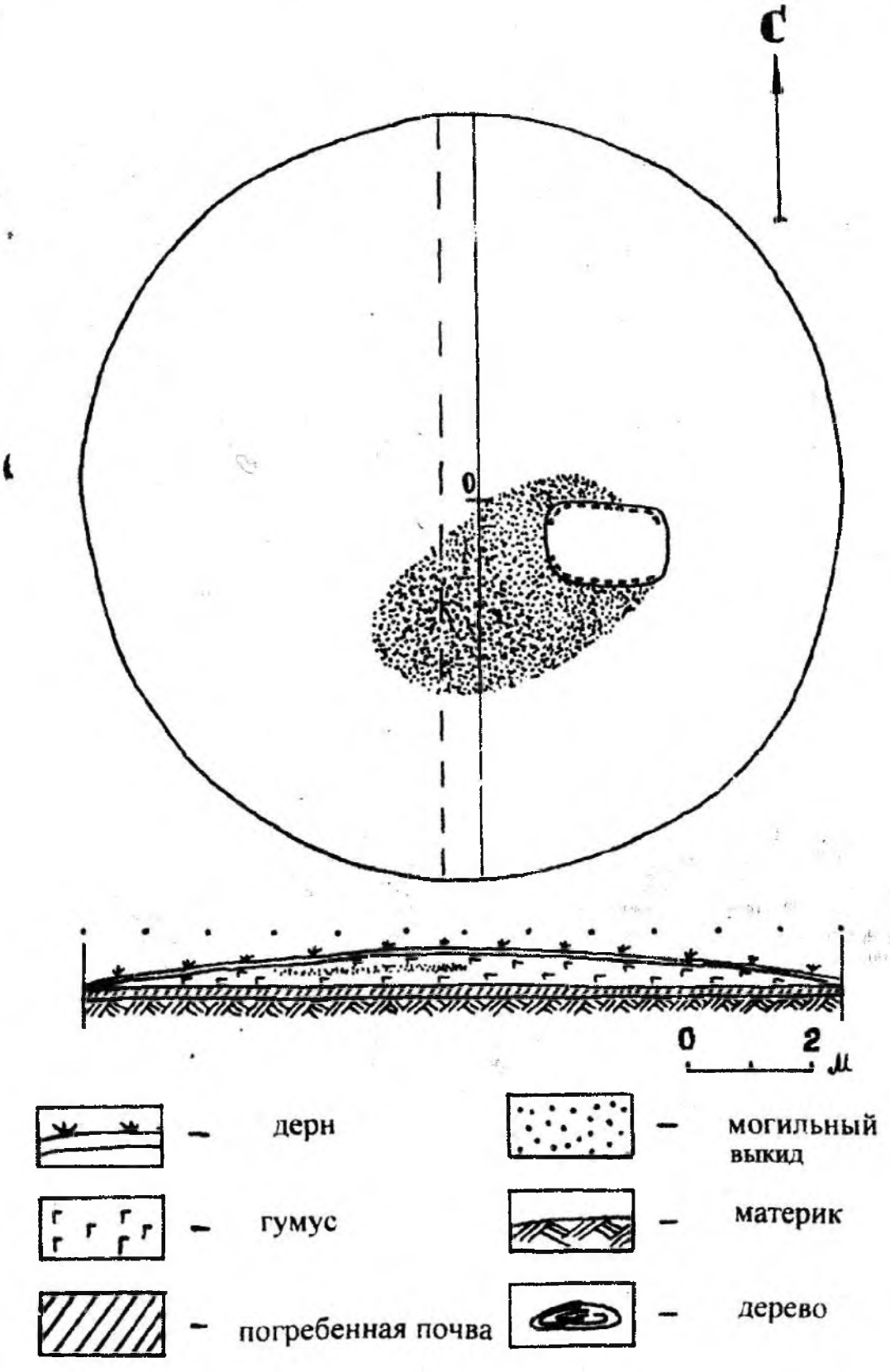


Рис. 1. План Петропавловского кургана и профиль бровки.

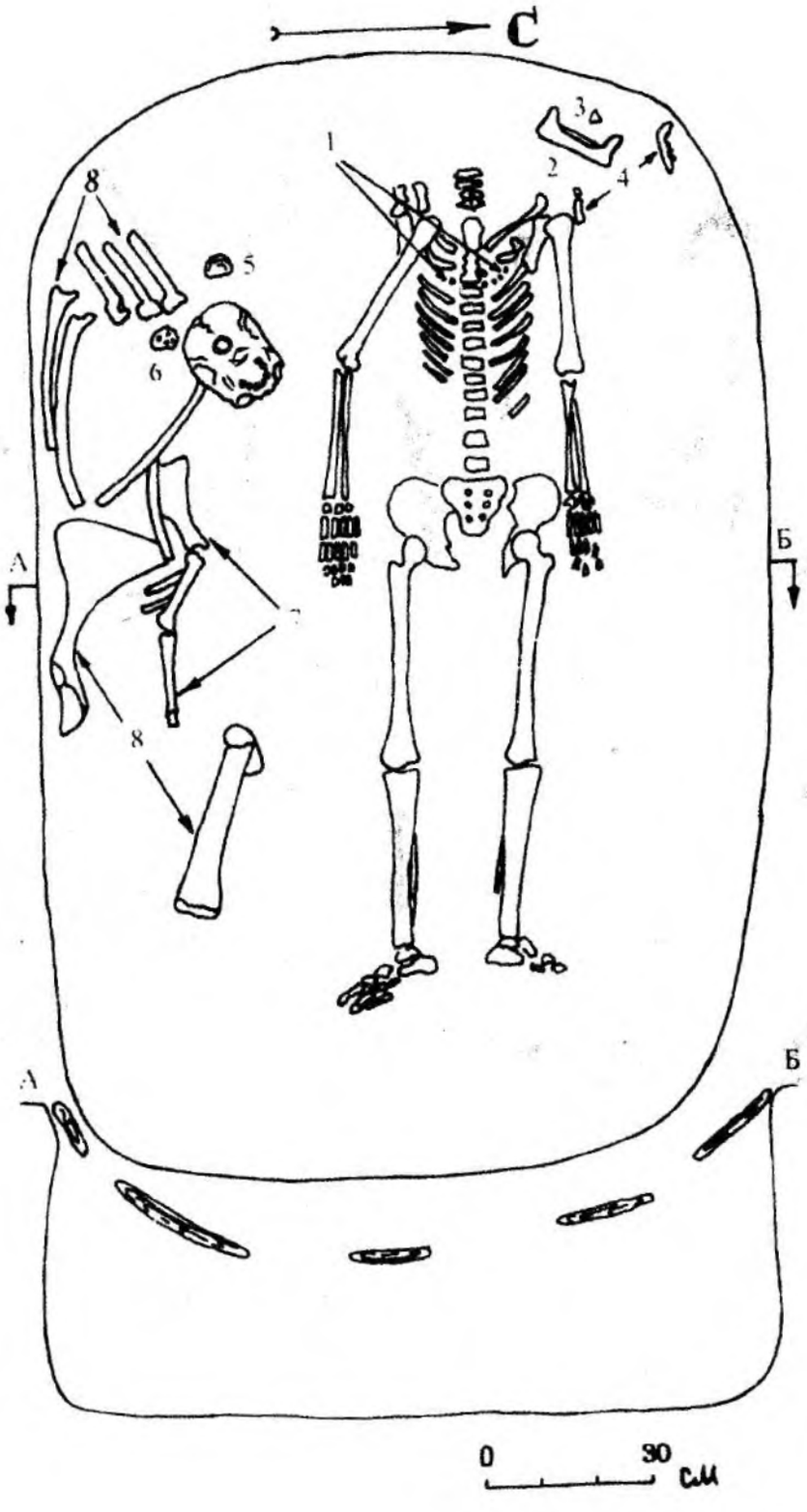


Рис. 2. План погребения Петропавловского кургана:
1 - бисер; 2 - жертвенник; 3 - пряслице; 4 - челюсть барана; 5 - раковина; 6 - камень;
7 - передняя нога барана; 8 - кость лошади.

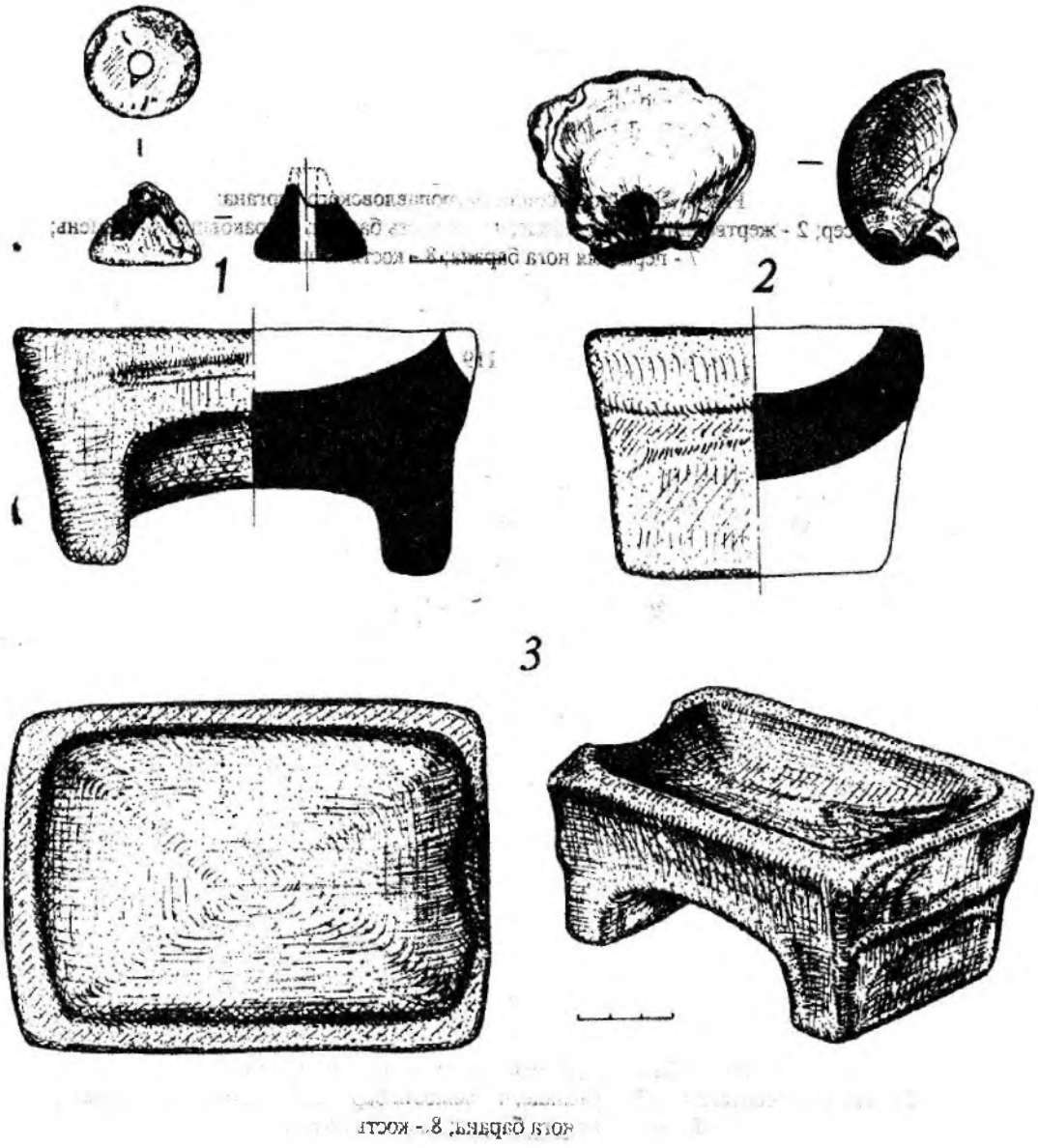


Рис. 3. Инвентарь погребения Петропавловского кургана:
1 - пряслице; 2 - раковина; 3 - жертвенник.

И. М. Акбулатов
(Уфа, Национальный музей Республики Башкортостан)

НОВО-КАЛКАШСКИЙ II КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК НА р. СТЕРЛЯ

В 1990 году экспедицией Башкирского государственного объединенного музея (ныне Национальный музей РБ) были исследованы два кургана Ново-Калкашского II курганного могильника в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан. Курганы располагались на высоком левом берегу р. Стерля (высота около 60 м над поймой) в 800 м к северо-западу от д. Ново-Калкашево* . Обе земляные, хорошо задернованные насыпи раскапывались с помощью скрепера с оставлением одной бровки, ориентированной по странам света.

Курган 1. Диаметр 16 м, высота 0,4 м. Под насыпью выявлено одно погребение (Рис. 1,1).

Погребение (Рис. 1, 2) находилось в северной половине кургана, близко к центру. Могила прямоугольной формы, размером 236 х 174 см на уровне материка, была ориентирована широтно. Все стенки могилы имели весьма сильный уклон к центру и на дне ее размеры сократились до 196 х 114 см. Глубина составила 52 см от уровня материка. На дне обнаружен костяк человека, погребенного в скорченном положении на правом боку, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть повернута в сторону кисти левой руки, которая покоилась на тазовых костях, а сама рука была согнута в локтевом суставе. На тазовых и бедренных костях сохранились следы охры. Небольшие охряные пятна встречались также и на дне могильной ямы.

Справа от черепа находился лепной сосуд яйцевидной формы, украшенный орнаментом в виде «елочки», нанесенной среднезубчатым штампом. Диаметр - 15 см, высота 15,5 см (Рис. 1, 3).

Курган 2. Диаметр 15 м, высота 0,95 м. Под земляной насыпью обнаружено 10 погребений (Рис. 2), девять из которых располагались вокруг погребения 10, образуя несомкнутый с юго-западной стороны круг. Нумерация погребений давалась по мере их обнаружения.

Погребение 1 (Рис. 3, 1) располагалось в 4 м к северо-западу от условного центра кургана. Могильная яма, размером 173 х 72 х 16*, длинными сторонами была ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Сохранность костяка очень плохая, но, судя по сохранившимся костям, умерший был погребен вытянуто на спине, головой на ЮЮВ.

Инвентарь: у правого предплечья, ближе к локтевому суставу, были обнаружены 2 железных черешковых трехлопастных наконечника стрел (Рис. 3, *4*), лежавших остриями в сторону головы. Ниже, на правой бедренной кости находились остатки сильно коррозированного железного кинжала с прямым перекрестием и антенновидным навершием (Рис. 3, *3*). Общая длина предмета составляла 42 см. У восточной стенки, напротив правой бедренной кости стоял лепной сосуд, орнаментированный тремя резными горизонтальными линиями в месте перехода шейки в тулово. Диаметр по венчику - 9,7 см, высота - 19 см. В тесте примесь шамота (Рис. 3, *2*).

Погребение 2 находилось в 6 м к северо-западу от условного центра кургана. Могильная яма, размером 178 х 80 х 21, ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. В заполнении найдено бронзовое височное кольцо или пряжка в виде несомкнутого кольца, диаметром 2,5 см, из четырехгранной проволоки. На кольце сохранились остатки какого-то железного предмета или детали пряжки (язычок?), в виде шарика - припекшегося кусочка окислевшегося металла (Рис. 3, *6*).

На дне лежал костяк взрослого человека, уложенного головой на ЮЮВ в несколько необычной позе: череп завалился вперед, линия позвонков приняла S-видную форму, руки немного расставлены, причем левая полусогнута в локтевом суставе, правая нога вытянута, а левая отведена в сторону и чуть согнута в колене (Рис. 3, *5*).

В ногах умершего находились остатки заупокойной пищи: кости животного, в том числе кости передних ног и лопатки мелкого рогатого скота, среди костей стоял сосуд. Кольцо бронзовое, височное, четырехгранное в сечении, несомкнутое, с остатками железной бусины, диаметром 2,5 см (Рис. 3, *6*). Лепной плоскодонный сосуд с отогнутым венчиком и раздутым шаровидным туловом, диаметром около 21 см (Рис. 3, *7*).

Погребение 3 располагалось в 5 м к северо-западу-западу от центра кургана, чуть южнее погребения 2. Длинными сторонами могильная яма, размером 192 х 90 х 110, была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Умерший был погребен головой на ЮЗ (причем череп был повернут лицом на запад), вытянуто на спине, правая рука отведена в сторону, чуть согнутые ноги повернуты влево (Рис. 4, *1*).

Костяк взрослого человека, судя по инвентарю женщины, сопровождали следующие предметы: между правой рукой и тазовой костью лежал обломок бронзового зеркала (Рис. 3, *2*), рядом сохранились остатки дерева и ткани, бусы в области шеи и левой руки выше запястья, а также кости передней части (лопатка, ребра) овцы или козы и сильно коррозированный железный нож, черешковый однолезвийный с прямой спинкой, у восточной стенки могилы напротив тазовых костей.

В области шеи находилось ожерелье, состоящее из: короткоцилиндрических неорнаментированных

---

* Материалы раскопок хранятся в фонде археологии НМ РБ, номер по Книге поступлений 17013/1-63.

* Здесь и далее первая цифра обозначает длину могилы, вторая - ширину, третья - глубину от уровня материка в сантиметрах.

рубленных бус из гагата, диаметром 6-8 мм - 45 экз.; округлых стеклянных бус с внутренней позолотой, диаметром 7-8 мм - 15 экз. (Рис. 4, *10-12*).

Вторая группа бус располагалась двумя рядами вокруг большой и малой локтевых костей и, скорее всего, были нашиты поперек рукава:

египетский фаянс: мелкий бисер светло-коричневого цвета - 100 экз.; шаровидные бусины светло-коричневого матового цвета - 9 экз.; цилиндрические светло-коричневого цвета - 3 экз. (одна покрыта бирюзовой глазурью); бочонковидные светло-коричневого цвета с остатками перламутра - 5 экз. (одна покрыта глазурью бирюзового цвета);

стеклянные: округлые с покрытием беловатого цвета - 8 экз. (Рис. 4, *4-9*).

Погребение 4 обнаружено в 5 м к западу от условного центра кургана, южнее и рядом с погребением 3. Могильная яма, размером 130 х 58 х 52 длинными сторонами ориентирована по линии север-юг. В заполнении встречались остатки деревянных плах (досок) шириной 5-10 см, расположенных в поперечном и продольном направлении по отношению к могильной яме. Неправильная форма могильной ямы проявилась в дальнейшем ступенькой (размером 87 х 22 см), которая на 12 см была выше дна могилы. Скорее всего, это было подбойное погребение или его имитация, перекытое деревянными плахами. На дне лежали плохо сохранившиеся остатки костяка ребенка (фрагменты черепа и большие берцовые кости), погребенного головой на юг вытянуто на спине. Рядом были обнаружены кости животного: один обломок лежал слева от костей черепа, другая (лопатка мелкого рогатого скота) у ступеньки, напротив гипотетической поясницы погребенного Рис. 4, *13*).

Погребение 5 обнаружено к востоку от погребения 1, в 3 м к северу от условного центра кургана. Могильная яма, размером 192 х 80 х 22, длинными сторонами была ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Судя по общему расположению костей взрослого человека, умерший был погребен вытянуто на спине, головой на север с небольшим отклонением в сторону запада. Костяк очень плохой сохранности, многих костей нет, другие, в частности, череп растащены роющими млекопитающими (Рис. 5, *1*).

В заполнении обнаружены остатки деревянного перекрытия в виде тонкого слоя древесного тлена, лежавшего на костях и вещах, сопровождавшего покойного:

- остатки железного меча или кинжала, лежавшего вдоль правой ноги с наружной стороны;

- три спекшихся вместе железных черешковых наконечника стрел, напротив предыдущего предмета у западной стенки (Рис. 5, *5*);

- две бронзовые пряжки: одна 8-образной формы (Рис. 5, *3*), с неподвижным язычком и заклепкой на противоположном конце, украшенная напайками в центральной части пряжки (длина 4 см, ширина 2,2 см), находилась между ног в области колен, другая - рамчатая прямоугольной формы с неподвижны язычком (Рис. 5, *2*), в центре рамки - барельеф ле жащего двугорбого верблюда с прочерченными хо ками, по четырем сторонам - по одному маленьком отверстию для крепления к ремню (размеры: 7,5 3,8 см), в области тазовых костей;

- каменный четырехгранный брусок (облом окаменелого дерева), длиной 6,5 см (Рис. 5, *6*) - р дом с 8-образной пряжкой,

- обломок железного черешкового ножа с прям спинкой, между восточной стенкой могилы и вер ней частью левой берцовой кости (Рис. 5, *4*).

Погребение 6 (Рис. 6, *1*) обнаружено в восточно части кургана, в 3 м к ЮВ от условного его центр Могильная яма, размером 220 х 69 х 31, длинны сторонами была ориентирована по линии СС ЮЮЗ. В южной ее половине был найден каменна круглый в сечении оселок с отверстием на одн конце длиной 12,5 см (Рис. 6, *3*). В 30 см к восто от него лежали фрагменты черепных костей и в см к СВ от них - плохо сохранившаяся, в обломка бедренная кость погребенного человека. Судя ним, можно предположить, что умерший был ул жен головой на ЮЗ.

Погребение 6а (детское) прорезало погребение и своими длинными сторонами было ориентирова в том же направлении. Размеры могильной ямы: х 45 х 83 (Рис. 6, *1*). От детского костяка сохра лись лишь обломки костей черепа, обнаруженные юго-западном углу могилы, и верхняя часть бедре ной кости, лежавшая вдоль западной стенки моги ной ямы. Судя по ним, умерший ребенок б уложен головой на ЮЗ.

В ногах умершего находилась глиняная кури ница: в виде широкой лепной чаши, украшенной верхнему краю двумя параллельными канелюра на ножке, которая не сохранилась. Диаметр - 12 высота сохранившейся части - 7 см (Рис. 6, *2*) восточной стенки в центре могилы найдены остат глиняного сосуда с примесью талька в тесте. В ю ном углу могильной ямы, напротив черепных кост - кости мелкого рогатого скота, в том числе и лопа ка.

Погребение 7 также находилось в восточной ч ти кургана, в 3 м к СВ от условного центра. Моги ная яма, размером 210 х 82 х 109, вытяну длинными сторонами по линии С-Ю. На дне об ружен костяк взрослого человека, вытянуто на с не, головой на юг, череп повернут вправо (Рис. 6,

В головах умершего, в юго-восточном углу м гильной ямы был найден лепной плоскодонн кувшин с ручкой, раздутым шарообразным туло украшенный резным орнаментом в виде гориз тальных линий, сгруппированных в две полосы, ж жду которыми нанесены вертикальные борозд также сгруппированные по 3-4 линии. В тесте п месь шамота. Диаметр венчика 11, 5 см, высота см (Рис. 6, *4*). Рядом кости мелкого рогатого ско С наружной стороны нижней части левой бедренн кости лежал каменный круглый с сечении осело

подвеска, с обломанным нижним концом. Длина сохранившейся части 12 см (Рис. 6, *5*).

Погребение 8 обнаружено в 3 м к северу от условного центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы, размером 130 х 100 х 35, длинными сторонами ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. На дне в северо-западном углу найдены только обломки черепных костей ребенка (Рис. 7, *1*).

В заполнении и на дне найдены фрагменты неорнаментированного лепного сосуда с прямой чуть вытянутой шейкой и отогнутым венчиком. В тесте примесь слюды (Рис. 7, *3*). У западной короткой стенки стоял лепной плоскодонный кувшин с ручкой. В верхней части сделаны шесть небольших отверстий, следы ремонта. Орнаментирован несколькими параллельными каннелюрами по венчику и тулову. Поверхность темно-коричневого цвета. В тесте примесь шамота. Диаметр венчика 7,5 см, высота -23 см (Рис. 7, *2*).

Погребение 9 располагалось в 4 м к югу от условного центра кургана. Могильная яма трапецевидной формы, размером 227 х 80-50 х 86, ориентирована по линии З-В. В заполнении встречались остатки деревянного перекрытия, лежавшего поперек могильной ямы. На дне обнаружены остатки двух умерших: разбросанные кости ребенка в западной части могилы, рядом череп взрослого человека, отдельные кости которого (бедренная, малая берцовая) находились в центральной части могилы (Рис. 7, *5*).

По всей западной части могилы, преимущественно вдоль южной ее стенки, были разбросаны фрагменты лепного толстостенного круглодонного сосуда с раздутым шарообразным туловом, по плечику которого нанесен орнамент в виде ряда параллельных насечек и широкой борозды. Наружная поверхность светло-коричневого цвета. В тесте примесь шамота (Рис. 7, 6). Среди обломков керамики у южной стенки был найден железный рыболовный крючок с острым шипом и загнутым в кольцо концом (Рис. 7, *4*).

Погребение 10 (центральное) неоднократно нарушалось многочисленными норами, которые изрезали могилу вдоль и поперек. На уровне материка могильное пятно читалось как многоугольник с весьма округленными углами. По мере расчистки могила стала принимать более или менее правильные очертания. У дна она представляла собой прямоугольник, размером 237 х 129 х 159, с закругленными углами, длинными сторонами ориентированный по линии С-Ю (Рис. 8, *1*).

В заполнении найдены: фрагмент неизвестного бронзового предмета (ручка от котла?), Т-образной формы (Рис. 8, *8*), бронзовая подвеска-колокольчик (ворворка?) полусферической формы с отверстием в центре (диаметр 3 см, высота 2 см) (Рис. 8, *3*). На ступеньке в северной части могильной ямы найден лепной неорнаментированный сосуд с уплощенным дном, прямой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика 10,5 см, высота - 21 см. в тесте примесь ракушки и шамота (Рис. 10, *14*).

На дне могильной ямы находился костяк взрослого человека (женщина?) в вытянутом положении на спине, головой на юг. Практически все кости находись in situ, но часть костей отсутствовала: череп, кости правой ноги и обеих кистей.

Рядом с костяком находился многочисленный погребальный инвентарь:

- на грудной клетке в области сердца лежала половина бронзового зеркала с валиком по краю, диаметром 20 см (Рис. 8, *9*);

- между ног, в области колен находилась бронзовая литая колесовидная бляшка (Рис. 8, *4*) с вписанным внутри крестом и с пятью напускными шишечками на концах и в центре креста, отлитая в односторонней форме с сохранившимися заусенцами по краям (диаметром 4,7 см), наконечник (набалдашник?) неизвестного предмета из дерева в виде гриба со сквозным отверстием по центру (Рис. 8, *5*), рядом бусы (Рис. 9, *19-26*) и раковина Grifea (Рис. 8, *7*);

- у запястья правой руки найдено сильно корродированное железное кольцо (пряжка?) (Рис.8, *6*), рядом - два также коррозированных железных перстня (Рис. 8, *2*) и небольшой железный предмет в виде сплюснутого кольца (еще один перстень?);

- у левого запястья еще несколько бус (Рис. 10, *1-9*);

- большое количество бус также было найдено в области шеи и груди (Рис. 9, *1-18*);

- на обоих рукавах (поперек) были нашиты мелкие бусы из египетского фаянса, с широким или узким каналом отверстия, с грубой беловатой основой: на левой руке - 630; на правой руке - 252 экземпляра.

Кроме того, в головах, у левого предплечья были найдены обломки еще одного широкогорлого лепного сосуда.

Что касается бус, то набор их довольно богат и они заслуживают более обстоятельного описания:

1) египетский фаянс:

бусы с широким или узким цилиндрическим каналом отверстия, с грубой беловатой основой, диаметром 4-5 мм - 882 экз.;

округло-ребристые бусы желтовато-зеленого цвета, с дольками мягких очертаний (12 долек) - 1 экз. (Рис. 9, *9*);

2) многоцветное стекло:

а) с глазчатыми орнаментами:

округлая бусина из темно-синего стекла, украшенная тремя глазками сине-бело-красно-желтого цвета, диаметром 15 мм - 1 экз.;

округлая бусина из темно-синего стекла, украшенная тремя глазками (двумя синими и одним зеленым), диаметром 10 мм - 1 экз. (Рис. 9, *7*);

округлая бусина из глухого желтого стекла, с тремя глазками сине-голубого цвета, диаметром 13 мм - 1 экз.;

округлая бусина из темно-синего стекла, украшенная тремя глазками сине-бело-желтого прутика, диаметром 15 мм - 1 экз.;

округлые бусины из темно-синего стекла, украшенные тремя глазками сине-белого цвета, диаметром 9-14 мм - 5 экз. (Рис. 9, 14);

округлая бусина из глухого светло-зеленого стекла, украшенная тремя глазками сине-красного цвета, диаметром 10 мм - 1 экз.;

округлая бусина из глухого белого стекла с тремя глазками: на красном диске глазки-отрезки прутика со слоистым сине-белым поперечным сечением, диаметром 12 мм - 1 экз.;

округлая бусина из глухого бирюзового стекла, украшенная тремя кольчатыми глазками из глухого желтого стекла, диаметром 13 мм - 1 экз.;

округлая бусина из глухого грязно-синего стекла, украшенная шестью бело-сине-бело-синими глазками, со следами керамической основы в отверстии, диаметр бусины 30 мм - 1 экз. (Рис. 9, *1*);

округлые из темно-синего стекла с восемью бело-синими глазками, диаметром 11-20 мм - 2 экз. (Рис. 9, *3-4*);

цилиндрическая бусина из темно-синего стекла, украшенная 4 сдвоенными на белом диске глазками сине-белого цвета и налепами белого цвета в виде прутика между глазками и 4 шариков, вся композиция представлена в виде «личины», размер бусины 31х20 мм - 1 экз. (Рис. 9, *2*).

б) со спиралевидными орнаментами:

округлая бусина из глухого темно-синего стекла, сильно коррозированная, поверхность белесого цвета, украшенная орнаментом в виде нескольких спиралевидных полос, нанесенных поперек канала отверстия, первоначальный цвет которых также утрачен, размером 15 мм - 1 экз. (Рис. 10, *5*);

в) с фестонообразными, или перистыми орнаментами:

округлые бусы из глухого темно-синего стекла с несколькими линиями фестонов красного, желтого, голубого и белого цветов, диаметром 11-12 мм - 3 экз. (Рис. 9, *10*);

г) с волнисто-поперечно-линейными орнаментами:

округлые бусины из глухого темно-синего стекла, поверхность сильно коррозирована, белесого цвета, но на поверхности можно проследить следы зигзага, обрамленного двумя гладкими полосами, диаметром 20 мм - 2 экз. (Рис. 10, *4*, *11*);

3) одноцветное стекло:

округлая бусина из глухого белого стекла с поперечной структурой ядра, диаметром 10 мм - 1 экз. (Рис. 9, *24*);

округлая бусина из бесцветного прозрачного стекла голубоватого оттенка, диаметром 14 мм - 1 экз. (Рис. 9, *22*);

округлая бусина из темно-лилового стекла, диаметром 8 мм - 1 экз. (Рис. 9, *25*);

четырехгранная бусина из бесцветного прозрачного стекла с изогнутыми ребрами, размером 19х8 мм - 1 экз. (Рис. 9, *8*);

четырехгранная бусина-пронизь из темно-синего стекла с изогнутыми ребрами и сколотыми концами, размером 18х10 мм - 1 экз. (Рис. 9, *6*);

шестигранная бусина-пронизь из бесцветного прозрачного стекла зеленоватого оттенка, размером 15х8 мм - 1 экз. (Рис. 10, *13*);

4) стекло с металлической прокладкой:

округлые бусы с внутренней позолотой, диаметром 5-8 мм - 15 экз. (Рис. 9, *17*);

5) сердоликовые:

шаровидные с заполированной поверхностью, диаметром 15-19 мм - 2 экз. (Рис. 9, *13*);

округлые с незаполированной поверхностью (сохранились следы раковин и бугристости камня), неоднородного цвета и структуры, диаметром 10-18 мм - 3 экз. (Рис. 9, *15*);

шаровидная (халцедон) бусина, искусственно окрашенная в черный цвет и украшенная вытравленным содой орнаментом в виде соединенных друг с другом пятиугольников (орнамент - «футбольный мяч»), диаметром 9 мм - 1 экз. (Рис. 9, *16*);

шаровидная бусина бледнобордового цвета, диаметром 12 мм - 1 экз.;

биконическая полупрозрачного бледнорозового цвета, украшенная белым вытравленным содой орнаментом, размером 19х10 мм - 1 экз. (Рис. 9, *21*);

6) хрусталь:

удлиненно-уплощенная бочонковидная бусина, длиной 29 мм и 19х13 мм в поперечнике - 1 экз. (Рис. 9, *20*);

7) камень (известняк): округлая бусина, диаметром 12-15 мм - 2 экз.(Рис. 10, *6*).

* * *

В целом, публикуемый материал, хотя и немногочисленен, но представляет интерес. В двух курганах выявлено 11 погребений, которые относятся к двум различным эпохам.

Судя по погребальному обряду: трупоположению и ориентации погребенного, охряной подсыпке, погребение 1 кургана 1 относится к памятникам древнеямной культуры. Яйцевидный сосуд, орнаментированный зубчатым штампом в виде «елочки», имеет близкий аналог из погребения 1 кургана 5 могильника Тамар-Уткуль VII (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 28, Рис 13, *5*).

Что касается второго кургана, то его датировка определяется датой совершения захоронения, над которым была возведена насыпь (погребение 10). Найденные в этом погребении предметы бытовали в различные хронологические периоды. Так, зеркало с утолщенным валиком по краю диска (Рис. 8, *9*) - наиболее характерный тип прохоровских зеркал, господствующий с рубежа IV-III вв. до н. э. на всей территории кочевников раннесарматского времени (Мошкова М. Г., 1974, с. 26; Смирнов К. Ф., 1975, с. 166).

Сердоликовые бусы, украшенные содовым орнаментом и, очевидно, индийского происхождения,

известны среди инвентаря погребения 9 кургана 20 могильника Черный Яр, датированного по бронзовому зеркалу с ручкой и валиком по краю III-II вв. до н. э. (Мещеряков Д. В., 1996, с. 52-53, Рис. 13, *14*).

Интерес представляет небольшая шаровидная бусина из халцедона, искусственно окрашенного в черный цвет и украшенная вытравленным содой белым орнаментом, также индийского происхождения. Аналогии подобным бусам известны в сарматском погребении прохоровского времени в могильнике у с. Заплавное Волгоградской области (курган 3, погребение 10), раскопки В. П. Шилова (Мошкова М. Г., 1963, с. 52, Табл. 31, *16*); в кургане 19 могильника Туз-гыр в Присарыкамышской дельте Амударьи, датированном IV - III вв. до н. э.; в погребальном сооружении Чирик 2, расположенном вблизи городища Чирик-рабат и датированном IV-II вв. до н. э. (Трудновская С. А., 1979, с. 108-109).

Стеклянные бусы с внутренней позолотой появляются в IV в. до н. э., причем первоначально в районах Средней Азии (Литвинский Б. А., 1972, с. 71; Трудновская С. А., 1979, с. 109), а в сарматских погребениях только в III-II вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963, Табл. 30, 58). По Е. М. Алексеевой, округлые стеклянные бусы с внутренней позолотой (тип 1а) наиболее характерны для эпохи эллинизма, хотя и бытуют с III в. до н. э. по IV в. н. э. (1978, с. 29, Табл. 26, *2-3*).

Бусы с широким или узким цилиндрическим каналом отверстия, с грубой беловатой основой из египетского фаянса (тип 3г)* имеют широкие хронологические рамки. Две наиболее ранние бусины были найдены в погребениях Танаиса и Фанагории конца III-II вв. до н. э. Большинство комплексов Северного Причерноморья с этими бусами относится к I-II вв. н. э., но отдельные экземпляры встречаются в погребениях III-IV вв. н. э. (Алексеева Е. М., 1975, с. 31, Табл. 5, *5-13*).

Округло-ребристые бусы желтовато-зеленого цвета, с дольками мягких очертаний (12 долек) из египетского фаянса по цвету идентичны бусам типа 15, но по форме - типу 16б. В Северном Причерноморье бусы типа 16б найдены в погребениях III в. до н. э. - первой половины II н. э., причем большинство в комплексах I в. н. э. (Алексеева Е. М., 1975, с. 33-34, Табл. 5, *28, 34*; 12, *19*).

Бусы из многоцветного стекла с глазчатыми орнаментами (тип 29б, 31а, 33, 33а, 33и, 33у, 54в, 70) датируются IV-I вв. до н. э. (Алексеева Е. М., с. 61-67, Табл. 14, *48*; 15, *1-3, 6, 7, 9, 23, 38, 62, 74*; 16, *45*). Округлая из темно-синего стекла с восемью бело-синими глазками известна в погребении могильника Джангала (оз. Сарайдин) в Западно-Казахстанской области, датированном III-II вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963, Табл. 30, *41*).

Цилиндрические бусы в виде сегмента (Рис. 9, 2) обнаружены в погребении 4 кургана 1 могильника у с. Марьянское на юге Днепропетровской области, который функционировал в пределах конца V - начала III в. до н. э. (Волкобой С. С., Андросов А. В., Лихачев В. А., Мухопад С. Е., Шалобудов В. Н., 1980, с. 19, 26, Рис. 3, *8*).

Округлые бусины из глухого темно-синего стекла, поверхность сильно коррозирована, белесого цвета, но на поверхности можно проследить следы волнисто-поперечно-линейные орнамента в виде зигзага, обрамленного двумя гладкими полосами. По Е. М. Алексеевой, их можно отнести к типам 313, 315, 319 многоцветных бус, поверхность которых обвивает зигзаг белого или желтого цвета, обрамленный двумя гладкими полосами красного, белого или желтого цвета. Тип 313 известен в северопричерноморских комплексах III-IV вв. н. э., тип 315 - II-I вв. до н. э., тип 319 - III в. до н. э. - I в. н. э. (Алексеева Е. М., 1978, с. 52, Табл. 31, *71, 73, 74*).

Округлые стеклянные бусы из одноцветного стекла (тип 2, 4, 17) встречаются в северопричерноморских комплексах с IV в. до н. э. по III в. н. э. (Алексеева Е. М., 1978, с. 63-65, табл. 33, *1-3*).

Четырехгранные бусины-пронизи из темно-синего или бесцветного прозрачного стекла с изогнутыми ребрами (тип 139) отмечены в комплексах как эллинистического времени, так и первых веков нашей эры (Алексеева Е. М., 1978, с. 71, Табл. 33, *44*).

Шестигранные призматические бусы-пронизи из бесцветного прозрачного стекла зеленоватого оттенка весьма обычны в южноуральских комплексах IV в. до н. э. (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, Табл. 27, *16*).

Раковины grifea также изредка встречаются в прохоровских комплексах (Мошкова М. Г., 1963, Табл. 32, *20*; Пшеничнюк А. Х., 1983, Табл. XX, *7*).

Железные перстни (Рис. 8, 2) весьма плохой сохранности, что затрудняет определение их формы, но, скорее всего, они имели плоские овальные щитки. Подобные перстни известны в погребениях кочевников кушанского времени в Северной Бактрии (Мандельштам А. М., 1975, с. 120, Табл. XLI, *3, 4, 8*).

Подводя итоги, следует отметить, что погребальный инвентарь основного захоронения в кургане 2 состоит преимущественно из предметов женского обихода - вещей очень консервативных, долго бытующих, традиционных. Сами по себе эти предметы охватывают большой хронологический диапазон - от IV в. до н. э. до IV в. н. э. Однако, его следует значительно сузить, по крайней мере до рамок III-II вв. до н. э., так как наиболее ранние вещи еще бытуют в II в. до н. э., а наиболее поздние появляются к концу III, во всяком случае никак не позже рубежа III-II вв. до н. э.

Погребальный инвентарь, найденный в других погребениях, также имеет аналогии в датированных комплексах ранних кочевников евразийских степей.

* Здесь и далее тип указан по Е. М. Алексеевой (1975; 1978).

Так, кинжал с прямым перекрестием и серповидным навершием из погребения 1 кургана 2 (Рис. 3, 3) относится к так называемому прохоровскому типу, широко распространенному в погребениях III-II вв. до н. э. Южного Приуралья (Ростовцев М. И., 1918, 37, табл. V, 11; VII, 9; Садыкова М. Х., 1962, Табл. III, 11, 13; IV, 14; IX, 8; XII, 3).

Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (Рис. 3, 4; 5, 5) широко распространены в погребениях IV-II вв. до н. э. Они встречаются в курганах Южного Приуралья (Ростовцев М. И., 1918, табл. V, 10; VII, 5,8), Нижнего Поволжья (Смирнов К. Ф., 1959, Рис. 19, 5; 29, 2, 6). Подобные наконечники стрел найдены в погребениях могильника Старые Киишки (Садыкова М. Х., 1962, с. 102, 104, 106, 111, 113; Табл. VII-XII). По мнению М. Г. Мошковой, устойчивое преобладание железных трехлопастных наконечников стрел над бронзовыми втульчатыми наблюдается в погребениях III-II вв. до н. э. (1963, с. 11)

Лепные глиняные горшки из этих погребений, орнаментированные в месте перехода в тулово двумя мягкими желобками (Рис. 3, *7*; 7, *6*), также находят многочисленные аналогии среди керамики прохоровской культуры Поволжья и Южного Приуралья (Мошкова М. Г., 1963, Табл. 8-9; Пшеничнюк А. Х., 1989, с. 109, 117, Рис. 6г, *2*).

Короткоцилиндрические неорнаментированные бусы из гагата из погребения 3 близки типам 27а и 27в. Бусы варианта 27а появились в северопричерноморских комплексах в III в. до н. э., причем для этого времени отмечены только в Танаисе и Тирамбе, а комплексы II в. до н. э. - в Танаисе и Фанагории. Наибольшее количество находок бус типа 27а связано с комплексами I-III в. н. э. при значительном перевесе комплексов I-II вв. н. э. Бусы варианта 27 в найдены как в погребениях эллинистического, так и римского времени: со второй половины III в. до н. э. по III в. н. э. (Алексеева Е. М., 1978, с. 14-15, Табл. 20, *33, 36, 37, 38, 41*).

В погребении 5 найдена бронзовая пряжка восьмеркообразной формы (Рис. 5, 3). Этот тип пряжек относится к числу распространенных находок в раннесарматских погребениях в Волгоградской области (Смирнов К. Ф., 1959, Рис. 16, *4*). В Заволжье подобные пряжки обнаружены в ранне- и среднесарматских погребениях (Синицин И. В., 1959, Рис. 2, *2*; 25, *2*; 29, *4*). Восьмеркообразные бронзовые пряжки известны среди предметов, найденных в погребении 7 кургана 20 могильника Старые Киишки (Садыкова М. Х., 1962, с. 113, Табл. XII, *4*), погребении 6 кургана 2 могильника у с. Привольное на Илеке (Мещеряков Д. В., 1996, с. 47, Рис. 4, *17*), а также в погребениях, датированных III-II вв. до н. э., Уракского и Мечетсайского могильников (Мошкова М. Г., 1963, Табл. 25, *30*; Смирнов К. Ф., 1975, с. 65-66, 88-90, Рис. 20, 8; 28, 5).

Другая пряжка из того же погребения с изображением верблюда также имеет аналогии как на западе, так и на юге. Рамчатая пряжка с изображением верблюда известна среди предметов, обнаруженны в погребении 6 кургана 2 в могильнике у хутора Ве селый в Ростовской области (Мошкова М. Г., 1963 Табл. 25, *16*).

Бронзовые пряжки прямоугольной формы, внут реннее пространство которых заполнено рельефны изображением лежащего двугорбого верблюда, об ращенного головой влево (от смотрящего), анало гичны пряжкам из погребения (ограда XIV, 25 Бабашовского могильника в Северной Бактрии, на территории Туркменистана (Мандельштам А. М. 1975, с. 181, Табл. XXXIII, *8-9*). По мнению А. М Мандельштама, наиболее вероятная дата могильни ка: I в. до н. э. - II в. н. э., допуская при этом нали чие погребений как конца II в. до н. э., так и III в. н э., но большинство погребений все же относится к времени после рубежа нашей эры (1975, с. 130).

Таким образом, бронзовая восьмеркообразна пряжка дает возможность отнести погребение 5 ко второму этапу (III-II вв. до н. э.) раннесарматской культуры.

Глиняные курильницы на ножке (Рис. 7, 2); по М Г. Мошковой тип I, известны в погребениях IV-III но преимущественно III-II вв. до н. э. (1963, Табл 11). Наиболее близкая аналогия - курильница с мяг ким желобком по венчику - известна в Поволжь (Политотдельское, курган 4, погребение 20) и дати руется III-II вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963, Табл 11, *6*).

Каменные оселки-подвески сигаровидной форм также обычны для этого времени и известны на ши рокой территории расселения кочевников раннесар матского времени (Смирнов К. Ф., 1975, с. 166).

Глиняные кувшины, орнаментированные по гор лышку мягкими желобками (Рис. 7, 2) появляются савроматское время (II Сибай, курган 12 (Пшеничнюк А. Х., 1983, Табл. XLIII, *35*) и про должают бытовать в раннесарматское (Новый Ку мак, курган 12, погребение 1; Красный Яр, курга 10, погребение 2) (Мошкова М. Г., 1963, Табл. 13, 3 Пшеничнюк А. Х., 1989, с. 109, 117, Рис. 8, *1*).

Железный крючок с загнутым верхним концо известен среди погребального инвентаря погребени 11 кургана 13 могильника Старые Киишки, датиро ванного III-II вв. до н. э. (Садыкова М. Х., 1962 Табл. VII, 17, с. 121).

Кувшины с ручкой, украшенные резным орна ментом в виде горизонтальных линий сгруппиро ванных в две полосы, между которыми нанесень вертикальные бороздки, также сгруппированные по 3-4 линии, довольно частое явление в сарматско археологии. Подобный кувшин найден в кургане могильника Красный Яр в Оренбуржье в погребе нии, датированном среднесарматским периодом рубежом н. э. (Пшеничнюк А. Х., 1989, с. 101, 117 Рис. 2, *2*).

Таким образом, погребение 1 кургана 1 относит ся к памятникам древнеямной культуры. Наряду древнеямным погребением Елембетовского могиль ника (Мерперт Н. Я., 1974, с. 97), это один из самы

северных памятников древнеямной культуры на территории Южного Приуралья. Большинство погребений кургана 2 могут быть датированы, как и основное погребение 10, III-II вв. до н. э. Исключе-

[redacted] кувшину и по устройству [redacted] быть датировано [redacted]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. М.

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.

Волкобой С. С., Андросов А. В., Лихачев В. А., Мухопад С. Е., Шалобудов В. Н., 1980. Скифские могильники IV-III вв. до н. э. юга Днепропетровской области // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.

Литвинский Б. А., 1972. Древние кочевники «крыши мира». М.

Мандельштам А. М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.

Мерперт Н. Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.

Мещеряков Д. В., 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. М.

Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А. Х., 1989. Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.

Ростовцев М. И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР, 37.

Садыкова М. Х., 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки // АЭБ, I.

Синицин И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА, 60.

Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА, 60.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.

Трудновская С. А., 1979. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр // Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. М.

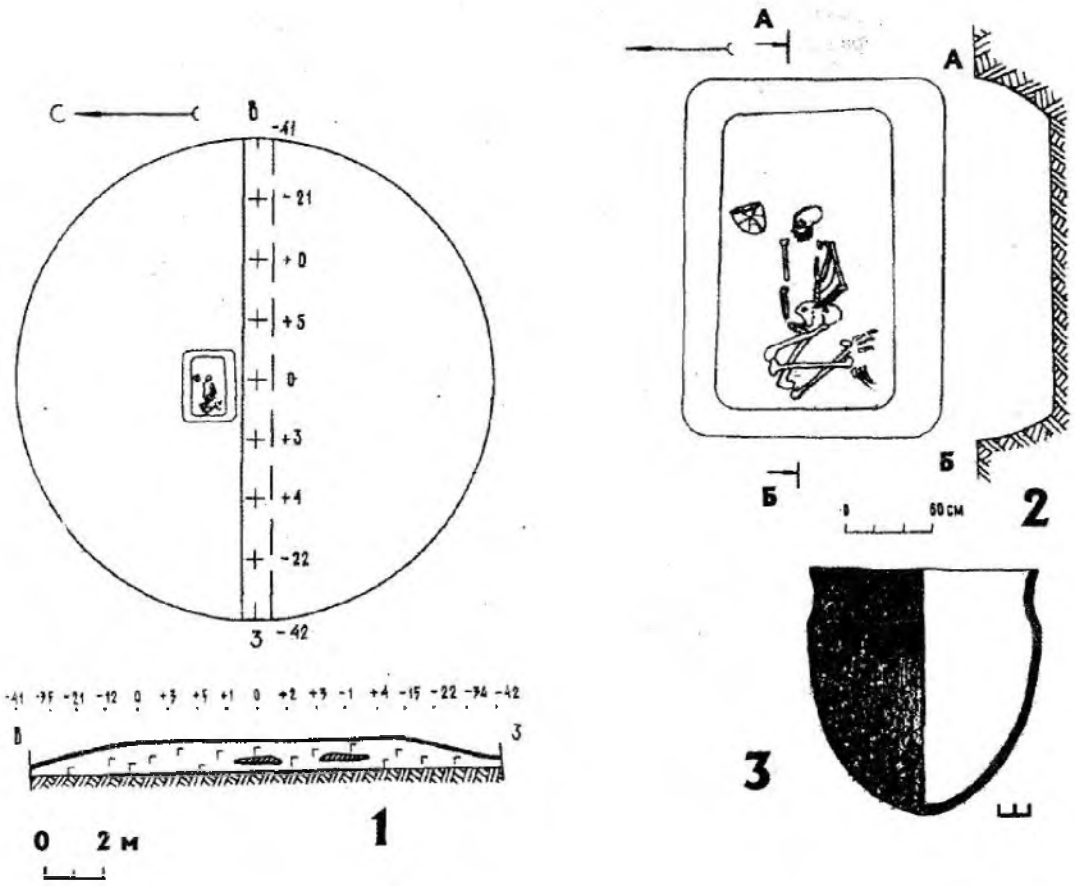


Рисунок 1. Могильник Ново-Калкашево, курган 1, погребение 1:

1 - общий план и разрез кургана; 2 - план и разрез погребения; 3 - сосуд, глина.

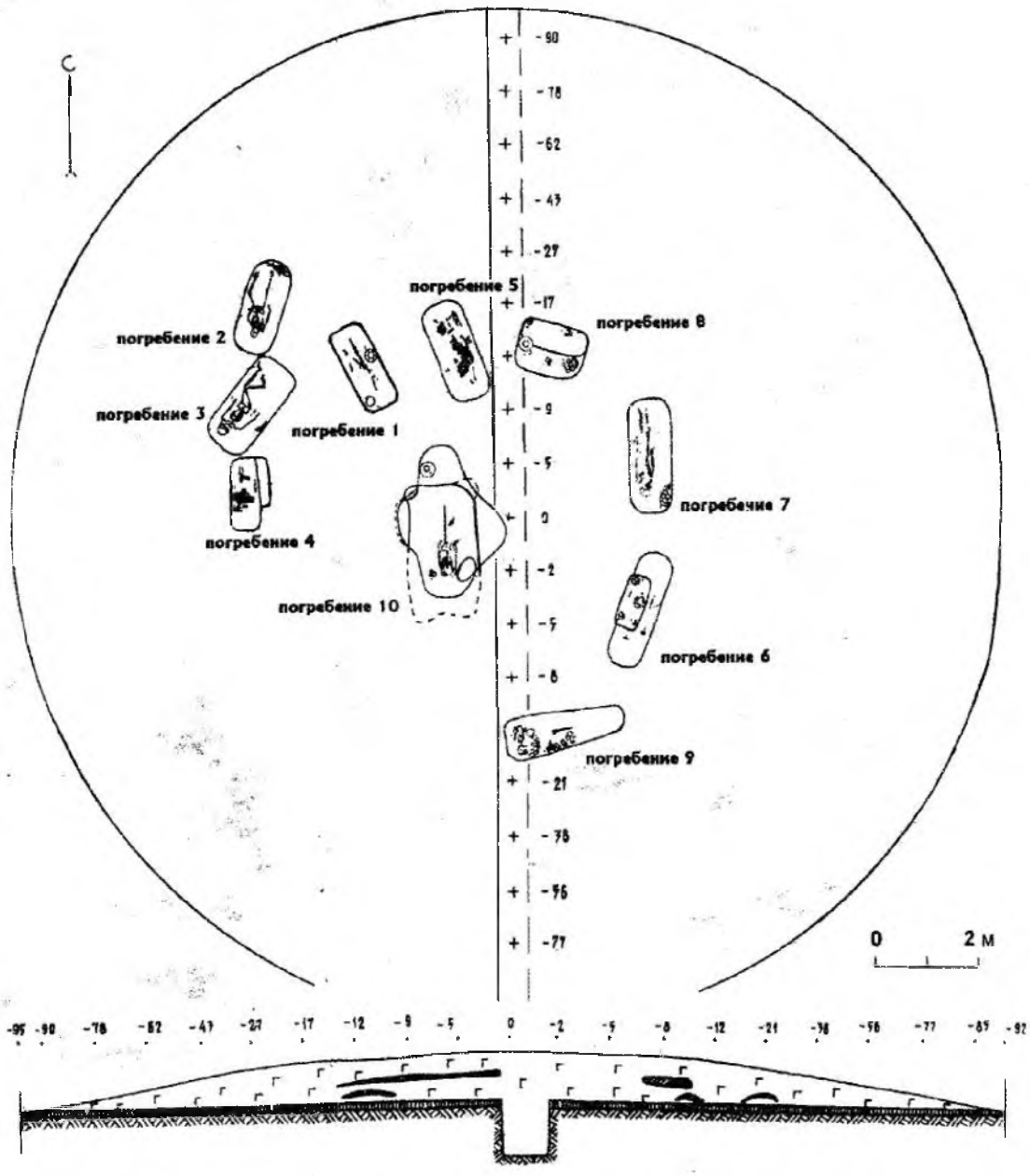


Рис. 2. Могильник Ново-Калкашево, курган 2: план и разрез кургана.

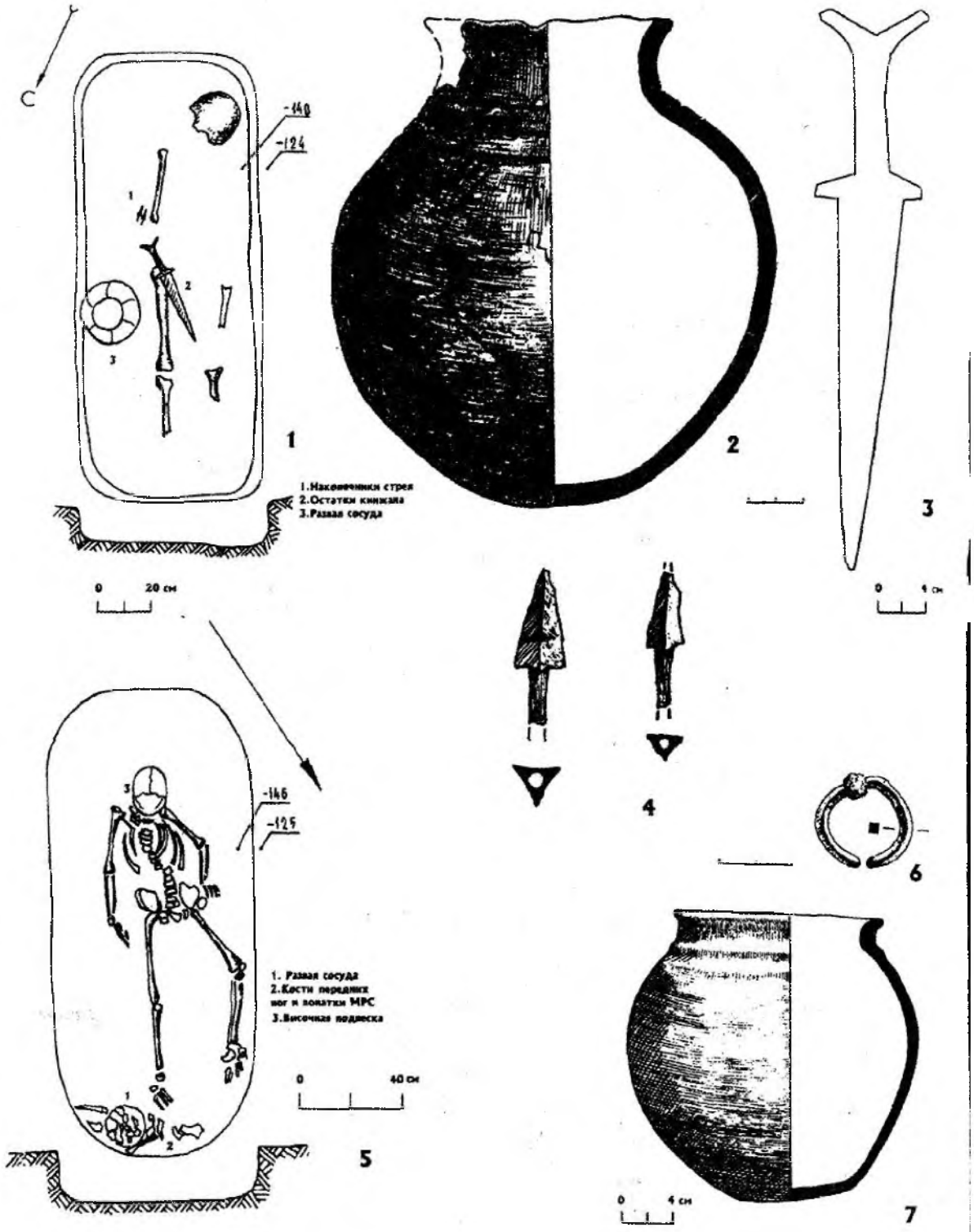


Рис. 3. Могильник Ново-Калкашево, курган 2, погребения 1,2:

1 - план и разрез погребения 1; 2, 7 - сосуды; 3 - кинжал; 4 - наконечники стрел; 5 - план и разрез погребения 2; 6 - височное кольцо.

2, 7 - глина; 3, 4 - железо; 6 - бронза и железо.

2-4 - погребение 1; 6-7 - погребение 2.

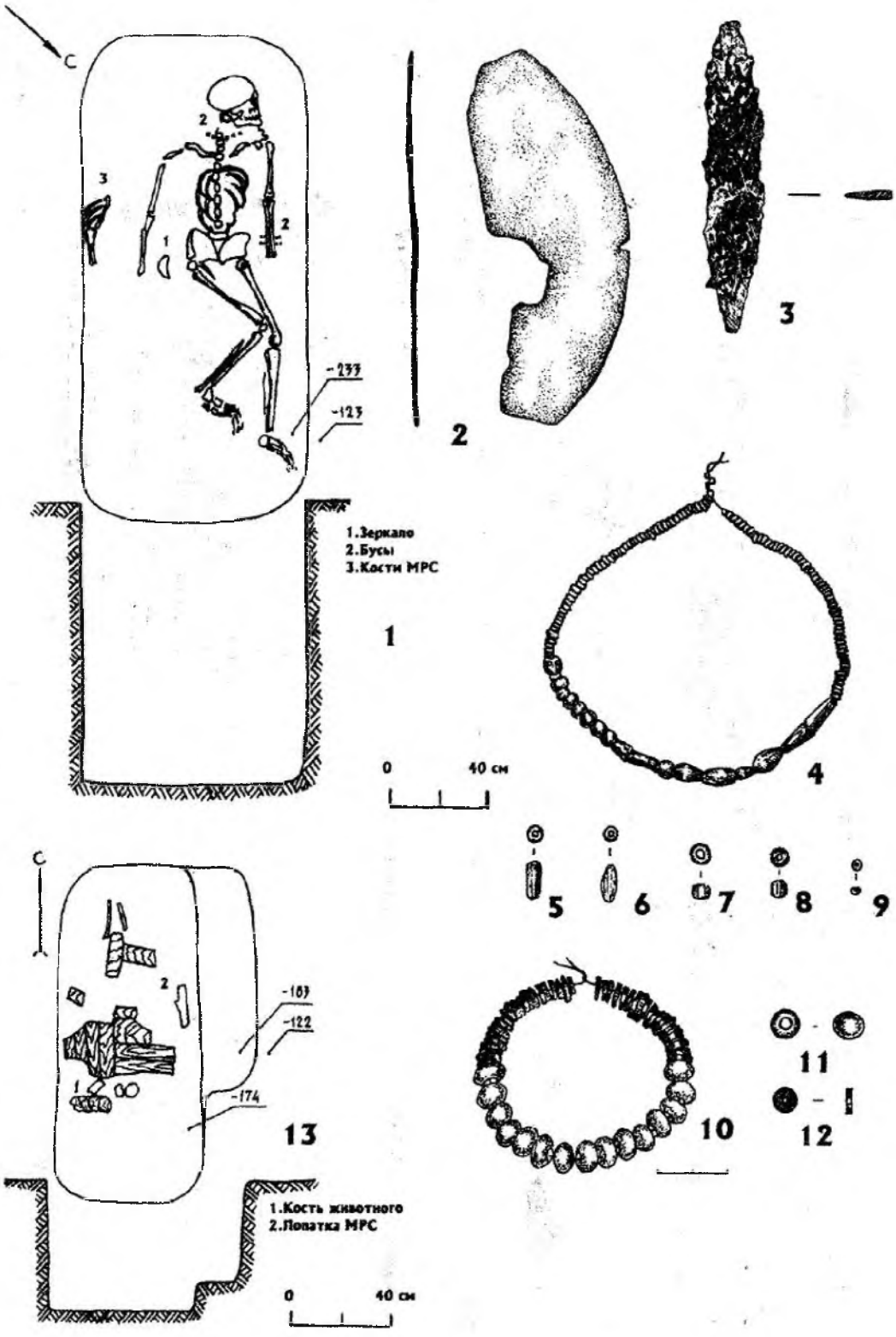


Рис. 4. Могильник Ново-Калкашево, курган 2, погребения 3, 4:
1 - план и разрез погребения 3; 2 - зеркало; 3 - нож;
4-12 - бусы; 13 - план и разрез погребения 4.
2 - бронза; 3 - железо; 4 -12 - египетская паста,
стекло с металлической прокладкой, гагат.
2-12 - погребение 3.

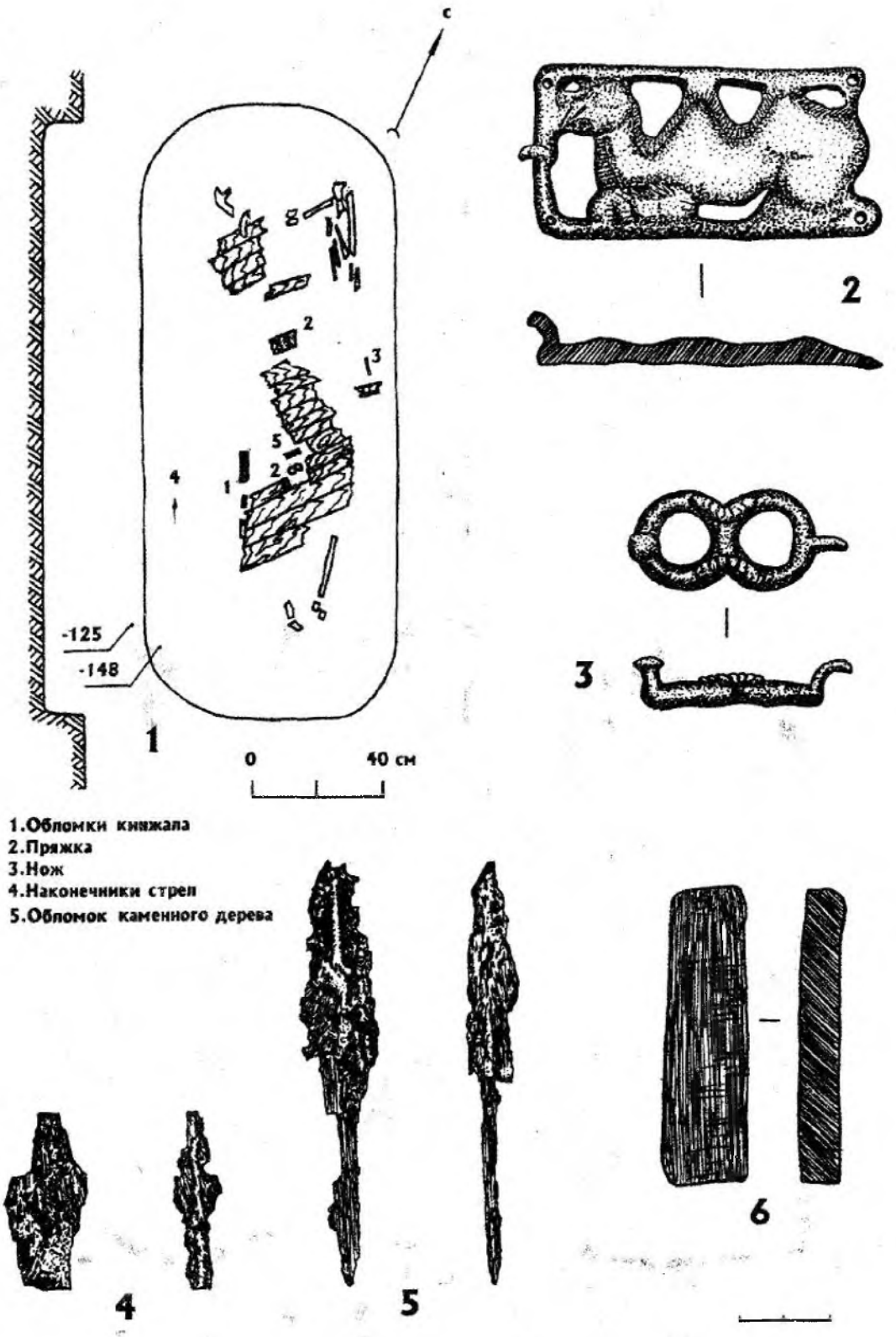


Рис. 5. Могильник Ново-Калкашево, курган 2, погребение 5:
1 - план и разрез погребения; 2, 3 - пряжки; 4 - нож; 5 - наконечники стрел; 6 - предмет неизвестного предназначения.
2, 3 - бронза; 4, 5 - железо; 6 - окаменелое дерево.

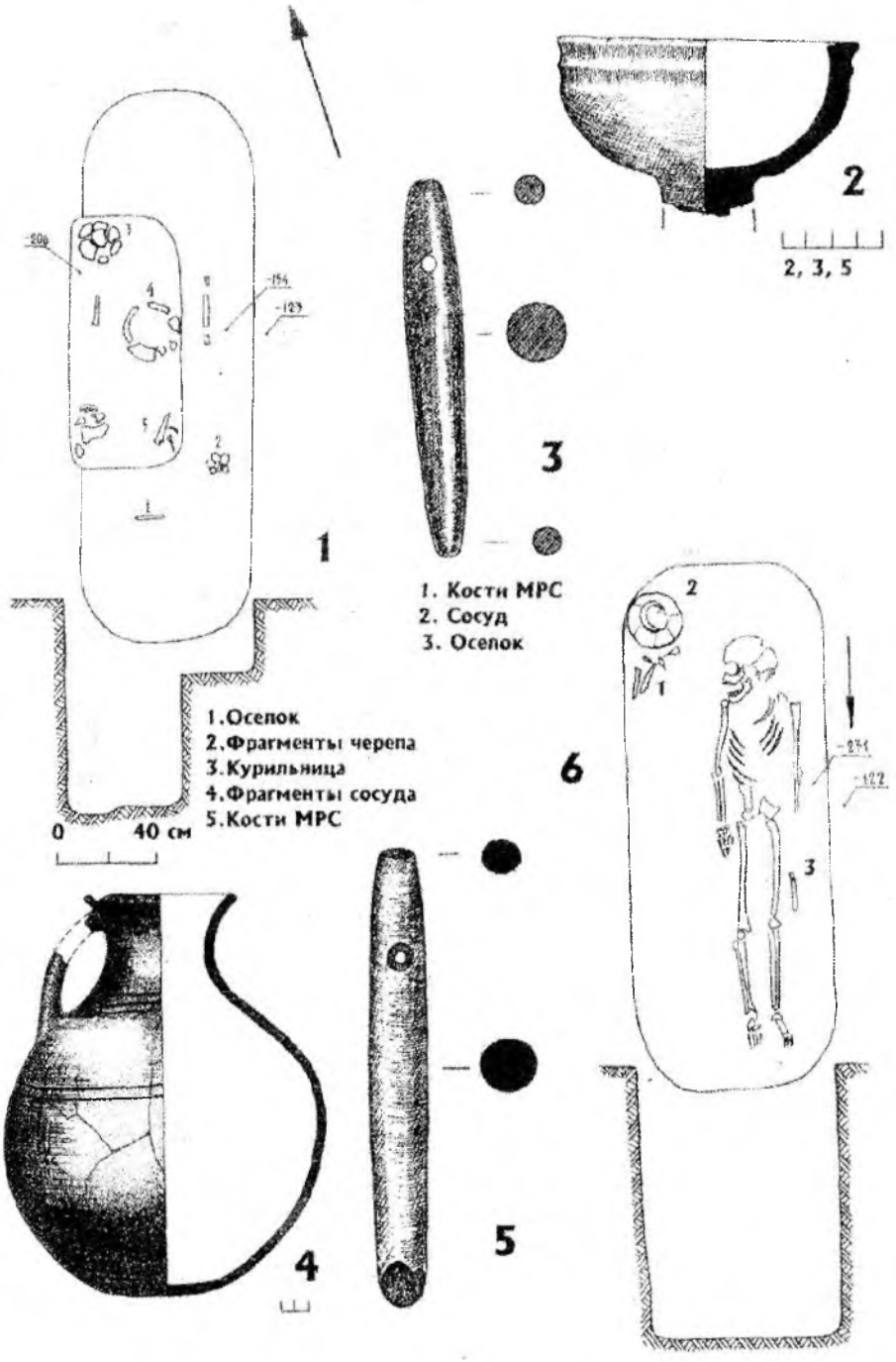


Рис. 6. Могильник Ново-Калкашево, курган 2, погребения 6, 6а, 7.
1 - план и разрез погребений 6, 6а; 2 - курильница; 3, 5 - оселки-подвески;
4 - сосуд; 6 - план и разрез погребения 7.
2, 4 - глина; 3, 5 - камень.
2, 3 - погребения 6, 6а; 4, 5 - погребение 7.

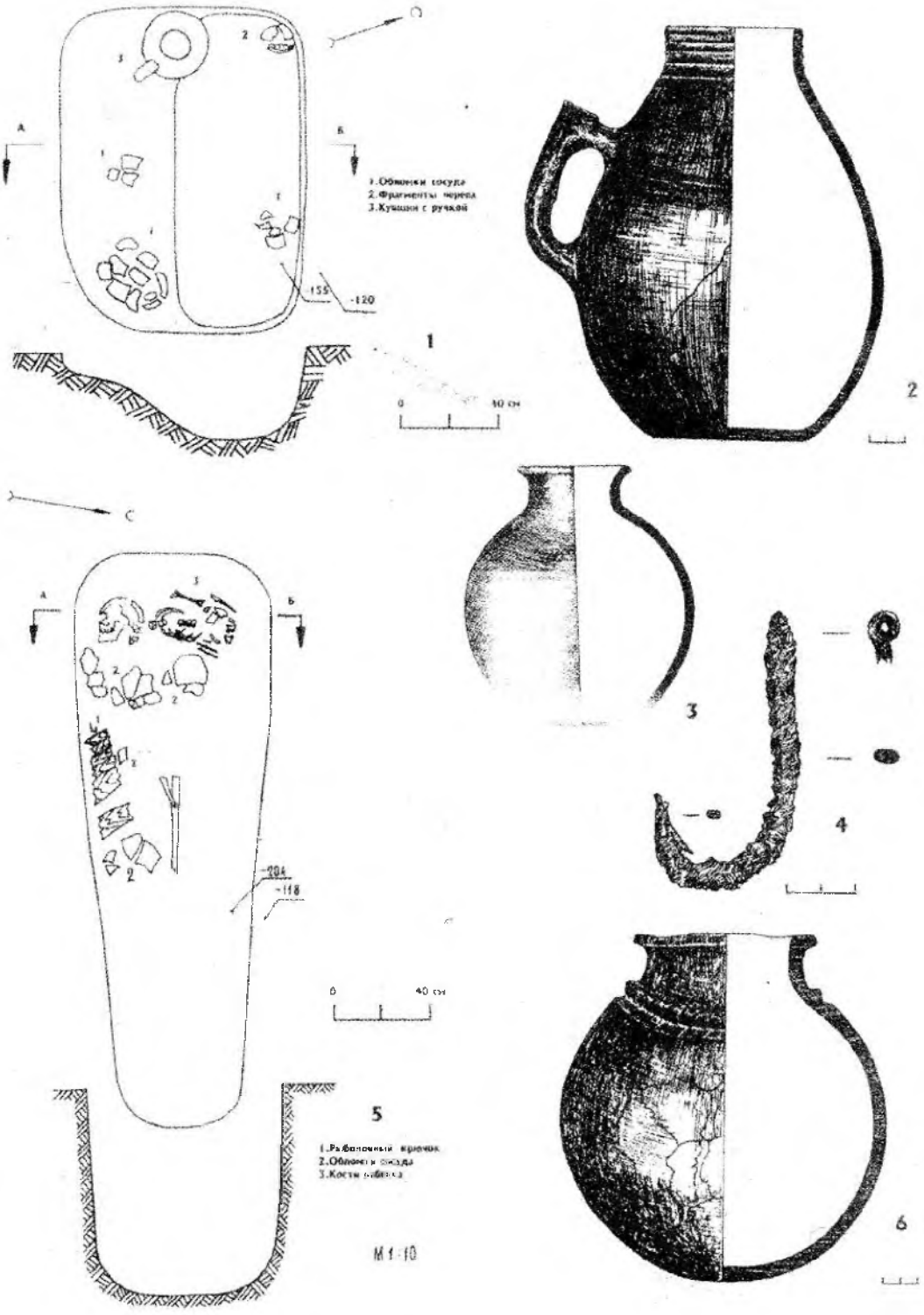


Рис. 7. Могильник Ново-Калкашево, курган 2, погребения 8, 9:
1 - план и разрез погребения 8; 2, 3, 6 - сосуды; 4 - крючок;
5 - план и разрез погребения 9.
2, 3, 6 - глина; 4 - железо.
2, 3 - погребение 8; 4, 6 - погребение 9.

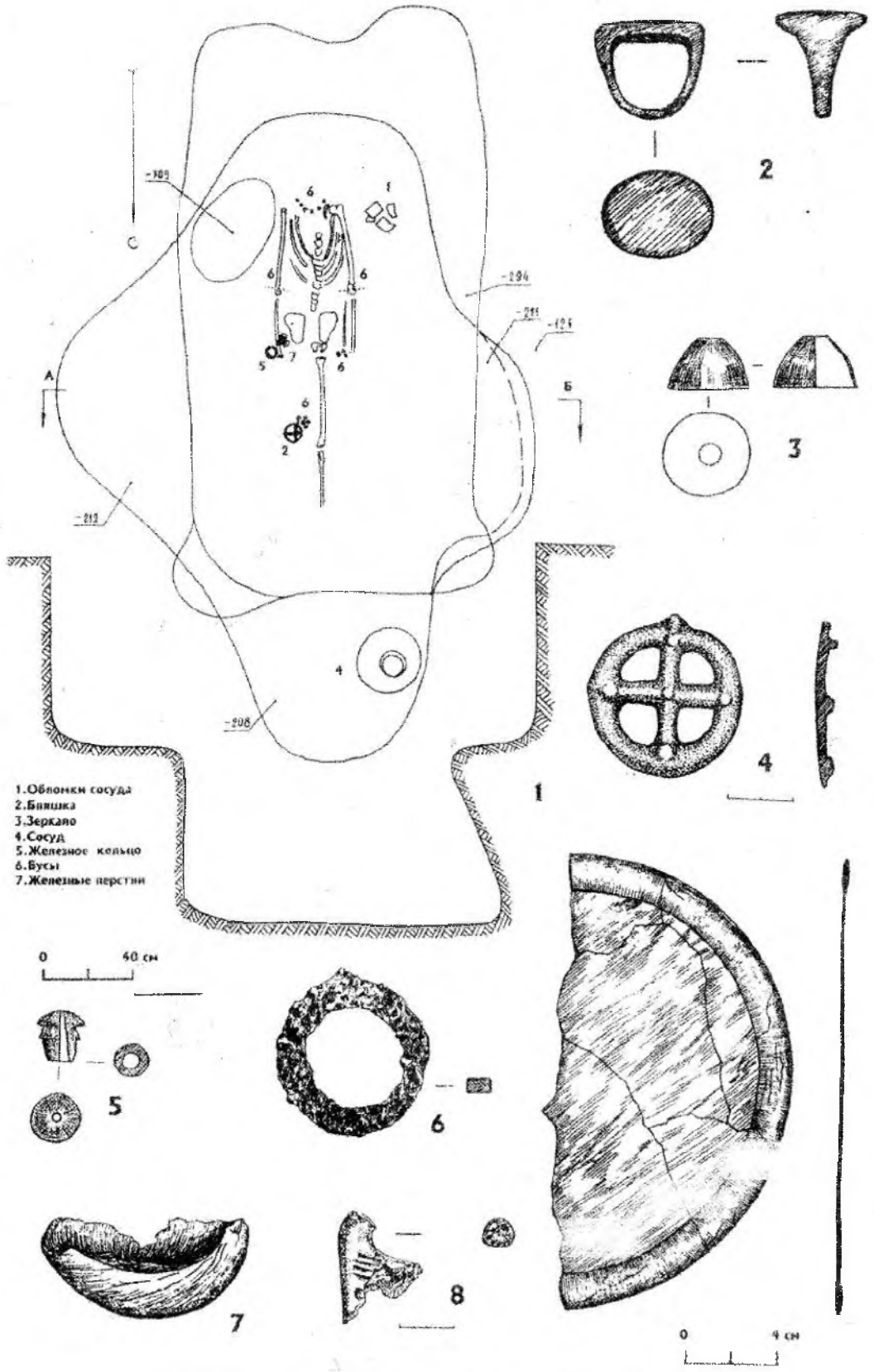


Рис. 8. Могильник Ново-Калкашево, курган 2, погребение 10:
1 - план и разрез погребения; 2 - перстень; 3 - ворворка; 4 - подвеска; 5, 8 - предметы неизвестного предназначения; 6 - кольцо (пряжка?); 7 - раковина; 9 - зеркало.
2, 6 - железо; 3, 4, 8-9 - бронза; 5 - дерево.

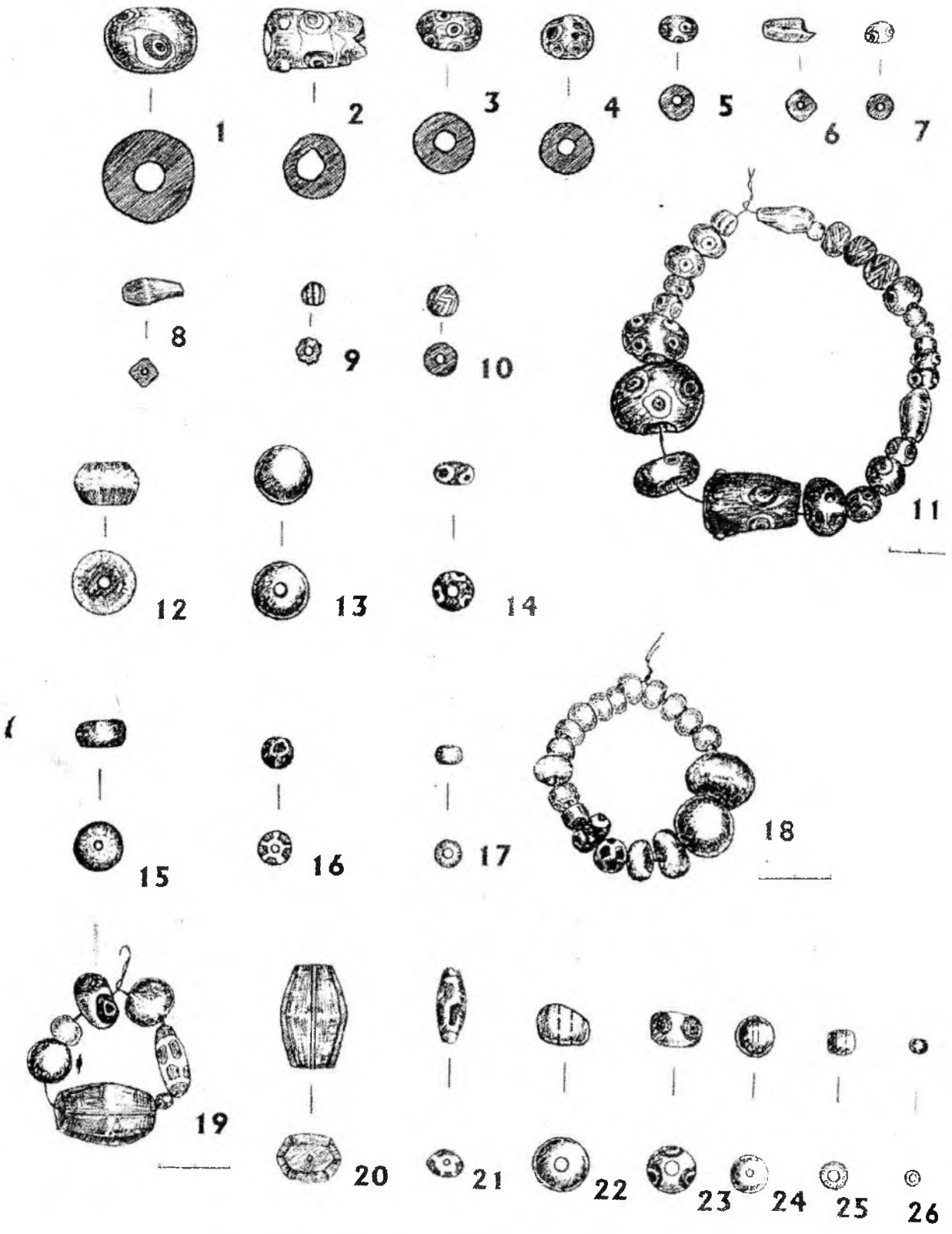


Рис. 9. Могильник Ново-Калкашево, курган 2, погребение 10.
1-26 - бусы: многоцветное и одноцветное стекло, египетская паста, сердолик, халцедон, хрусталь.

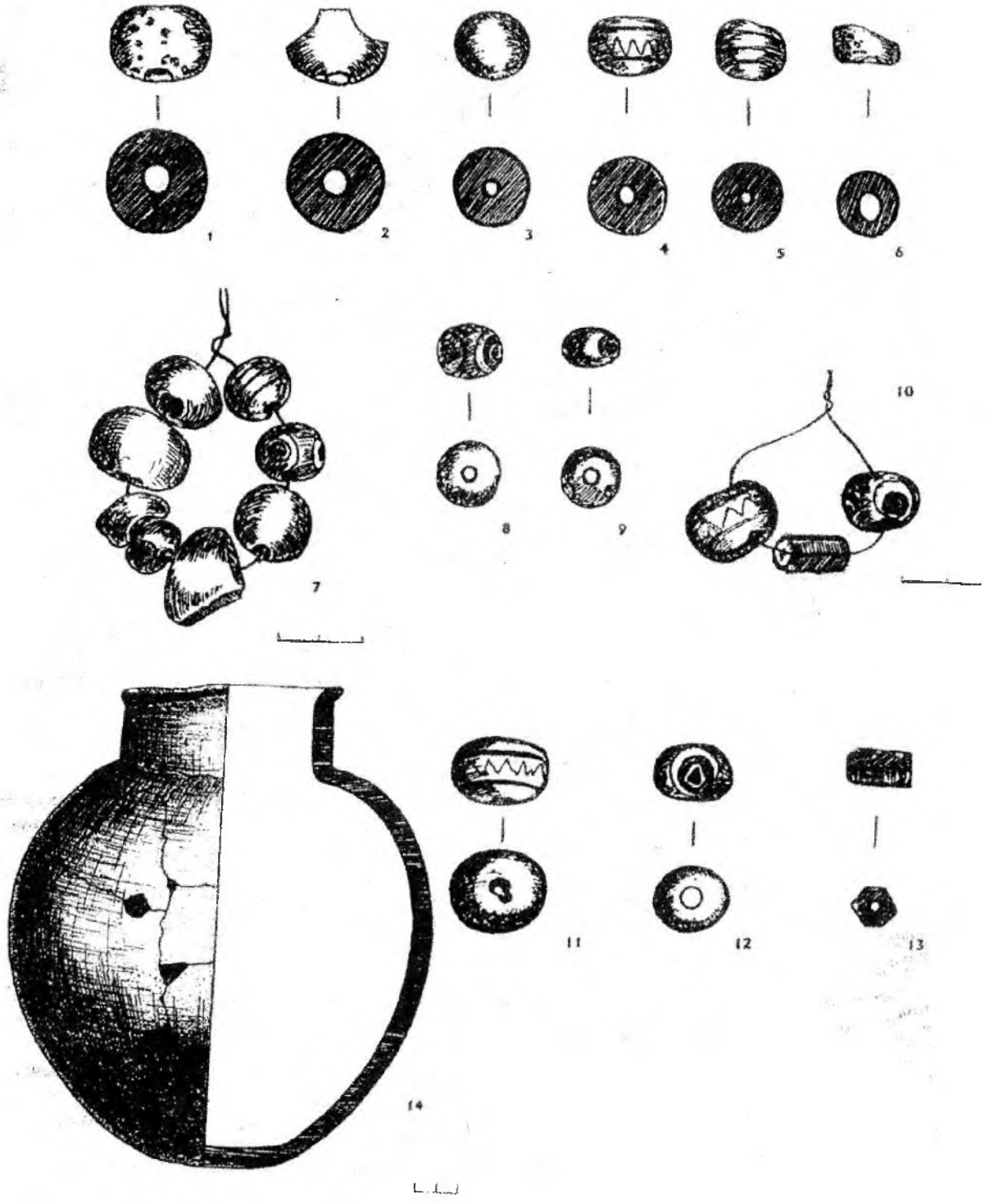


Рис. 10. Могильник Ново-Калкашево, курган 2, погребение 10:
1-13 - бусы; 14 - сосуд.
1-13 - многоцветное и одноцветное стекло, 14 - глина.

С. Ю. Гуцалов
(Челябинск, Южно-уральский отдел ИИиА УрО РАН)

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС НА ГОРЕ ЖИЛАНТАУ

В 1995 г. археологическим отрядом под руководством автора в верховьях р. Илек у г. Актюбинска были проведены раскопки курганных могильников Акжар II и III, представляющих значительный интерес в разработке проблем савромато-сарматской археологии. Исследованные курганы находились на гребне горы Жилантау, у западной подошвы которой протекает р. Жаксы-Каргала. Гора возвышается на 40-50 м над окружающей местностью, протяженность ее 1,5 км, поперечник 300-500 м*. В могильнике крайней с юга была группа Акжар II, пять курганов которой располагались поперек гребня широтной цепочкой длиной около 100 м. Здесь раскопано четыре кургана, один из которых (№4) оказался ложным. Курган №5 с геодезическим знаком на вершине раскопкам не подвергался. Группа Акжар III состояла из 2-х насыпей, расположенных в северной части горы, на соседних возвышенностях, на расстоянии ок. 200 м друг от друга. Раскопан курган №1. Курган №2 разрушен окопом времен гражданской войны (рис. 1).

Группа Акжар II. ***Курган 1.*** Диаметр 14,0, высота 0,56 м. Крайний с востока, располагался на естественном возвышении. Круглой формы, в сечении – трапециевидный. Насыпь земляная. В центре имелась неглубокая впадина, близ которой из под дерна выступали камни. У восточной подошвы визуально прослеживался воронковидный ровик диаметром 3,0, глубиной 0,15 м. В центре насыпи под скоплением камней лежали тазовая кость овцы и бронзовые удила. Удила кольчатые, асимметричные, согнуты из двух неравномерных прутьев подквадратного сечения (рис. 4, 3). На уровне погребенной почвы под насыпью прослежено двойное гравийно-каменное кольцо (рис. 2). Диаметр внутреннего кольца 5,0 – 6,0, внешнего – 8,0 – 11,5 м. В западной части внутреннего кольца стоял плоскодонный лепной сосуд с шаровидным туловом, отогнутой горловиной, трубчатым носиком-сливом. Поверхность красного цвета, в тесте примесь шамота. Высота 19,3, диаметр тулова 20,0, дна – 10,4, горловины – 11,8 см (рис. 4, 1). Еще один сосуд находился в южной части кургана между кольцами на уровне погребенной почвы. Это толстостенный горшок с шаровидным туловом, уплощенным дном и воронковидной короткой горловиной. Поверхность желтого цвета, в тесте примесь шамота. Горловину от тулова отделяет тонкий валик, ниже которого идет горизонтальный ряд косых ногтевидных вдавлений. Под ним, на плечике горшка, тонкими подтреугольными вдавлениями нанесен узор из двух пересекающихся волнистых линий. Высота 12,0, диаметр тулова 15,5, венчика 11,8 см (рис. 4, 2).

Под насыпью выявлено два погребения.

Погребение 1. Впускное. Находилось в 1,5 м к СЗ от центрального репера. Впускной характер погребения подтверждается как планиграфическими, так и стратиграфическими наблюдениями (выкид из данной могилы перекрывал более древнюю насыпь). В насыпи над ямой встречались камни. Могила прямоугольной формы, ориентирована СВ – ЮЗ. Ее размеры 2,0 х 1,0, глубина 0,8 м. Ко дну яма расширяется до 2,4 х 1,2 м, образуя круговую нишу глубиной 0,1 – 0,3 м. В засыпи встречена трубчатая кость овцы. На дне ямы, ближе к южной стенке, лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине, головой к ЮЗ (рис. 3, 2).

В могиле на деревянном перекрытии (мелкие фрагменты последнего встречались в засыпи) у восточной стенки лежали кости передней ноги и ребра овцы. Среди ребер найден короткий железный черешковый нож с горбатой спинкой (рис. 5, 3). В нише западной стенки, против таза, обнаружена раковина-перловица (рис. 5, 20), а рядом с ней – альчик овцы. Под кистью левой руки – кусочек красной охры. В западном углу ямы в кожаном футляре лежало бронзовое зеркало (предварительно разбитое на части), сверху на нем лежала отломанная ручка. Диск плоский, прямоугольная рукоять чуть расширяется к основанию (рис. 5, 1). Под левым виском черепа расчищено бронзовое колечко с приостренными концами (рис. 5, 5). Вокруг шеи находилось ожерелье из 20-ти призматических бусин зеленоватого цвета (рис. 5, 4), 4-х золотых пронизок с гофрированной поверхностью (рис. 5, 6). На руках у запястий также обнаружены бусы – 8 призматических и 2 глазчатых (рис. 5, 4).

Погребение 2. Основное. Находилось в центре внутреннего каменного кольца. Совершено в широкой прямоугольной яме размерами 2,1 х 1,1, глубиной 1,5 м (от уровня погребенной почвы), ориентированной по линии ЗВ с небольшим сезонным отклонением. У западного края могилы на погребенной почве в кучке лежали большие трубчатые кости человека. Разрозненные человеческие кости, а также кусочки красной и желтой охры, деревянные жерди от перекрытия встречались и в засыпи могилы. Стенки ямы отвесные, дно ровное. В 20-30 см выше дна, ближе к ЮВ углу погребения, лежало скопление (16 экз.) бронзовых наконечников стрел (рис. 4, 4), обломки железных ножа (рис. 5, 9) и стрежня (рис. 5, 8), костяная ложечка с тонкой круглой ручкой (рис. 5, 10) и железный колчанный крючок (рис. 4, 5), спинка которого была укреплена бронзовой пластинкой. В ЮВ углу в 20 см от дна находился череп человека, прикрытый фрагментами лепного плоскодонного красноглиняного горшка с уступча-

* У южной подошвы горы находится ныне почти полностью разрушенный могильник Акжар, исследованный в 1955 г. В.С. Сорокиным.

тым плечиком и невысоким, отогнутым наружу венчиком. В тесте примесь шамота. Диаметр венчика 13,0, дна 10,5, тулова 19,6, высота 18,0 см (рис. 5, 7).

На дне лежал полуразрушенный скелет, ориентированный на З. In situ сохранилась часть костяка от грудных позвонков до колен (рис. 3, 1).

Курган 2. Находился в центре цепочки. Диаметр 6,0, высота 0,12 м. Насыпь уплощенная, круглая в плане, имеет понижение по центру. Под тонким слоем песка и гальки на уровне погребенной почвы расчищены камни, выложенные в виде двух колец диаметром соответственно 2 и 5 м (рис. 6, 1). Центральная часть насыпи была заполнена линзой черной натечной земли. Единственная в кургане могильная яма была выявлена в центре по каменной забутовке. Она прямоугольной формы, размерами 1,8 х 1,0, глубиной 1,25 м, ориентирована ЮЗ-СВ. В засыпи, среди камней, встречались жердочки – остатки надмогильного перекрытия, на котором лежали кости овцы (лопатка, ребра, ключица и кости ног). Возле дна, у северной стенки подобран фрагмент горловины лепного сосуда с примесью шамота в тесте (рис. 10, 1). На дне, вытянуто на спине, головой к ЮЗ лежал скелет взрослого человека. Череп завалился на бок, лицом к югу. Руки вытянуты вдоль туловища. Вещей нет (рис. 6, 2).

Курган 3. Сооружение, условно названное «курганом», находилось в западной части цепочки. Представляло собой вал подквадратной формы с закругленными углами, размером 16,0 х 16,0, высотой 0,15 м. Центральная часть понижена, относительно вала, на 0,2 – 0,3 м. У северо-западной подошвы визуально прослеживался дуговидный ров глубиной 0,2 м. В центре сооружения прослежена яма в виде неправильного квадрата размером 3,5 х 3,2, глубиной 1,0 м, ориентированная углами по сторонам света. Ко дну она воронкообразно сужалась до 1,5 х 1,0 м. Яма заполнена валунами, галькой, серой супесью и множеством угольков и золы. Вал вокруг ямы был подковообразной формы, шириной 3-4 м, обложен камнем, ориентирован по сторонам света и открыт с ЮВ (рис. 7). У северного края ямы на поверхности вала лежал бронзовый втульчатый наконечник копья. Перо подромбической формы, ромбическое в сечении. В нижней части втулки имеются два круглых отверстия. Длина наконечника 12,8, диаметр втулки 2,1 см (рис. 10,2).

Группа Акжар III. ***Курган 1.*** Располагался в 400 м к С от описанных выше курганов, на следующем увале горы Жилантау. Диаметр 8,0, высота 0,22 м. Его круглая земляная уплощенная насыпь визуально просматривалась плохо. Она была насыщена валунами и галькой. В центре ее под западиной выявилась единственная могильная яма размером 2,5 х 2,0, глубиной 1,35 м; ориентирована СВ-ЮЗ. В верхней части засыпи встречены фрагменты трех лепных черно- и красноглиняных сосудов с примесью шамота в тесте. У двух по горловине шли пальцевые защипы (рис. 10, 3-6). Далее в засыпи встречались угольки и мелкие фрагменты деревянного перекрытия, а также разрозненные кости человеческого скелета – плечевые, ребра, фрагмент затылочной части черепа*. На уровне 1,1 м от верхнего края ширина ямы сузилась до 1,3 м. Здесь зафиксированы несколько стоек и плашки деревянной конструкции. Одна из досок имела бордовый цвет (возможно, была покрашена). В могиле обнаружено захоронение двух людей на разных уровнях.

Верхний костяк (1). Взрослый человек лежал на глубине 1,1 м вытянуто на спине, головой на ЮЗ, по диагонали могилы. Руки согнуты в локтях, ноги сведены в коленях. В восточном углу, вдоль стенки, вплотную друг к другу, в ряд были аккуратно сложены три детских черепа (рис. 8, 2). У локтя правой руки и за головой находились кости двух овец, захороненных с черепами. Кости животных встречались и ниже указанного уровня, это дает основание полагать, что мясная пища располагалась первоначально на надмогильном деревянном перекрытии, рухнувшем позднее в яму.

В груде костей овцы к Ю от скелета был найден железный нож с прямой спинкой, длиной 12,5 см (рис. 9, 6). У черепа овцы лежали две стеклянные бело-голубые глазчатые бусины (рис. 9, 8). В СЗ углу ямы стоял лепной плоскодонный серо-глиняный горшок с грушевидным туловом и коротким, отогнутым наружу венчиком (сосуд 1). Придонная часть его украшена ногтевидными вдавлениями. В тесте примесь шамота. Диаметр венчика 9,6, тулова 15,0, дна 9,5, высота 15,5 см. У южной стенки стоял еще один серо-глиняный сосуд (2), плоскодонный, с уступчатым плечиком, снабженный трубчатым носиком-сливом. В тесте примесь шамота. Диаметр венчика 11,2, тулова 15,0, дна 10,0, высота 14,7 – 15,0 см (рис. 9, 2).

Нижний костяк (2). Находился на 0,25 м ниже верхнего, на дне могилы (глубина 1,35 м). Взрослый человек лежал по диагонали ямы, ближе к северной стенке, вытянуто на спине, головой к ЮЗ. Череп отсутствовал; на его месте – небольшое углубление. Некоторые кости скелета были потревожены (рис. 8, 2).

На дне у западной стенки лежал плоский подпрямоугольный точильный камень (рис. 9, 4). Еще один оселок с отверстием для подвешивания находился возле правого плеча (рис. 9, 3). Рядом с ним найдены раковина Gryphea (рис. 9, 5) и два бронзовых наконечника стрел с внутренней втулкой (рис. 9, 9). У кисти правой руки лежала железная проколка (рис. 9, 10). В ногах покойного найдена галька, окрашенная красной охрой (рис. 9, 7).

* * *

Раскопанные погребения близки друг другу, как в культурном, так и в хронологическом отношении. К

* Они могли быть вынесены наверх каким-нибудь роющим животным, например, [redacted]. Дно ямы было сильно разрыхлено ходами мелких животных.

числу черт, объединяющих их в единую группу, относятся: использование камня при сооружении курганов, двойные каменно-гравийные кольца под насыпями курганов, прямоугольные могильные ямы, деревянные перекрытия над могилами, укладка жертвенной пищи (костей овцы) на деревянное перекрытие могилы, наличие ниш вдоль стенок, ЮЗ ориентировка скелетов. Аналогии приведенным чертам обряда хорошо известны в памятниках «савроматской» культуры Южного Приуралья (см. напр. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963; Кадырбаев М. К., 1984, с. 84-93).

Древнейшим из раскопанных было основное погребение (2) кургана 1 группы Акжар II. Найденные здесь 16 бронзовых наконечников стрел (рис. 4, 4) относятся к разновидностям типов 6 (А, В, Г), 9 (А), 12 и 1 отдела трехлопастных и типов 3 и 5(Б) отдела трехгранных наконечников стрел. Пик их распространения падает на вторую половину V в. до н.э., хотя встречаются они и в начале IV в. (Смирнов К. Ф., 1961, с. 42-60). Лепной сосуд относится к 3-му отделу савроматской плоскодонной посуды. Данная форма типична для V в. до н.э. (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 8, 7). Костяная ложечка выглядит достаточно примитивно по сравнению с более ранними образцами развитой «савроматской» культуры. Подобные экземпляры становятся типичными на Илеке к концу V - началу IV вв. до н.э. (там же, табл. 22, 19). Таким образом, наиболее вероятной датой названного погребения является вторая половина или конец V в. до н.э. Сосуды из насыпи кургана, безусловно, относящиеся именно к этому погребению и представляющие собой синтез «савроматских» и прохоровских черт в керамике, не противоречат этой датировке.

Впускное погребение (1) из этого кургана относится к чуть более позднему времени. Набор бус из него, представленный стеклянными экземплярами с голубыми глазками и стеклянными же призматическими шестигранными зеленого цвета, характерен для рубежа V – IV вв. до н.э. (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 27, 16,22; Мошкова М. Г., 1963, табл. 30, 4). Бронзовое зеркало относится к типу 1 савроматских зеркал (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 28, 3) и выглядит в данном случае анахронизмом для комплекса этого времени. Датировка рубежом V – IV вв. до н.э. наиболее вероятна и для остальных двух погребений по причине их обрядовой близости с вышерассмотренным, хотя ряд элементов обряда и категорий инвентаря из них имеют архаический характер. К их числу относится наличие большого количества сопровождающей мясной пищи; раковины Gryphea; глиняной посуды, по форме, орнаменту, тесту более характерной для конца VI – V вв. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1964). Однако бусы из к. 1 группы Акжар III типичны для V – IV вв. до н.э. (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 27, 16), а два бронзовых наконечника стрел 13-го типа, найденные там же, получают широкое распространение в IV в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1961, табл. 5, 4).

Стоит отдельно остановиться на бронзовом наконечнике копья из «святилища». Миниатюрность этого изделия, очевидно, подчеркивает его ритуальное предназначение. Ближайшую аналогию ему в савромато-сарматских древностях составляет железный наконечник, случайно найденный у с. Марычевка (Смирнов К. Ф., 1961, рис. 41, 16). Определить точную дату акжарского копья трудно, но ясно, что оно, а, следовательно, и культовая площадка, где оно было найдено, синхронны курганам, сооруженным рядом.

Таким образом, можно уверенно констатировать тот факт, что на горе Жилантау находилось семейное, или, может быть, родовое кладбище, где погребения были совершены по особому обряду. Прежде чем перейти к детальному рассмотрению этих особых черт, замечу, что многие вещи, происходящие отсюда, обладали оригинальными или намеренно архаизированными чертами. Таковыми являются сосуды для тризны, фрагменты которых найдены в верхних слоях засыпи погребения в к. 1 группы Акжар III и сосуд № 1 из насыпи к. 1 группы Акжар II. Но гораздо более бросаются в глаза особенности удил из насыпи того же кургана. Они бронзовые, в отличие от синхронных им железных, асимметричные, т.е. практически непригодные к использованию по прямому назначению. К этому же ряду намеренно архаизированных вещей относится бронзовый наконечник копья из сооружения 3.

Несмотря на то, что основное п. 2 в к. 1 группы Акжар II чуть древнее остальных, оно, несомненно, составляет с ними единый историко-культурный комплекс. Относительно же характера разрушения этого захоронения можно высказать следующие замечания. 1). Скелет разрушен не полностью, а только его верхняя и нижняя части, т.е. разрушение было намеренно избирательным; 2). Разрозненные кости разрушенного скелета встречались также в засыпи ямы и у ее восточного края на погребенной почве, следовательно, яма значительный период времени не была засыпана; 3). Западина в насыпи над могилой аналогична западинам над не потревоженными захоронениями в других курганах*, и, значит, есть основания предполагать ритуальный характер разрушения скелета.

К разряду особых, безусловно, относится и погр. в к. 1 группы Акжар III. Целый ряд черт погребального обряда говорит об этом: ярусность захоронений, отсутствие черепа у погребенного из нижнего яруса, находка затылочной части черепа взрослого человека в засыпи могилы, наличие аккуратно уложенных детских черепов в углу могильной ямы и, наконец, то, что в качестве жертвенной пищи здесь на надмогильное деревянное перекрытие были положены две полные тушки овец вместе с черепами,

* Кстати, подобные западины в насыпях над могилами прослеживались и в могильнике Акжар, исследованном В.С. Сорокиным. Это значит, что мы имеем дело с особенностями местных почв.

что для савроматской культуры является случаем экстраординарным.

Обряд помещения в могилу полного скелета жертвенной овцы встречается, хотя и нечасто, в ареале «скифских» культур Евразии: у скифов северного Причерноморья и у савроматов Подонья в VI - V вв. до н. э. (Максименко В. Е., 1963, с. 61). Ярусные погребения на Илеке - явление достаточно частое (Гуцалов С. Ю., 1992, с. 98-100), но в данном случае показательно, что этот обряд сопрягается с другими особыми проявлениями погребального культа. В этой связи замечу, что в двухъярусном погребении к. 35 могильника Восточно-Курайли I, где в засыпи также имелось кострище, скелет верхнего яруса был расчленен и погребен частично (Гуцалов С. Ю., 1991). Если же обратиться к поиску ареала более широкого распространения обряда ритуального расчленения покойных, то такой мы находим в южной Сибири. В тагарских и тесинских могилах нередко находят лишь отдельные кости и обломки костей скелета, в том числе околовисочные части черепа (Кузьмин Н. Ю., 1992).

Особый интерес вызывает факт находки в могиле ритуально отчлененных черепов детей различного возраста. В литературе, посвященной обрядам и культам скифских культур Евразии, я не нашел чего-либо похожего. Геродот, правда, сообщает о человеческих жертвоприношениях в честь древнего железного меча на так называемых святилищах Ареса (Her., IV, 62), но это не совсем соответствует случаю, фиксируемому на горе Жилантау.

В мировоззрении кочевников скифо-сарматского времени горы издавна имели сакральный характер. Истоки этих религиозных взглядов восходят, по крайней мере, к эпохе бронзы (Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1983). Курганные могильники ранних кочевников Евразии воздвигались, как правило, на водораздельных возвышенностях, однако, на Жилантау представлен отличный от традиционного горный ландшафт. По представлениям древних иранцев, вершины высоких гор были обиталищем богов. Они были недоступны для пребывания там простых смертных. Лишь избранные из их числа могли оказаться на этих священных вершинах (там же, с. 61). Античные авторы, многие сведения которых, как полагают, были почерпнуты из мифологии народов Скифии (в широком значении этого слова), неоднократно сообщают о священных Рипейских горах с живущим у их подножья священным, справедливейшим народом. Так, в диафесе Геродота упоминается два таких народа, живущих к востоку от скифов: гипербореи и аргиппеи (Her., IV, 23). Как видно из контекста сообщений, этому этносу, имеющему высокий статус «блаженных» в социальной структуре кочевников Евразии скифского времени, были присущи, по крайней мере, две социальные функции: жреческая (вытекающая из их «блаженности») и судебная (решения, выносимые ими при разрешении споров между племенами, народами Скифии, считались справедливейшими).

В работах по скифо-сакской проблематике уже высказывалась мысль о том, что именно регионы с горным ландшафтом являлись священной страной сакских племен, местонахождением их царского рода и их святилищ (Акишев А. К., 1984, с. 98; Исмагил Р., 1996, с. 184). Таковые локализовались разными авторами у подножия Тянь-Шаня, в Саяно-Алтайском нагорье, или, чаще, на Южном Урале (Акишев А. К., 1984; Исмагил Р., 1996; Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1983, с. 27). Здесь исследователи расселяют такие народы, как аргиппеи, саки-тиграхауда, авхаты*. На мой взгляд, неважно, как, собственно, назывался этот священный народ или, точнее, часть его, в виде особого рода или племени. Важнее его локализация у гор, наделенных сакральным статусом.

Представляется, что в силу своего общественного положения отдельные подразделения данного этноса могли находиться среди различных племенных союзов скифского мира. Подобную нишу среди казахов нового времени занимало сословие служителей культа, именуемое «кожа» (Бекмаханов Е. Б., 1992, с. 95-96). В силу особого статуса, обряд захоронения представителей «священного» рода, при сходстве с погребальными традициями местных племен, имел ряд черт, присущих только этой группе населения. К числу таковых относится консервация более древних «скифских» черт в погребальном обряде, а также архаичность и особый облик вещевого комплекса.

---

* Местопребыванием последних, кстати, является южная Сибирь (Курочкин Г.Н., 1993, с.27-30), где, как уже отмечалось, большое распространение получил особый обряд погребения и где мы находим достаточно многочисленные аналогии обряду захоронений на горе Жилантау.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев А. К., 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата.

Бекмаханов Е. Б., 1992. Казахстан в 20-40 годы XIX века. Алма-Ата.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1983. От Скифии до Индии. М.

Гуцалов С. Ю., 1991. Отчет об археологических работах в Актюбинской области летом 1990 г. // Фонды АОИКМ.

Гуцалов С. Ю., 1992. Ярусные погребения Илека и проблема сложения савроматской культуры // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Исмагил Р., 1996. Сарматское окно в Европу // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара.

Кадырбаев М. К., 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кузьмин Н. Ю., 1992. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. СПб.

Курочкин Г. Н., 1993. Путешествие в преисподнюю: Шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // ПАВ, № 6.

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ, вып. Д1-10.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов МИА, № 101.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы: Ранняя истори культура сарматов. М.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савр. ты Поволжья и Южного Приуралья // САИ, вып. Д1

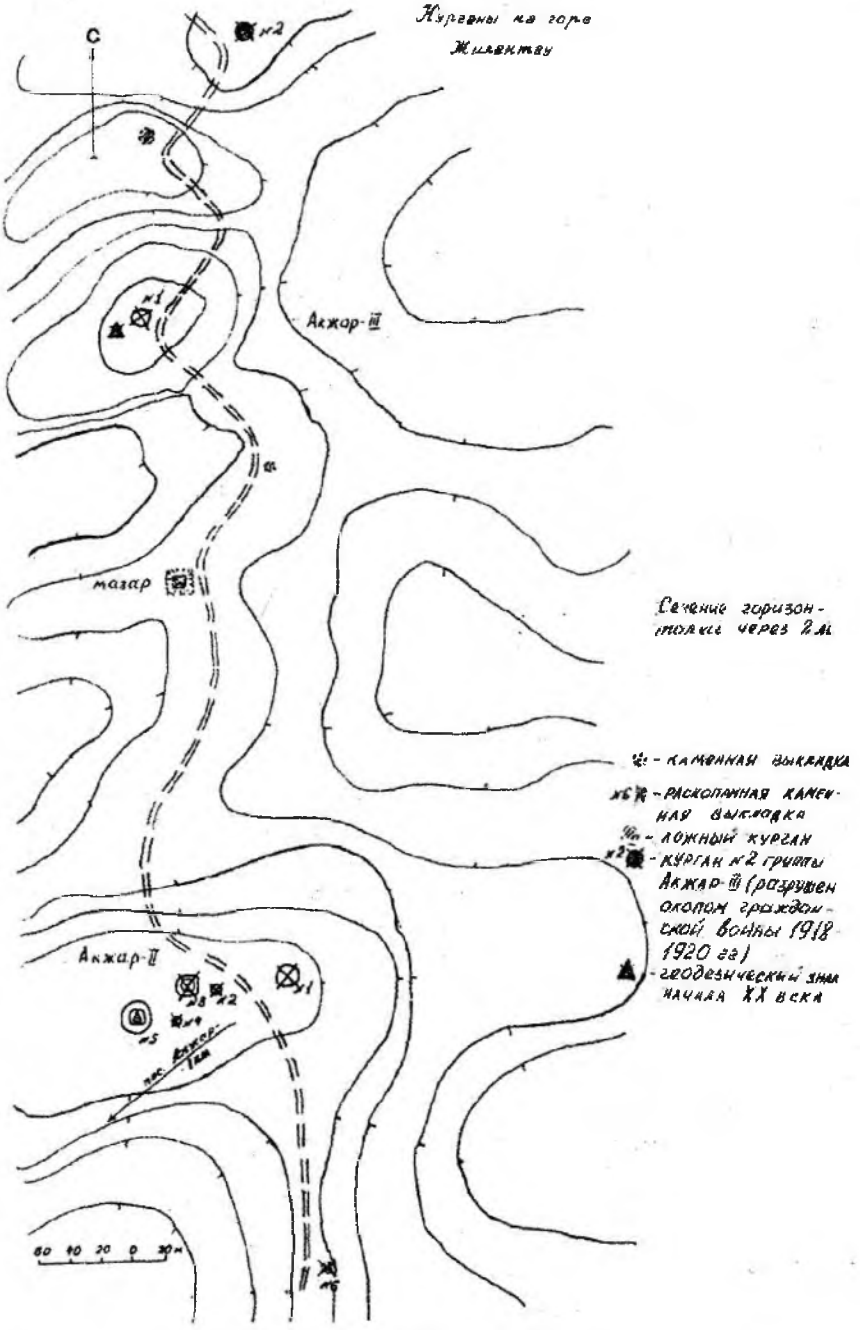


Рис. 1. Курганы на горе Жилантау. План расположения.

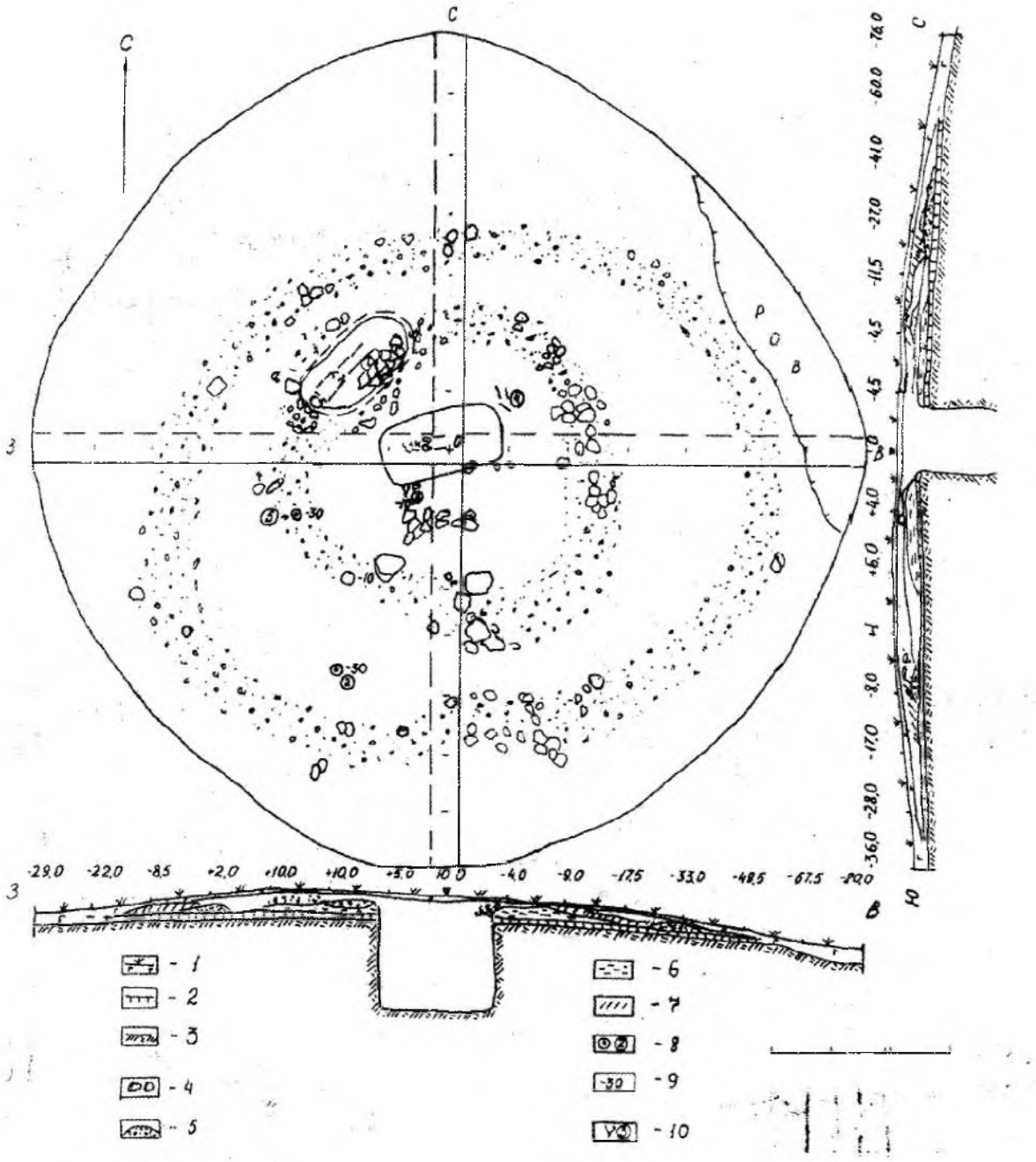


Рис. 2. Группа Акжар II, курган 1. План и разрезы.
1 - гумус; 2 - погребенная почва; 3 - материк; 4 - камни; 5 - каменно-гравийное кольцо в разрезе; 6 - выкид из погребения 2; 7 - выкид из погребения 1; 8 - сосуды в насыпи и их нумерация; 9 - уровень залегания находок; 10 - бронзовые удила.

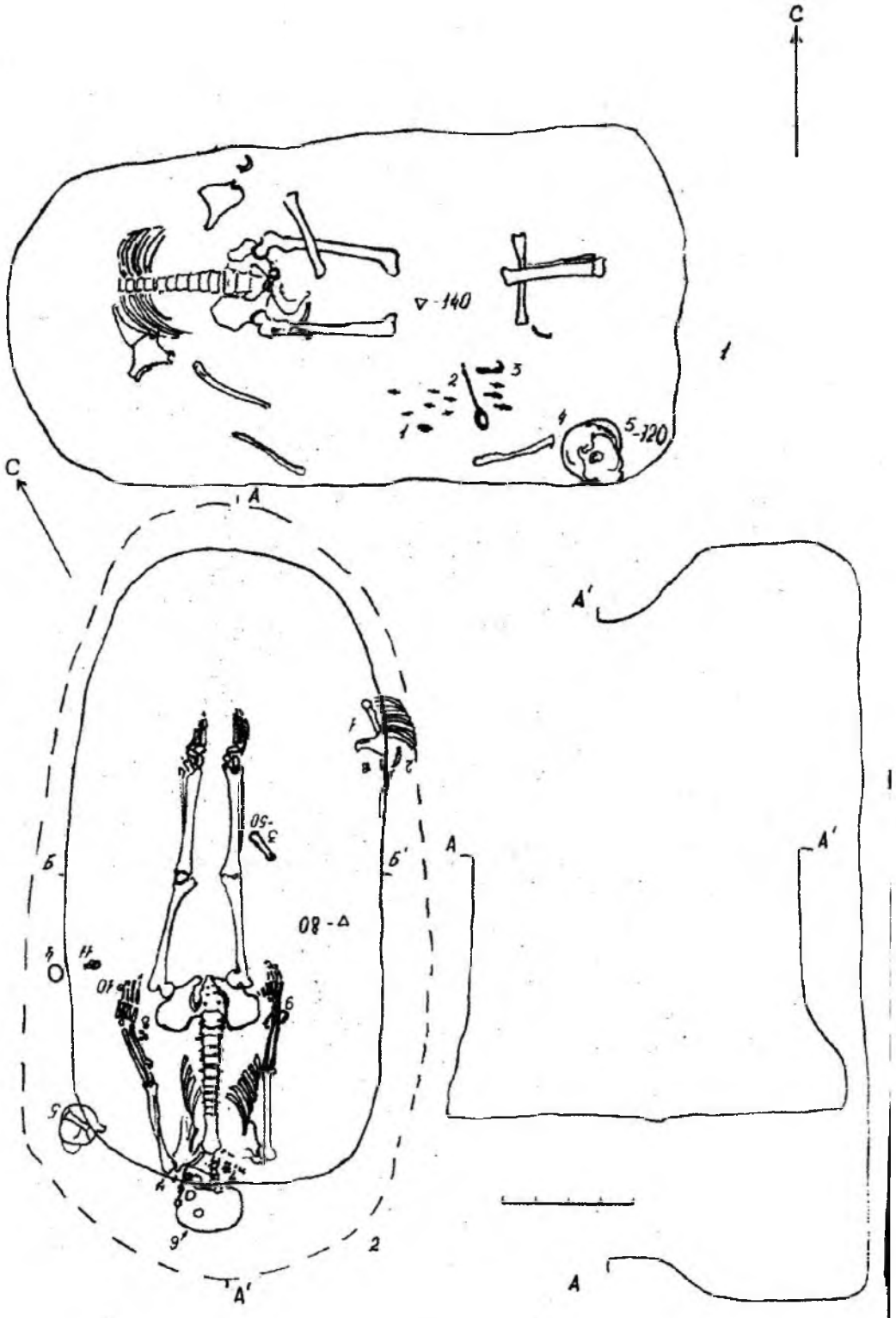


Рис. 3. Группа Акжар II, курган 1. План и разрез погребений: 1 - погребение 2; 2 - погребение 1.

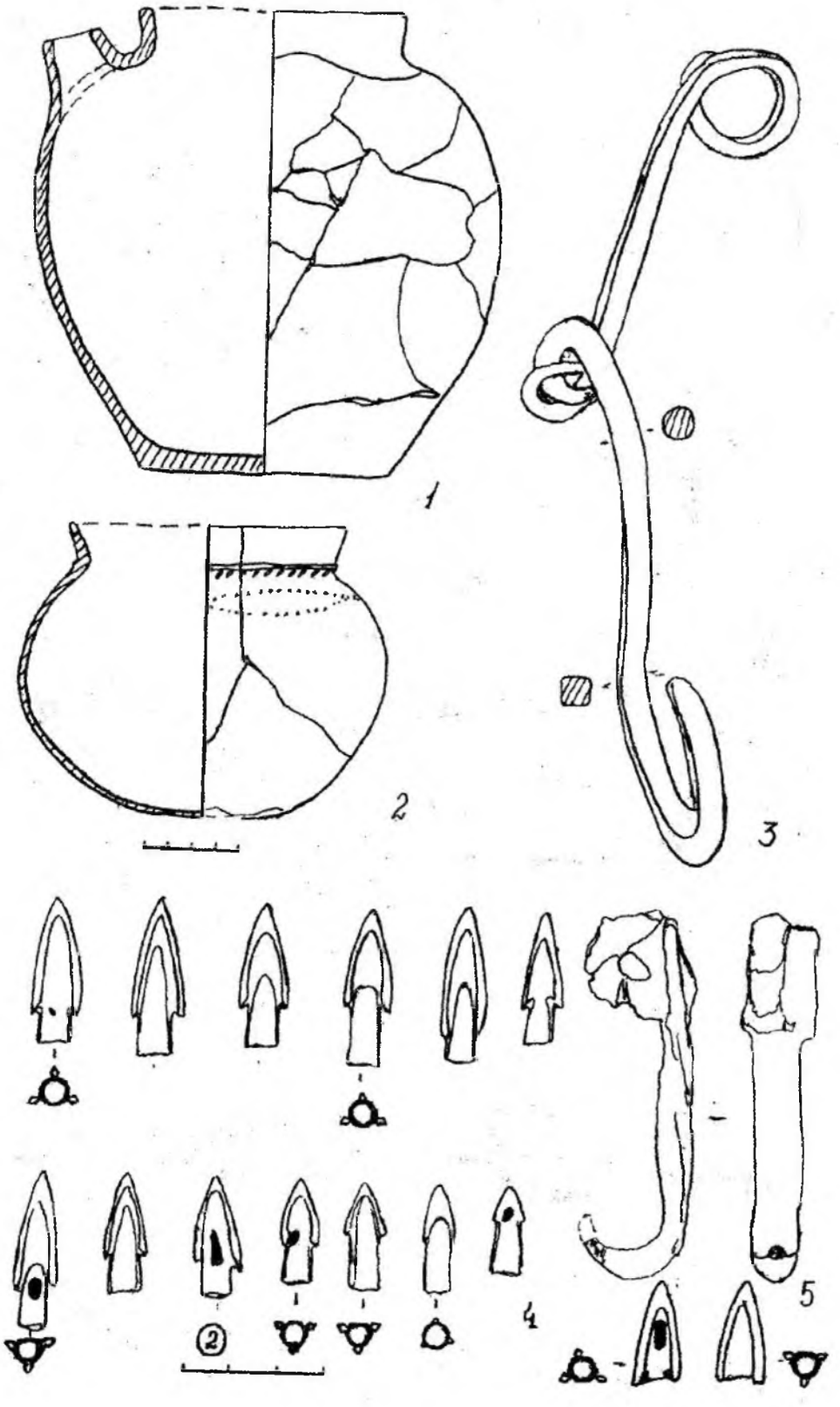


Рис. 4. Группа Акжар II, курган 1. Инвентарь погребений и находки из насыпи:
1, 2 - сосуды из насыпи; 3 - удила из насыпи; 4 - наконечники стрел из погребения 2;
5 - колчанный крючок (погр. 2).
1,2 - глина; 3,4 - бронза; 5 - железо и бронза.

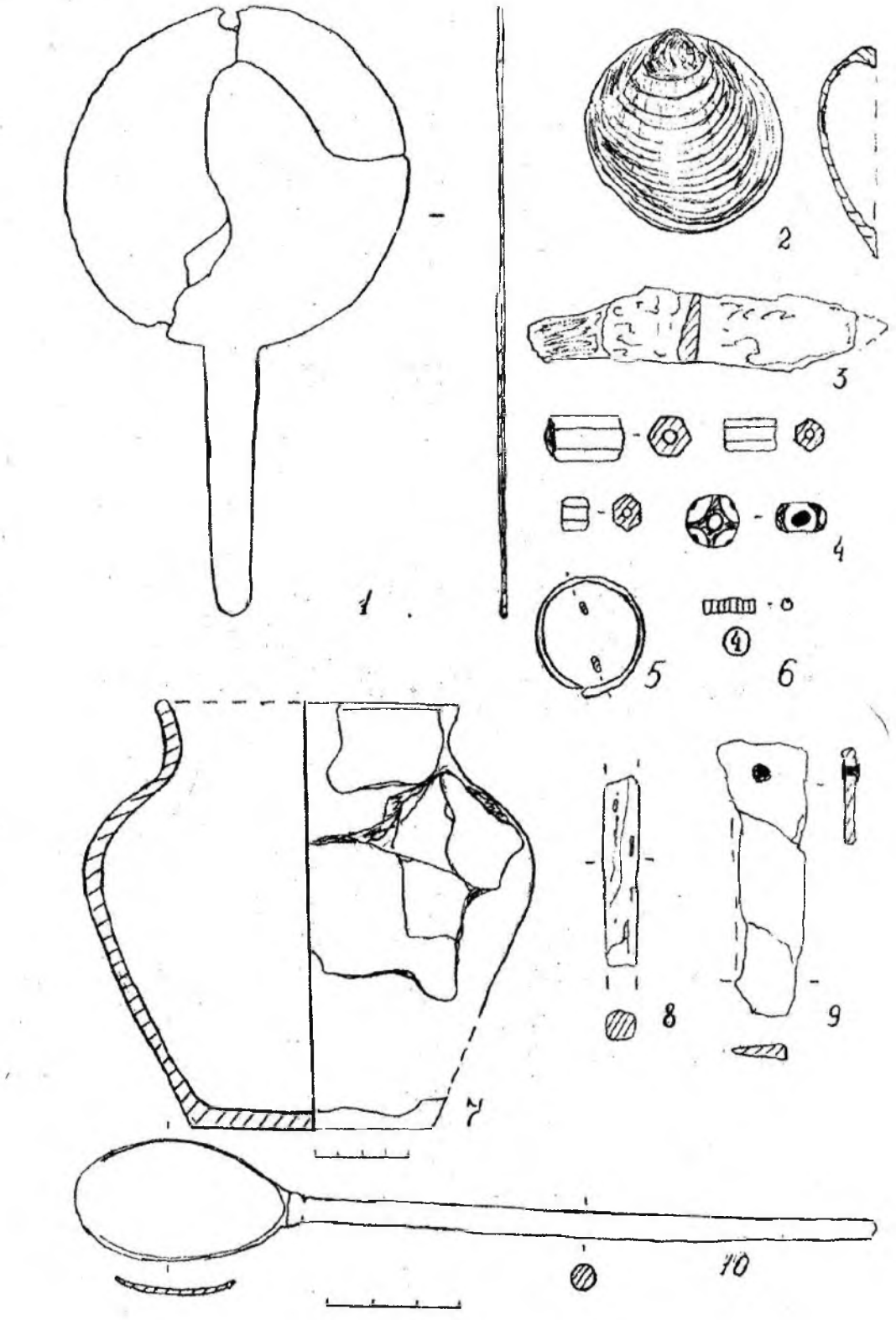


Рис. 5. Группа Акжар II, курган 1. Находки из погребений: 1-6 - погребение 1; 7-10 - погребение 2. 1,5 - бронза; 2 - раковина; 3,8,9 - железо; 4 - стекло; 6 - золото; 7 - глина; 10 - кость.

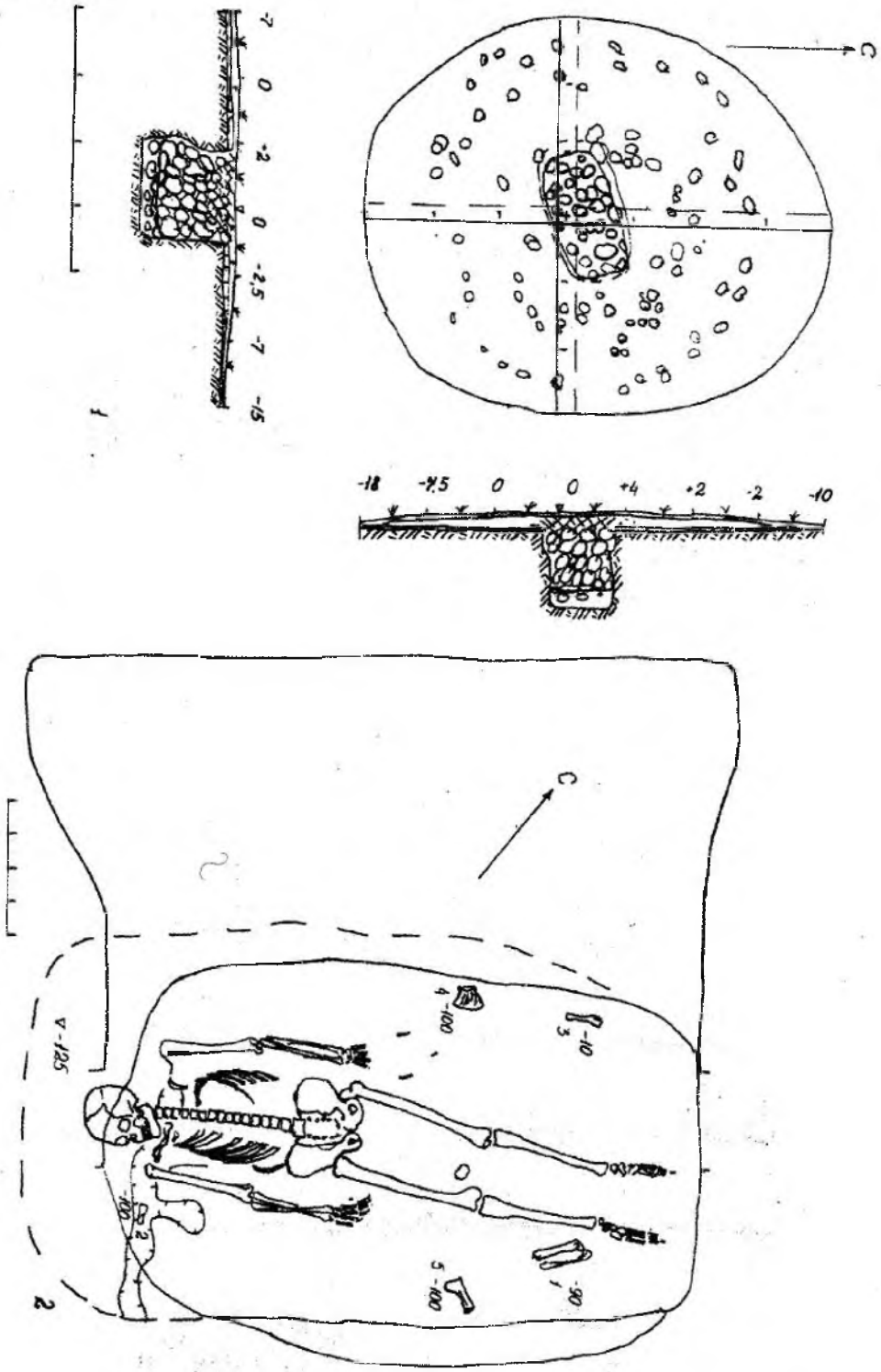


Рис. 6. Группа Акжар II, курган 2. 1 - план и разрез кургана; 2 - план и разрез погребения.

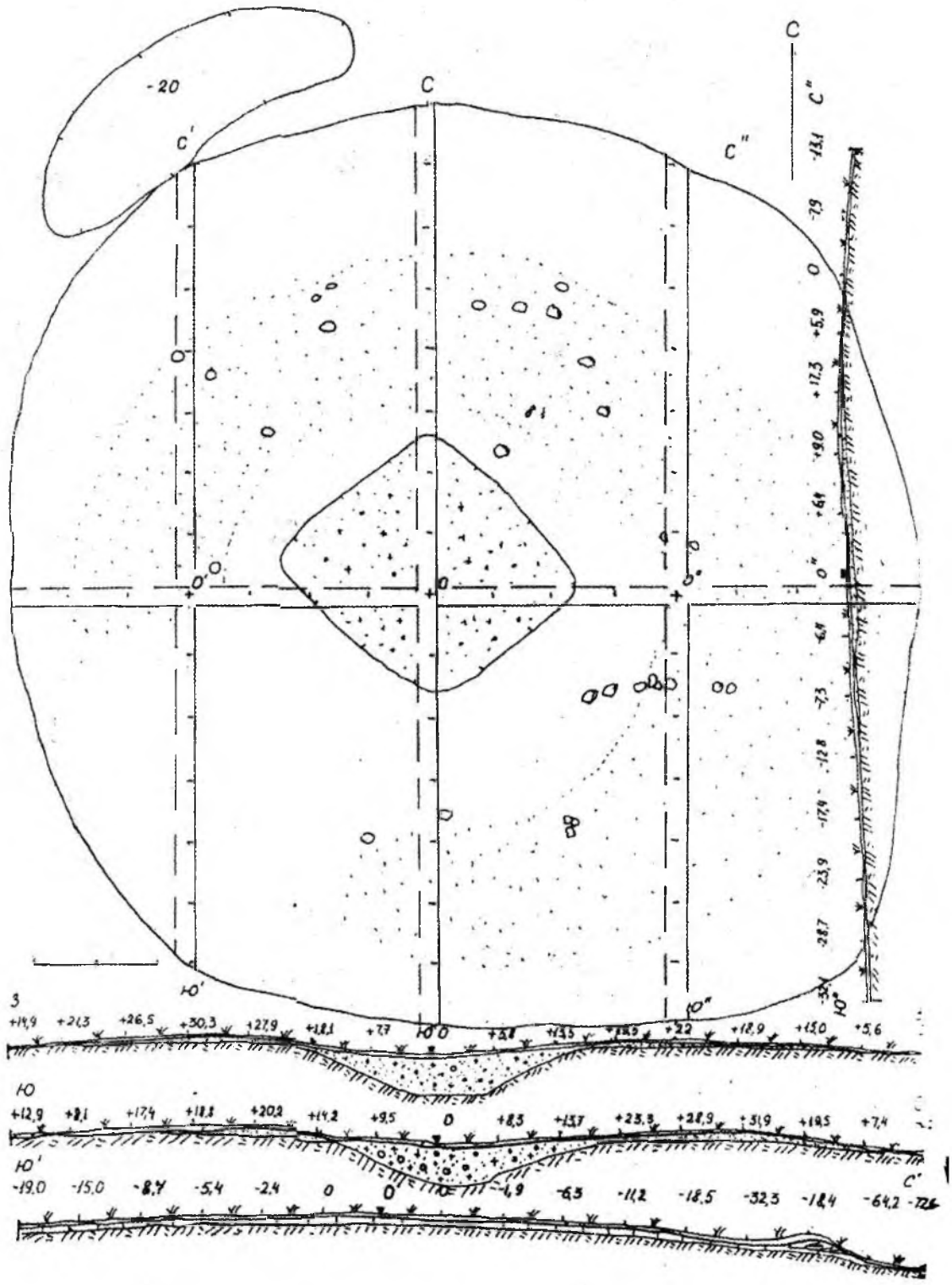


Рис. 7. Группа Акжар II, «курган» 3. План и разрезы. 1 - бронзовый наконечник копья.

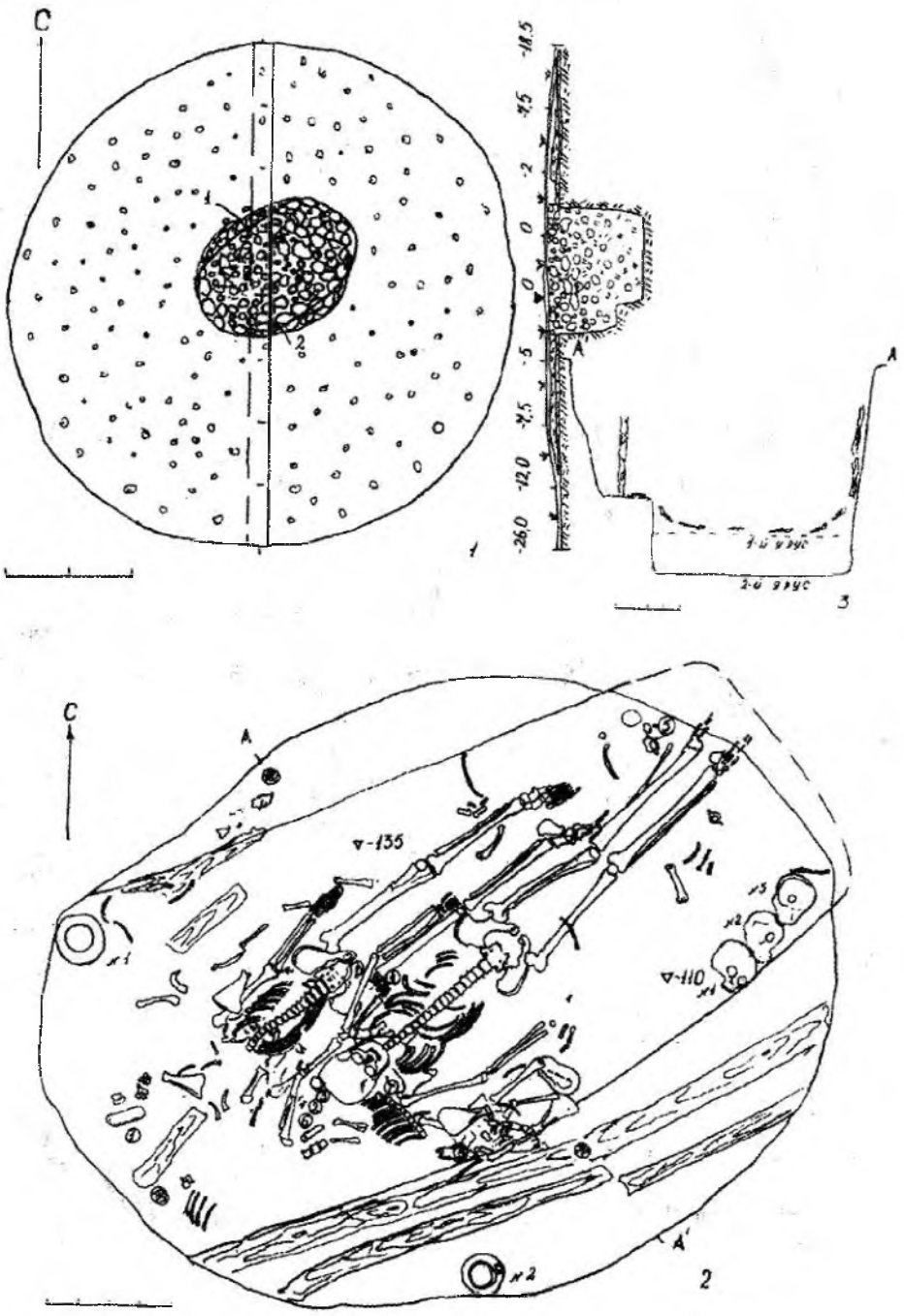


Рис. 8. Группа Акжар III, курган 1. 1 - план и разрез кургана (1,2 - места наибольшего скопления керамики); 2 - план погребения (1 - точильный камень; 2 - раковина Grifea; 3 - бронзовые наконечники стрел; 4 - железная проколка; 5 - галька, окрашенная коасной охрой; 6 - оселок; 7 - стеклянные бусины; 8 - железный нож); 3 - разрез погребения.

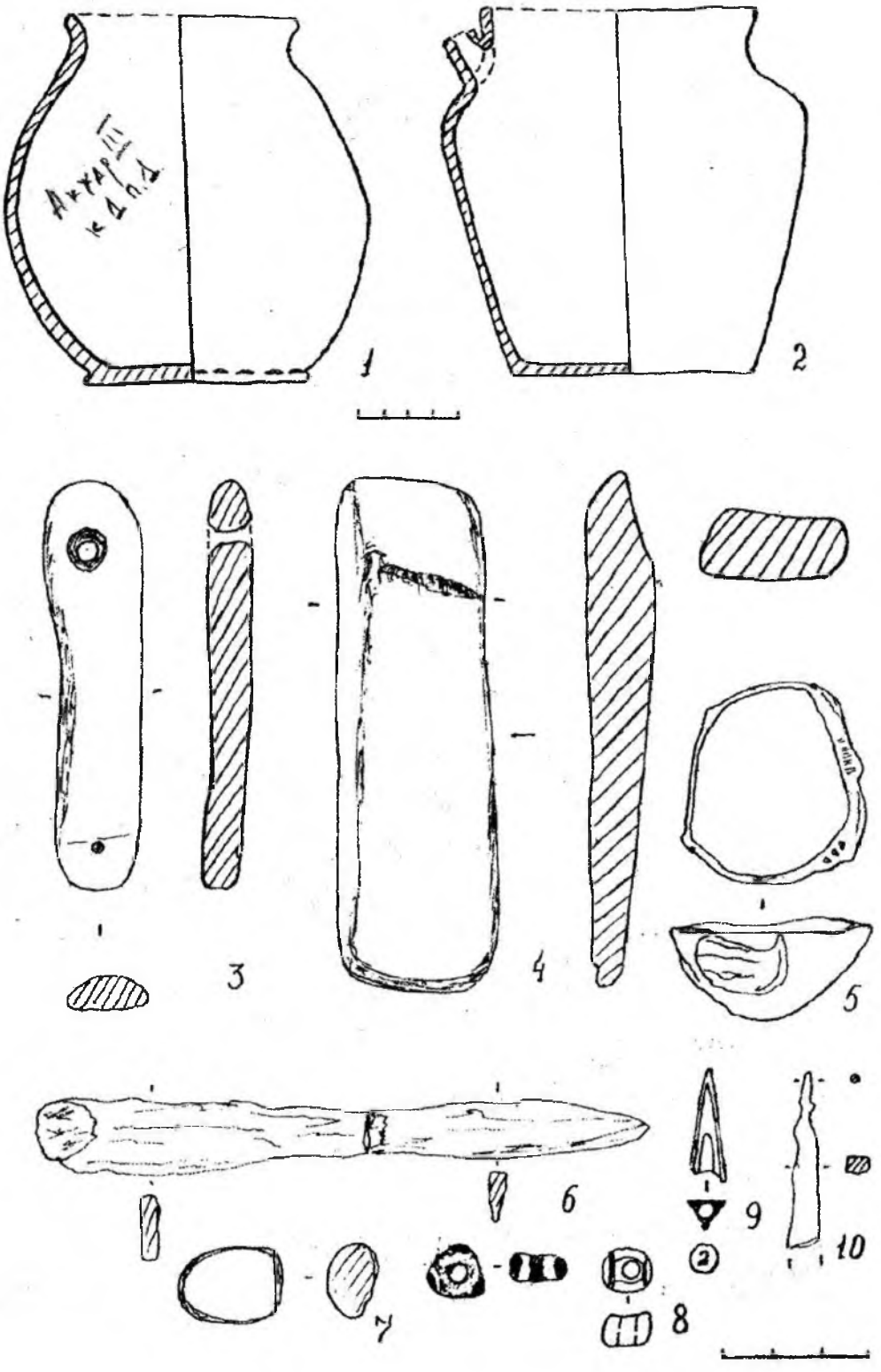


Рис. 9. Группа Акжар II, курган 1. Инвентарь: 1,2 - глина; 3,4,7 - камень; 5 - раковина; 6,10 - железо; 8 - стекло; 9 - бронза.

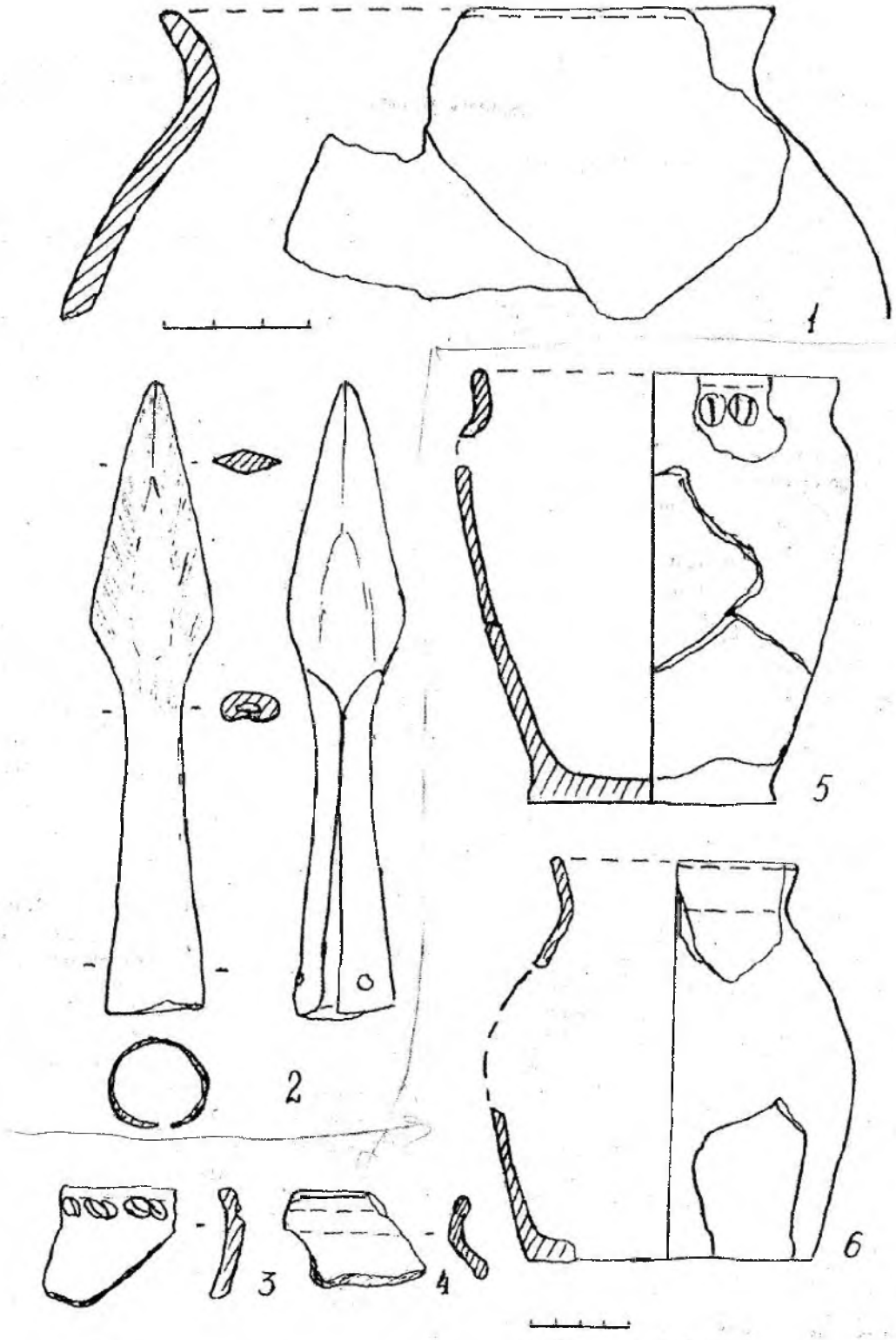


Рис. 10. Находки из погребальных комплексов на горе Жилантау.
1 - Акжар II, курган 2; 2 - Акжар II, «курган» 3; 3-6 - Акжар III, курган 1.
1,3-6 - глина; 2 - бронза.

А. А. Бисембаев, С. К. Гуцалов
(Актюбинск, Челябинск, Южноуральский отдел ИИиА УрО РАН)

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

В 1997 г. археологическим отрядом Актюбинского университета им. Х. Жубанова на территории Ленинского района Актюбинской области Казахстана был исследован курганный могильник Салтак I. Могильник находится на возвышенной части первой надпойменной террасы р. Урал в 1,5 км к югу от ее русла, почти напротив впадения в нее р. Губерля в 500 м к северо-востоку от эпонимного родника, на правом берегу его пересохшего русла. Состоит из 6 курганов, расположенных у западного края мыска. Пять курганов зафиксированы компактной группой по линии З-ЮЗ-В-СВ на площадке 100 х 45 м, крупнейший из которых находится в центре. В 145 м к северу от этой группы находился шестой курган, получивший условный № 4 (Рис. 1,1). Все курганы, кроме № 1, ранее распахивались.

Курган 1 являлся самым западным в исследуемой группе. Диаметр кургана 8, высота 0,66 м. Выделялся высокой, близкой к полусферической форме, насыпью. На ее поверхности из дерна выступали крупные камни. Почти у самого центра насыпи, у входа в нору сурка лежали лучевая и плечевая кости взрослого человека. По всей периферии кургана в дерновом слое встречались мелкие и средние камни. При сносе насыпи на глубине около 40 см в норе выявлена локтевая кость человека. После снятия насыпи до уровня погребенной почвы обозначилась подквадратная каменная конструкция в виде оградки, сложенная из крупных камней без связующего раствора. Значительное количество камней, осыпавшихся с кладки, лежали с внешней стороны ограды. Небольшое их количество находилось внутри нее. Исследование кладки показало, что камни были уложены в стены шириной от 60 до 100 см по следующему принципу - более крупные каменные плиты длиной 80-90 см и шириной 40-60 см, высотой 20-40 см располагались внизу, углы выводились из таких же, а далее к верху укладывались камни более мелкого размера (Рис. 1, 2). Ограда протянута по линии З-ЮЗ-В-ЮВ. Высота сохранившихся стен различна: от 45 до 75 см. У юго-западного угла в западной стенке прослежено понижение в кладке с плотно уложенными плитами шириной 60 см - некое подобие «входа».

В самом центре кургана над могильной ямой, почти посредине ее, на уровне погребенной почвы обнаружен скелет ребенка возраста полутора-двух лет, лежавший теменной частью черепа к западу, а лицевой - к югу. Скелет лежал скорчено в неестественной позе. Он был практически сложен вдвое, так что правая височная часть черепа покоилась на тазовых костях. Кости ног согнуты в тазобедренном и коленном суставах и поджаты под тело. Инвентаря при скелете не обнаружено (Рис. 1, 4).

Могильная яма, располагавшаяся в центре ограды, имела четкие края, подпрямоугольную форму. Протянута по линии В-СВ-З-ЮЗ. Засыпь изрыта грызунами. Стенки слегка сужаются ко дну. Размеры ямы: на поверхности 1 х 2,2 м; по дну - 0,65 х 2,15 м. На глубине 1 м от погребенной почвы покоился скелет взрослой женщины головой к В-СВ. Скелет лежал вытянуто на спине, ноги сведены к стопам, кости левой руки, за исключением кисти, отсутствовали (были вытащены на поверхность грызунами). Скелет покоился в деревянной конструкции, похожей на гробовище, от которой сохранилась деревянная плаха у правой руки и остатки тлена на скелете (Рис. 1,3).

У восточной стенки, за черепом обнаружено бронзовое посеребряное зеркало диаметром 8,5 см с отломанным краем (Рис. 1, 11). Под зеркалом найдены: остатки шелковой материи, бронзовый умбончик (Рис. 1, 6), два кусочка дерева от футляра, скрепленные штырьком (Рис. 1, 5, 9) и кусочек железа, напоминающий цветок с обломленными лепестками. Рядом с зеркалом - железные ножницы, по форме близкие к современным. Они сильно окислены, концы режущих частей обломаны (Рис. 1, 8). На черепе и за ним расчищены слоившиеся кусочки бересты от головного убора. У затылка находилась подвеска в шапочке, состоящая из деревянного стерженька с веслообразным расширением внизу и четырех бронзовых проволочных листовидной формы подвесок, прикрученных к деревянному стержню тонкой бронзовой нитью. Подобная нить внутри каждого листочка образует ажурное плетение с небольшой бусинкой по центру. Края рамки-листка выгнуты из витой проволоки (Рис. 1, 7). Между правой рукой и позвоночником у локтевого сгиба лежала перевернутая вверх дном бронзовая чашка с бортиком по верхнему краю диаметром по венчику 14,5 см, дна - 9 см. (Рис. 1, 10). На кисти правой руки лежала сплюснутая берестяная трубочка - «бокка» длинной 15 см.

Курган 2, диаметром 12 и высотой 0,90 м, был самым восточным в могильнике. Насыпь, неоднократно распаханная, тем не менее имела полусферическую форму. По ее периметру на поверхности выступали крупные камни, образуя кольцо диаметром 11-12 м. Под насыпью после снятия дерна по центру на глубине 20-25 см от поверхности выявлена каменная конструкция подквадратной формы, ориентированная стенками по сторонам

света с длиной сторон 4,5 - 5 м. В центре данной конструкции на глубине 27 см от поверхности выявлено пятно мощного прокала с угольками, ориентированное с запада на восток. Длина прокала 1,8 м, ширина 0,9 м. Толщина прокаленной земли 7-10 см. В толще прокала зафиксированы несколько кусков шлака и оплавленного железа. В пределах данного сооружения в 1 м к югу и в 0,5 м к западу от условного центра обнаружена кальцинированная кость. Почти вся площадь, заключенная внутрь каменного кольца, в первую очередь, ее южная половина, была насыщена вкраплениями угольков на глубину до 30 см (Рис. 2, 1). По бровке четко фиксировалось, что каменное кольцо у центра кургана составляет его верхний стратиграфический горизонт, а древняя насыпь была подрезана в ходе исполнения огненного ритуала. В северо-восточном секторе насыпи встречались не подвергнутые обожжению кости. Внешнее каменное кольцо четко оконтурилось на уровне погребенной почвы (-90 см). Ширина его от 1 до 2 м. Внутреннее пространство имеет форму квадрата, ориентированного углами по сторонам света с длиной сторон 7 м (Рис. 2, 1). Эти камни фиксировались большей частью на погребенной почве или же окаймляли глиняный вал шириной до 1,5 м и толщиной 15-20 см, общим диаметром 9 м.

Могильная яма была выявлена в центре погребальной площадки. Она на поверхности имела прямоугольную форму меридиональной ориентации размерами 1,5 х 2,3 м. В засыпи на глубине от 30 до 150 см[1] встречались крупные каменные плиты и валуны, местами образуя очень плотную кладку. Глубина ямы 2 м. В западной стенке ямы обнаружен обрушившийся подбой, находившийся на одном уровне со входом, равный ему по длине. Ширина его 1 м. Вероятная высота 80 см. В северной части подбоя in situ лежали кости ноги человека: большая и малая берцовые и кости ступни (Рис. 2, 2), судя по положению которых, покойник лежал вытянуто, головой к югу. Рядом были сгруппированы сохранившиеся находки: в северо-западном углу найден в обломках плоский круглый каменный «жертвенник» (диаметр 24,2 см, высота 2,6 см) из плотного песчаника светло-желтого цвета (низ его закопчен) (Рис. 2, 7); раздавленный землей лепной черно-красного цвета с примесью талька в тесте плоскодонный тонкостенный кувшин с фигурной ручкой (тулово шаровидное диаметром 25,4 см, горловина цилиндрическая с горизонтальными вдавлениями по поверхности - диаметр горла 11,8 см, диаметр дна 10,5 см общая высота 25,6 см (Рис. 2, 8); 4 бронзовых наконечника стрел (Рис. 2, 3-6) и ребра крупного рогатого животного с обломками лезвия железного ножа, среди них и 2 раковины каури (Рис. 2, 9-10).

Курган 3 располагался в 20 м к юго-востоку от кургана 1. У северной подошвы визуально прослеживался заплывший ровик, поросший чилигой. Насыпь, сильно уплощенная в результате неоднократных распашек (высота 42 см, диаметр 12 м), состояла из суглинка серого цвета с включениями белой глины и мелкого щебня. При ее снятии было установлено, что погребенная почва в площади кургана была срезана, а вместо нее на материке лежала прослойка глины с щебнем, жесткая по плотности, возможно заливка. По периферии кургана на погребенной почве и частично на заливке (?) по бровкам зафиксирован кольцевой глиняный вал шириной до 1 ,5 м и высотой 20 см (Рис. 3, 1). В центре кургана в 1,5 м к югу на меридиональной бровке четко фиксировался поздний вкоп, более насыщенный материковой глиной и гумусом, в отличие от окружающего грунта. В насыпи, на глубине 20-25 см, в 1 м к югу и 0,3 м к западу от условного центра найдены тазовая и трубчатая кости овцы.

Могильная яма выявлена на уровне материка (-70) в 1,5 м к югу от условного центра кургана. Она имела неправильную подтреугольную форму размерами 2 х 2,5 м. В засыпи ямы, в ее западной половине в беспорядке на разной глубине встречались кости овцы (ребра и позвонки) и человека (в том числе две нижних челюсти, обломок верхней, позвонки и др.). Среди них была поднята стеклянная бусина уплощенно-овальной формы (Рис. 3, 3), эмаль которой почти полностью облезла.

Глубина западной части могилы - 95 см. С указанного уровня в 0,6 - 1 м от края западной стенки дно отвесно обрывается вниз на глубину 1,4 м, в результате чего могила приобрела Г-образную форму. Ширина могилы 93 см, вероятная длина 2,2-2,4 м (в южной части ее возможно была ниша глубиной до 20 см). В ее северной половине лежали in situ вытянуто кости обеих ног взрослого человека (Рис. 3, 2), исходя из положения которых можно предположить, что покойник лежал вытянуто головой на юг. Слева от костей, между ними и западной стенкой найдена поставленная на венчик лепная красноглиняная курильница с дырочкой в верхней части (диаметр венчика 5 см, диаметр тулова 5,5 см, общая высота 6,2 см (Рис. 3, 5). В тесте ее примесь шамота.

В южной половине ямы, у первоначальной северной стенки фиксировался заклад из каменных плит. Рядом с ним в засыпи ямы бессистемно лежали кости человека: ребра, таз, часть лопатки, позвонки. Среди них найдена раковина grifea. За закладом выявлен неглубокий подбой высотой 50 см. Длина его с севера на юг 75 см, ширина - 1 м. Дно постепенно понижается к югу до 1,5 м.

На дне вытянуто на спине головой на Ю-ЮЗ лежал скелет ребенка очень плохой сохранности.

[1] Глубина могильных ям указана от уровня погребенной почвы.

Руки были вытянуты вдоль туловища, ноги лежали прямо (Рис. 3, 2). В юго-западном углу могилы лежали перекрещенными две трубчатые кости овцы. На шее у скелета находилась подвеска, выточенная, по-видимому, из позвонка животного (Рис. 3, 4). Слева, против таза стоял лепной горшок с отогнутым венчиком и уплощенным дном. В тесте его примесь шамота. Высота 19,5 см, диаметр венчика 7,4 см, диаметр тулова 16,6 см, диаметр дна 5,2 см (рис. 3, 6).

Курган 4 является самым северным в исследуемой группе. Его земляная насыпь имеет уплощенную вершину. Диаметр ее 17 м (северный склон более крутой, чем южный), высота 101 см. На ее поверхности выступали крупные камни. Подошва кургана густо поросла чилигой (вероятно был ров, который прослеживался с восточной стороны). В северной половине кургана на глубине 20-30 см от поверхности зафиксировано несколько фрагментов керамики с примесью талька в тесте от стенок и венчика сосудов, судя по фактуре и орнаменту, относящихся к эпохе бронзы. Под дерновым слоем расчищена каменная конструкция в виде крепиды квадратной формы, ориентированной сторонами по сторонам света, с длиной сторон 14 м (Рис. 4, 1).

В насыпи в юго-западном секторе (2,9 м на юг и 2 м на запад от условного центра, на глубине 60 см от 0) на поверхности древнего кургана обнаружен плоский каменный «жертвенник» прямоугольной формы с валикообразной, закопченной сажей, закраиной. Длина его 22,2 см, ширина 16,2, толщина 2,2 см (Рис. 4, 11). На обратной его стороне процарапан рисунок. Изготовлен он из рыхлого песчаника буро-красного цвета. В этом же секторе в 5,1 м к югу и в 2,6 м к западу от условного центра под скоплением камней обнаружены сильно коррозированные железный 8-видный псалий (Рис. 4, 10) и бронзовая с серебрением бляшка-пронизь с грибовидной шляпкой от конского оголовья (Рис. 4, 8). В западной поле кургана, среди камней крепиды, расчищен деревянный столбик диаметром 16-17 см, врытый в материк.

По бровке прослежен грабительский вкоп в яму диаметром 2,5-3 м, который нарушал контур могильной ямы, выявленной на материке. В центре насыпи фиксировался могильный выкид из древней ямы, относившейся, вероятно, к эпохе бронзы, над которым располагалась древняя курганная насыпь диаметром 10 м и высотой около 80 см. По ее окружности был насыпан вал из белой материковой глины шириной 1,5 м и высотой 25 см. При сносе бровки С-Ю в 1 м от условного центра к северу обнаружена трубчатая кость человека, бронзовый наконечник стрелы и круглодонный сероглиняный сосуд (Рис. 4, 9). Диаметр его тулова 15,5 см. Верхняя часть не сохранилась. Рядом с сосудом была поднята железная пронизка (Рис. 4, 6). При вскрытии ямы прослежена мешанина из костей человека, отдельных камней и комков плотной беловатой глины. Из ямы подняты еще три бронзовых наконечника стрелы.

Комплекс инвентаря в погребении кургана 1 весьма характерен для XIII-XIV вв. Остановимся подробнее на некоторых моментах. Бронзовое посеребренное зеркало имеет на тыльной стороне выпуклые изображения четырех животных, расположенных по кругу. По краю зеркала - двойной валик, в центре валиком обозначен круг. Зеркало, по-видимому, является копией с импортного, так как изображения нечетки и расплывчаты, но то, что удается проследить, можно охарактеризовать как изображения оленей. Сегментовидные, выступающие полоски в центре, вероятнее всего, рога животных. Подобное зеркало выделено Г. А. Федоровым-Давыдовым в отдел II 1-й тип с единственным экземпляром (1966, с. 83). Бронзовое зеркало со сходной композицией (четырьмя идущими по кругу животными) было найдено в 5-м кургане могильника Алебастрово II (Кригер В. А., Железчиков Б. Ф., 1980, с. 303). От салтакского его отличает то, что животные изображены в иной проекции - ногами к центру и на нем, судя по всему, изображены собаки.

Остатки умбона и деревянных планок позволяют предположить, что зеркало находилось в решетчатом деревянном футляре, на одной стороне которого был закреплен бронзовый умбон. А футляр с зеркалом, в свою очередь, помещались в мешочек из шелковой ткани золотистого цвета. Железные ножницы - вещь также достаточно распространенная в кочевнических погребениях. Весьма близкие по форме находились в вышеупомянутом кургане 5 могильника Алебастрово II (Кригер В. А., Железчиков Б. Ф., 1980, с. 303). Известны они и среди других памятников кочевников Южного Урала XIII- XIV вв. (Иванов В. А. Кригер В. А., 1988, Рис. 3, 3; 11, 2; 13, 28).

Наиболее оригинальной вещью в погребении является четырехсторонняя проволочная ажурная подвеска к шапочке. Шапочка, судя по остаткам, имела берестяной каркас, войлочную подкладку и была обшита снаружи шелком темно-золотистого цвета. Она имела, вероятно, форму колпака, мягкая верхняя часть которого свисала назад и к ней крепилась подвеска. Близких аналогов подвеске выявить не удалось.

В логической цепи предметов «зеркало-ножницы-бокка», характерных для женских погребений этого времени, отсутствует проволочная серьга в виде знака вопроса. Взамен ее в нашем случае присутствует элемент инвентаря, характерный для синхронных мужских погребений - бронзовая чашка. Наличие небольшой по размерам металлической посуды в погребениях средневековых кочевников является отголоском обряда помещения в могилы казанов, для подчеркивания социального статуса погребенного (Швецов М. Л.

1980, с. 192-201; Бисембаев А. А., Гуцалов С. Ю., 1996, с. 248-249).

Черты погребальною обряда, зафиксированные в 1-м кургане, также достаточно неординарны для данного региона и рассматриваемого времени. В этот период оградки, выстраиваемые на погребенной почве, выкладываются из сырцового кирпича, а господствующий сектор ориентировки погребенных - западный. Некоторые аналогии каменной ограде прослеживаются в чертах погребального обряда средневекового населения Южной Сибири в чуть более ранний период (Кызласов Л. Р., 1981, с. 47, 136; 1983, с. 23). Особенностью данного погребения является и скелет ребенка, положенный на уровне погребенной почвы после засыпания могилы. Неестественная скорченность костяка позволяет рассматривать его как жертвоприношение представителя низшей социально-возрастной группы. Исследуя отдельные черты комплекса можно выявить значительные параллели изучаемого погребения с памятниками Южной Сибири и Центрального Казахстана (Боталов С. Г., 1992, с. 230-238). Восточная ориентировкам хотя и не часто, но встречается в погребениях данного периода в Южном Приуралье, в частности, на территории уральского левобережья в могильнике у оз. Челкар, материалы которого пока неопубликованы, и в некоторых других. Сопровождающий же инвентарь, в свою очередь, весьма характерен для поздних кочевников указанного региона и отражает общий процесс «стандартизации» погребений XIII-XIV вв. Южного Приуралья. Наличие бронзовой чашки и человеческого жертвоприношения в женском погребении подчеркивает ее социальную значимость в кочевом обществе того времени (Плетнева С. А., 1974, с. 76). В целом, присутствие в комплексе специфических элементов в погребальном обряде и наборе инвентаря говорит о том, что рассматриваемое погребение принадлежит представительнице местного кыпчакского населения из особой социальной группы объединения племен Южного Приуралья.

Весьма вероятно, что хронологически и культурно близким к погребальному комплексу кургана 1 является каменная конструкция и находки в ней из верхнего стратиграфического горизонта кургана 2. Обряд трупосожжения в каменном склепе, правда овальной формы, очень характерен для кыргызских древностей Южной Сибири (Кызласов Л. Р., 1981, с. 206, 248, Рис. 74).

Остальные погребения и находки из курганов №№ 2-4 относятся к скифо-сарматской эпохе[2].

Глиняные кувшины, подобные тому, что найдены во 2-м кургане, достаточно часто встречаются среди памятников «сарматов» Южного Приуралья. Однако, большинство из них неопубликовано. Из известных в литературе аналогичный происходит из погребения 1 кургана 13 Новокумакского могильника (раскопки 1971-1973 гг.), датируемого К. Ф. Смирновым IV в. до н. э. (1977, с. 18, Рис. 7, 4). В целом близкий по форме сосуд с некоторыми орнаментальными отличиями найден в другом кургане Новокумакского могильника (курган 12, раскопки 1958-1959, 1962 гг.), датированном тем же временем (Мошкова М. Г., 1962, с. 216, Рис. 10, 3). Заметим, что оба эти погребения подбойные и с южной ориентировкой скелетов, как и в нашем случае. Весьма возможно, что этот тип посуды у уральских «сарматов» имел сугубо ритуальное значение. Каменное блюдо без ножек круглой формы, представленное в исследуемом комплексе, по наблюдениям В. Н. Васильева, в сарматских погребениях Приуралья характерны для времени V - рубеж IV-III вв. до н. э. (1996, с. 11). На сопредельной территории Северного Казахстана жертвенники данной формы известны в курганах V в. до н. э.: Бектениз, курган 5 и Саркара, курган 1 (Хабдуллина М. К., 1994, Табл. 14, 19-24; Максимова А. Г. и др., 1985). Среди памятников тасмолинской культуры Центрального Казахстана они суммарно датируются V-III вв. до н. э. (Вишневская О. А., 1992, Табл. 54, 14).

Бронзовые наконечники стрел из данного погребения: два трехлопастных с выступающей втулкой, один трехлопастной с внутренней втулкой и один трехгранный с внутренней же втулкой относятся соответственно к типам IXA, XII, XVIII по классификации К. Ф. Смирнова. Они были широко распространены с VI по рубеж III-II вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961, Табл. 3, 5). Однако, наиболее близкие формы датируются рубежом V-IV вв. до н. э. Такова и наиболее вероятная дата всего комплекса.

Глиняные сосудики с отверстием для подвешивания, похожие на тот, что встречен в основном погребении кургана 3, исследователи относят к разряду ритуальных. Они характерны для ранних кочевников Приуралья в VI-IV вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1964, Рис. 75, 17,18; Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 100). Известны они, правда, и в памятниках IV-II вв. до н. э. (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 116). Найденная в исследуемом погребении раковина grifea ограничивает дату погребения началом IV в. до н. э. - предельным верхним рубежом своего распространения. Южная ориентировка покойника подтверждает его принадлежность к прохоровской культуре кочевников Южного Приуралья.

Несомненно к более позднему времени относится впускное погребение ребенка в катакомбе, прорытой в южной стенке предшествующего погребения. Основная масса катакомбных погребений Южного Приуралья относится к III-II вв. до н. э. - более 50 % известных с VI по II вв. до н. э.

[2] В содержание данной публикации намеренно не включены отдельные фрагменты керамики эпохи бронзы, встреченные в кургане 4.

(Железчиков Б. Ф., Кригер В. А., 1988, с. 224). В пользу даты III-II вв. до н. э. говорят и другие черты обряда (южная ориентировка погребенного и немногочисленные кости жертвенного животного в погребении) и глиняный сосуд, типичный для вещевого комплекса этого времени (Пшеничнюк А. Х., 1983, Табл. II, 11; V, 7; XXII, 9). Кроме того, впускные сарматские катакомбы в более древние курганы наиболее характерны для III-II вв. до н. э. и их отличительной особенностью является немногочисленность погребального инвентаря (Смирнов К. Ф., 1975). Аналоги костяной подвеске найдены не были.

К сожалению, могила из кургана 4 оказалась начисто разрушенной, но инвентарь из насыпи кургана и засыпи могильной ямы хронологически совпадает и, вероятно, составлял единый комплекс, который, несомненно, близок погребению из кургана 2[3]. Бронзовые наконечники стрел, обнаруженные в кургане: трехгранный с внутренней втулкой (Рис. 4, 3) и три трехлопастных с внешней втулкой (Рис. 4, 2, 4-5), относятся соответственно к XIV, IXA, VIA типам по классификации К. Ф. Смирнова (1961, Табл. 3-5), характерных для IV в. до н. э.

Лепной круглодонный сосуд с шаровидным туловом находит многочисленные аналогии среди раннесарматской керамики Приуралья (Мошкова М. Г., 1963, Табл. 10, 20 и сл.). Сбруйная бронзовая пронизь с грибовидной шляпкой в целом характерна для времени не позже V в. до н. э. (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, Табл. 17, 20-24). Найденный рядом с нею железный 8-видный псалий с прямым стержнем также характерен для савроматского времени (Смирнов К. Ф., 1961, Рис. 48, 1,2). Ко времени не позднее V в. до н. э. относятся находки корытообразных[4] «жертвенников», подобных тому, что лежал в насыпи 4-го кургана (Васильев В. Н., 1996, с. 10). Таким образом, вещевой инвентарь исследуемого комплекса позволяет датировать его временем не позднее рубежа V-IV вв. до н. э.

Особого внимания заслуживает жертвенник из насыпи 4-го кургана. На его тыльной стороне прочерчен рисунок в технике граффити, что делает его уникальным. Один из углов тыльной поверхности разрушился еще в древности, по неосторожности во время раскопок лопатой было сделано три зазубрины, поэтому часть рисунка утрачена, но все же четко видно, что по центру от края вдоль длинных сторон примерно до середины камня прочерчен силуэт человека (некоторые линии заметны только при косом освещении). Голова его дана в виде овала, на котором косыми штрихами изображены глаза. Туловище дано небрежно несколькими прочерченными линиями, также как и короткие, расположенные под тупым углом к туловищу ноги. Правая рука согнута в локте и прижата к туловищу, левая вытянута в сторону и чуть вниз к волнистой линии по краю камня, завершающейся кривой с тремя косыми насечками внутри. В противоположном конце на неполностью отбитой поверхности прочерчено несколько прямых линий и петля (Рис. 4, 11). Отметим, что, судя по технике выполнения рисунка, заштрихованный участок над волнистой линией с тремя вершинами, вторичен по отношению к последней. Косые линии, прочерченные внизу плитки, нанесены на уже сбитую поверхность «жертвенника» и по отношению ко времени изготовления жертвенника носят вторичный характер. Безусловно, камень находился in situ, т. к. лежал на поверхности древнего кургана эпохи бронзы, а затем (в скифскую эпоху) был закрыт крепидой. Отсюда принадлежность рисунка к комплексу раннего железного века неоспорима.

Обращение к специальной литературе позволяет высказать следующие соображения:

1. На камне прочерчено изображение человека в позе, характерной для воина, стреляющего из лука. Этому сюжету имеются многочисленные аналогии, известные по петроглифам Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири (Самашев З. С., 1992, Рис. 41, 50-52, 131; Максимова А. Г. и др., 1985, Рис. на с. 14, 21; Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н., 1977, Рис. 27, 84; Шер Я. А., 1980, Рис. 26, 120; Медоев А. Г., 1979, Табл. 19).

2. Вполне возможно, что волнистая линия, к которой протянута левая рука, есть сигмовидный лук. Весьма похожий рисунок известен среди петроглифов Доланалы в Восточном Казахстане (Самашев З. С., 1992, Рис. 131). Однако, это может быть изображение гор или змеи. Как отмечали М. К. Кадырбаев и А. Н. Марьяшев, «...они (змеи - *авт.*) либо ограничивают всю композицию, либо высечены рядом и в стороне от других изображений» (Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н., 1977, с. 216). Нависшая над последним рисунком линия представляет собой голову крупного животного, в углу которой точкой дан глаз, а морда завершается расширяющимся носом. Очень близко данному изображению дано на бляшке из кургана 3 могильника Нурманбет II в Центральном Казахстане, где изображена протома кабана с подогнутой передней ногой (Вишневская О. А., 1992, Табл. 54, 10). В отдаленной степени ему близко изображение хищника на костяном жезле из Биш-Обы (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, Табл. 22, 2).

3. Небольшие размеры и материал плитки вероятно определили технику исполнения рисунка - графити. В противном случае, рисунок мог просто не поместиться на площадку или же осыпаться, отсюда техника исполнения носит примитивный характер и имеет ближайшие параллели среди

[3] Автор раскопок А. А. Бисембаев предполагает, что в разграбленной могиле, судя по разной плотности засыпи, был подбой.

[4] Данный термин введен в научный оборот В. Н. Васильевым (1996).

наскальных изображений Казахстана и Южной Сибири эпохи средневековья и Нового времени (Медоев А. Г., 1979, Табл. 64 и сл.; Елин В. Н., Соёнов В. И., 1990).

4. Семантика изображений на жертвеннике требует специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бисембаев А. А., Гуцалов С. Ю., 1996. Средневековые погребения с территории Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара.

Боталов С. Г., 1992. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр // РА, 2.

Васильев В. Н., 1996. Каменные жертвенники-алтарики и проблема сарматских миграций // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть II. Уфа.

Вишневская О. А., 1992. Центральный Казахстан // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Елин В. Н., Соснов В. И., 1990. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск.

Железчиков Б. Ф., Кригер В. А., 1988. Катакомбные захоронения Уральской области // СА, 4.

Иванов В. А., Кригер В. А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М.

Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н., 1977. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата.

Кригер В. А., Железчиков Б. Ф., 1980. Позднекочевнические погребения у поселка Рубежка и Алебастрово Уральской области // СА, 1.

Кызласов И. Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв.- САИ, Е3-18, М.

Кызласов Л. Р., 1981. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Максимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшев А. Н., 1985. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата.

Медоев А. Г., 1979. Гравюры на скалах. Алма-Ата.

Мошкова М. Г., 1962. Новокумакский могильник близ г. Орска // МИА, 115. М.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ, Д1-10. М.

Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ, Б4-2. М.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Курганы ранних кочевников Южного Урала. М.

Самашев З. С., 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА, 101. М.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ, Д1-9. М.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Хабдулина М. К., 1994. Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. Алматы.

Швецов М. Л., 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА, 2.

Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.

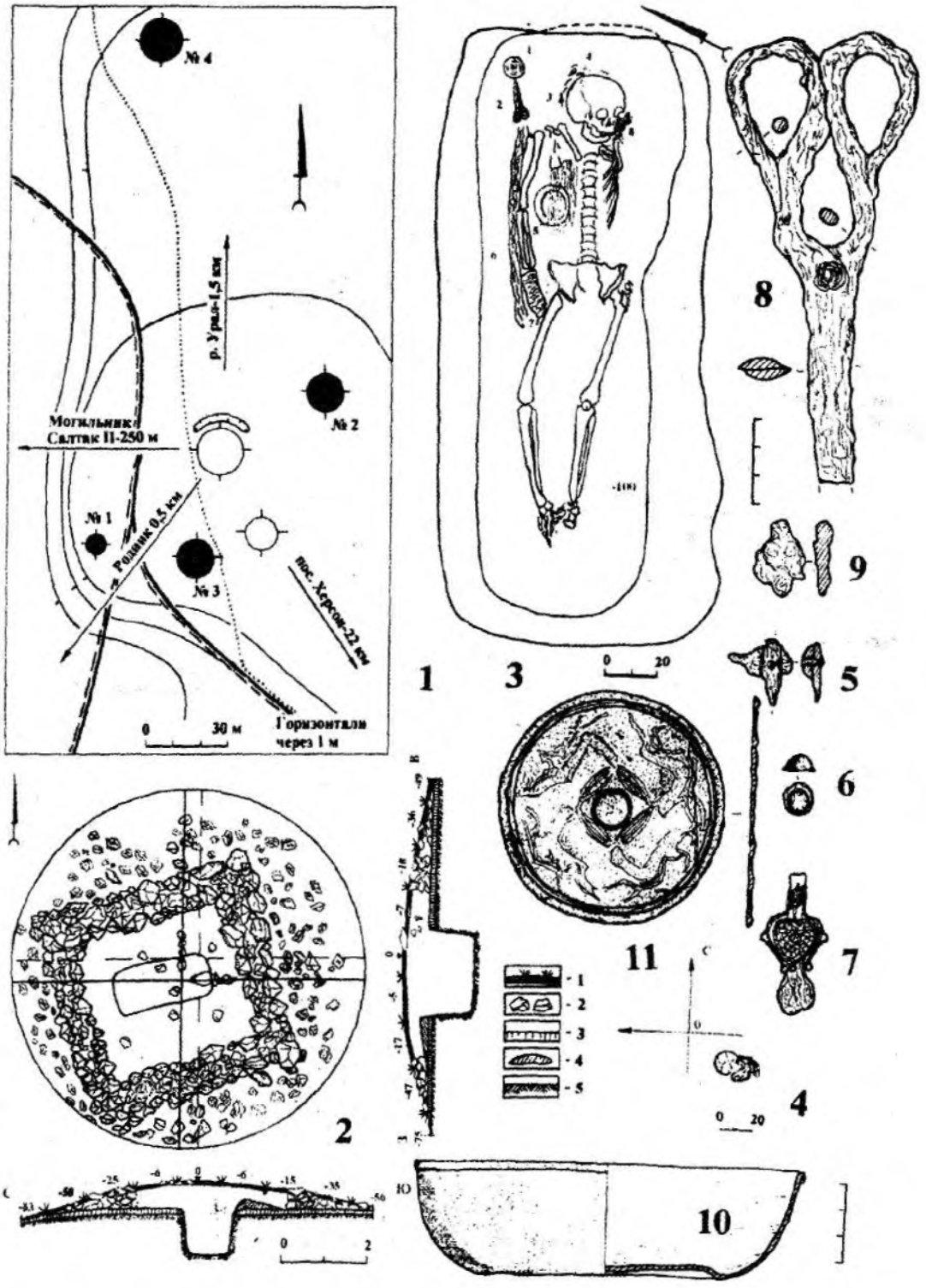


Рис. 1. Могильник Салтак-1.

1 - общий план могильника; 2 - план и разрезы бровок кургана 1 (1 - гумус, 2 - камень, 3 - погребенная почва, 4 - могильный выкид, 5 - материк); 3 - план погребения (1 - зеркало, 2 - ножницы, 3 - подвеска, 4 - фрагменты шелка и бересты, 5 - чашка, 6 - фрагменты гробовища, 7 - «бокка», 8 - фрагменты ткани); 4 - погребение ребенка; 5-6,9 фрагменты футляра; 7 - подвеска; 8 - железные ножницы; 10 - бронзовая чашка; 11 - бронзовое зеркало.

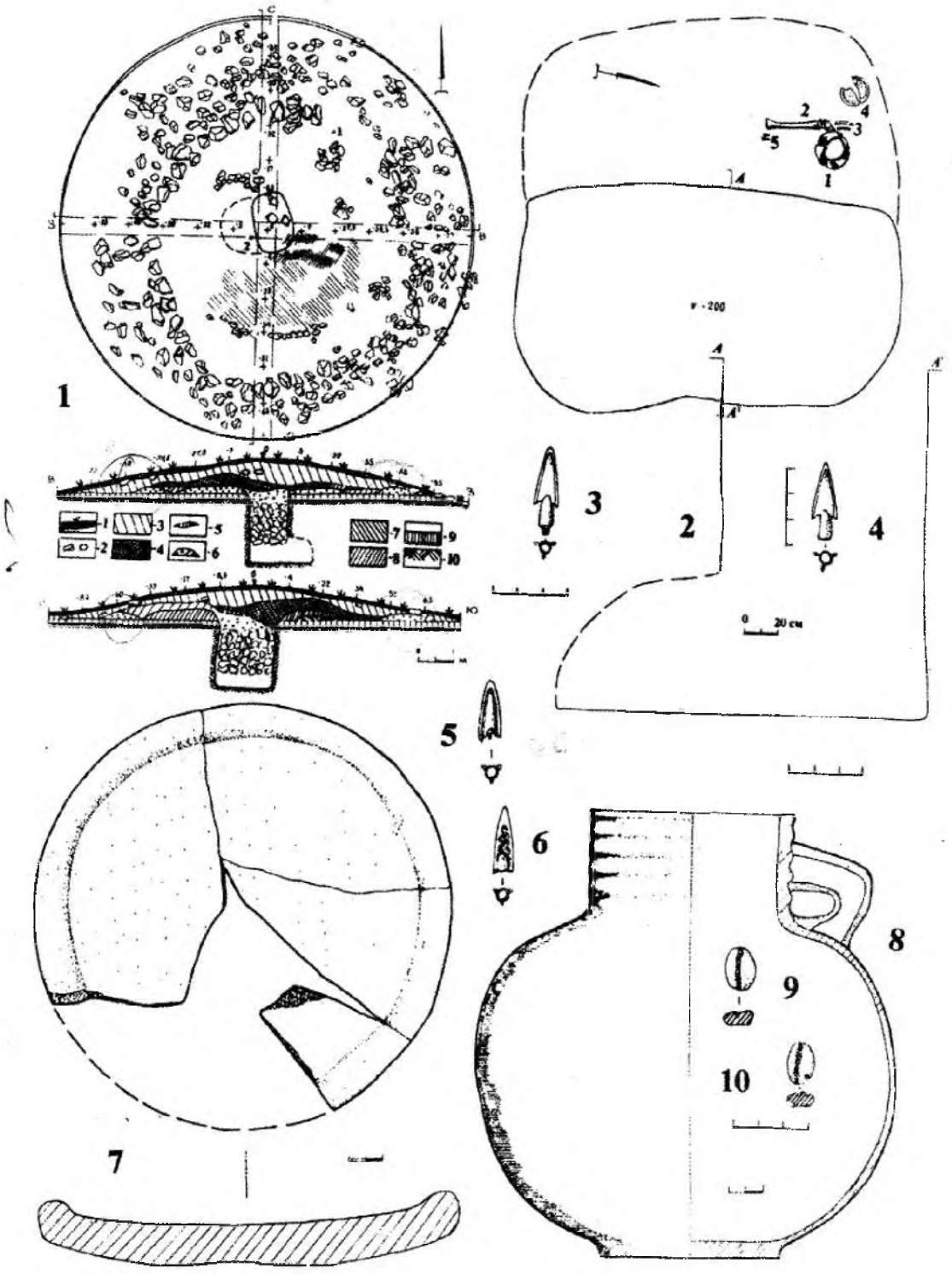


Рис. 2. Могильник Салтак-1. Курган 2.
1 - план и разрезы бровок кургана 2 (1 - гумус, 2 - камень, 3 - насыпь, 4 - прокаленная почва в бровке, 5 - сажа, 6 - глина, 7 - очертания кострища в плане, 8 - древняя насыпь, 9 - погребенная почва, 10 - материк); 2 - план погребения (1 сосуд, 2 - кости ноги, 3 - кости КРС и железный нож, 4 - каменный «жертвенник», 5 - бронзовые наконечники стрел); 3-6 - бронзовые наконечники стрел; 7 - каменное блюдо; 8 - глиняный сосуд; 9-10 - раковины каури.

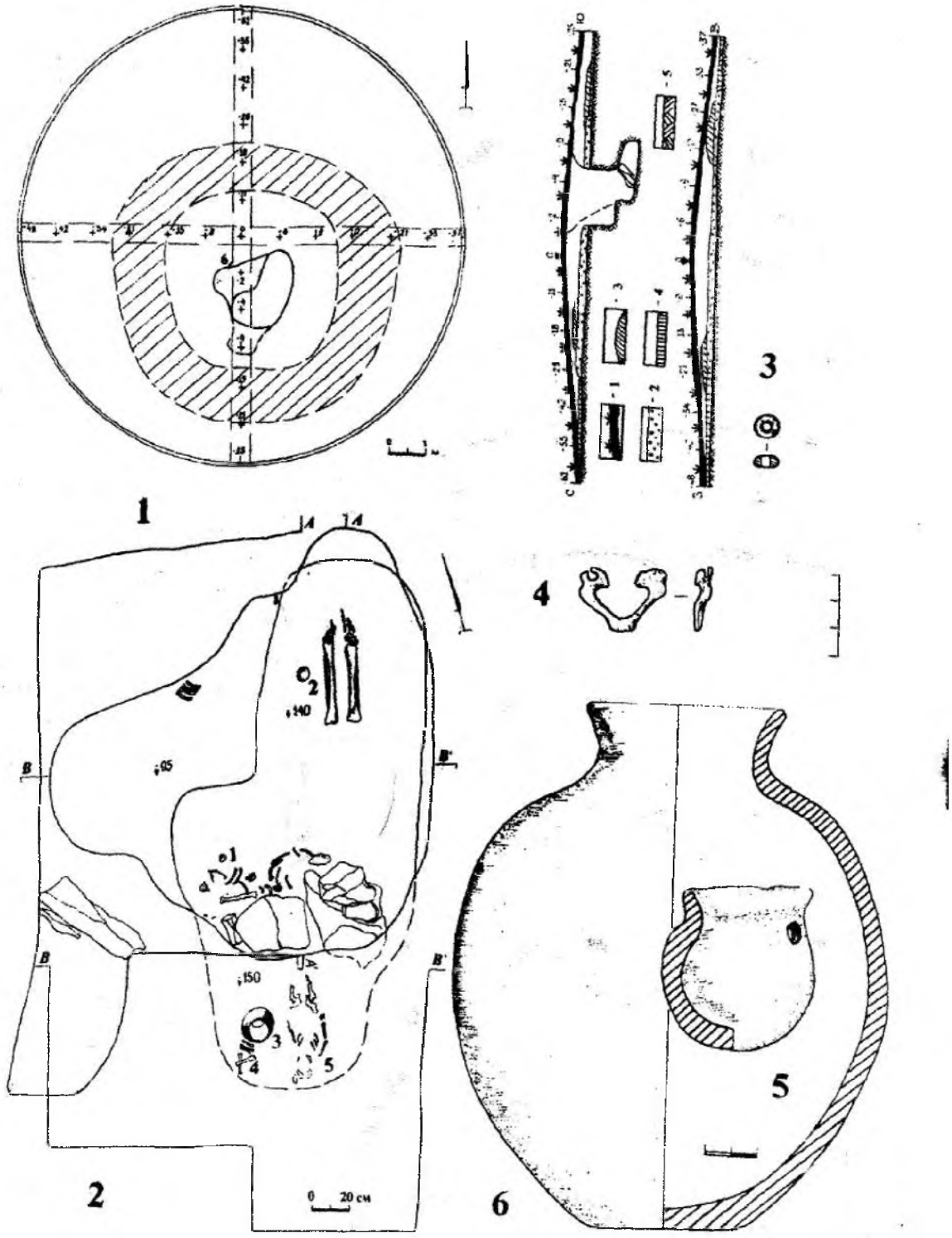


Рис. 3. Могильник Салтак - 1. Курган 3.
1 - план и осевые разрезы кургана 3 (1 - гумус, 2 - глина, 3 глиняное кольцо, 4 - погребенная почва, 5 - материк; 6 - кости овцы; 2 - план погребения (1 - раковина; 2 - курильница, 3 - сосуд, 4 - кости овцы, 5 - скелет ребенка); 3 - стеклянная бусина; 4 - костяная подвеска; 5-6 - сосуды.

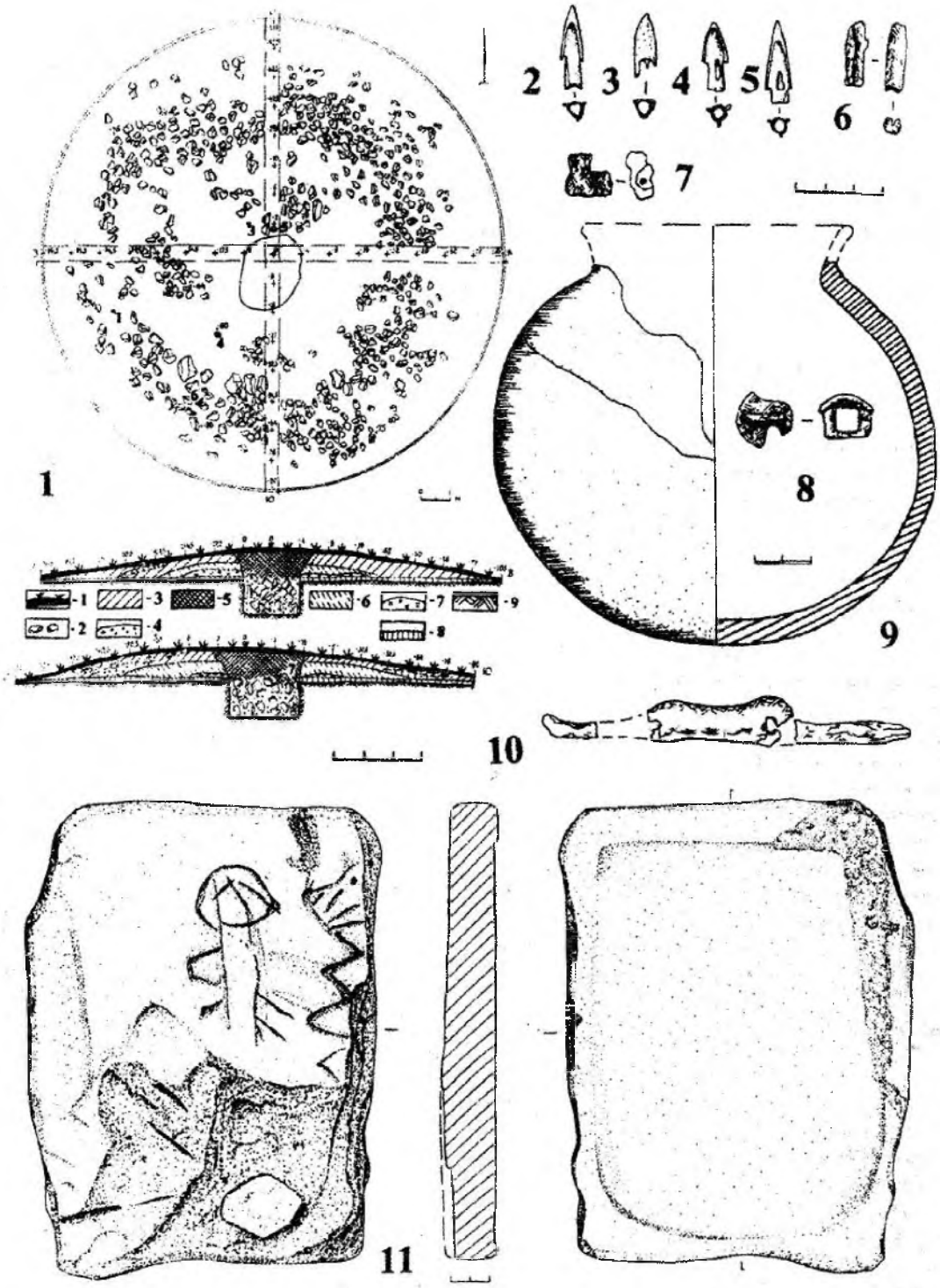


Рис. 4. Могильник Салтак-1. курган 4.
1 - план и осевые разрезы (1 - деревянный столб, 2-3 - фрагменты керамики, 4 - каменный «жертвенник», 5 - сосуд, 6 - предметы конской узды, 7 кости человека и наконечники стрел); 2-4 - бронзовые наконечники стрел; 6 - железная пронизь; 7 - фрагмент железного ножа; 8 - бронзовая пронизь; 9 - сосуд; 10 - железный псалий; 11 - каменный жертвенник.

А. Р. Ишбирдин
(Уфа, Институт биологии УНЦ РАН)

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ОРГАНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЗ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА

В настоящей работе приведены результаты исследований органических объектов из раскопок, произведенных археологическими экспедициями Национального музея Республики Башкортостан. Объекты сохранились главным образом благодаря обугливанию без доступа воздуха и бактерицидному воздействию ионов меди. Сохранившиеся фрагменты органики исследовались микроскопическими методами с использованием бинокулярной лупы (увеличение в 4,8 – 56 раз) и микроскопа (увеличение в 80 – 300 раз). Анатомические срезы производились лезвием без применения специальных инструментов. Предварительно хрупкие объекты (древесина) фиксировались смесью Страсбургера-Флемминга (равные части спирта, воды и глицерина), рекомендуемого для хранения хрупких объектов. Для бактерицидного эффекта с учетом необходимости длительного хранения археологических объектов в смесь был добавлен формалин (0,5 частей).

Растительные остатки определялись по краткому определителю древесных пород по анатомическим структурам (Эзау К., 1980), определителю семян сорных растений (Майсурян Н. А., Атабекова А. И., 1978), а также при сравнении приготовленных препаратов и объектов с готовыми анатомическими препаратами и гербарными образцами. Текстильные волокна определялись по описаниям М. Н. Прозиной (1960). Фрагментарность хитиновых остатков насекомых позволила определить их только до отрядов.

Ниже приводим описания исследованных объектов.

I. Объекты, подвергшиеся воздействию высокой температуры без доступа воздуха.

Все исследованные объекты происходят из погр.1 Яковлевского II одиночного кургана в Хайбуллинском р-не РБ, исследованного археологической экспедицией НМ РБ (далее – АЭ НМ РБ) в 1995 году (см. статью В. К. Федорова и В. Н. Васильева в настоящем сборнике). Погребение взрослого мужчины совершено по обряду трупосожжения, произведенному внутри могилы. Погребение разграблено, кроме обугленных органических объектов в нем ничего не обнаружено. Предположительно, погребение датируется савроматским временем, VI-V вв. до н.э. Исследованы следующие объекты:

1. Ткань. Изготовлена из шерстяной пряжи, переплетение простое полотняное. Шерсть овечья, состоящая из подпушка с примесью остевых волос. Есть небольшая примесь растительной ветоши. Толщина основной нити 0,6-0,7 мм, нить утка несколько уплощена и имеет толщину 0,8-1 мм. Число кручений на 1 мм – 0,4-0,5. Ткань не изношена – изученные фрагменты не имеет деформаций и потертостей. Плотность ткани, толщина и степень скрученности нитей на всей площади исследованного фрагмента однородны, что свидетельствует о достаточно высоком уровне технологии производства тканей в описываемое время.

2. Войлок. Толщина исследованных фрагментов войлока 10-12 мм. Изготовлен из овечьей шерсти. Имеются редкие включения растительной ветоши – части листьев и соломин степных злаков. Только отдельные исследованные образцы имели до 30% включений. Степное происхождение растительных остатков определяется их ксерофитной морфологией.

3. Под войлочной подстилкой фиксировался слой травы. Растительные остатки представляют массу листьев степного злака со сложенными листьями шириной 0,6-0,8 мм. На поверхности листьев обнаруживается характерная для ковылей бугорчатость. Сравнение с гербарными образцами ковылей, собранных в Зауралье позволило идентифицировать исследованные образцы с ковылем красивейшим (Stipa pulcherrima C.Koch).

4. Объекты на поверхности ткани определены как личинки или куколки двукрылых насекомых (Dipterae) – мух. Сохранившиеся фрагменты представляют сегменты бочонковидных форм длиной ок. 8 мм. Внутренняя поверхность глянцевая, просматривается членистость.

5. Древесный уголь. В большом количестве встречен в заполнении могилы и непосредственно над погребенным. Сохранившаяся анатомическая структура, хорошо просматривающаяся на свежем изломе, позволяет идентифицировать объект с березой (Betula sp.).

II. Объекты, сохранившиеся благодаря бактерицидному эффекту ионов меди.

Происходят из различных погребений, исследованных АЭ НМ РБ в 1990-1996 гг.

1. Древки стрел. Образцы происходят из погр. 1 к. 3 Яковлевского могильника (см. статью В. К. Федорова и В. Н. Васильева в настоящем сборнике). Погребение пожилого мужчины относится к прохоровской культуре и датируется IV в. до н.э. В находившемся при нем колчане обнаружены остатки ок. 200 стрел – бронзовые наконечники и остатки древок. Колчан состоял из трех отделений, содержащих стрелы, сгруппированные по величине наконечников – крупные, средних размеров и мелкие. Выборочное исследование древок из трех отделений не показало каких-либо закономерных различий между ними. Исследованные остатки древок имели длину до 8 см и толщину 4,5-7 мм. Изготовлены из обработанной лучины березы, имеют очень гладкую поверхность. При примерно равной толщине древки включают от 2,5 до 8 годовых колец. Древки, изготовленные из

рыхлой и плотной древесины, на момент исследования имеют в сечении, соответственно, плоскую с закругленными краями, либо округлую форму.

2. Остатки деревянного кружочка, прикрепленного к ворворке, обнаружены в центральном погребении к.1 Яковлевского могильника (см. статью В. К. Федорова и В. Н. Васильева в настоящем сборнике). Погребение относится к прохоровской культуре и датируется IV в. до н.э. Остатки кружочка представляют собой конструктивный элемент волосяной или нитяной кисти. Изготовлен из березы.

3. Остатки травы с футляра от зеркала найдены в к. 3 Верхнекардаиловского могильника в Кваркенском р-не Оренбургской обл., исследованном АЭ НМ РБ в 1991 г. (Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994б, с. 157-158, рис.3). Погребение женщины средних лет относится к савроматской культуре и датируется V в. до н.э. Остатки травы представляют массу измельченных степных злаков, преобладают фрагменты листьев ковыля красивейшего.

4. Остатки корзиночки обнаружены под диском бронзового зеркала в погребении V в. до н.э. к. 3 могильника Сара в Кувандыкском р-не Оренбургской обл., исследованном АЭ НМ РБ в 1993 году (Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994а; с. 125-127). В корзиночке находился набор красок в порошкообразном состоянии, маленький железный ножик и шильце. Корзиночка была украшена кожаной аппликацией. Предварительно материал, из которого была изготовлена корзиночка, был определен как кора и прутья ивы.

Исследование показало, что корзиночка изготовлена простым плетением из листьев ковыля красивейшего. Основу составляют стебли двудольного растения. По всей видимости, плетение производилось предварительно увлажненными листьями – все листья на исследованном фрагменте расправлены и имеют ширину 1,3-1,5 мм.

5. Семена из колчана. Обнаружены в донной части кожаного колчана среди наконечников стрел в погр. 2 к. 2 Яковлевского могильника (см. статью В. К. Федорова и В. Н. Васильева в настоящем сборнике). Погребение взрослого мужчины рубежа V-IV вв. до н.э. относится к прохоровской культуре.

Основная масса образца состоит из семян кориандра (Coriandrum sativum L.). Кроме того, обнаружены фрагменты веточек можжевельника казацкого (Juniperus sabina L.), семя горошка (Vicia sp.) и измельченный злак. На одном из фрагментов злака, включающем узел стебля и прилегающие части междоузлий обнаружена почка – стеблевой примордий. Такое строение злака (ветвление) позволяет предположить, что это вейник пурпурный (*Calamagrostis purpurea Trin.*). Кроме того, в образце много хитиновых фрагментов жесткокрылых насекомых (Coleoptera) – жуков.

6-9. Остатки органики, прилегающие к бронзовой бляхе в виде свастики, обнаруженной под нижней челюстью (на шейных позвонках) костяка 1 в погр. 1 к. 6 Березовского V могильника в Кваркенском р-не Оренбургской обл., исследованного АЭ НМ РБ в 1995 году (Федоров В. К., Рафикова Я. В., 1996; с. 49-52, 69-70, рис.6, 12). Погребение молодой женщины относится к алакульской культуре и датируется XIV-XIII вв. до н.э. Предварительно определены как остатки ткани, кожи, коры и древесины.

6. Остатки органики с шейных позвонков являются фрагментами человеческой кожи, прилегающей выделанной кожи животного и остатков измельченных перьев. В образце обнаружена сухожильная нить длиной 2,3 см с узелком. На коже шеи обнаружен след, оставленный человеческим волосом – бороздка длиной 1,5 см. В части бороздки сохранился волос красного оттенка.

7. Остатки органики, прилегающие к бронзовой свастике. Исследованный образец состоит из фрагментов человеческой кожи, выделанной кожи, измельченных перьев (части опахала контурных или маховых перьев), отрезков пряжи длиной до 1,1 см, фрагментов вязаного изделия и хитина насекомых.

8. Фрагмент кожаного изделия размером 2,0 х 1,2 см состоит из двух частей, сшитых крученой из двух сухожильных тяжей ниткой. Толщина двойной нити 1,3 мм. На поверхности выделанной кожи сохранились редкие волосы подпушка длиной 0,5-0,6 мм. Микроскопическое исследование показало, что это волос козы. Кожа окрашена в карминно-красный цвет.

9. Фрагмент трикотажного изделия связан из крученой из двух ниток пряжи из овечьей шерсти. Толщина пряжи 0,5-1,0 мм, число кручений на 1 мм – 0,33-0,5. Пряжа окрашена в карминно-красный цвет. Изделие вязано тонкой иглой простой резинкой (чередование одной лицевой и одной изнаночной петель). Отдельные отрезки ниток пряжи окрашены в карминно-красный, черный и светлый цвета. Красные нити являются фрагментами вязаного изделия, на что указывает их характерный изгиб. Черные и светлые нити прямые и вероятно являются фрагментами декоративной отделки типа бахромы или кисти.

По взаимному расположению описанных объектов можно заключить, что:

а) трикотажное изделие является частью нательной одежды – на коже тела обнаруживаются фрагменты пряжи;

б) выделанная козья кожа является фрагментом мешка (подушки), заполненного измельченными перьями – остатки перьев обнаружены на мездровой поверхности;

в) бронзовое изделие находилось одновременно в контакте с кожей тела, трикотажным изделием и внешней ворсовой поверхностью мешочка – на это указывают отложения солей меди.

10. Органические остатки вокруг наконечника стрелы, обнаруженной в области таза молодого мужчины в погр. 1 к. 2 Михайловского II могильника в Абзелиловском р-не РБ, исследованного АЭ НМ РБ в1996 году (материалы не опубликованы).

Погребение принадлежит прохоровской культуре и датируется IV в. до н.э.

Исследованный фрагмент является частью многослойной соединительнотканной капсулы. Можно предположить, что это прижизненное новообразование, возникшее после ранения стрелой.

11. Органические остатки вокруг наконечника стрелы, обнаруженные в грудной клетке. Происходят из погребения пожилого мужчины в к. 3 Яковлевского могильника (см. статью В. К. Федорова и В. Н. Васильева в настоящем сборнике). Предварительно определены как остатки сердца человека.

Объект состоит из двух частей: пленчатого образования размером 4,5 х 2,5 см и фрагмента размерами 5,5 х 3,0 х 1,0 см. Гистологическое обследование показало, что объект состоит из мышечной и соединительной тканей. Предположительно, это фрагменты перикарда и желудочка сердца. На это указывают соединительнотканное пленчатое строение меньшего фрагмента и крупные сосуды, остатки сердечного клапана и наличие мышечной ткани большего фрагмента.

12. Фрагменты ткани и органики. Происходят из погр. 3 к. 2 Новокалкашского могильника в Стерлибашевском р-не РБ, исследованном АЭ НМ РБ в 1990 году (см. статью И. М. Акбулатова в настоящем сборнике). Погребение принадлежит прохоровской культуре и датируется IV-III вв. до н.э.

Исследованные фрагменты преобладающей в пробе ткани сотканы из окрашенной в буро-красный цвет однониточной шерстяной пряжи. Пряжа изготовлена из подшерстка (пуха) козы. Толщина ниток основы и утка 0,3-0,4 мм, число кручений на 1 мм – 0,7. Переплетение ткани – простое полотняное. Ткань редкая (типа марли), расстояние между нитями основы и между нитями утка одинаковое – 0.8 мм (измерялось как расстояние между воображаемыми осями соседних ниток).

На ткани обнаружены фрагменты кожи тела с остатками хитина насекомых и кладок насекомых. Между тканью и кожей обнаружено несколько человеческих волос темного цвета. Можно предположить, что обнаруженные фрагменты ткани являются элементом одежды, возможно, тканой шали. Технология изготовления тканых шалей из козьего пуха сохранилась до наших дней в южном Зауралье. Сравнительный анализ волокон исследуемого объекта и подпушка разводимых на юге Башкортостана горно-степных пуховых коз показал, что по своим качественным характеристикам они идентичны – толщина волокон в обоих случаях 1,5-3,0 микрон и число чешуек на 100 микрон – 57-70.

Обнаружен небольшой фрагмент ткани типа сукна размером 1,0 х 1,3 см. Ткань соткана простым полотняным переплетением из белой овечьей шерсти. Пряжа обычная однониточная. Нити основы толщиной 0,4 мм, расстояние между ними – 1,5 мм. Пряжа сильно крученная – число кручений на 1 мм – 1. Нити утка толщиной 0,4 мм, расстояние между нитями 0,5 мм, число кручений на 1 мм – 0,3. Переплетение нитей полотна скрыто с одной стороны войлокообразным застилом из черной овечьей шерсти. Толщина застила – 1,5 мм.

III. Растительные остатки.

1. Кусок дерева желто-бурого цвета, найденный рядом с жертвенной чашей. Обнаружен в погр. 1 к. 2 Яковлевского могильника (см. статью В. К. Федорова и В. Н. Васильева в настоящем сборнике). Погребение женщины относится к савроматской культуре и датируется рубежом VI-V вв. до н.э.

Образец имеет форму бруса размером 9 х 3 х 3 см с ровными торцевыми сторонами. Один из концов имеет закругление одной грани с кривизной, соответствующей выемке жертвенной чаши. По всей вероятности кусок дерева использовался в качестве пестика. Анатомическое исследование древесины позволило определить ее как принадлежащей сосне обыкновенной (Pinus sylvestris L.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994а. Раскопки курганов у пос. Сара // АО-1993.

Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994б. Разведочные раскопки в северо-восточном Оренбуржье // Башкирский край. Вып. 5.

Майсурян Н. А., Атабекова А. И., 1978. Определитель семян и плодов сорных растений. М.

Прозина М. Н., 1960. Ботаническая микротехника. М.

Федоров В. К., Рафикова Я. В., 1996. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в южном Зауралье // Башкирский край. Вып. 6.

Эзау К., 1980. Анатомия семенных растений. М.

И. М. Минеева, В. М. Горожанин
(Уфа, Национальный музей Республики Башкортостан, Институт геологии УНЦ РАН)

МИНЕРАЛОГО-ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КАМЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РБ.

Археологическая коллекция НМ РБ имеет более чем 100-летнюю историю формирования. Археологические находки были одними из первых экспонатов, поступивших в Уфимский губернский музей после его основания в 1864 году. Сегодня эта коллекция по древней истории края насчитывает около 30 тысяч предметов.

Около 8% процентов от числа всех экспонатов археологической коллекции составляют каменные изделия различного назначения: орудия труда и предметы быта, вооружения, украшения и т.п.

Обычно археологическое описание предметов, в том числе и изготовленных из камня, включает определение его типологии, формы и других классификационных параметров, на основе которых проводится хронологическая и культурная интерпретация. Однако, камень, в отличие от многих других предметов человеческой жизнедеятельности, не теряет своих физических и морфологических свойств со временем и позволяет на основе минералого-петрографического описания, определить место его происхождения. Это дает дополнительные сведения об этно-культурных и торговых контактах народов, населявших территорию Южного Урала в различные эпохи.

Общие сведения о коллекции.

В настоящей работе представлена выборка археологического материала, собранного и исследованного на территории Южного Урала и прилегающих к нему областей (Рис. 1). Хронологически выборка проведена по всем археологическим эпохам и большинству археологических культур, выделенных на указанной территории и представленных в коллекции музея: от эпохи мезолита (X-V тыс. до н. э) до средневековья включительно (до IX века).

Следует отметить, что попытка минералого-петрографического описания каменного материала музейной коллекции уже предпринималась. В 1974 году по просьбе археолога Р. Б. Исмагилова некоторые предметы, в основном это каменные топоры, получили краткую характеристику, выполненную старшим петрографом Башкирского геологического управления С. П. Цопур, однако, это описание было ограничено небольшим количеством предметов - около десятка (Обыденнов М. Ф., 1996).

На основе приложенной таблицы вычислена динамика встречаемости каменных изделий различного назначения в разных археологических эпохах и культурах по количеству артефактов и по общему количеству предметов (рис. 2, 3).

Методика работы Геолого-минералогическое изучение предмета из камня проводилось по двум положениям. Во-первых, это точная диагностика материала археологической находки. Она опиралась на обычные в геологической практике приемы минералого-петрографического описания, основанные на изучении морфологических характеристик и некоторых механических свойств минералов. Прежде всего определяли - из чего состоит археологический предмет - минерала или породы (агрегата минералов). Для уверенной диагностики минерала обычно было достаточно определение 2-3 характеристик. Породы диагностировали по слагающим их минералам, а также структуре (размеру минералов) и текстуре (способ их сложения).

Горные породы, как известно, разделяются по способу происхождения на три крупных группы: магматические, осадочные и метаморфические, и с отнесения к той или иной группе и начиналась диагностика пород. Следующим шагом в определении горных пород было установление генетических особенностей по выявленным структурно-текстурным характеристикам и минеральному составу. Для магматических пород большое диагностическое значение имеет эффузивная или интрузивная это порода, для осадочных - хемогенная, органогенная или обломочная. И еще более детальные характеристики пород, такие, как степень измененности магматических пород (замещение первично-магматических минералов вторичными) или видовой состав фаунистических остатков в карбонатных породах, нередко имели ключевое значение при определении горных пород.

Во-вторых, это идентификация коренных источников минералов и горных пород. Это, несомненно, более сложная, чем предыдущая задача, поскольку, кроме корректного пользования справочной минералогической литературой, она предполагает знание основных черт геологического строения региона, а также литологических и петрографических особенностей всего спектра горных пород, встречающихся в этом регионе. В силу сложного и разнообразного строения территории Республики Башкортостан этот спектр горных пород чрезвычайно широк. Мощность одних только осадочных толщ, накопление которых происходило в течение последних 1600 миллионов лет, оценивается в 13-15 км (Унифицированные..., 1990). Для идентификации коренных источников горных пород на территории РБ, авторы использовали опубликованную геологическую карту Башкирской АССР (Атлас..., 1990), легенда которой содержит, однако, лишь самое общее название горных пород, чего бывает часто совершенно недостаточно. Поясним это на примере термина «песчаник», обычно фигурирующем в легендах к геологическим картам. Это очень широко распространенная осадочная горная порода, присутствующая и в древних, и в молодых осадочных тол-

щах, в платформенных и вулканических областях. Необходимыми поэтому являются детализирующие сведения по характеру обломочной части (кварцевый, аркозовый, вулканомиктовый, полимиктовый) или степени сцементированности (сливной, кварцитовидный, плотный, пористый, слабосцементированный), которые сразу резко сужают возможную область коренных источников и позволяют определить их до ранга свиты. Поэтому опорой служил прежде всего личный опыт изучения геологического строения Южного Урала, охватывающего территорию горной части Башкортостана и Челябинской области, и минералого-петрографических особенностей горных пород, как магматического, так и осадочного происхождения, распространенных на этой территории. Набор осадочных образований, известных авторам по полевым исследованиям, заключен в возрастном диапазоне от раннего рифея до позднего палеозоя.

Краткие сведения о распространенности коренных горных пород на территории Башкортостана. Рассмотрим в кратком виде территорию Башкортостана с точки зрения распространения основных типов горных пород - потенциальных источников сырья для изготовления каменных предметов.

В данном регионе отчетливо выражены два геоморфологических ландшафта - равнинный и горный, которые в общем виде совпадают с крупными геологическими структурами - краем Восточно-Европейской платформы и Уральским складчатым поясом. Они разделены между собой Предуральским краевым прогибом, который с поверхности мало чем отличается от платформенной части, поскольку выполнен теми же осадочными образованиями нижне- и верхнепермского возраста, что и чехол платформенной части: конгломератами, песчаниками, аргиллитами, известняками и гипсом. В пределах складчатого сооружения Южного Урала обычно выделяют Западный и Восточный склоны, которые имеют принципиально различное геологическое строение.

На Западном склоне преимущественное распространение имеют породы осадочного происхождения - те же конгломераты, песчаники, глинистые сланцы, известняки, доломиты и их промежуточные разности, но вследствие складчатости и разрывной тектоники на дневную поверхность выведены слои значительно большего возрастного диапазона: от нижнего рифея до перми, т.е. формировавшиеся от 1600 до 200 млн лет назад. Естественно, количество разновидностей указанных типов пород по составу, измененности и другим характеристикам значительно большее, чем в платформенной части. Кроме того, в пределах Западного склона широкое распространение имеют своеобразные магматические образования, внедрявшиеся в осадочные толщи - дайки, которые слагаются, в основном, габбро-диабазом.

На Восточном склоне Южного Урала, в понятие которого входят и зауральские степи, преобладающее развитие имеют породы магматического происхождения, формировавшиеся в палеозойскую эру (от ордовикской до каменноугольной системы). Широко распространены вулканогенные породы (базальты, андезиты, риолиты и т.п.), слагающие область некогда активного вулканизма (Ирендыкская островная дуга, например), а также интрузивные породы - габбро, диориты, граниты, образующие тела разнообразной формы. С вулканическими породами ассоциируются связанные с ними единым происхождением осадочные образования: туффиты, вулканомиктовые песчаники и конгломераты, яшмоиды.

Граница между Западным и Восточным склонами Южного Урала проходит по хребту Урал-Тау, с которым совпадает зона Главного Уральского Разлома. С этой зоной связано большое разнообразие магматических пород ультраосновного состава - дунитов, гарцбургитов, клинопироксенитов и образованного по ним серпентинитов. К этой же зон тяготеют метаморфические комплексы хр. Урал-Тау, представленные, в основном, метаморфизованными осадочными породами: кварцитами, филлитами, гнейсами, мраморами.

Для понимания областей распространения тех или иных горных пород следует иметь также в виду, что в аллювии рек, стекающих с области горного сооружения, всегда можно найти гальку горных пород, распространенных в площади их водосбора.

Некоторые итоги.

Во всем изученном каменном материале из археологических коллекций можно выделить две неравнозначные по своему объему группы: дистальную (отдаленную) и проксимальную (ближнюю). К первой авторы относят материал, источники которого заведомо находятся за пределами Южного Урала. Это прежде всего янтарь, месторождения которого находятся в Прибалтийском регионе, а также гагат[1] - блестящая смолоподобная разновидность каменного угля, месторождения которого известны в Крыму, на Кавказе, в Иркутской области (Киевленко, Сенкевич, 1976) и в северной Фергане (Геологический словарь, 1978). Изделия из янтаря и гагата - в основном это бусы - достаточно многочисленны в описанной выборке.

Значительная доля бусин представлена кремнистым минералом – халцедоном и его различно окрашенными разновидностями – сердоликом (однородного красно-бурого цвета) и агатом (полосчатыми разновидностями). К сожалению, однозначный ответ относительно их происхождения дать невозможно. Все указанные разновидности довольно широко распространены (от Европы до Чукотки), но известны также и на Южном Урале в районе г. Магнитогорска в геологической ситуации,

[1] И янтарь, и агат представляют собой органогенные образования, но поскольку их обычно находят в ископаемом природном залегании, то авторы рассматривают их как аналоги природного камня.

близкой широко известным индийским месторождениям плато Деканского плоскогорья. Более определенно об индийском происхождении сердоликовых бус может свидетельствовать только наносной содовый орнамент (Литвинский, 1972), имеющийся на некоторых бусах изученной выборки.

Еще одним камнем, отнесенным к дистальной группе является белый нефрит, из которого изготовлена скоба для крепления ножен к поясу. Вообще говоря, нефрит изредка встречается на Южном Урале в области распространения ультраосновных пород, упоминаний о находках белой разновидности, обычной в Саянах и хр. Кунь-Лунь (Китай) (Бетехтин, 1950), однако, неизвестно.

Общее количество каменных предметов дистальной группы значительно уступает другой группе, проксимальной, к которой авторы относят каменный материал, коренные источники которого находятся, или могут находиться в пределах Южного Урала.

Практически все остальные каменные предметы из изученных коллекций относятся к этой многочисленной группе. Разница между упомянутыми выше понятия «находятся» и «могут находиться» вероятностная, она связана со сходством многих морфологических признаков для широко распространенных горных пород и минералов.

Скажем, кристалл горного хрусталя, не имеющий каких-либо особых признаков, определяющих его принадлежность к конкретному месторождению, может происходить из любой складчатой области (Кавказ, Карпаты, Балтийский или Украинский щиты, Алтай и т.п.). Месторождения горного хрусталя, однако, довольно широко распространены на Южном Урале, поэтому вероятность отнесения его к проксимальной группе высока. Для достижения стопроцентной уверенности необходимы детальные исследования геохимического спектра микроэлементов различными сложными химико-аналитическими методами. Иногда горные породы, из которых сделан предмет, несут настолько характерные признаки, что вероятность близка 100%. Таковы, например, тонкослоистые плитчатые вишнево-красные кварцевые песчаники с глауконитом, характерные только для инзерской свиты верхнего рифея и неизвестные в других складчатых областях.

Поскольку деление изученного материала на дистальный и проксимальный оказалось недостаточно эффективным (получились слишком неравнозначные группы), следующим шагом дифференциации каменного материала, в том числе и проксимального, было его разделение по источнику происхождения внутри региона. Для Южного Урала весь каменный материал, за небольшим исключением, обычно отчетливо дифференцируется - в соответствии с указанными выше особенностями геологического строения, на материал с западного и восточного склонов.

Проведем конкретный анализ полученных результатов по эпохам. Каменный материал, используемый для изготовления орудий труда и других предметов в разные исторические промежутки времени, имел разную количественную степень распространения и применения. Как известно, первое и наиболее бурное развитие каменной индустрии началось на самых ранних этапах истории человечества. Археологически это соответствует эпохе камня - палеолиту, мезолиту и неолиту. В описываемой коллекции зафиксировано 5 артефактов (фактов местонахождения каменных предметов на памятнике), относящихся к эпохе камня и еще 6 артефактов соответствующих переходному периоду от неолита к энеолиту (меднокаменному веку). В общем количестве они содержат 77 предметов, относящихся к двум категориям: орудия труда и предметы вооружения (рис. 2, 3). Весь каменный материал рассматриваемой эпохи относится к южно-уральскому типу, т. е. к проксимальной группе (рис. 4). В эпоху мезолита из двух имеющихся артефактов один происходит с западного, другой - с восточного склонов Южного Урала. В эпоху неолита преобладает материал с восточного склона. А в эпоху неолита-энеолита - с западного склона. Таким образом, материал эпохи камня имеет как местное, так и неместное происхождение в пределах указанного выше критерия (рис. 5).

Наиболее массовой коллекцией в нашей выборке материала является группа предметов, относящаяся к эпохе бронзы. В описываемой коллекции рассмотрено 26 артефактов, чему количественно соответствует 1576 археологических предметов. Большая часть предметов относится к проксимальной группе источников, причем значительно преобладает каменный материал с западного склона Южного Урала (рис. 2,3).

Эпоха раннего железа представлена в нашей выборке коллекцией, характеризующей две основные культурные общности древности - кочевническую и оседлую. Достаточно полно представленный материал позволил соотнести его с четырьмя археологическими культурами. В целом они представлены 44 артефактами, чему соответствуют 568 предметов. В эпоху раннего железа в археологических памятниках начинает появляться каменный материал, источники которого находятся в пределах не только Южного Урала, но и в других регионах, т.е. относится к дистальной группе (рис. 4). Если у савроматов доля импортного материала невелика, то в сарматских памятниках она составляет почти третью часть. Структура импорта не отличается разнообразием - каменные изделия представляют собой, главным образом, бусы из янтаря и гагата.

Что касается характера предметов проксимальной группы (южноуральского материала), то у ранних кочевников они распределяются крайне неравномерно в отношении источника происхождения внутри региона. В савроматских памятниках каменный материал происходит преимущественно с восточного склона и хребта Урал-тау, а в сарматских – в основном с западного склона, в меньшей степени с восточного, и менее всего с района хребта

Урал-тау (рис. 5).

В памятниках оседлых (кара-абызской и пьяноборской) культур установлен только южноуральский материал, среди которого преобладают предметы, происходящие с западного склона Южного Урала (рис. 2,3). Наличие импортных вещей из камня не установлено.

Эпоха средневековья представлена в изученной выборке бахмутинской и турбаслинской культурами, каждой из которых соответствуют 6 и 4 артефакта, насчитывающие 54 и 87 предметов соответственно (рис. 2, 3).

Среди них имеют место предметы как проксимальной так и дистальной группы. Для памятников турбаслинской культуры, правда, они впервые становятся сопоставимыми, однако мы склонны объяснить это небольшой представительностью выборки. В бахмутинских памятниках в равной степени распространен каменный материал как с западного, так и с восточного склона Южного Урала.

Из краткого рассмотрения количественных и качественных (по видам камня) характеристик каменных изделий по эпохам в целом можно заключить, что преимущественное распространение имеют южноуральские источники, составляющие около 80% изученной выборки.

Таким образом, проведенное минералого-петрографическое описание и систематизация каменного материала археологической коллекции НМ РБ позволило идентифицировать источники происхождения археологических предметов из камня в пределах Южного Урала и за его границами. Такой подход к анализу археологического материала расширяет возможности решения вопроса о месте происхождения археологического предмета, изготовленного из каменного материала, выявить миграционные и коммуникативные способности древнего населения, наметить торговые пути древних племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АКБ, 1976 - Археологическая карта Башкирии. М.

Атлас, 1990 - Атлас Республики Башкортостан. Уфа. 1990.

Ахмеров Р. Б., 1951. Уфимские погребения VI - VIII веков нашей эры // КСИИМК, 40.

Ахмеров Р. Б., 1955. Памятники срубно-хвальнской культуры в Башкирии // КСИИМК, 59.

Бетехтин А. Г., 1950. Минералогия. М.

Васильев В. Н., Савельев Н. С., Федоров В. К., 1995. Итоги двухлетних совместных работ ИИЯЛ - БГОМ // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане, вып. 1. Уфа.

Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994. Разведочные раскопки в северо-восточном Оренбуржье // Башкирский край, вып. 5. Уфа.

Геологический словарь, 1978. М.

Гольмстен В. В., 1912. Раскопки могильника близ Чертова городища под Уфой летом 1911 года // Вестник Оренбургского учебного округа, № 2. Уфа.

Збруева А. В., 1959. Стоянка имени М. И. Касьянова. Башкирский археологический сборник. Уфа.

Збруева А. В., 1962. Затонское селище // АЭБ, 1. Уфа.

Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., 1976. Геология месторождений поделочных камней. М.

Крайнов Д. А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.

Литвинский Б. А., 1972. Древние кочевники «крыши мира». М.

Матвеева Г. И., 1969. Исследования в Центральной Башкирии. Археологические открытия - 1968. М.

Матвеева Г. И., 1970. Работы в Бельско-Уфимском междуречье. Археологические открытия-1969. М.

Мажитов Н. А., 1959. Могильник близ села Ново-Турбаслы. Башкирский археологический сборник. Уфа.

Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. М.

Обыденнов М. Ф., 1996. Новые материалы о проникновении древних индоевропейцев на территорию Башкортостана (середина II тысячелетия до н. э.). Препринт. Уфа.

Овсянников В. В., 1992. Городище Уфа-II. Башкирский край, вып. 2. Уфа.

Садыкова М. Х., 1962. Сарматский курганный могильник у д. Старые Киишки // АЭБ, 1. Уфа

Тагиров Ф. М., 1993. Шидалинский I могильник. Башкирский край, вып. 3. Уфа.

Унифицированные, 1990 - Унифицированные и корреляционные стратиграфические схемы Урала (УКСС). Свердловск.

Шмидт А. В., 1929. Археологически изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // «Хозяйство Башкирии», № 8-9. Уфа.

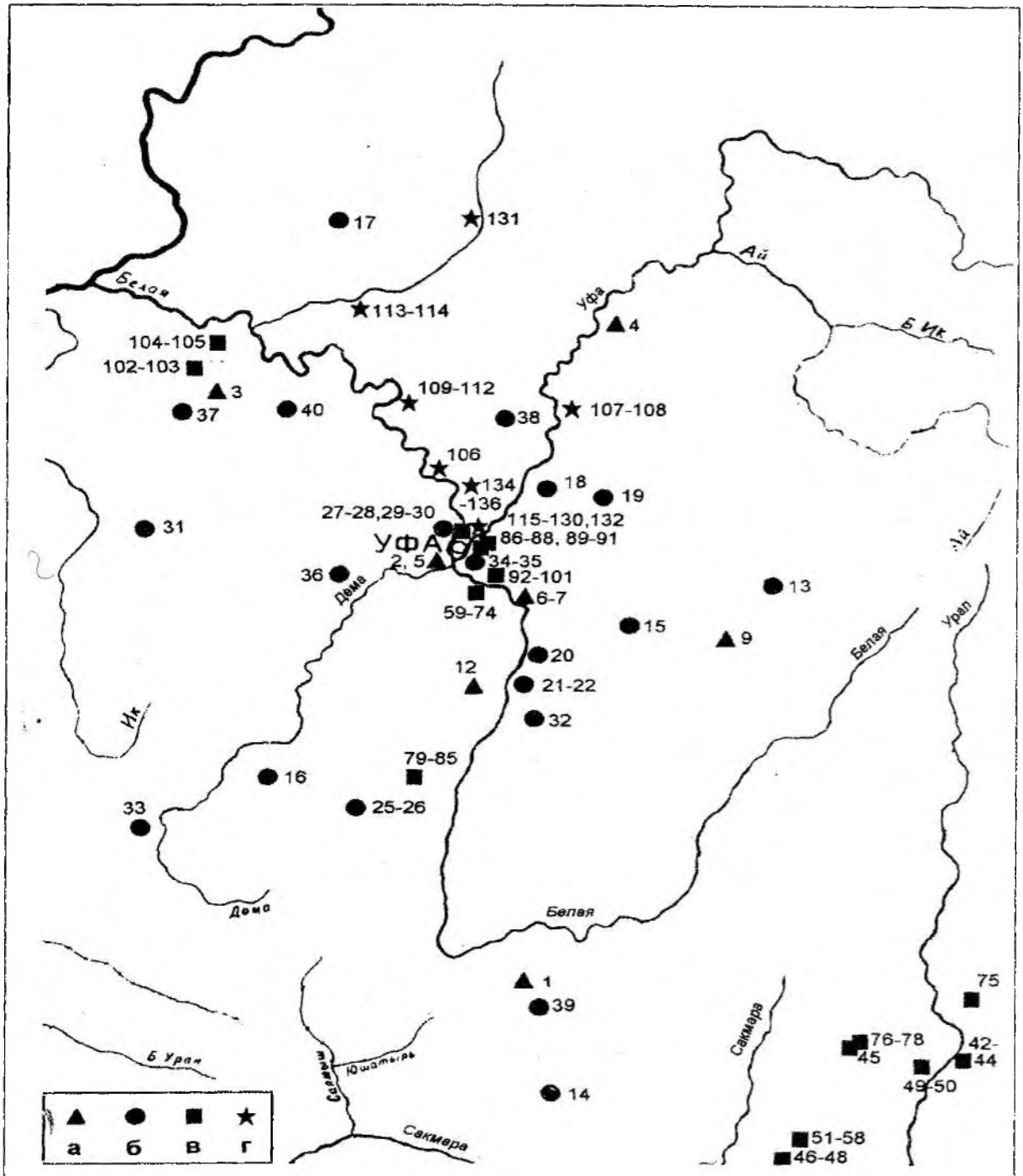


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников с каменными предметами:
а - эпохи камня; б - эпохи бронзы; в - эпохи раннего железа; г - эпохи средневековья. Номера соответствуют таблице, для номеров 10, 11, 23, 24, 41 местонахождение неизвестно.

Эпоха / Назначение	Эпоха камня			Эпоха бронзы				Эпоха раннего железа				Эпоха средневековья	
	мезолит	неолит	неолит-энеолит	энеолит-ранняя бронза	ранняя и средняя бронза	поздняя бронза	бронза*	савроматская культура	сарматская культура	кара-абызская культура	пьяноборская культура	бахмутинская культура	турбаслинская культура
Орудия труда и предметы быта	2	2	2		6	6	10	6	6	7	2	4	1
Предметы вооружения		1	4	1			3					1	
Украшения									9	2	3	4	3
Предметы культа								4	2				
Неизвестного назначения								3				1	
Всего:	2	3	6	1	6	6	13	13	17	9	5	6	4

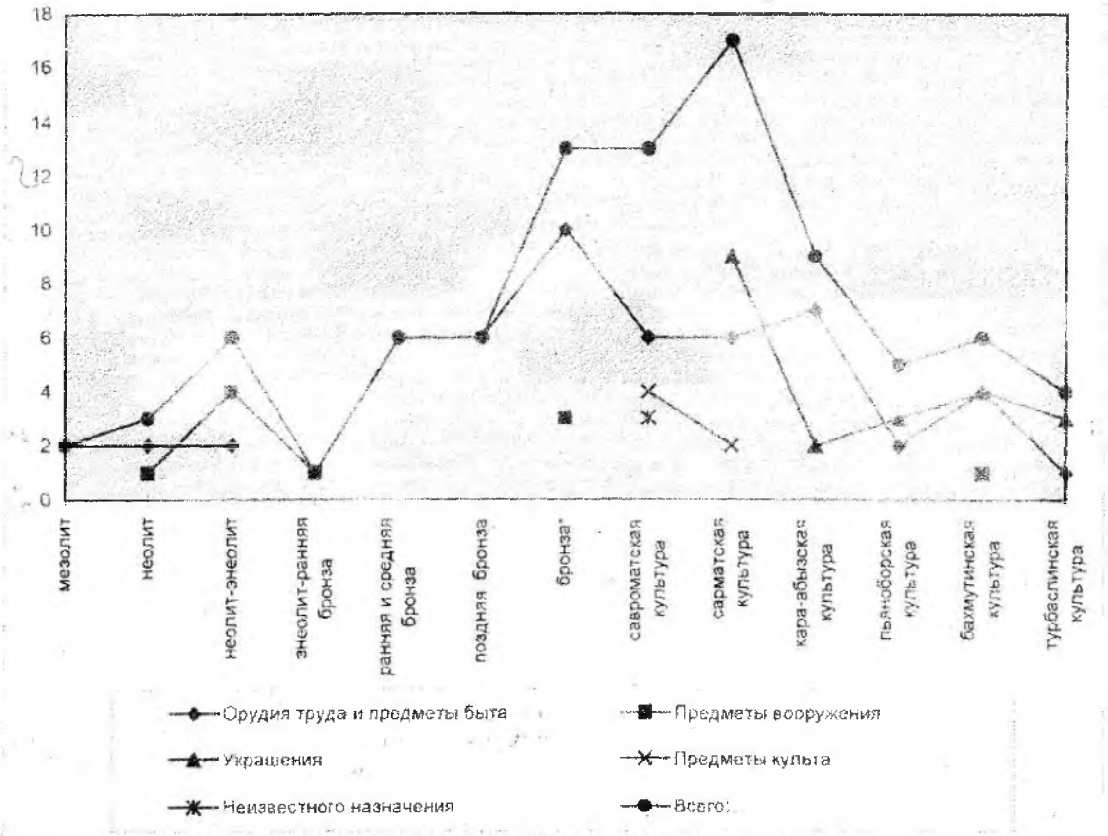


Рис. 4. Динамика встречаемости каменных изделий различного назначения по эпохам (количество артефактов);
* - эпоха бронзы без точной хронологической привязки.

Эпоха / Назначение	Эпоха камня			Эпоха бронзы				Эпоха раннего железа				Эпоха средневековья	
	мезолит	неолит	неолит-энеолит	энеолит-ранняя бронза	ранняя и средняя бронза	поздняя бронза	бронза*	савроматская культура	сарматская культура	кара-абызская культура	пьяноборская культура	бахмутинская культура	турбаслинская культура
Орудия труда и предметы быта	34	9	2		6	1546	14	8	9	11	2	14	1
Предметы вооружения		2	30	1			9					1	
Украшения									480	12	3	33	86
Предметы культа								36	3				
Неизвестного назначения								4				6	
Всего:	34	11	32	1	6	1546	23	48	492	23	5	54	87

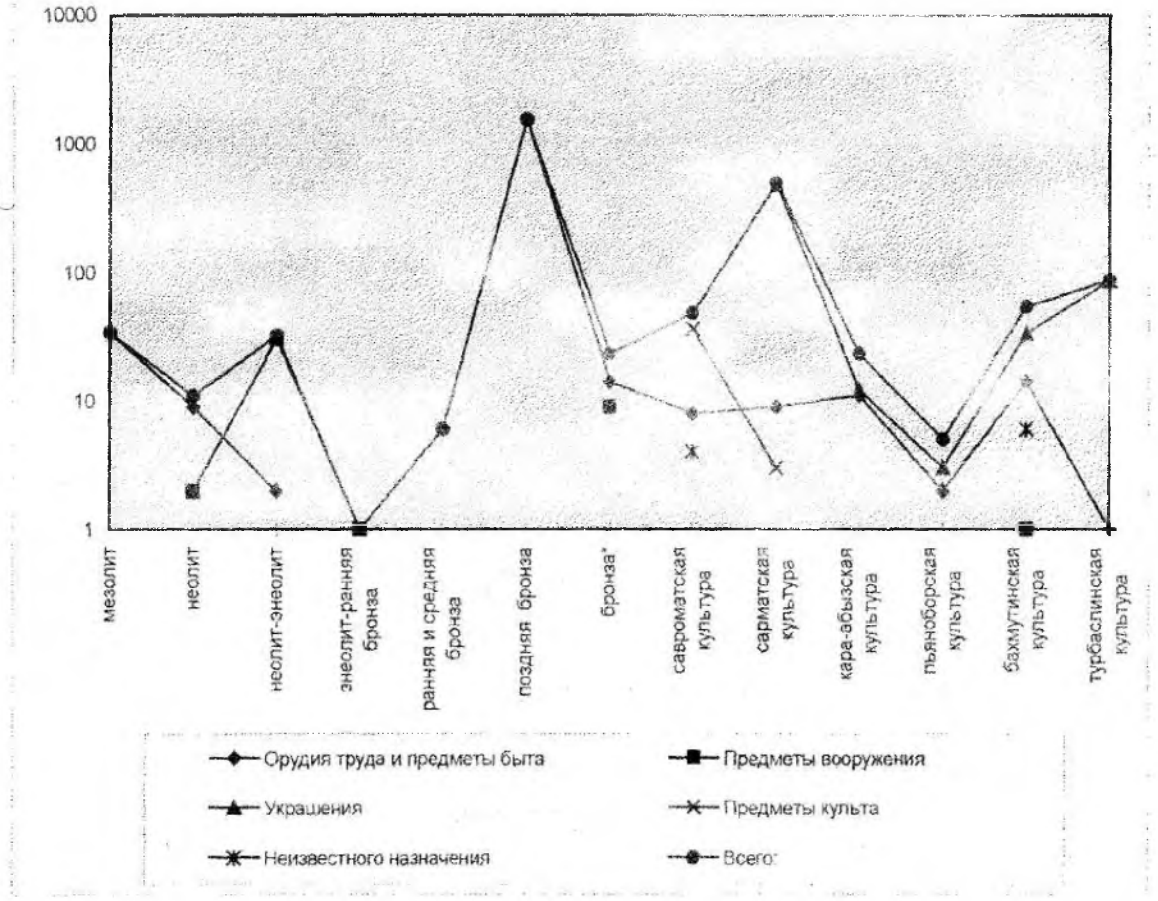
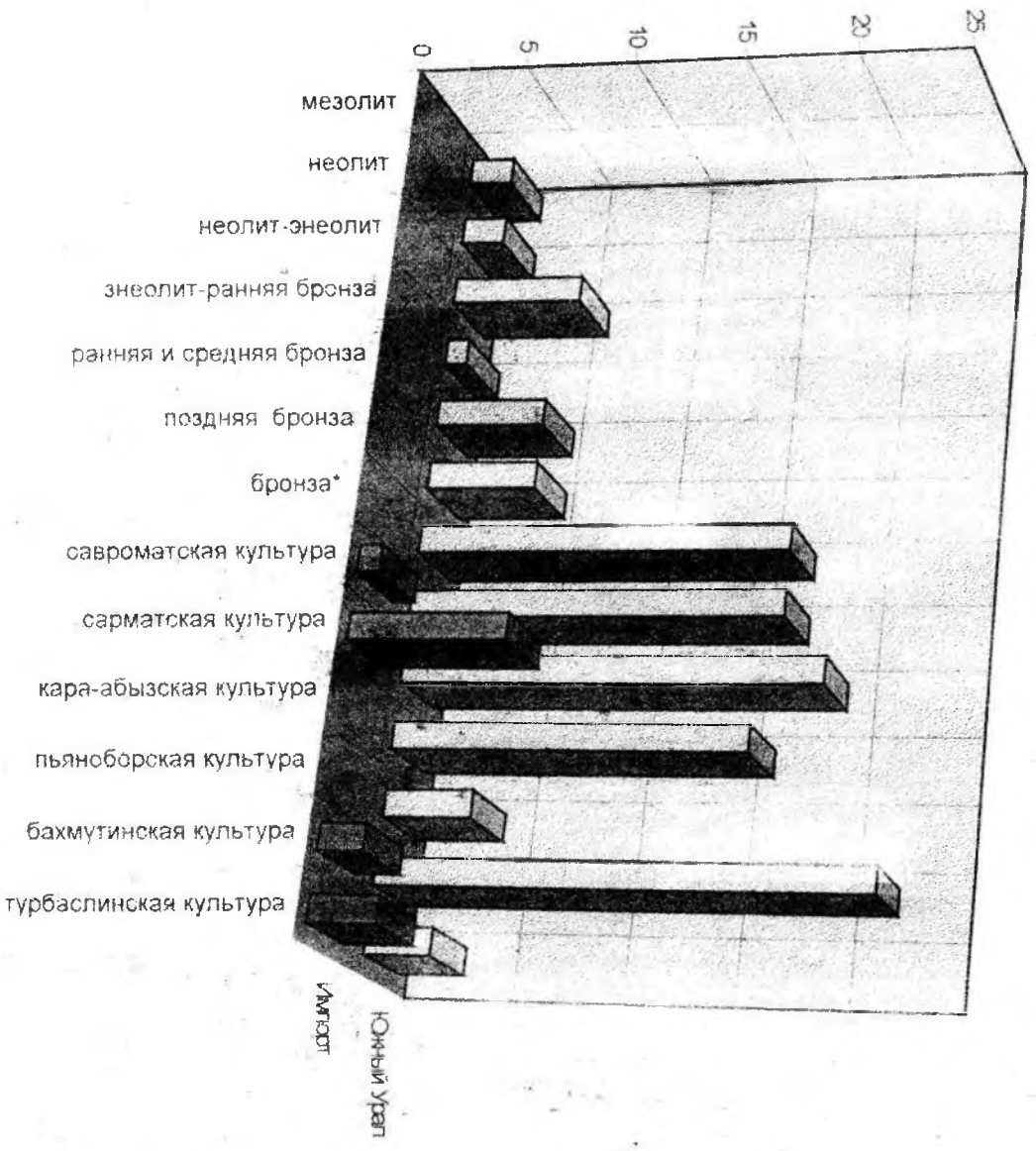
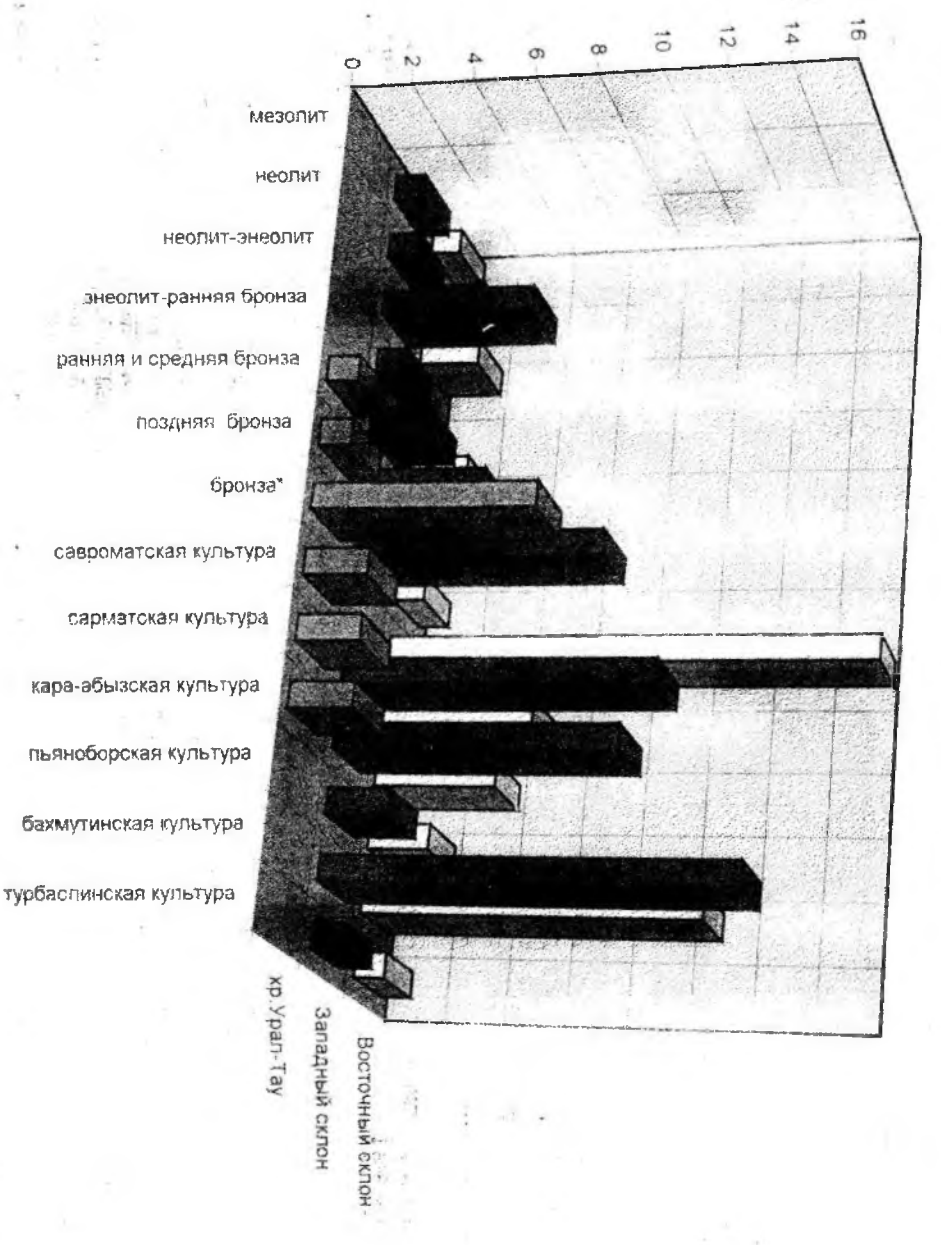


Рис. 3. Динамика встречаемости каменных изделий различного назначения по эпохам (общее количество предметов);
* - эпоха бронзы без точной хронологической привязки.


0
5
10
15
20
25
мезолит
неолит
неолит-энеолит
энеолит-ранняя бронза
ранняя и средняя бронза
поздняя бронза
бронза*
савроматская культура
сарматская культура
кара-абызская культура
пьяноборская культура
бахмутинская культура
турбаслинская культура
Южный Урал
Илек


0
2
4
6
8
10
12
14
16
мезолит
неолит
неолит-энеолит
энеолит-ранняя бронза
ранняя и средняя бронза
поздняя бронза
бронза*
савроматская культура
сарматская культура
кара-абызская культура
пьяноборская культура
бахмутинская культура
турбаслинская культура
Восточный склон
Западный склон
хр.Урал-Тау

Предметы из камня различных эпох, хранящиеся в фонде археологии Национального музея РБ

Структура таблицы:

Эпоха	Эпоха / культура	Номер п/п
Камня	Мезолит	1-2
	Неолит	3-5
	Неолит-Энеолит	6-11
Бронзы	Энеолит-ранняя бронза	12
	Ранняя и средняя бронза	13-18
	Поздняя бронза	19-24
	Бронза*	25-41
Раннего железа	Савроматская	42-58
	Сарматская	59-85
	Кара-абызская	86-101
	Пьяноборская	102-105
Средневековья	Бахмутинская	106-131
	Турбаслинская	132-136

*- без точной хронологической привязки

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
Эпоха камня								
Мезолит (X - V тыс.до н.э.)								
1	6060/2	Коллекция предметов: Сколы, проколки, пластины с ретушью.	12	Кремни	От светло-серого до темно-серого, почти черного цвета, скрытокристаллические, просвечивают в тонком сколе, с раковистым изломом, тв.7	Западный склон Ю.Урала, кремнистые конкреции в верхнепалеозойских известняках	Кугарчинский р-н РБ, Мурадымовская пещера, раскопки О.Н.Бадера, 1960 г.	АКБ. 1976. с.184.№ 1665.
2	17115/1-19	Коллекция предметов:скребки, сколы, трехгранный ретушер и т.п.	22	Риолиты и риолитовые витрокластический туфы.	Кремово-серые магматогенные брекчиевидные породы кислого состава с вкрапленниками плагиоклаза и кварца а также с мелкими миндалинами зонального халцедона; туф с характерной струйчатой текстурой, твердые, с раковистым сколом	Восточный склон Ю.Урала, палеозойские породы магнитогорской вулканогенной области	Уфимский р-н РБ, Кумлекульская стоянка, раскопки Сальникова К.В., 1961 г.	АКБ. 1976. с.69, №408.
Неолит (V - III тыс. до н.э.)								
3	403	Наконечники стрел ромбической	2	Песчаник	Белого цвета с коричневой	Западный склон Ю.Урала;	Илишевский р-н РБ, исток	

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
		формы со слабо выраженным ребром жесткости, выполнены на сколе с нуклеуса, по лезвию нанесена двусторонняя ретушь			корочкой выветривания, среднезернистый, состав чисто кварцевый, из речной гальки	лемезинская подсвита зильмердакской свиты верхнего рифея	р.Исян-елга, случайная находка в 1946 г.	
4	404/2	Тесло подпрямоугольной формы, плоское, со скошенным и закругленным лезвием; со следами использования на шлифованной поверхности	1	Туфопесчаник	Темно зеленого цвета с отчетливой слоистостью, чередование тонкозернистых прослоев хлорит-кварцевого состава и тонкослоистой кремнистой породы	Восточный склон Ю.Урала, Магнитогорская зона, палеозойские вулканогенные отложения	р.Уфа близ устья р.Юрюзань; случайная находка	
5	17040	Сколы-заготовки для разных орудий: скребков, рубил, проколок; пластины ножевидные	8	Кремень	Разноокрашенные обломки - от темно-серого до белого, опаловидные, с раковистым сколом, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, вулканогенно-осадочные толщи палеозоя Магнитогорской зоны	Уфимский р-н РБ, VIII Романовская стоянка и селище, раскопки 1969 г.	Матвеева Г.И., 1969, с.138
Неолит-Энеолит (V - III тыс. до н.э.)								
6	337	Ретушер трехгранный, с заостренным кончиком	1	Кремень	Молочно-белый, опаловидный, с красноватым оттенком; полупрозрачный, с непрозрачными мелкими включениями и прослойками	Западный склон Ю.Урала, миньярская свита верхнего рифея	Гора Акташ близ с. Охлебинино; случайная находка в 1929 г.	
7	393	Зернотерка подкубической формы со скошенными углами и четырьмя рабочими поверхностями	1	Песчаник	Белого цвета с коричневой корочкой выветривания, среднезернистый, состав чисто кварцевый; из речной гальки	Западный склон Ю.Урала; лемезинская подсвита зильмердакской свиты верхнего рифея		
8	339	Наконечник стрелы двугранный, с выступающим ребром жесткости; края ретушированы	1	Кремень	Темно-серого цвета с зеленоватым оттенком, скрытокристаллический, с раковистым изломом, просвечивает в тонком сколе	Западный склон Ю.Урала. Вулканогенно-осадочные толщи в обрамлении массива Крака.	Белорецкий р-н РБ,случайная находка	
9	336	Остроконечник листовидной формы; в сечении линзовидный, без черенка	1	Кремень	Пестроокрашенный - от светло-серого до темно-серого цвета с округлыми голубовато-серыми включениями; с раковистым изломом и слоистостью, подчеркивающую конкреционную форму	Западный склон Ю.Урала, миньярская свита верхнего рифея	Место находки неизвестно, 1939	
10	5605	Наконечники копий и стрел	27	Кремень Яшма	Кремни от голубовато-серого до черного цвета, просвечивают в тонком сколе; яшма полосчатая, зелено-коричневая, непросвечи-	Кремни - Западный склон, яшма - Восточный склон Ю. Урала	Место находки неизвестно	

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
					вающая			
11	299	Наконечник стрелы двухгранный, в сечении линзовидный, ретуширован	1	Яшма	темно-серого цвета с голубоватым оттенком, однородная, с раковистым сколом	Восточный склон Ю.Урала, калканская яшма (г.Учалы)	Место находки неизвестно, 1922 г.	
Эпоха бронзы								
Энеолит - ранняя бронза (конец III - нач. II тыс. до н.э.)								
12	338	Наконечник дротика лавровидный, в сечении линзовидный, с обломанным черешком, края ретушированы	1	Кремень	Пестро- и серо-окрашенный, тонкослоистый, с раковистым сколом; слоистость конкреционной формы	Западный склон Ю.Урала, конкреции в палеозойских карбонатных толщах	Аургазинский р-н РБ, с. Нагадак.	
Ранняя и средняя бронза (III тыс.- перв. половина II тыс. до н.э.)								
13	17074	Топор проушный клиновидный, безобушковый, с втулкой конической формы	1	Габбро-диабаз	Темно-зеленого цвета, среднекристаллический, плотный, вязкий; хлоритизированый	Западный склон Ю.Урала, дайки габбро-диабазов	Белорецкий р-н РБ, д. Ср. Тюлян, р. Байрамгуловка (вероятнее д. Ср. Тюльмень - прим. Авторов)	Обыденнов, 1996, рис.2,6
14	6093	Топор проушный клиновидный, обушковый, с конической втулкой	1	Габбро-диабаз	буровато-зеленый, среднекристаллический, плотный, вязкий, хлоритизирован и окремнен	Западный склон Ю.Урала; Восточный склон Ю.Урала, Магнитогорская вулканогенная область	Зиянчуринский р-н РБ, совхоз «Сакмар»	Там же, рис.2;2
15	327	Топор-молот с недосверленной втулкой, короткообушковый, с выщербленным лезвием и отшлифованной поверхностью	1	Кварцито-песчаник	Светло-серого цвета, тонкозернистый, кварцевый, с поверхности ожелезненный	Западный склон Ю.Урала, лемезиниская подсвита зильмердакской свиты верхнего рифея	Архангельский р-н РБ, р.Зилим, случайная находка	Там же, рис.3,5
16	6237	Топор проушный, короткообушковый, коротколопастной, с конической втулкой; сделан в виде головы птицы с глазами и клювом	1	Габбро-диабаз	Темно-серый, среднекристаллический, плотный, вязкий, слабоизмененный	Западный склон Ю.Урала; Восточный склон Ю.Урала, Магнитогорская вулканогенная область	Миякинский р-н РБ, случайная находка	Там же, рис.3,6
17	6147	Топор проушный, короткообушковый, коротко- и округлолопастной, с конической втулкой	1	Гарцбургит	Темно-серый, зеленоватый, с черными пучковидными агрегатами хлорита по *пироксену*; нацело замещен вторичными минералами (серпентином), окварцован	Ю.Урал, хр.Урал-Тау, ультраосновные массивы	Янаульский р-н РБ, д.Арибашево (Вероятнее, п.Орьебаш - прим. авторов), 1964, случайная находка	Там же, рис.4,3
18	18299	Топор проушный ромбический, [illegible]	1	Габбро-диабаз	Зеленовато-серый, среднекристаллический, плотный, вязкий, слабо хлоритизированный	Западный склон Ю.Урала; Восточный склон Ю.Урала, Магнитогорская вулканогенная	Иглинский р-н РБ, д. Минзитарово, случайная находка	Там же, рис.3;3

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
		костью				область		
Поздняя бронза (вторая пол. II тыс. - нач. I тыс. до н.э.)								
19	328	Топор с боковой выемкой и двумя поперечными желобками для крепления рукояти; шлифованная поверхность повреждена	1	Туфопесчаник	Зеленовато-серый, полосчатый с отчетливой градационной слоистостью, тонкозернистый; состав кварцево-вулканомиктовый	Восточный склон Ю.Урала, Магнитогорская вулканогенная область	Иглинский р-н РБ, ст. Тавтиманово, случайная находка 1931 г.	Там же, рн.7,5
20	300	Точильный камень(?) в виде параллелипипеда со сглаженными углами; поверхность гладкая	2	Кварцито-песчаник	С поверхности буровато-коричневый, мелкозернистый, кварцевый с включениями чешуек слюды; речная галька	Ю.Урал, метаморфические породы хр.Урал-Тау (от г.Златоуст до п.Зиланр)	Гафурийский р-н РБ, городище Курман-Тау, случайная находка 1926 г.	
21	17039	Точильные камни	2	Кварцито-песчаник	Белый с красноватым оттенком, слоистый, плотносцементированный, чисто кварцевого состава	Западный склон Ю.Урала, лемезинская подсвита зильмердакской свиты верхнего рифея	Гафурийский р-н РБ, д.Михайловка, Касьяновская стоянка; раскопки 1954 г.	Збруева. 1959. С.47
22	17039	Коллекция скребков, сколов с ретушью, заготовок различных орудий, наконечники стрел, отщепы, ножевидные пластины	1527	Кремень	Зеленовато-серые с различными оттенками - синеватым, бурым и т.д.; просвечивают в тонком сколе, с раковистым изломом, тв.7	Западный склон Ю.Урала, конкреции в палеозойских отложениях	-"-	
23	6868	Топор с желобчатым перехватом и продольной выемкой для насаживания на рукоять	1	Песчаник	Буровато-коричневый с поверхности, мелкозернистый, плотносцементирован-ный, состав кварцевый с примесью гематита	Западный склон Южного Урала	Условия находки неизвестны	
24	6868	Топор с перехватом овальной формы, массивный	1	Кварцито-песчаник	Белого цвета, с коричневой корочкой выветривания на поверхности, тонкозернистый, плотный	Западный склон Южного Урала, зигальгинская свита нижнего рифея	Условия находки неизвестны	
Бронза (без точной хронологической привязки)*								
25	4563	Топор-молот с перехватом в форме утюжка, массивный; поверхность пористая	1	Известняк	Светло-серый, органогенный (видны членики криноидей, отпечатки брахиопод и т.п); пористый, частично окварцован, с поверхности покрыт глинистой корочкой; вскипает с HCl.	Западный склон Ю.Урала, палеозойские отложения	Стерлибашевский р-н РБ, Ново-Ибракаевская стоянка; разведочный шурф 1950 г.	Ахмеров, 1955, с.81-85
26	4563	Пест полусферический, массивный,	1	Песчаник	Светло-серый, с красноватым	Западный склон Ю.Урала,	-"-	-"-

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
		обломанный			оттенком, крупно- и разнозернистый до гравелита, преимущественно кварцевого состава; из речной гальки	ордовикские отложения		
27	5417/2	Наконечники стрел и копий листовидные, без черенка, ретушированы	7	Кремень	Темно-зеленый и черный, с раковистым сколом	Западный склон Ю.Урала, конкреции в известняках карбона	г.Уфа, Затонское селище, случайная находка в 1950-е годы	Збруева, 1962, с.59
28	5417/4	Точильный камень подпрямоугольной формы, с продольными узкими желобами на широких сторонах; со сквозным отверстием с одного края	1	Песчаник	Темно-серый, мелко- и среднезернистый, слоистый полимиктовый (кварц, полевой шпат, обломки вулканических пород)	Западный склон Ю.Урала, басинская свита венда; из речной гальки	г.Уфа, Затонское селище, случайная находка в 1950-е годы	-"-
29	5417/5	Точильный камень прямоугольной формы с рабочей поверхностью на одной стороне	1	Кварцито-песчаник	Красновато-коричневый, тонкозернистый, тонкослоистый, плотносцементированный	Западный склон Ю.Урала, хр.Урал-Тау	г.Уфа, Затонское селище, случайная находка в 1950-е годы	-"-
30	5417	Терка-обломанная половинка, с углублением на рабочей поверхности	1	Песчаник	Розоватого света, средне- и крупнозернистый, кварц-полевошпатового состава с окисленными сульфидами	Западный склон Ю.Урала, урюкская свита венда; из речной гальки	г.Уфа, Затонское селище, случайная находка в 1950-е годы	-"-
31	4821	Топор проушный, короткообушковый, с прямым лезвием и отбитыми краями, поверхность шлифованая	1	Габбро-диабаз	Темно-серого цвета, мелкокристаллический, слабоизмененный	Западный склон Ю.Урала; Восточный склон Ю.Урала, Магнитогорская вулканогенная область	Туймазинский р-н РБ, случайная находка	Обыденнов, 1996, рис.3; 1
32	4822	Топор проушный, с расширенным и изогнутым книзу лезвием и конической втулкой	1	Габбро-диабаз	Темно-серого цвета, среднекристаллический, порфировидного облика (50 % плагиоклаз и роговая обманка, остальное - матрикс того же состава)	Западный склон Ю.Урала; Восточный склон Ю.Урала, Магнитогорская вулканогенная область	Гафурийский р-н РБ, случайная находка в 1953 г.	Там же, рис.4.2
33	5653	Топор проушный, короткообушковый с конической втулкой	1	Базальтовый порфирит	Серо-зеленоватая порфировидная порода. Основная масса - тонкокристаллический хлорит-кварц-серицитовый агрегат, вкрапленники - бутылочно-зеленый клинопироксен	Восточный склон Южного Урала, Магнитогорская вулканогенная зона, ирендыкская свита среднего девона	Бижбулякский р-н РБ, д.В.Курмазы, случайная находка в 1958 г.	Там же, рис. 3;4
34	6123/1	Топор-молот с перехватом и выемкой для рукояти, с широким округлым обухом; поверхность пористая	1	Габбро-диабаз	Зеленовато-коричневый, с поверхности выветрелый, среднекристаллический; в составе - плагиоклаз, вкрапления магнетита; хлоритизирован	Западный склон Ю.Урала; Восточный склон Ю.Урала, Магнитогорская вулканогенная область	Уфимский р-н РБ, с.Преображенское	
35	6123/2	Пест подкубической формы с округлыми гранями и двумя рабочими поверхностями	1	Метаморфическая хлорит-серицитовая	Светло- и темно-зеленого цвета, пятнистая, с вкраплениями магнетита	Ю.Урал, хр.Урал-Тау, мазарнинская свита суванякского комплекса	-"-	

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
				порода				
36	6148	Набалдашник булавы шаровидный со сквозным отверстием и четырьмя шишечками на поверхности	1	Метаморфическая хлорит-серицитовая порода	Светло - и темно-зеленого цвета, с вкраплениями магнетита	Ю.Урал, хр.Урал-Тау, мазаринская свита суванякского комплекса	Чишминский р-н РБ, д.Яныпево	
37	6246	Форма литейная для отливки наконечнико копий,односторонняя в виде бруска	1	Хлоритит	Темно-зеленого цвета, чешуйчато-листоватой текстуры, сложена хлоритом	Южный Урал, хр.Урал-Тау, ультраосновные массивы	Бакалинский р-н РБ, д.Стар.Маты	
38	5897	Форма литейная для отливки 4-х типов бронзовых орудий; в виде бруска с отверстиями для крепления с другой половиной	1	Хлоритит	Темно-зеленого цвета, чешуйчато-листоватой текстуры, сложена хлоритом	Южный Урал, хр.Урал-Тау, ультраосновные массивы	Мишкинский р-н РБ, д.Урьяды	
39	6430	Пест фаллический цилиндрической формы с утолщениями: поверхность гладкая	1	Песчаник	Серый, мелко- и среднезернистый, кварц-полевошпатовый	Западный склон Ю.Урала, палеозойские отложения	Кугарчинский р-н РБ, д.Сапун	
40	6473	Топор проушный клиновидный, обушковый, с конической втулкой	1	Гарцбургит серпентинизированный	Темно-зеленый, сильно выветрелый, среднекристаллический; почти нацело серпентинизирован	Южный Урал, хр.Урал-Тау, ультраосновные массивы	Дюртюлинский р-н РБ, д.Караласык, случайная находка 1927 г.	
41	323	Предмет цилиндрической формы с тремя выпуклыми шишками на гладкой шлифованной поверхности, возможно заготовка для булавы	1	Дунит серпентинизированный	Черного цвета с буро-зеленоватым оттенком, полупросвечивает в тонком сколе, скрытокристаллический, мягкий	Ю.Урал, хр.Урал-Тау, массивы ультраосновных пород	Место находки неизвестно, 1930 г.	
Эпоха раннего железа								
Сарматская культура (V век до н.э.)								
42	17002/5	Жертвенник - алтарик подпрямоугольной формы с закругленными углами и углублением в верхней части	1	Известняк	Светло-розовый,среднекристаллический, пористый, вскипает с HCL	Зауралье (Челябинская и Курганская, Оренбургская обл.), палеогеновые и меловые отложения	Кваркенский р-н Оренбургской обл. д. Верхне-Кардаиловский могильник, раскопки 1990 г.	Васильев , Федоров , 1994, с.157, рис.3
43	17002/6	Обломок минерала без следов утилизации	1	Кварц (горный хрусталь)	Прозрачный, обломок кристалла гексагональной сингонии, твердость 7.	Ю.Урал, Восточно-Уральское поднятие, гранитные массивы, хр.Урал-тау. максютовский комплекс	Кваркенский р-н Оренбургской обл. д. Верхне-Кардаиловский могильник, раскопки 1990 г.	Там же, рис.4
44	17002/7	Обломок минерала без следов утилизации	1	Кварц	Молочно-белый, жильный, твердость 7.	Ю.Урал, повсеместно распространен	Кваркенский р-н Оренбургской обл. д. Верхне-Кардаиловский могильник, раскопки 1990 г.	

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
45	17007/41-68	Камни - кумалаки [redacted]	28	Неопределимые метаморфические породы	Окатанные обломки сильно выветрелых и отожженных с поверхности метаморфических пород	Ю.Урал, южная часть хр.Урал-Тау, максютовский метаморф комплекс; из речной гальки	Баймакский р-н РБ, Сосновский курганный могильник, Курган-4	Васильев , Савельев , Федоров , 1995, с.68
46	18864/20, 24	Бруски точильные, плитчатые, подпрямоугольной формы	2	Кварцито-песчаник	Белый, светло-серый, плотносцементированный, "слянного"вида, кварцевого состава с вкрапленностью слюды авантюринового типа	Ю.Урал, хр.Урал-Тау, максютовский и суванякский метаморфические комплексы	Кувандыкский р-н Оренбургской обл., Саринский курганный могильник, курган 3,6	
47	18864/49	Обломок минерала оранжевого цвета с желтыми включениями, округлый	1	Реальгар с аурипигментом	Оранжево-красного цвета с *землистой* порошковидной поверхностью, мягкий, тв.2 (сернистый мышьяк)	Кавказ (западная Грузия), Карпаты (Саксония, Чехия), Средняя Азия (южная Фергана), Китай, юго-восточная Азия	-*-	
48	18941/33	Оселок подпрямоугольной формы, с отверстием	1	Кварц пегматитовый	Молочно-белого цвета с пятнами *ожелезнения* и цепочечными включениями мусковита; генезис - пегматитовый	Восточный склон Ю.Урала, гранитные массивы в полосе от г.Челябинск до Мугоджар (на юге)	-*-, курган-4	
49	18866/3	Плитка-терка подтрапециевидной формы; боковые грани и рабочая поверхность отшлифованы	1	Кварц жильный	Обломок кристалла гексагональной сингонии, молочно-белого цвета с корочкой ожелезнения на поверхности, непрозрачный, тв.7	-*-	Кваркенский р-н Оренбургской обл., курганный могильник Казачяй Мар, раскопки 1994 г.	
50	18866/4	Камень вытянутой формы без следов утилизации, вероятно растиральник красок	1	-*-	-*-	-*-	-*-	
51	18865/17	Оселок подпрямоугольной формы с сужающимся концом; следы точения на гранях	1	Яшма	Кремово-красная скрытокристаллическая порода кремнистого состава, тонкослоистая, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, палеозойские отложения	Хайбуллинский р-н РБ, курганный могильник Яковлевка, курган-2, раскопки 1994 г.	
52	18865/37	Плитка плоская подпрямоугольной формы с неровными краями	1	Кварцито-песчаник	Темно-серого цвета, мелко- и среднезернистый, тонкослоистый, окварцован, тв.7	-*-	-*-	
53	18865/43	Камни-кумалаки гадательные, с неровной поверхностью	1	Кремень	Черного цвета, скрытокристаллический, тонкослоистый, тв.7	-*-	-*-	
			1	Известняк	Розовато-желтый, пятнистый, вскипает с HCL	-*-	-*-	
			2	Габбро-диорит	Серый, мелкокристаллический, невыветрелый (видны кристал-	-*-	-*-	

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
					лы плагиоклаза и роговой обманки)			
54	18865/45	Галька овально-уплощенной формы; вероятно двусторонний растиральник красок	1	Кремень	Черного цвета, скрытокристаллический, брекчиевидный, с многочисленными кварцевыми пожилками белого цвета, тв.7	-"-	-"-	
55	18865/39	Жертвенник подпрямоугольной корытцеобразной формы, с плинфованными боковыми поверхностями и выемками сверху и снизу, которые имеют следы ударов и краски	1	диорит выветрелый	Светлый, с розоватым оттенком, мелкокристаллический, сильно выветрелый (плагиоклаз изменен до состояния каолина, порода мягкая, тв.3)	Восточный склон Ю.Урала, Кора выветривания по гранитным массивам типа Джабык-Карагайского	-"-	
56		Фрагмент жертвенника в виде обломка широкой неглубокой квадратной чаши с бортиком по краю и цилиндрической ножкой	1	-"-	-"-	-"-	-"-, случайная находка 1995 г.	
57		Обломки чаши (2 шт) от жертвенника с бортиком по краю, со следами обломанной цилиндрической формы	1	-"-	-"-	-"-	-"-	
58		Оселок короткий с закругленным тупым концом и сквозным отверстием	1	Кремень	Темно-серый, почти черный, скрытокристаллический, тонкослоистый, тв.7	Восточный склона Ю.Урала, вулканогенные толщи палеозоя магнитогорской зоны	-"-	
Сарматская культура (IV век до н.э. - II век н.э.)								
59	6142/ 46	Сосуд ритуальный в форме ромбической ладьи, на кольцевом поддоне; орнаментирован резьбой в виде зигзага; на одном из боковых крыльев - сквозное отверстие, на другом - резные знаки	1	Известняк	Белый пелитоморфный, хемогеный, вскипает с HCL	Западный склон Ю.Урала, палеозойские отложения	Кармаскалинский р-н РБ, Старокинишкинский могильник, раскопки 1958 г. АЭ под руководством М.Х.Садыковой	Садыкова, 1962, с.105, табл.VIII
60	6142/ 15	Оселок удлиненно-овальной формы со сквозным отверстием	1	Песчаник	Светло-серый, мелко- и среднезернистый, кварц-полевошпатового состава	-"-	-"-	Там же, с.91, табл. II
61	6142/ 32	Бусины шаровидные, мелкие	2	Сердолик	Красно-коричневого цвета, полупрозрачный, однородный, халцедонового состава, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, миндалины в каменноугольных базальтах магнитогорской вулканогенной зоны	-"-	Там же, с.101, табл. [illegible]
62	6142/ 36	Низка бус шаровидных, слегка уплощенных, среднего размера	26	Сердолик	-"-	-"-	-"-	Там же

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
63	6142/ 49	Оселок в виде удлиненной 4-х гранной палочки с заостренным концом и сквозным отверстием	1	Алевропесчаник	Темно-серый, тонкозернистый, слоистый	Западный скло Ю.Урала, вендскиеили палеозойские отложения	-*-	
64	6142/ 62	Оселок подпрямоугольной формы с округлыми гранями и сквозным отверстием	1	Песчаник	Светло-серый, мелкозернистый, кварц-полевошпатовый, с известковым цементом	Западный склон Ю.Урала, палеозойские отложения	-*-	
65	6142/ 72	Бусина шаровидная среднего размера с щербинками на поверхности	1	Сердолик	Красно-коричневого цвета, полупрозрачный, однородный, халцедонового состава, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, миндалины в каменноугольных базальтах магнитогорской вулканогенной зоны	-*-	
66	6142/ 73	Бусина колесовидная, растрескавшаяся	1	Янтарь	Красно-коричневый, смоло-подобный, прозрачный, с поверхности матовый, хрупкий, мягкий	Прибалтика, Украина, Румыния, Бирма	-*-	
67	6142/ 75	Бусины колесовидные с широким отверстием	3	Мел	Снежно-белый, тонкозернистый, карбонатного состава (вскипает с HCL), мягкий - пишет на твердых поверхностях	Ю. Урал, мезозойские отложения - сенонский ярус верхнего мела; Акбулакский р-н Оренбургской обл., Мангышлак	-*-	
68	6142/ 33	Бусины подтреугольной формы, одна из них украшена прорезной окружностью	2	Гагат	Черный со смолистым блеском, углеподобный	Крым, Закавказье, Прибайкалье, Зап.Европа	-*-, к.13,п.5	с.101, табл.VI
69	6142/ 17	Низка бус мелких, рубленых, разных: цилиндрических	34	Гагат	-*-	-*-	-*-, к.11	с.91, табл. II
70	6142/ 37	Низка бус мелких, рубленых цилиндрических, бочонковидных	101	Гагат	-*-	-*-	-*-, к.13	с. 99, табл.VI
71	6142/ 37	Низка бус мелких рубленых цилиндрических	250	Гагат	-*-	-*-	-*-, к.13	с.99 - 105
72	6142/ 67	Бусина крупная, уплощенно-шаровидная	1	Гагат	-*-	-*-	-*-,к.13,14	с.105, табл. VIII
73	6142/ 77	Оселок короткий с заостренным концом, в сечении овальный, со сквозным отверстием	1	Песчаник	Серо-зеленый, мелкозернистый, полимиктовый (кварц, полевые шпаты, обломки вулканических пород)	Западный склон Ю.Урала, басинская свита венда	-*-, к.20, п.1	
74	6142/ 8	Бусины граненые: одна шаровидная с гранением в виде пятиугольника, другая вытянутая бочонковидная, с гранние в виде ромба	2	Арагонит	Белого цвета с кремовым оттенком, среднекристаллический, мягкий, вскипает с HCL	Западный склон Ю.Урала, из пещерных натечных образований (сталактитов)	-*-,к.11,п.3	

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
75	17000/4	Оселок в виде удлиненного овала с отверстием	1	Песчаник	Белого цвета, мелкозернистый, тонкослоистый, кварцевый с известковым цементом	Зауралье (Челябинская и Курганская, Оренбургская обл.), палеогеновые и меловые отложения	Кваркенский р-н Оренбургской обл. д. Березовка, Березовский курган, раскопки 1990 г.	
76	17007/1	Пряслице колесовидное с бугристой поверхностью и следами окислов железа	1	Песчаник	Розовато-серый,среднезернистый, полимиктовый (в составе обломков преобладает кремень), слабосцементирован известковым цементом	Западный склон Ю.Урала,триассовые отложения юга РБ и Оренбургской области	Баймакский р-н РБ, Сосновский курганный могильник, раскопки 1992 г., курган-8, п.1	Васильев, Савельев, Федоров, 1995, с.69
77	17007/10, 9	Кристаллы без следов утилизации	2	Кварц (горный хрусталь)	Обломки кристаллов гексагональной сингонии, прозрачные, сильно трещиноватые, тв.7	Ю.Урал, Восточно-Уральское поднятие, гранитные массивы, хр.Урал-тау, максютовский комплекс	-*-, курган - 8, п -2	Там же, с.70
78	17007/11, 12	Бусины удлиненные усеченно-биконической формы	2	Сердолик	Полосчатый (ритмичное чередование полос от красно-розового до молочно-белого, опаловидного), полупрозрачный, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, миндалины в каменноугольных базальтах	-*-, курган - 8, п -2	-*-
79	17013/ 7	Низка бус плоских, неровных, рубленых, полированных	45	Гагат	Черного цвета со смолистым блеском, углеподобный, мягкий	Крым, Закавказье, Прибайкалье, Зап.Европа	Стерлибашевский р-н РБ, Ново-Калкашские курганы, раскопки 1990 г.	
80	17013/ 11	Брусок 4-х гранный без следов утилизации, с окислами железа на поверхности	1	Дерево окаменелое	Буровато-черного цвета, с текстурой дерева, полностью замещено кремнеземом, тв6, с гидроокислами железа	Пермь-триассовые отложения платформенной части Башкирии и Оренбургской обл.	-*-	
81	17013/ 14	Оселок длинный, округлый в сечении, с зауженным концом и сквозным отверстием	1	Песчаник	Зеленовато-серый среднезернисты, плотносцементированный, кварцевого состава	Западный склон Ю.Урала, отложения рифея и венда	-*-	
82	17013/ 18	Оселок длинный, округлый в сечении, со сквозным отверстием	1	Песчаник	Светло-серый, полимиктовый, состав преимущественно кварцевый	Западный склон Ю.Урала, ордовикские отложения	-*-	
83	17013/ 26	Бусины шаровидные, сплюснутые	5	Сердолик	Красно-коричневый, скрытокристаллический, однородный и неоднородный, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, миндалины в каменноугольных базальтах	-*-	
84	17013/45, 46	Бусины: шаровидная и удлиненная, с наносным рисунком	2	Сердолик	-*-	-*-	-*-	
85	17013/ 44	Бусина миндалевидная, в сечении	1	Кварц (горный	Бесцветный, прозрачный со	Ю.Урал,хр.Урал-Тау, максютов-	-*-	

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
		сферическая, крупная		хрусталь)	стеклянным блеском, тв.7	ский и суванякский комплексы		
Кара-абызская культура (IV век до н.э. - III век н.э.)								
86	289	Брусок точильный трапециевидной формы, плоский, с гладкой поверхностью	1	Песчаник	Красновато-коричневый, тонко- и мелкозернистый, алевритистый, тонкослоистый	Западный склон Ю.Урала, инзерская свита верхнего рифея	г.Уфа, могильник Чертово Городище, раскопки 1910 - 1911 гг.	Гольмстен , 1912
87	289	Брусок точильный четырехгранный с отверстием на одном конце	1	Песчаник	Коричневато-серый, мелкозернисто-алевритистый, тонкослоистый, слабосцементированный	Пермь-триасовые отложения платформенной части Башкирии	-*-	-*-
88	289	Брусок точильный призматической формы	1	Песчаник	Светло-серый,почти белый, среднезернистый, слабосцементированный, пористый, кварцевый, с наложенным ожелезнением	-*-	-*-	-*-
89	5372/6	Скребок трапециевидный, ретуширован	1	Кремень	Светло-серый, опаловидный, пятнистый, с раковистым сколом	Западный склон Ю.Урала, кремневые конкреции в палеозойских отложениях	г.Уфа, Черниковсеое селище у д.Дежневска, подъемный материал (1956г.)	АКБ, 1976, с.121
90	5372/5	Тесло (?) подпрямоугольной формы с закругленными краями, поверхность гладкая, со сколами	1	Песчаник	Зеленовато-серый с бурым оттенком, мелкозернистый, полимиктовый (кварц, слюда, хлорит)	Западный склон Ю.Урала, басинская свита венда; из речной гальки	-*-	-*-
91	5372/4	Терка овальная, полусферическая	1	Песчаник	Светло-серый, с поверхности бурый, разнозернистый от крупно- до гравелита, в основном кварцевого состава; гравийные включения представлены молочно-белым кварцем	Западный склон Ю.Урала, ордовикские отложени; из речной гальки	-*-	-*-
92	16999/12	Пряслице колесовидное с украшением в виде мальтийского креста	1	Серпентинит	Серый с пятнистой неоднородностью, слоистый, сильно оталькован, мягкий, тв.2	Ю.Урал, хр.Урал-Тау, ультраосновные массивы	Иглинский р-н РБ, Шиповский могильник; раскопки 1989 г.	
93	16999/95	Пряслице колесовидное с крестообразными линиями	1	Тальк	Серый, листовато-чешуйчатый, слоистый, мягкий	-*-	-*- ,п.16	
94	16999/51	Оселок уплощенный с зауженным концом и следами трения	1	Песчаник	Светло-серый, мелкозернистый, преимущественно кварцевый с мелкими включениями слюды	Западный склон Ю.Урала, отложения верхнего рифея - венда; из речной гальки	-*-	
95	16999/61	Оселок уплощенный подпрямо-	1	Алевропесчани	Вишнево-красный, мелкозерни-	-*-	-*-	

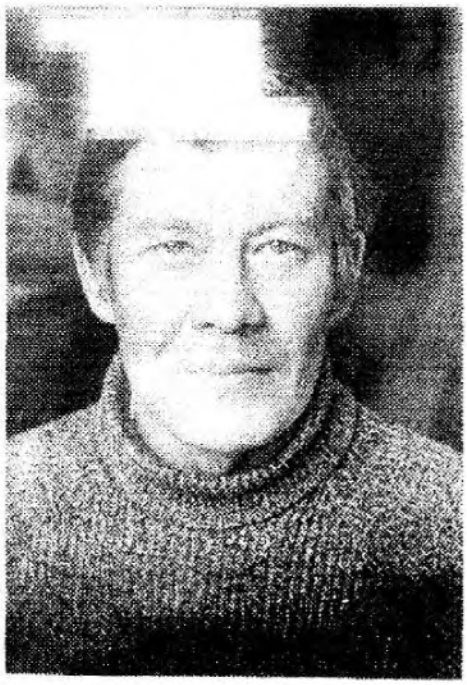
№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
		угольной формы со сквозным отверстием и следами следами трения		к	стый, тонкослоистый, слюдисто-кварцевый			
96	16999/71	Обломок оселка круглого, со сквозным отверстием в центре	1	Песчаник	Кремово-серый, разнозернистый, кварц-полевошпатовый	Западный склон Ю.Урала, урюкская свита венда	-*- раскопки 1992 г., п.27	
97	17011/72	Бусина округлая неправильной формы с узким сквозным отверстием	1	Агат	Светло-серый с включениями желтого цвета, полупрозрачный, полосчатый, халцедонового состава, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, миндалины в каменноугольных базальтах	-*-, п.27	
98	17011/72	Бусина неправильносферическая; на плоской стороне - желобок и полировка	1	Агат	-*-	-*-	-*-, п.27	
99	17011/72	Бусина неправильносферическая с щербинками на поверхности	1	Сердолик с кварцем	Красновато-коричневый, полупрозрачный с прожилками белого кварца	-*-	-*-	
100	17011/51	Бусина овальная уплощенная, с царапинами на поверхности	1	Кварц (горный хрусталь)	Прозрачный, с искристыми мелкими включениями слюды, тв.7	-*-	-*- ,п.21	
101	17011/51	Бусины шаровидные и биконические, мелкие	8	Кремень	Белый, неоднородный, пористый, матовый, непрозрачный, тв.6	Восточный склон Ю.Урала, вулканогенно-осадочные толщи Сакмарской зоны (Оренбургская обл.)	-*-	
Пьяноборская культура (IV век до н.э. - II век н.э.)								
102	17015/89	Бусина овальная, уплощенно-оферическая, с продольным отверстием и прорезными линиями	1	Сердолик	Красновато-коричневый, полупрозрачный, с матовыми включениями, скрытокристаллический,тв.7	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, миндалины в каменноугольных базальтах	Илишевский р-н РБ, Кипчакский могильник, раскопки 1990-1991 гг., п.12	
103	17015/61	Оселок с заостренным концом и сквозным отверстием	1	Песчаник	Зеленовато-серый, мелкозернистый, полимиктовый (кварц, слюда, вулканогенные обломки)	Западный склон Ю.Урала, басинская свита венда	-*-	
104	17017/45	Бусина округлой формы	1	Сердолик	Оранжево-красный, полупрозрачный, матовый, однородный, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, миндалины в каменноугольных базальтах	Илишевский р-н РБ, Шидалинский грунтовый могильник, раскопки 1990-1991 гг. погр.32	Тагиров, 1991 с198
105	17017/95	Камень точильный неправильной формы, с одной рабочей поверхностью	1	Песчаник	Зеленовато-серый, с поверхности буро-коричневый, среднезернистый, слабосцементированный, по-	Западный склон Ю.Урала, палеозойские отложения	-*-	-*-,с.202

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
					ристый, кварцевый			
Эпоха средневековья								
Бахмутинская культура (V - VIII века)								
106	226 227	Пряслице колесовидное, поверхность гладкая, слегка выщерблена	2	известняк	Светло-серый, мелкокристаллический, плотный, тонкоплитчатый, вскипает с HCL	Западный склон Ю.Урала; палеозойские отложения	Благовещенский р-н РБ, городище Кара-Абыз (раскопки 1928 г.)	Шмидт 1929
107	263	Скоба для крепления ножен к поясу с 4-мя сквозными отверстиями и одной длинной петлей. Поверхность гладкая, шлифованная	1	Нефрит	Грязновато-белого цвета со слабым желтоватым оттенком, полупрозрачный, однородный. Тв.6	Саяны (Прибайкалье), Китай (хр.Кунь-Лунь)	Нуримановский р-н РБ, д.Бахмутино, Бахмутинский могильник (случайная находка 1920 г.)	
108	265	Печатки полусферические, на плоской поверхности с геометрическими фигурами тамги - знаками собственности рода. Имеют сквозное просверленное отверстие	2	Халцедон	Матово-белый, полупросвечивающий, со слабозаметной агатовой полосчатостью и микросеткой кристалликов кварца в центре жеоды; тв.7	Восточный склон Ю.Урала, палеозойские отложения магнитогорской вулканогенной зоны	-*-	
109	6146	Оселок подпрямоугольной формы с утолщением и обломанным отверстием на одном конце желобком	1	Кремнистый сланец	Синевато-серый, скрытокристаллический, прослоями мелкозернистый, тонкослоистый, массивный, тв.6	Восточный склон Ю.Урала, палеозойские отложения магнитогорской вулканогенной зоны	г.Бирск, Бирский могильник, раскопки 1959-1960 гг.	Мажитов 1968, табл.13, с. 132
110	6146	Низка бус в виде сплюснутой сферы	17	Сердолик	Красно-коричневого цвета, полупрозрачный, однородный, халцедонового состава, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, миндалины в каменноугольных базальтах	-*-	-*-
111	6146	Бусины полусферические и биконические с растрескавшейся поверхностью	10	Янтарь	Красно-коричневый, смоловидный, прозрачный, хрупкий	Прибалтика, Украина, Румыния, Бирма	-*-	-*-
112	7374	Бусина подпрямоугольной формы с гранением в виде ромба	1	Сердолик	Темно-красный, полупрозрачный, тв.7, полирован и огранен	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, миндалины в каменноугольных базальтах	-*-	-*-, с.13, табл.4
113	6172/ 10	Бусина сферическая	1	Халцедон	Голубовато-серый, однородный, с пузыристым внутренним строением, тв.7	-*-	Бураевский р-н РБ, Каратамакский могильник, раскопки 1959 г.	Там же с.19-21, табл 4
114	6172/ 15	Бусина в виде приплюснутого шара	1	Халцедон	-*-, желтовато-кремовый	-*-	-*-	-*-
115	17009/3	Бусина миндалевидная неправильной формы, с узким отверстием вдоль оси	1	Аметист	Светло-фиолетового цвета, полупрозрачный, тв.7	Восточный склон Среднего Урала, Предуральский краевой прогиб в Оренбургском р-не	г.Уфа, городище Уфа-II	Овсянников, 1992, с.65-79
116	17009/54	Обломок оселка подпрямоугольной	1	Алевролит	Белого цвета, слоистый, опоко-	Ю.Урал, палеогеновые отложе-	-*-	-*-

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
		формы с двумя взаимоперпендикулярными сквозными отверстиями			видный, кварцевого состава со слюдой в более грубозернистых прослоях	ния Зауралья (Челябинская обл.) и Приуралья (Оренбургская обл.)		
117	17009/55	Оселок вытянутой подпрямоугольной формы со сквозным отверстием; поверхность отшлифована	1	Доломит	Темно-серый, слоистый, с тонкими прослойками светло-серого, вскипает с HCL в порошке	Западный склон Ю.Урала, палеозойские отложения	-"-	-"-
118	17009/56	Обломок оселка призматической формы	1	Кремень	Темно-серый, скрытокристаллический, массивный, плотный, тв.6	-"-	-"-	-"-
119	17009/57	Оселок призматический с двумя выемками для обвязки; одна грань сильно сработана	1	Доломит	Темно-серый, слоистый, с тонкими прослойками светло-серого, вскипает с HCL в порошке	-"-	-"-	-"-
120	17009/58	Обломок оселка подпрямоугольной формы с двумя выемками для обвязки; поверхность хорошо отшлифована	1	Песчаник	Светло-серый, тонкослоистый, слюдисто-кварцевый	-"-	-"-	-"-
121	17009/59	Обломок плиты точильной подпризматической формы с выемкой на длинной грани, две рабочие грани отшлифованы	1	Песчаник	Темно-серый, массивный, кварцевый, с доломитовым цементом	-"-	-"-	-"-
122	17009/60	Обломок точильного камня продолговатый, полусферический в сечении, с выемкой от точения	1	Песчаник	Зеленовато-серый, тонкозернистый, слоистый, полимиктового состава	Западный склон Ю.Урала, басинская свита венда	-"-	-"-
123	17009/61	Камень точильный трапециевидный, с округлыми гранями со следами точения	1	Песчаник	Розовато-лиловый, мелкозернистый, тонкослоистый, кварцевый	Западный склон Ю.Урала, инзерская свита верхнего рифея	-"-	-"-
124	17009/62	Плитка точильная подквадратной формы с одним острым углом, на поверхности следы точения	1	Известняк	Темно-серый, тонкоплитчатый, со следами органогенной структуры, вскипает с HCL	Западный склон Ю.Урала, палеозойские отложения	-"-	-"-
125	17009/63	Обломок неизвестного предмета, плоского с дуговидными боковыми гранями; орнаментирован	1	Алевролит	Темно-серый, слоистый, плотный	-"-	-"-	-"-
126	17009/64	Конкреция-чашечка, образованная на овальном уплощенно-сферическом камне с глубокой круглой выемкой; следов обработки	1	Кремнистая конкреция	Серого, чуть зеленоватого цвета, скрытокристаллическая, состоит из опал-халцедонового агрегата, образованного вокруг	Восточный склон Ю.Урала, кора выветривания по ультраосновным массивам (Орское Зауралье, Кемпирсай Северный	-"-	-"-

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
		не имеет			крупного рудного обломка, следы от растворения которого сохранились на дне чашечки	Казахстан)		
127	17009/65	Галька формы близкой к овалу со сглаженной и покрытой выемками поверхностью	1	Кремнистая конкреция	Буровато-серого цвета опал-халцедоновый агрегат агатового типа	Восточный склон Ю.Урала, миндалина в каменноугольных базальтах магнитогорской вулканогенной зоны	-"-	-"-
128	17009/66	Друза "пещерного жемчуга", состоит из нескольких мелких "жемчужин", спаянных между собой	1	Арагонит	Светло-серый, шестоватого габитуса, образует округлые почковидные натечные образования типа сталактитов в пещерах, вскипает с HCL	Пещеры Западного склона Ю.Урала	-"-	-"-
129	17009/67	Галька с округлой ложбинкой в центре	1	Известняк	Темно-серый, мелкокристаллический, полосчатый, вскипает с HCL	Пермские отложения платформенной Башкирии	-"-	-"-
130	17009/68	Друза кристаллов	1	Халцедон	Корочка радиально-лучистого агрегата кристаллов шестоватого габитуса зеленовато-белого цвета на окварцованной вулканической породе кислого состава (дацитовый порфирит)	Восточный склон Ю.Урала, вулканиты магнитогорской вулканогенной зоны	-"-	-"-
131	17043	Долота-отбойники двусторонние трехгранной усеченно-конической формы	2	Кварцито-песчаник	Светло-серый, средне- и крупнозернистый, с бластической, сливной текстурой	Западный склон Ю.Урала, Зигальгинская свита нижнего рифея	Балтачевский р-н РБ, Тибелевское селище, раскопки 1969 г.	Матвеева 1970, с.166
Турбаслинская культура (VI - IX века)								
132	302/1	Бусина крупная в виде сплюснутого шара с вмятинами по бокам и сквозным отверстием; поверхность отшлифована	1	Янтарь	Красновато-коричневый, прозрачный, блеск смолистый, мягкий, хрупкий	Прибалтика, Украина, Румыния, Бирма	г.Уфа, Соборная площадь (случайная находка 1870 г. - дар губернатора Ушакова Уфимскому губернскому музею	Ахмеров, 1951
133	302/2	Бусина в виде сплюснутой сферы с обломанными краями и растрескавшейся поверхностью	1	-"-	-"-	-"-	-"-	-"-
134	17046/32, 39,40	Бусины крупные колесовидные, биконические, разломанные, потрескавшиеся	65	-"-	-"-	-"-	Благовещенский р-н РБ, Ново-Турбаслинский могильник, раскопки 1957 г.	Мажитов, 1959, с.114-142
135	17046/31	Низка бус мелких и средних, шаровидных с неровной поверхностью	19	Сердолик	Красновато-коричневый, полупрозрачный с матовыми включениями, тв.7	Восточный склон Ю.Урала, магнитогорская вулканогенная зона, миндалины в каменно-	-"-	-"-

№ Номер п/п	ОФ	Название, краткое описание	Кол-во	Материал	Минералого-петрографическое описание	Вероятный источник происхождения материала	Место находки	Литература
						угольных базальтах		
136	17108/1	Долото-отбойник двусторонний овально-вытянутой формы	1	Песчаник	Вишнево-красный, тонкослоистый, кварцевого состава с глауконитом	Западный склон Ю.Урала, инзерская свита верхнего рифея	Кармаскалинский р-н РБ, Улукулевское селище, раскопки 1968 г.	Матвеев, 1969, с.137



Памяти Байтимира Батырхановича Агеева

Судьба меня свела с Байтимером Батырхановичем Агеевым впервые летом 1966 г., когда он, как студент I курса исторического факультета Башкирского государственного университета, проходил производственную практику в археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН под моим руководством. Он привлекал внимание собеседника своей непосредственностью в общении, любознательностью, зрелостью мышления, начитанностью и свободным владением русского языка. Я полюбил его и на долгие годы мы стали друзьями, делили радости и трудные версты полевой жизни археолога. В ходе общения я узнал, что Байтимир Батырханович родился 12 июля 1943 г. в семье колхозника в дер. Габдрафиково Перевозоцкого района Оренбургской области. Начальное и неполное среднее образование он получил в Габдрафиковской и Каменнобродской семилетней и восьмилетней школах. Когда ему было 14 лет, он получил травму бедра левой ноги, из-за чего он впоследствии слегка прихрамывал. Трудное детство заставило его, прервав учебу, поступить в школу киномехаников в г. Саратове, а после работал киномехаником в Новосергиевском районе Оренбургской области и гор. Туймазы в Башкортостане. Здесь же он закончил школу рабочей молодежи. Это дало ему возможность в 1965 г. поступить на исторический факультет Башкирского университета.

Начиная с I курса Б. Б. Агеев постоянно участвовал в моих археологических экспедициях, где выполнял квалифицированные виды работ рабочего – *землекопа, лаборанта и руководителя раскопок*. После окончания университета он был приглашен на постоянную работу в отдел археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР и с головой окунулся в нашу тогдашнюю коллективную работу «Археологическая карта Башкирии». Всю черновую работу по подготовке рукописей, иллюстраций, библиографий и составлению тематических карт выполнял он, как лаборант. Я имею полное основание заявить, что в увидевшей в 1976 г. свет книге «Археологическая карта Башкортостана» есть значительный вклад Б. Б. Агеева.

Как грамотный и пытливый исследователь Б. Б. Агеев был рекомендован в аспирантуру при Институте археологии АН СССР, где его руководителями были профессора А. П. Смирнов и К. Ф. Смирнов. В Москве им успешно была подготовлена кандидатская диссертация на тему: «Пьяноборская культура (Вопросы хронологии и общественного строя)». Исследованием этой культуры в свое время занимались такие выдающиеся археологи как А. П. Смирнов, В. Ф. Генинг, но Б. Б. Агеев своими тонкими классификационными и планиграфическими исследованиями сумел по-новому подойти к проблеме реконструкции общественной жизни населения Прикамья рубежа нашей эры и датировке его памятников.

Он был замечательный полевик. С его участием мы изъездили почти весь Южный Урал в поисках памятников, раскапывали сотни курганов, городища и другие памятники. Из совместных раскопок самыми значительными являются исследование I-III Кушулевских могильников пьяноборской культуры II в. до н. э. – III в. н. э., (более 300 погребений), XII-XIV вв. и древнемарийские захоронения XVII-XVIII вв. Итоги наших работ были опубликованы в виде двух препринтов.

За свою короткую жизнь Б. Б. Агеев успел опубликовать более 20 трудов. Б. Б. Агеев жил археологией и не представлял себя вне ее, высоко ценил дружбу и преданность. За доброту и дружеские отношения он отвечал такой своей искренностью и простодушием, что собеседнику становилось приятно и радостно от такого общения. Мне всегда казалось, что за такую детскую открытость и непосредственность нельзя было его обидеть или сделать что-нибудь ему неприятное. В этом смысле отношение собеседника к нему являлось словно зеркалом его совестливости. Таким он остался у меня в памяти навсегда.

Б. Б. Агеев скоропостижно скончался 21 июня 1996 г. Мы потеряли замечательного коллегу и талантливого исследователя.

Н. А. Мажитов,
профессор, член – корреспондент АН РБ

Список научных трудов
Байтимира Батырхановича Агеева

Раскопки в Южной Башкирии // АО 1969 г. М., 1970 (*Совм. с Н. А. Мажитовым*).

Раскопки в низовьях р. Белая // АО 1970 г. М., 1971 (*Совм. с С. М. Васюткиным, И. Б. Васильевым*).

Исследования в низовьях р. Белая // АО 1971 г. М., 1972 (*Совм. с С. М. Васюткиным, И. Б. Васильевым*).

Раскопки в южных районах Башкирии // АО 1973 г. М., 1974.

К хронологии могильника Чеганда II // СА, 1976, 3.

К вопросу о большесемейных группах в пьяноборской культуре // Из истории Сибири. Вып. XXI. Томск, 1976.

Локальные варианты пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976.

К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976.

Некоторые проблемы хронологии раннего железного века лесной зоны Приуралья и Западной Сибири // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху раннего железа: Препринты тезисов докладов II Поволжско-Уральского совещания археологов и этнографов. Уфа, 1976.

Археологическая карта Башкирии. М., 1976 (*Коллектив авторов*).

Раскопки в Стерлибашевском районе Башкирии // АО 1977 г. М., 1978.

Погребальный обряд племен Западного Приуралья в эпоху раннего железа (реконструкция общественного строя финно-угорского населения на рубеже н. э.) // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979.

Пьяноборский союз племен // Проблемы экономики и общественного строя племен Южного Урала. Уфа, 1981.

Пьяноборская культура (Вопросы хронологии и общественного строя): Автореф. дисс... к. и. н. М., 1983.

Памятники ранних кочевников на р. Большой Ашатырь // Памятники ранних кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. (*Совм. с Н. Г. Рутто*).

Исследования Трикольского комплекса памятников // АО 1983 г. М., 1984.

Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии (препринт). Уфа, 1985 (*Совм. с Н. А. Мажитовым*).

III Кушулевский согильник пьяноборской культуры // Археологические исследования в низовьях Белой. Уфа, 1986. (*Совм. с Н. А. Мажитовым*).

Марийский могильник конца XVII - начала XVIII вв. в Башкирии // Археология и этнография Марийского края. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1987. (*Совм. с И. М. Акбулатовым*).

Некоторые проблемы общественного строя населения пьяноборской культуры // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.

Ранние кочевники и археологические культуры Южного Урала // Проблемы археологии Степной Евразии. Ч. 2. Кемерово, 1987.

Таласовский курган срубной культуры на юге Башкирии // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989.

Этнические процессы на южном Урале в первой половине I тыс. н. э. // Востоковедение в Башкортостане: История и культура. Уфа, 1992. (*Совм. с Ф. А. Сунгатовым*).

Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1992.

Пьяноборская культура. Уфа, 1992.

Уметбаевские I и II курганы // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995 (*Совм. с А. А. Вильдановым, Н. А. Мажитовым*).

Редакторская работа

Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986 (Редактор).

Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1992 (Отв. редактор).

Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995 (Отв. редактор).

Сокращения

АКБ	Археологическая карта Башкирии. М.
АО	Археологические открытия. М.
АОИКМ	Актюбинский областной историко-краеведческий музей
АС	Археологический съезд
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. - Спб.
АЭБ	Археология и этнография Башкирии. Уфа.
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Свердловск - Екатеринбург.
ВДИ	Вестник древней истории
ИАК	Известия археологической комиссии.
ИА	Институт археологии
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИЯЛ	Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
КД	Каракумские древности
КСИА	Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МАР	Материалы по археологии России. Пг.
МАЭ УНЦ РАН	Музей археологии и этнографии УНЦ РАН
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МХЭ	Материалы Хорезмской экспедиции
НМ РБ	Национальный музей Республики Башкортостан
ПАВ	Петербургский археологический вестник
РА	Российская археология
СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
СЭ	Советская этнография. М.
ТИИАЭ АН Каз. ССР	Труды института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УдГУ	Удмуртский государственный университет
УНЦ РАН	Уфимский научный центр Российской академии наук
УСА	Успехи среднеазиатской археологии. Л.
AAH	Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

От редакционной коллегии.

Уважаемые коллеги! Вы держите в руках первый номер «Уфимского археологического вестника» - нового научного издания, подготовленного совместными усилиями археологов Института истории, языка и литературы УНЦ РАН и Национального музея Республики Башкортостан. «УАВ» планируется издавать на более или менее регулярной основе, один раз в год, но редколлегия прекрасно осознает, что возможности его выпуска в современной экономической ситуации непредсказуемы.

Редколлегия особо не ограничивает участие авторов территориально или хронологически, к публикации принимаются проблемные и обобщающие статьи по археологии Евразии от эпохи палеолита до позднего средневековья, а также публикации нового материала. Статьи должны быть представлены в редколлегию в 2-х экземплярах, объемом около 1 печатного листа (больший объем предварительно согласовывается), отпечатаны через 2 интервала, 14 кеглем (с предоставлением дискеты с текстом, набранным в формате MS-DOS, Lexicon, Word и совместимых с ними). Что касется остальных требований к рукописям, то авторам предлагается соблюдать условия подачи к публикации статей, принятые журналом «Российская археология»

Редколлегия приветствует максимальное расширение круга авторов из других городов и стран, но финансовые проблемы не позволяют ей согласовывать корректуру статей с иногородними авторами. Иллюстрации и дискеты автор может забрать в течение года после выхода статьи из печати.

Ждем ваших статей и предложений!

Редколлегия «УАВ»

Содержание

Статьи

Исмагил Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели 3

Яблонский Л. Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа 8

Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала 25

Богданов С. В. Идолы и амулеты сарматских погребений Урало-Казахстанских степей 44

Савельев Н. С. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала 53

Досымбаева А. М. Усуни Семиречья: факт и леганда 59

Публикации

Федоров В. К., Васильев В. Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье 62

Агеев Б. Б., Сунгатов Ф. А., Вильданов А. А. Могильник Биш-Уба I в юго-восточной Зауралье 97

Сунгатов Ф. А., Мигранов Р. А. Петропавловский одиночный курган 116

Акбулатов И. М. Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля 121

Гуцалов С. Ю. Культовый комплекс на горе Жилантау 138

Бисембаев А. А., Гуцалов С. Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья 152

Естественно-научные исследования и археология

Ишбирдин А. Р. О некоторых результатах исследования объектов органического происхождения из курганов эпохи бронзы и раннего железного века Южного Урала 162

Минеева И. М., Горожанин В. М. Минералого-петрографическое описание каменных предметов из археологической коллекции Национального музея РБ 165

Хроника

Мажитов Н. А. Памяти Байтимира Батырхановича Агеева 190

Уфимский археологический вестник

Выпуск 1

Сборник научных статей

Издатель Национальный музей Республики Башкортостан
450008 Уфа, ул. Советская, 14. Тел. (3472) 22-12-50 ЛР 0166 от 10.04.1996

Ответственный за выпуск В. К. Федоров
Компьютерный набор И. М. Акбулатов, В. Н. Васильев, В. М. Горожанин,
Е. Дмитриева, Н. С. Савельев, Ф. А. Сунгатов, В. К. Федоров
Макет и верстка И. М. Акбулатов, В. К. Федоров

Сдано в набор 1.02.1998. Подписано в печать 14.10.98. Формат 60x80 1/8. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Услов. печ. л. 22,89. Учетн. -издат. л. 24,25. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано на ризографе НМ РБ. Участок оперативной печати.
450008 Уфа, ул. Советская, 14

Сведения об авторах

Агеев Байтимир Батырханович (1943 - 1996) - кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Акбулатов Ильдар Мударисович - генеральный директор НМ РБ

Бисембаев Арман Ауганович - старший преподаватель Актюбинского государственного университета

Богданов Сергей Вячеславович - ведущий археолог Института степи УрО РАН

Васильев Виталий Николаевич - кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Вильданов Азамат Ахатович - младший научный сотрудник отдела этнографии и антропологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Горожанин Валерий Михайлович - кандидат геологических наук, старший научный сотрудник лаборатории изотопной геологии Института геологии УНЦ РАН

Гуцалов Сергей Юрьевич - научный сотрудник отдела археологии Челябинского научного центра УрО РАН

Досымбаева Айман Медеубаевна - научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Маргулана МН-АН РК

Исмагил Р. (Исмагилов Рамиль Бакирович) - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Ишбирдин Айрат Римович - кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института биологии УНЦ РАН

Мажитов Нияз Абдулхакович - доктор исторических наук, профессор, академик АН РБ, заведующий кафедрой археологии, древней и средневековой истории Башкирского государственного университета

Мигранов Ринат Альфредович - заместитель директора Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры МК РБ

Минеева Илияна Маратовна - научный сотрудник отдела археологии НМ РБ

Савельев Никита Сергеевич - археолог сектора археологии Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры МК РБ

Сунгатов Фларит Абдулхаевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Федоров Виталий Кимович - заведующий отделом археологии НМ РБ

Яблонский Леонид Теодорович - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН